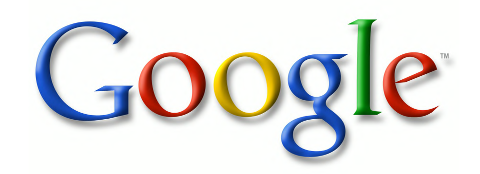
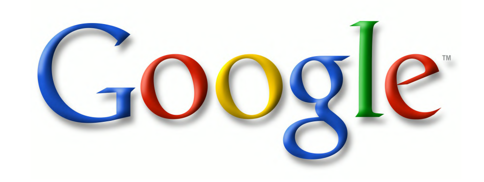
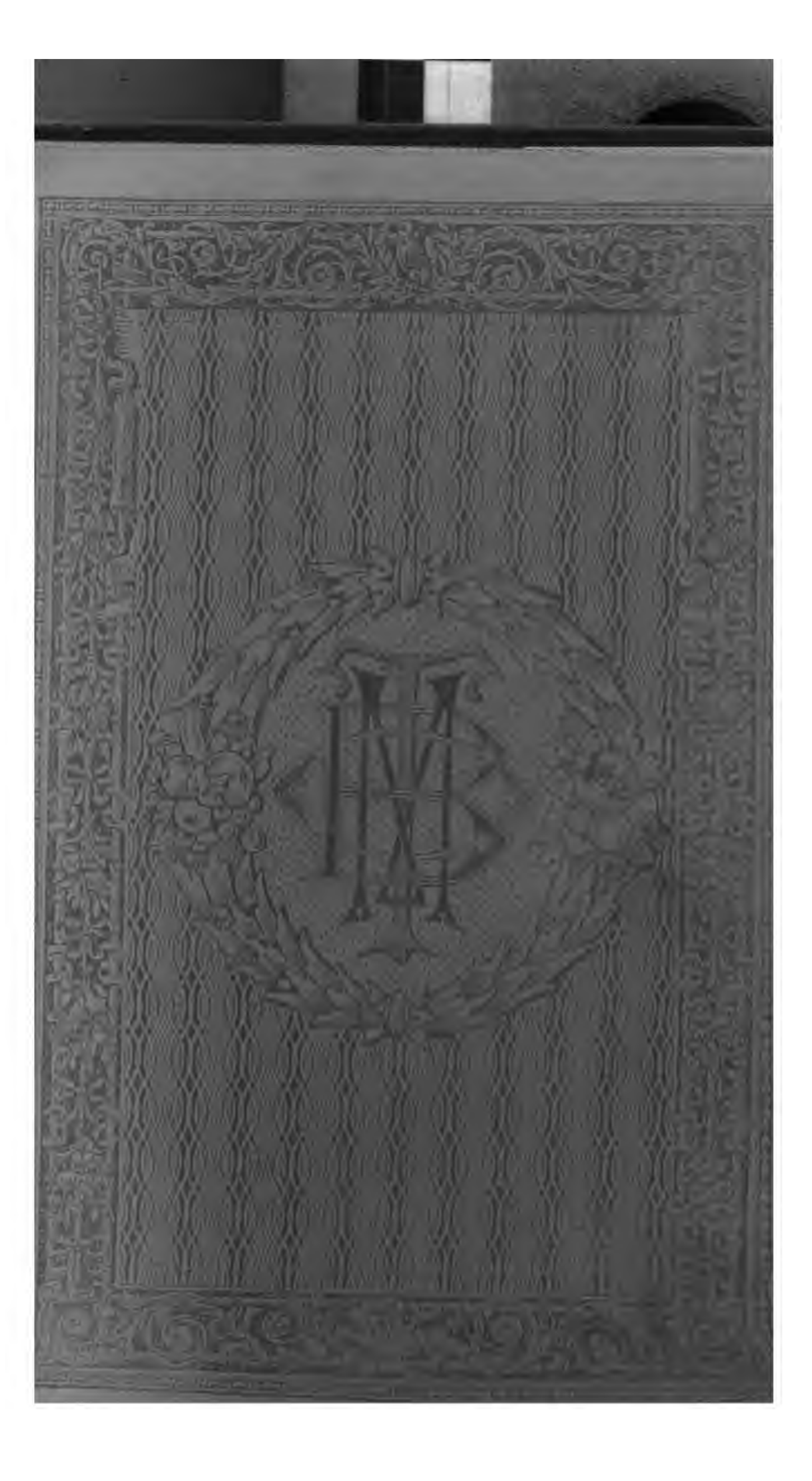
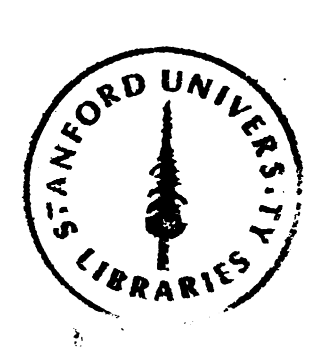




СОЧИНЕНІЯ
ЗАГОСКИНА
ТОМЪ I.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ




STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

[redacted]

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

М. Н. Загоскинъ

[redacted]

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

П. В. БЫКОВА

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ИЛИ РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1901

Дозволено цензурою. Спб. 16-го марта 1901 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗАГОСКИНЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

П. В. БЫКОВА.

Предки автора „Юрія Милославскаго“ были восточнаго происхожденія. Татаринъ Шевкалъ Загорь, послѣ крещенія Александръ Айбулатовичъ, прозывавшійся Загоско, выѣхалъ, въ 1472 году, изъ Золотой Орды въ Москву нести службу при великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ и получилъ вотчины въ Обонежской пятинѣ въ Новгородской области. У него родилось трое сыновей; двое не оставили послѣ себя потомства, а отъ послѣдняго по прямой линіи происходилъ въ девятомъ колѣнѣ Николай Михайловичъ Загоскинъ, отецъ романиста, имѣвшій шесть братьевъ и двѣ сестры. По свидѣтельству извѣстнаго Ф. Ф. Вигеля, это былъ далеко не заурядный человѣкъ, „съ самыми кипящими страстями, любилъ добродѣтель и исполненъ былъ религіозныхъ чувствъ; добросердечный, но имѣлъ много странностей, почтенный чудакъ. Безъ родителей, безъ совѣтовъ, совершенно свободный, онъ хотѣлъ оградиться отъ силы страстей неодолимымъ оплотомъ и затворился въ стѣнахъ монастыря. Тамъ болѣе года постился онъ, молился и готовъ былъ принять постриженіе, а плоть все одолѣвала духъ“. Тогда монахи посовѣтовали Загоскину оставить обитель и лучше жениться. И молодой

помѣщикъ послѣдовалъ ихъ совѣту, вступивъ въ бракъ съ пензенской дворянкой Натальей Михайловной Мартыновой. Тотъ же Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ отзывается о ней съ похвалами. „Замѣчено,—говоритъ онъ,—что тяжкія испытанія разнымъ образомъ дѣйствуютъ на людей: они болѣе раздражаютъ злыхъ, а добрыхъ научаютъ терпѣнію и снисходительности. Такъ было съ Натальей Михайловной. Почти въ ребячествѣ выдали ее за человѣка, хотя молодого, недурного собой и добраго, но весьма страннаго... Въ награду за его добродушіе, Небо послало ему дѣвочку кроткую, умную и веселую... Съ нею обрѣлъ онъ счастіе, а она только благоразуміемъ, долготерпѣніемъ и осторожностью могла, наконецъ, до него достигнуть; непримѣтно исправляя ихъ, должна была она переносить кучу странностей, которыя были слѣдствіемъ борьбы человѣческихъ слабостей съ упорною волей побѣдить ихъ. Проведя нѣсколько лѣтъ съ мужемъ въ добровольномъ заключеніи, она умѣла извлечь его изъ него вмѣстѣ съ народившимся семействомъ“. Почти съ восторгомъ говоритъ о Загоскиной и князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, поэтъ конца XVIII вѣка, служившій пензенскимъ вице-губернаторомъ во время жизни Загоскиныхъ въ своемъ имѣніи Рамзаѣ, лежащемъ верстахъ въ двадцати-пяти отъ Пензы. Онъ изображаетъ супругу Загоскина женщиной прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ, со здравымъ умомъ, „образованнымъ собственными навыками болѣе, нежели книгами“, съ пылкимъ характеромъ, вѣрной долгу, строго исполнявшей свои обязанности и притомъ красивой, плѣнительной. Она имѣла самое благотворное вліяніе на мужа, а позднѣе и на сына.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ родился 14-го іюля 1789 года, въ Рамзаѣ, гдѣ его родители жили постоянно, и въ этомъ богатомъ, съ красивымъ мѣстоположеніемъ, и замѣчательно благоустроенномъ селѣ онъ провелъ свои дѣтскіе и отроческіе годы. Свѣдѣній объ этихъ годахъ имѣется очень мало, въ смыслѣ строго фактическихъ данныхъ. Зато въ про-

изведеніяхъ Загоскина, нерѣдко изобилующихъ разными мелочами автобіографическаго характера, можно найти нѣкоторыя указанія, относящіяся къ дѣтству знаменитаго романиста. Такъ, напримѣръ, въ романѣ „Искуситель“ довольно подробно описана самая мѣстность села Рамзая, а отчасти и условія, въ какихъ росъ молодой „барчукъ“, даровитый отъ природы съ живымъ темпераментомъ, добрымъ сердцемъ, любознательный и пользовавшійся относительной свободой. Къ ученью его не принуждали, но ребенокъ, интересовавшійся всѣмъ его окружающимъ, въ особенности явленіями природы, постоянно обращался съ разными вопросами къ своему дядькѣ, заставляя также его и другихъ лицъ разсказывать ему сказки, которыя Миша, какъ называли будущаго писателя въ семьѣ, очень любилъ. Эта любовь къ сказкамъ и страшнымъ исторіямъ сохранилась въ немъ навсегда. „Не могу сказать — писалъ онъ въ предисловіи къ первому изданію своихъ „Повѣстей“ — какое наслажденіе чувствую я всякій разъ, когда слушаю повѣсть, отъ которой волосы на головѣ моей становятся дыбомъ, сердце замираетъ, морозъ подираетъ по кожѣ, Пусть себѣ господа ученые, эти холодные розыскатели истины, эти Ѳомы невѣрные... смѣются надъ моимъ легковѣріемъ: я не промѣняю на ихъ сухіе математическіе выводы, на ихъ замороженный здравый смыслъ мои дѣтскія, но живыя и теплыя мечты“.

Довольно рано проявилось въ Загоскинѣ влеченіе къ книгамъ. Страстная любовь къ чтенію, жажда знаній были въ немъ такъ сильны, что онъ, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, „живя въ деревнѣ, мало раздѣлялъ обыкновенныя дѣтскія забавы своихъ сверстниковъ, хотя отъ природы былъ рѣзовъ и веселъ; ребяческой проказливости онъ не имѣлъ никогда, всегда былъ богомоленъ и любилъ ходить въ церковь“. Эту набожность, несомнѣнно, онъ унаслѣдовалъ отъ отца, который, какъ мы видѣли, хотѣлъ въ молодости даже сдѣлаться монахомъ. „Почти все свое время юный Загоскинъ — говоритъ далѣе Аксаковъ — посвящалъ книгамъ, такъ что

окружавшіе боялись, чтобы отъ безпрестаннаго чтенія онъ не потерялъ совсѣмъ зрѣнія, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчикъ находилъ разныя средства къ удовлетворенію своей склонности. Между прочимъ, онъ употреблялъ слѣдующую хитрость: когда отецъ его входилъ въ свой, постоянно запертый, кабинетъ, въ которомъ помѣщалась библіотека, и оставлялъ за собою дверь незапертою, что случалось довольно часто, то Миша пользовался такими благопріятными случаями, прокрадывался потихоньку въ кабинетъ и прятался за ширмы, стоявшія подлѣ дверей; когда же отецъ, не замѣтивши его, уходилъ изъ кабинета и запиралъ за собою дверь—Миша оставался полнымъ хозяиномъ библіотеки и вполнѣ удовлетворялъ своей страсти; онъ съ жадностью читалъ все, что ни попадалось ему въ руки, и не помнилъ себя отъ радости. Онъ оставался въ кабинетѣ иногда по нѣсколько часовъ, то-есть до прихода отца... Миша уходилъ потихоньку и нерѣдко уносилъ недочитанную книгу. Наконецъ, хитрость эта была открыта... Отецъ, видя въ сынѣ такое необыкновенное стремленіе къ чтенію и образованію, чего, конечно, не могъ не одобрить, разрѣшилъ ему брать книги изъ библіотеки съ его позволенія; книги выбирались преимущественно историческія". Но раньше этого разрѣшенія юный Загоскинъ успѣлъ прочесть нѣсколько романовъ Анны Радклифъ, наполненныхъ ужасами и привидѣніями, драмъ Коцебу, одно время пользовавшагося рѣдкой популярностью въ Россіи, а въ средѣ истинно образованныхъ людей возбуждавшаго своей „коцебятиной" безконечныя насмѣшки, и цѣлый рядъ историческихъ сочиненій, начиная отъ Карамзина и до Флавія и Квинта Курція включительно.

Безъ сомнѣнія, романы Радклифъ и лже-патріотическія пьесы Августа Коцебу сдѣлали свое дѣло: они оставили слѣдъ въ душѣ и памяти Загоскина навсегда, развивъ въ его талантѣ склонность къ чудесному и стремленіе до нѣкоторой степени смотрѣть на жизнь съ исторической точки зрѣ-

нія—съ одной стороны, и узкій консерватизмъ—съ другой. Отсюда эта наивность у Загоскина въ изображеніи лицъ и событій, присущая англійской исторической романисткѣ, отсюда и дѣланность, и напускная сентиментальность многихъ произведеній Загоскина—черты, характеризующія „коцебятину" нѣмецкаго писателя. Коцебу подвизался въ защитѣ устарѣлыхъ образцовъ жизни, принималъ живое участіе въ движеніи представителей отсталости. И его понятія въ достаточной степени восприняль и Загоскинъ, ненавидѣвшій всякіе признаки движенія впередъ, малѣйшія сопротивленія застою. Загоскинъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ отличался большой впечатлительностью, и немудрено, что писатели, которыхъ онъ усердно поглощалъ въ дѣтствѣ, сохранили свое вліяніе и въ зрѣлые годы русскаго романиста, выкупавшаго недостатки своихъ произведеній необыкновенной искренностью убѣжденій, честностью, даровитостью и своеобразной задушевностью тона.

Подъ вліяніемъ чтенія мысль, чувство и фантазія развились въ молодомъ Загоскинѣ довольно рано и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонность и способность къ сочинительству не замедлили проявиться также очень скоро. Ему не было полныхъ одиннадцати лѣтъ, когда онъ написалъ трагедію въ трехъ дѣйствіяхъ, какими-то „сибаллическими" стихами съ риѳмами, подъ заглавіемъ „Леонъ и Зыдея", а вслѣдъ за ней повѣсть „Пустынникъ". „Многіе,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—которымъ отецъ Загоскина давалъ читать повѣсть, не хотѣли вѣрить, что это было написано Мишей..." Блистательный успѣхъ ободрилъ „Мишу" на дальнѣйшія попытки творчества. И ихъ было не мало, но всѣ эти „грѣхи молодости" до первой комедіи, появившейся въ печати, куда-то исчезли, о чемъ впослѣдствіи авторъ очень сожалѣлъ, „любопытствуя знать, какое было направленіе его дѣтскаго авторства".

Когда Загоскину исполнилось тринадцать лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ, чтобы, по обычаю того времени, опредѣлить на службу. Порученъ онъ былъ заботамъ своего родственника Ф. Ф. Вигеля, который говоритъ въ своихъ

„Воспоминаніяхъ“, что къ этому времени образованіе Загоскина не только не было окончено, но даже едвали было начато. И надо думать, оно ограничивалось лишь тѣми знаніями, какія онъ пріобрѣлъ путемъ чтенія, — чтенія безъ всякаго разбора, безъ системы. По разсказу Вигеля, Загоскинъ сохранялъ въ это время странности, привитыя ему первоначальнымъ воспитаніемъ и первыми примѣрами; ихъ не изгладило ни время, „ни треніе объ людей высшихъ сословій“. „Имя Миши,—повѣствуетъ далѣе Вигель,—коимъ звали его, было ему весьма прилично: дюжій и неуклюжій, какъ медвѣженокъ, имѣлъ онъ довольно суровое, но свѣжее и красивое личико. Мнѣ онъ не нравился по тѣмъ-же самымъ причинамъ, по коимъ многіе и теперь имѣютъ несправедливость не любить его: прежде не зналъ онъ существованія приличій свѣта, а послѣ мало о нихъ заботился. Многіе и тогда обижались слишкомъ фамильярнымъ его обхожденіемъ: какъ истинно русскій весельчакъ, любилъ онъ всегда безъ желчи, безъ злости, безъ малѣйшаго дурного умысла, подшучивать въ глаза надъ слабостями людей и, такимъ образомъ, задѣвая самыя чувствительныя струны ихъ самолюбія, часто творилъ изъ нихъ самыхъ непримиримыхъ себѣ враговъ; потомъ онъ-же удивлялся и готовъ былъ сказать: „да, кажется, за что-бы?“ Не только тогда, но и гораздо послѣ не могъ я подозрѣвать удивительнаго, оригинальнаго таланта, который такъ внезапно и ярко въ немъ развился; при всегдашней его разсѣянности, которая давала ему видъ легкомыслія, могъ ли я предполагать въ немъ тѣ постоянныя, глубокія наблюденія, кои снабдили сочиненія его столь живыми, вѣрно изображенными картинами“.

Поселившись въ столицѣ, въ очень скромной и тѣсной квартиркѣ, Загоскинъ опредѣлился въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова скромнымъ канцеляристомъ, а черезъ нѣсколько времени перевелся въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, откуда перемѣщенъ былъ въ государственный заемный банкъ, изъ котораго вновь перешелъ въ горный

департаментъ и въ 1811 году получилъ чинъ губернскаго секретаря съ назначеніемъ помощникомъ столоначальника. „Нельзя предположить,—говоритъ Аксаковъ—чтобъ въ это десятилѣтнее пребываніе и служеніе въ Петербургѣ Загоскинъ не занимался литературою. Къ сожалѣнію, никакихъ точныхъ свѣдѣній я объ этомъ получить не могъ. Знаю только положительно, что именно въ это время Загоскинъ старался вознаградить недостатокъ своего образованія, что, при вступленіи въ военную службу, онъ зналъ уже по-французски и нѣсколько по-нѣмецки. Знаю также и то, что именно въ это время Загоскинъ очень нуждался въ средствахъ къ существованію, и что нерѣдко находился въ совершенной крайности вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ дядькой и слугой, Прохоромъ Кондратьичемъ, котораго вывелъ впослѣдствіи въ романѣ „Мирошевъ“. Отецъ Загоскина не поддерживалъ его матеріально и молодой человѣкъ принужденъ былъ содержать себя и слугу единственно на получаемые имъ сто рублей въ годъ жалованья. И такія трудныя обстоятельства длились около десяти лѣтъ, т.-е. съ 1802 по 1811 годъ включительно.

Вспыхнувшая отечественная война 1812 года расшевелила апатичное русское общество и пробудила въ немъ пламенный патріотизмъ. Люди служивые и свободные, даже и тѣ, кто не имѣлъ понятія о полѣ брани, спѣшили записываться въ ополченіе. Воодушевленіе достигло крайнихъ предѣловъ. Молодой, пылкій, увлекающійся Загоскинъ, вдобавокъ воспитанный въ русскомъ направленіи, по выраженію Аксакова, „горѣлъ нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью свою горячую любовь къ отчизнѣ“ и, бросивъ канцелярскую службу, которая, вообще, была ему не по душѣ, 9-го августа 1812 года записался въ петербургское ополченіе, офицеромъ, поступивъ подъ команду графа Виттенштейна, въ его корпусъ, долженствовавшій служить прикрытіемъ столицы. 6-го октября ополченіе участвовало въ сраженіи при отбитіи Полоцка; Загоскинъ былъ раненъ въ ногу и за храбрость получилъ орденъ Анны 4-й степени на шпагу, съ увольненіемъ

въ отпускъ для излеченія. По выздоровленіи, онъ вернулся въ свой полкъ и, согласно желанію графа Левиза, былъ назначенъ къ послѣднему адъютантомъ и въ этомъ званіи выдержалъ всю кампанію до самой сдачи Данцига. „Съ прекрасной наружностью, внушавшей расположеніе и довѣренность, вспыльчивый, живой, откровенный, добрый и постоянно веселый—говорится у Аксакова—Загоскинъ былъ любимъ товарищами и всѣми его окружавшими. Истинный русакъ, исполненный добродушнаго комизма, онъ имѣлъ множество самыхъ смѣшныхъ столкновеній съ нѣмцами въ продолженіе долгой осады Данцига. Онъ любилъ объ этомъ разсказывать даже въ немолодыхъ своихъ годахъ, и разсказывалъ такъ оригинально, живо и забавно, что увлекалъ всѣхъ своихъ слушателей, и громкимъ смѣхомъ выражалась общая, искренняя веселость. Нѣкоторыя происшествія, описанныя Загоскинымъ въ четвертомъ томѣ „Рославлева“, дѣйствительно случились съ нимъ самимъ, или съ другими его сослуживцами, при осадѣ Данцига“.

Когда, по сдачѣ Данцига, петербургское ополченіе было распущено, Загоскинъ не пожелалъ оставаться въ военной службѣ и уѣхалъ въ свое родовое помѣстье, въ Рамзай. Здѣсь онъ снова отдался чтенію и взялся за перо и, въ томъ-же, 1814 году, написалъ, подъ вліяніемъ чтенія французскихъ авторовъ, свое первое, зрѣлое, драматическое произведеніе—одноактную комедію „Проказникъ“. Отзывы близкихъ знакомыхъ, которымъ онъ читалъ пьесу, неудовлетворяли его, и онъ рѣшился отдать ее на судъ князя А. А. Шаховского, извѣстнаго драматурга, служившаго при петербургскомъ казенномъ театрѣ репертуарнымъ членомъ. Пріѣхавъ въ самомъ началѣ 1815 года въ Петербургъ и поступивъ снова въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, Загоскинъ при письмѣ отъ неизвѣстнаго, послалъ свою комедію князю Шаховскому, который и поставилъ ее на сцену, по свидѣтельству Пимена Николаевича Арапова, знаменитаго театральнаго лѣтописца, 15-го декабря 1815 года. „Проказникъ“—

говоритъ Араповъ—былъ написанъ хорошей разговорной прозой, какъ и всѣ сочиненія Загоскина, но не отдѣлялся отъ посредственности. Шаховской очень хвалилъ пьесу: это была только дань благодарности за обязательный панегирикъ, которымъ Загоскинъ вознесъ похвалою „Урокъ кокеткамъ“ (князя Шаховского); „Проказникъ“ былъ представленъ всего два раза“.

По другимъ источникамъ „Проказникъ“ шелъ всего разъ и безъ всякаго успѣха. На это есть прямое указаніе въ „Лубочномъ театрѣ“ Грибоѣдова, гдѣ великій драматургъ нашъ, осмѣивая Загоскина, съ которымъ имѣлъ нѣкоторые счеты, говоритъ: „Вотъ вамъ его „Проказникъ“; спроказилъ онъ неловко; разъ упалъ, да и не всталъ“. Н. В. Сушковъ бездарный графоманъ, проникнутый булгаринскимъ направленіемъ и получившій извѣстность, благодаря четырехстишію Щербины: „Слышны вопли, стонъ и клики лучшихъ родины сыновъ: „Умеръ Гоголь нашъ великій, живъ и здравствуетъ Сушковъ!“—утверждаетъ, будто пьеса Загоскина совсѣмъ не была поставлена на сцену и что Загоскинъ, прежде чѣмъ дать эту вещь Шаховскому, принесъ ему другую свою пьесу: „Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ“, являвшуюся похвалой драматическимъ произведеніямъ князя Шаховского. Но это очевидная клевета. „Я не знаю этой пьесы:—пишетъ Аксаковъ—ее играли на театрѣ съ посредственнымъ успѣхомъ, и она никогда не была напечатана; но впослѣдствіи я слышалъ отъ князя Шаховского, что онъ былъ пріятно изумленъ, когда между десятками бездарныхъ произведеній попалась ему въ руки эта небольшая комедія, въ которой онъ замѣтилъ много живости и неподдѣльной веселости“. Князь Шаховской съ этого времени сталъ близкимъ пріятелемъ и покровителемъ Загоскина, а позднѣе самымъ искреннимъ другомъ. Съ Шаховскимъ его связывала также и принадлежность автора „Липецкихъ водъ“ къ партіи консервативной. Въ его защиту была написана Загоскинымъ „Комедія противъ комедіи“, гдѣ, по свидѣтельству Вигеля, „хотя не совсѣмъ остроумно, досталось всѣмъ“.

Этой пьесой Загоскинъ, съ одной стороны, нажилъ себѣ литературныхъ враговъ, а съ другой — пріобрѣлъ немало и друзей, конечно, главнымъ образомъ, среди литературныхъ „старовѣровъ“ или, правильнѣе сказать, людей чисто русскаго направленія, во главѣ которыхъ тогда стоялъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Какъ бы то ни было, но это произведеніе Загоскина, дававшееся очень часто и очень нравившееся публикѣ, впервые создало ему имя, дало начало извѣстности молодого писателя.

21-го мая 1816 года Загоскинъ оставилъ службу въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и женился на сестрѣ камергера Высочайшаго Двора, управлявшаго московскими театрами — Аннѣ Дмитріевнѣ Васильцовской, а въ слѣдующемъ году назначенъ былъ помощникомъ члена репертуарной части при дирекціи Императорскихъ театровъ. Въ этомъ же году имъ написано и поставлено на сцену нѣсколько новыхъ пьесъ: „Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ“—комедія въ пяти дѣйствіяхъ, „Вечеринка ученыхъ“, и двѣ интермедіи: „Макарьевская ярмарка“ и „Лебедянская ярмарка“. Изъ нихъ особеннымъ успѣхомъ пользовались комедіи: „Богатоновъ“ и „Вечеринка ученыхъ“. Первая, по словамъ П. Н. Арапова, „утвердила самобытность комическаго таланта Загоскина“. Эту комедію особенно хвалитъ Аксаковъ. „Принявъ въ соображеніе,—говоритъ онъ,—что всѣ условія французской комедіи, чтимыя и уважаемыя безпрекословно самыми умными тогдашними людьми, теперь скучны и невыносимы даже въ Мольерѣ, что Мольеръ въ малѣйшихъ подробностяхъ считался тогда непогрѣшимымъ образцомъ, что Загоскинъ, разумѣется, благоговѣйно шелъ по тѣмъ же слѣдамъ — надобно признать немало дарованія въ сочинителѣ, если его талантъ пробивается сквозь всю эту пору. Читая „Богатонова“, именно чувствуешь почти на каждой страницѣ это, такъ сказать, „проступаніе“ природнаго комическаго дарованія; нѣкоторыхъ сценъ и теперь нельзя прочесть безъ смѣха, а живая человѣческая рѣчь слышна у всѣхъ, даже иногда у

добродѣтельныхъ людей... Несмотря на невыгодное время своего появленія, „Богатоновъ“ очень понравился... Самобытность таланта въ Загоскинѣ была признана всѣми“. Такой же успѣхъ въ публикѣ имѣла пьеса „Вечеринка ученыхъ“.

Въ началѣ 1817 года извѣстный писатель П. А. Корсаковъ затѣялъ изданіе журнала „Русскій Пустынникъ, или Наблюдатель отечественныхъ нравовъ“, и Загоскинъ сдѣлался его сотрудникомъ. Спустя полгода журналу дано было новое названіе — „Сѣверный Наблюдатель“, нравственное, сатирическое, литературное и политическое изданіе; Загоскинъ, за болѣзнью Корсакова, сталъ фактическимъ издателемъ-редакторомъ журнала, и, по свидѣтельству Аксакова, помѣстилъ въ немъ множество статей, подписанныхъ буквами и псевдонимами, зачастую работая день и ночь. Между прочимъ, онъ велъ здѣсь театральный отдѣлъ, при чемъ всегда стремился выказать полное безпристрастіе при разборѣ пьесъ и друзей своихъ и самыхъ ярыхъ противниковъ. Эти отзывы интересны также какъ образцы литературнаго вкуса и понятій Загоскина. Въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ помѣщенъ рядъ его сатирическихъ очерковъ, отрывокъ изъ его романа „Неравный бракъ“ и нѣсколько полемическихъ статей, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ „Сына Отечества“ и его временнаго редактора, А. Е. Измайлова, извѣстнаго баснописца, замѣнявшаго Н. И. Греча, за отъѣздомъ послѣдняго за границу.

Въ исходѣ того же, 1817, года послѣдовало назначеніе Загоскина на должность помощника члена репертуарной части с.-петербургскихъ театровъ на мѣсто П. А. Корсакова, въ которой онъ прослужилъ около года, перейдя затѣмъ на штатную вакансію помощника библіотекаря, съ жалованьемъ, при Императорской Публичной Библіотекѣ. Здѣсь онъ дѣятельно занимался приведеніемъ нашего замѣчательнаго книгохранилища въ порядокъ и участвовалъ въ составленіи его каталога русскихъ изданій. 5-го іюля 1820 года онъ оставилъ службу въ этой должности и былъ переименованъ въ

прежнее званіе почетнаго библіотекаря и вскорѣ переѣхалъ въ Москву. До отъѣзда онъ написалъ небольшую пьесу „Романъ на большой дорогѣ“, осмѣявъ въ ней тогдашнее сентиментальное и фантастическое направленіе въ литературѣ, и комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ „Добрый малый“, которая была признана, и литературой и публикой, лучшимъ драматическимъ произведеніемъ Загоскина, изъ всего написаннаго имъ до тѣхъ поръ. Къ этому времени относится и избраніе его (29-го декабря 1819 г.) въ дѣйствительные члены Общества Любителей Россійской Словесности.

Въ Москвѣ, гдѣ прошла вся остальная дѣятельность его, Загоскинъ поселился у своего тестя старика Новосильцева, который „нрава былъ крутого, строгаго“, всячески стѣснялъ зятя, поселилъ его въ тѣсномъ мезонинѣ съ женой и дѣтьми и вызывалъ на постоянныя ссоры. Денежныя обстоятельства писателя были тогда плохи, состояніе духа мрачное, угнетенное, вызываемое его „положеніемъ посреди избалованнаго, наглаго лакейства, въ домѣ господина, представлявшаго въ себѣ отраженіе стариннаго русскаго капризнаго барина екатерининскихъ временъ, повидимому не слишкомъ уважавшаго своего зятя“. Это свидѣтельствуетъ С. Т. Аксаковъ, съ которымъ Загоскинъ познакомился около этого времени, сведя близкое знакомство также и съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, съ которымъ встрѣчался еще въ Петербургѣ. Кокошкинъ стоялъ во главѣ цѣлаго литературнаго кружка, и послѣдній встрѣтилъ Загоскина очень радушно и какъ писателя, и какъ человѣка, съ его открытымъ, незлобивымъ, добродушнымъ и веселымъ характеромъ. Угнетаемый дома, Загоскинъ беззаботно и пріятно проводилъ время въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, участвовалъ въ домашнихъ спектакляхъ, что дало ему матеріалъ для его пьесы „Благородный театръ“. Веселая свѣтская жизнь не мѣшала ему, однако, продолжать литературныя занятія. Никогда не написавъ ни одной риѳмованной строчки съ размѣромъ, Загоскинъ, послѣ какого-то спора, въ которомъ его уличали въ непониманіи стиховъ,

принялся за изученіе стихосложенія и довольно скоро доказалъ всю даровитость своей натуры. Онъ написалъ прекрасное и довольно длинное „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу". Свѣжіе, легкіе, звучные шестистопные ямбы его, да еще съ отличными риѳмами, привели въ изумленіе всѣхъ. За посланіемъ послѣдовали, также написанныя отличными стихами, сатирическія пьески: „Авторская клятва" и „Выборъ невѣсты". Онѣ были читаны въ „Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія" въ Петербургѣ, и вотъ что писалъ о нихъ Н. И. Гнѣдичъ (въ апрѣлѣ 1821 г.) Загоскину: Послѣ „Авторской клятвы" я уже перестану и удивляться твоимъ истинно блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичъ... но удовольствіе Крылова при слушаніи „Авторской клятвы" вѣрно лучшая тебѣ порука за достоинство пьесы, основанной на дѣйствіи и характерахъ и написанной живо и чисто. Самая же пьеса порука намъ, что ты подаришь театръ комедіей въ стихахъ". Ожиданія славнаго переводчика „Илліады" вполнѣ оправдались. Загоскинъ написалъ пьесы: „Урокъ холостымъ или Наслѣдники" и „Деревенскій философъ", поставленныя въ 1822 и 1823 гг. и принятыя публикой съ восхищеніемъ, особенно первая. „Стихи въ этой пьесѣ — говоритъ Аксаковъ о „Наслѣдникахъ" — такъ хороши, что и теперь можно ихъ прочесть съ удовольствіемъ. Конечно, тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но въ этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все ихъ достоинство. Стихи Загоскина, напротивъ, при всей легкости разговорнаго языка, не пусты: въ нихъ есть содержаніе, сила, и мысль укладывается въ стихѣ вся безъ остатка и безъ натяжки. Въ пьесѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, которыя бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо, вся ровна".

Въ 1822 году, неопредѣленное положеніе Загоскина окончилось. 18-го мая онъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ съ исправленіемъ должности экспедитора по театральному отдѣленію. Но чтобы съ честью занимать это мѣсто, онъ долженъ

былъ, для пріобрѣтенія правъ по службѣ, а равно и для пополненія пробѣловъ своего образованія, недостаточность котораго самъ хорошо сознавалъ, выдержать экзаменъ на чинъ коллежскаго ассесора и получить аттестатъ. Къ этому экзамену онъ сталъ готовиться съ настойчивостью, ему присущей, около полутора года. Посвящая все свободное отъ службы время занятіямъ, онъ, по словамъ Аксакова, „трудился съ такою добросовѣстностью, что даже вытвердилъ наизусть римское право“. Самъ Загоскинъ писалъ Гнѣдичу: „Я учусь геометріи, физикѣ, правамъ, статистикѣ, исторіи“... Онъ просилъ профессоровъ, чтобы его экзаменовали какъ можно строже—и выдержалъ экзаменъ блистательно. 30-го марта 1823 г. Загоскинъ былъ назначенъ членомъ по хозяйственной части въ конторѣ дирекціи Московскаго театра и за полнымъ недосугомъ почти ничего не печаталъ до 1828 года, написавъ сатирическую пьеску „Посланіе къ Людмилу“, имѣющую большое автобіографическое значеніе, небольшой отрывокъ „День перваго представленія новой комедіи“ и водевиль „Репетиція на станціи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работалъ надъ лучшею изъ своихъ комедіей, надъ „Благороднымъ театромъ“, которую задумалъ еще въ началѣ своего пріѣзда въ Москву, когда онъ самъ принималъ участіе въ устройствѣ любительскихъ спектаклей.

Комедія „Благородный театръ“, поставленная на московской сценѣ въ 1828 году, имѣла успѣхъ неслыханный, благодаря свѣжей фабулѣ, литературнымъ достоинствамъ, прекрасной постановкѣ и отличному исполненію. По свидѣтельству Аксакова, видѣвшаго ее на сценѣ, „эта пьеса имѣла самый полный, самый огромный успѣхъ: зрители задыхались отъ смѣха, хохотъ мѣшалъ хлопать, и громъ рукоплесканій вырывался только по временамъ, особенно по окончаніи каждаго акта; только въ послѣдующія представленія неумолкаемыя рукоплесканія раздавались вмѣстѣ со смѣхомъ. Комедія вполнѣ стоила такого успѣха—не по мыслѣ, не потому, что *исполнена* такой неистощимой веселости, живости, естествен-

ности, до того проникнута комизмомъ характеровъ, положеній и рѣчей, написана такими прекрасными стихами, что собственно въ этихъ отношеніяхъ не имѣетъ себѣ равной". Позднѣйшіе критики также почти единодушно признали „Благородный театръ" — самой выдающейся пьесой Загоскина, образцовой по комизму, выдержанности характеровъ и простому, отличному стихотворному языку. Загоскинъ обладалъ безспорно большимъ комическимъ талантомъ, и самой привлекательной чертой этого таланта была неподдѣльная, полная добродушія, истинно русская веселость, „которая поэтому инстинктивно понимается и очень цѣнится каждымъ русскимъ человѣкомъ". При страстной любви своей къ театру, Загоскинъ изучилъ до тонкостей малѣйшія требованія его, каждая пьеса шла у него съ возрастающей занимательностью и, несмотря на то, что онъ не отступалъ отъ условныхъ пріемовъ французскихъ комедій, идя дорогой уже избитой и новаго пути не проложивъ,—почти всѣ его драматическія произведенія невольно вызывали участіе зрителей. Къ этому времени относится написанное Загоскинымъ либретто для оперы А. Н. Верстовскаго „Панъ Твардовскій" на сюжетъ, заимствованный изъ старой польской легенды.

Въ исходѣ двадцатыхъ годовъ Вальтеръ-Скоттъ, „геніальный шотландецъ", невольно завладѣлъ умами едва ли не всей Европы, заставивъ своихъ современниковъ учиться исторіи по своимъ удивительнымъ романамъ. Вліяніе его въ значительной степени отразилось и въ русскомъ образованномъ обществѣ. Вотъ тогда-то и Загоскинъ „обратилъ всю дѣятельность гибкаго дарованія своего на эту отрасль литературы, которая и признала его у насъ своимъ родоначальникомъ". Задумавъ историческій романъ, онъ долго готовился къ нему, обдумывая содержаніе, выбирая эпоху, читая массу историческихъ документовъ и рѣшительно все, прямо или косвенно къ ней относящееся и принялся писать съ особеннымъ жаромъ. Наконецъ, въ 1829 году, появился „Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году",—романъ въ трехъ частяхъ. Это было

настоящее литературное событіе, составившее эпоху въ жизни Загоскина во всѣхъ отношеніяхъ. „Восхищеніе было общее, единодушное:—говоритъ Аксаковъ—не много находилось людей, которые не вполнѣ его раздѣляли. Публика обѣихъ столицъ и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная пришла въ совершенный восторгъ. Впослѣдствіи, не такъ скоро, но прочно, безъ восторга, но съ какимъ-то умиленіемъ начала читать и читаетъ до сихъ поръ „Юрія Милославскаго“ вся грамотная Русь... и читаетъ она его не даромъ: русскій умъ, духъ и складъ рѣчи впервые послышались на Руси въ этомъ романѣ. Всѣ обрадовались „Юрію Милославскому, какъ общественному пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы—обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; кто были въ отсутствіи—писали къ нему. Всякій день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія“.

Торжество отца русскаго историческаго романа было полное. Цвѣтъ и краса отечественной словесности показывали всѣ знаки вниманія Загоскину, осыпали его похвалами. „Вотъ что со мной случилось:—писалъ ему Жуковскій—получивъ вашу книгу, я раскрылъ ее съ нѣкоторой недовѣрчивостью, съ тѣмъ только, чтобы заглянуть въ нѣкоторыя страницы, получить какое-нибудь понятіе о слогѣ вообще; но съ первой страницы перешелъ я на вторую, вторая заманила меня на третью, и вышло, наконецъ, что я всѣ три томика прочиталъ въ одинъ присѣстъ, не покидая книги до поздней ночи. Это для меня рѣшительное доказательство достоинства вашего романа“. А вотъ что сказано въ письмѣ Пушкина къ Загоскину отъ 11 января 1830 года: „Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку „Юрія Милославскаго“—лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ

лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его... Въ „Литературной Газетѣ“ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго... Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, то-есть дай Богъ вамъ многіе романы“. Но въ „Литературной Газетѣ“ появилась замѣтка не Погорѣльскаго, т.-е. гр. А. А. Перовскаго, автора романовъ: „Монастырка“, „Черная курица“ и друг., а самого Пушкина. „Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ,—писалъ великій поэтъ.—Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши—все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму, обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла“. Замѣтивъ затѣмъ недостатки романа, слабое изображеніе историческихъ лицъ, нѣкоторые анахронизмы, и проч., Пушкинъ говоритъ въ заключеніе: „Но сіи мелкія погрѣшности... не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху „Юрія Милославскаго“.

Баснописецъ И. И. Дмитріевъ, драматургъ князь А. А. Шаховской, Н. И. Гнѣдичъ, И. А. Крыловъ, А. Н. Оленинъ и другіе также выражали горячія симпатіи и искренно привѣтствовали Загоскина за его талантливое произведеніе, встрѣченное живымъ сочувствіемъ и за границей. Вальтеръ Скоттъ, Проспeръ Мериме и фонъ-Ольбергъ, въ лестныхъ письмахъ къ Загоскину, привѣтствовали торжество новаго таланта. Здѣсь кстати будетъ прибавить, что „Юрій Милославскій“ былъ переводимъ нѣсколько разъ на языки фран-

цузскій, англійскій, нѣмецкій, итальянскій, голландскій, испанскій, чешскій, а на русскомъ выдержалъ болѣе десяти изданій, вызвавъ цѣлый рядъ подражаній и поддѣлокъ. С. Т. Аксаковъ и въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1830 года и позднѣе, спустя двадцать лѣтъ слишкомъ, находилъ большія достоинства въ романѣ Загоскина. „Юрій Милославскій“—по его мнѣнію—и теперь считается самымъ лучшимъ произведеніемъ его. Свѣжесть прекраснаго таланта, новость характеровъ, въ первый разъ выступившихъ на сцену русскаго романа, а всего болѣе жизнь, вездѣ разлитая, и неподдѣльная веселость русскаго ума, придають столько достоинства роману, что въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ первое мѣсто въ русской литературѣ... Большая часть сценъ его написана съ увлекательной живостью, и всѣ лица, кромѣ героя и героини, лица живыя, характерныя... Лицо же юродиваго Мити стоитъ выше всѣхъ и можетъ назваться художественнымъ созданіемъ... Не въ одной живости и веселости разсказа, не въ легкости языка надобно искать причины успѣха романа, а въ томъ, что весь романъ проникнутъ русскимъ духомъ, народностью... Вотъ отчего при чтеніи забываются, не примѣчаются его недостатки, въ отношеніи къ искусству и, можетъ-быть, глубинѣ взгляда на историческую эпоху... И вотъ почему можно назвать Загоскина народнымъ писателемъ... Я встрѣчалъ простолюдиновъ, которые знаютъ не одного только „Юрія Милославскаго, но и выходившіе послѣ романы и повѣсти Загоскина“.

И Бѣлинскій отдалъ должное роману Загоскина. „Юрій Милославскій“—писалъ онъ въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ въ „Молвѣ“ 1834 года—былъ первымъ хорошимъ русскимъ романомъ. Не имѣя художественной полноты и цѣлости, онъ отличается необыкновеннымъ искусствомъ въ изображеніи быта нашихъ предковъ, когда этотъ бытъ сходенъ съ нынѣшнимъ, и проникнутъ необыкновенною теплотою чувства. Присовокупите къ этому увлекательность разсказа, новость избраннаго поприща, на которомъ онъ не имѣлъ себѣ

ни образца, ни предшественника, и вы поймете причину его необычайнаго успѣха. И позднѣе славный критикъ оставался при томъ же мнѣніи, говоря, что „Юрій Милославскій“ явился очень вовремя, когда всѣ требовали русскаго и русскаго: вотъ причина его необыкновеннаго успѣха... Всѣ лица романа — осуществленіе личныхъ понятій автора; всѣ они чувствуютъ его чувствами, понимаютъ его умомъ... И, однакожъ, романъ произвелъ въ публикѣ фуроръ: онъ былъ первая попытка на русскій историческій романъ; сверхъ того, въ немъ много теплоты и добродушія, которыя сдѣлали его живымъ и одушевленнымъ; разсказъ легкій, льющійся, увлекательный: ничему не вѣрите, а читаете словно „Тысячу и одну ночь“. Его и теперь можно перелистовать съ удовольствіемъ“... Позднѣйшіе критики гораздо холоднѣе относятся къ „Юрію Милославскому“, находя, что Загоскинъ, несмотря на всю искреннюю любовь свою къ русскому народу, плохо понялъ народность, которой онъ хотѣлъ сослужить службу, и поэтому наговорилъ немало дѣтски-наивныхъ вещей,—что его герои, большей частью, безцвѣтны, а содержаніе носитъ характеръ довольно слащавый. Такъ, между прочимъ, взглянулъ на этотъ романъ и вообще на произведенія Загоскина Аполлонъ Григорьевъ. Тѣмъ не менѣе и эти критики отдаютъ должное Загоскину и вполнѣ оправдываютъ успѣхъ романа, своевременность появленія его, признаютъ, что Загоскинъ сказалъ *свое слово* въ литературѣ. Одинъ изъ критиковъ пятидесятыхъ годовъ находитъ, что Загоскинъ дурно и пристрастно оцѣненъ русской критикой, но зато вполнѣ заслуженно оцѣненъ русскимъ обществомъ. У Загоскина, по его мнѣнію, много изящества въ отдѣлкѣ деталей, много той прелести, которую онъ умѣетъ разлить на безчисленные отдѣльные эпизоды, передъ которыми, порою, меркнетъ даже интересъ цѣлаго. Любопытенъ отзывъ П. А. Плетнева, огромнаго знатока литературы. „Во всякомъ романѣ Загоскина — говоритъ онъ — есть неотъемлемыя красоты или въ описаніи нравовъ, или въ чертахъ историческихъ характеровъ,

или въ заманчивости расположенія событія, или въ краскахъ мѣстности; но „Юрій Милославскій“ вышелъ изъ этой группы ничѣмъ и никѣмъ не побѣжденный. Надобно сознаться, что кромѣ свѣжести, естественнаго украшенія первенцовъ воображенія и таланта, этотъ романъ отличается отъ всѣхъ счастливѣйшимъ выборомъ эпохи, мѣстности и характеровъ— трехъ принадлежностей, которыхъ неудачи въ состояніи затемнить и обезсилить самыя геніальныя напряженія. Тутъ событіе въ такомъ отъ насъ разстояніи, что его поэзія пріобрѣтаетъ уже видъ дѣйствительности, а исторія того времени обогащена достаточно красками, чтобы снабдить автора живостью изображеній“.

Съ появленіемъ „Юрія Милославскаго“ измѣнилось положеніе Загоскина: его недоброжелатели превратились въ друзей, всѣ стали у него заискивать, въ особенности когда одобреніе и вниманіе самого государя довершило торжество писателя. На него посыпались милости: 30-го апрѣля 1830 г.. онъ былъ назначенъ управляющимъ конторою Императорскихъ московскихъ театровъ, а спустя годъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, пожалованъ въ званіе дѣйствительнаго камергера Двора Его Императорскаго Величества съ опредѣленіемъ на должность директора московскихъ театровъ; тогда же избранъ онъ и въ дѣйствительные члены Россійской академіи, а по присоединеніи ея къ Академіи наукъ — въ почетные члены академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ 1831 г., появился новый романъ Загоскина: „Рославлевъ или русскіе въ 1812 году“, слабѣе перваго историческаго романа его, но встрѣченный публикой съ прежнимъ сочувствіемъ и также переведенный на нѣсколько иностранныхъ языковъ. По мнѣнію Бѣлинскаго это было повтореніе „Юрія Милославскаго“: тѣже лица, тѣже характеры, тѣже начала, тѣже достоинства и недостатки. „Аскольдова могила“ была третьимъ историческимъ романомъ Загоскина, взятымъ изъ временъ Владиміра Святого, эпохи слишкомъ древней и мало благодарной: Даже друзья писателя не могли

поддержать эту слабую вещь его, которую онъ потомъ передѣлалъ въ либретто оперы А. Н. Верстовскаго. Плохой успѣхъ „Аскольдовой могилы“ и столкновенія съ духовной цензурой сильно подѣйствовали на Загоскина. Онъ оставилъ историческій романъ и, вспомнивъ старое, написалъ комедію „Недовольные“ и издалъ въ 1837 г. двѣ части своихъ повѣстей, куда вошли, кромѣ вступленія: „Вечера на Хопрѣ“, „Три жениха“ и „Кузьма Рощинъ“. Повѣсти особеннаго успѣха не имѣли, и изъ „Кузьмы Рощина“ была тогда же кѣмъ-то передѣлана драма. Въ томъ же году Загоскинъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденъ въ должности директора московскихъ театровъ.

Къ 1838 г. относится появленіе одного изъ слабѣйшихъ произведеній Загоскина, романа „Искуситель“, за которымъ слѣдовали повѣсть „Тоска по родинѣ“, выдержавшая въ одинъ годъ (1839) два изданія и передѣланная въ оперное либретто на музыку Верстовскаго. 3-го февраля 1842 г., Загоскинъ, по собственному желанію, былъ перемѣщенъ Высочайшимъ указомъ на должность директора московской оружейной палаты, которую онъ занималъ до послѣднихъ дней, и въ томъ же году появился его романъ въ 2-хъ частяхъ „Кузьма Петровичъ Мирошевъ, русская быль временъ Екатерины II“, въ основу котораго положена серьезная и глубокая мысль, мысль истиннаго христіанина, мятущагося, но преисполненнаго вѣры. Романъ этотъ явился результатомъ той нравственной ломки, которая началась въ писателѣ еще года за четыре до появленія романа, когда Загоскинъ, по его собственнымъ словамъ, сталъ „чувствовать всю мерзость“ жизни своей, стремился къ „духовному перерожденію“ и, подъ вліяніемъ брата своего Алексѣя, сильно заинтересовался религіозными вопросами. Въ „Мирошевѣ“ Загоскинъ ясно преслѣдуетъ нравственныя цѣли и это и другія качества романа дали поводъ Аксакову поставить этотъ романъ выше всѣхъ произведеній Загоскина, послѣ „Юрія Милославскаго,

и глубокой справедливости этого мнѣнія автора „Семейной Хроники“ нельзя не признать.

Къ послѣднему періоду литературной дѣятельности Загоскина относятся еще: комедія „Урокъ матушкамъ“, имѣвшая большой успѣхъ, „Два характера, братъ и сестра“,— аллегорическая характеристика Петербурга и Москвы, „Оффиціальный обѣдъ“,—разсказъ изъ провинціальнаго быта, „Москва и Москвичи, — нравоописательные очерки, историческій романъ изъ раскольничьей среды „Брынскій лѣсъ“, „Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія“, послѣдній историческій романъ (1848), и комедія „Поѣздка за границу“ (1850) и „Женатый женихъ“ (1851). Эта комедія была послѣднимъ произведеніемъ его. 23-го іюня 1852 года Загоскинъ тихо отошелъ въ вѣчность. Прахъ его погребенъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Сочиненія его выдержали цѣлый рядъ изданій.

По свидѣтельству очень многихъ, вполнѣ близко знавшихъ Загоскина, лицъ, основными качествами его были честность, веселость, неограниченное добродушіе и довѣрчивость, младенческое незлобіе души и теплая вѣра христіанина. Онъ дѣлалъ много добра, не помня о немъ... Но при всей незлобивости и добродушіи, Загоскинъ не выносилъ, если задѣвали Россію и русскихъ. Онъ былъ горячимъ патріотомъ.

Когда наша литература и общественный вкусъ значительно подвинулись впередъ, произведенія Загоскина начали утрачивать свое обаяніе. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они, и помимо историческаго значенія, потеряли теперь интересъ. Напротивъ, живыя картины простонароднаго быта, мастерское изображеніе русскихъ нравовъ и жизни нашихъ предковъ, увлекательное содержаніе, обрисовка характеровъ и вдобавокъ ко всему увлекательность разсказа, — дѣлаютъ произведенія Загоскина занимательными и любопытными всегда и ихъ вліяніе на литературу нашу, на распространеніе благотворныхъ идей въ русскомъ обществѣ не подлежитъ сомнѣ-

нію. Вся грамотная Россія всегда будетъ съ увлеченіемъ читать Загоскина, положившаго у насъ начало историческому роману.

ПЕТРЪ БЫКОВЪ.

[redacted]

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Никогда Россія не была въ столь бѣдственномъ положеніи, какъ въ началѣ 17-го столѣтія: внѣшніе враги, внутренніе раздоры, смуты бояръ, а болѣе всего совершенное безначаліе—все угрожало неизбѣжной погибелью землѣ Русской. Вѣрный сынъ отечества, бояринъ Михайло Борисовичъ Шеинъ, несмотря на безпримѣрную свою неустрашимость, не могъ спасти Смоленска. Этотъ, по тогдашнему времени, важный своими укрѣпленіями городъ былъ уже во власти Польскаго короля Сигизмунда, войска котораго, подъ командою гетмана Жолкѣвскаго, впущенныя измѣною въ Москву, утѣсняли несчастныхъ жителей сей древней столицы. Наглость, своевольство и жестокости этого буйнаго войска превосходили всякое описаніе [1]). Имъ не уступали въ звѣрствѣ многолюдныя толпы разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Запорожскихъ казаковъ, которые занимали, или, лучше сказать, опустошали Черниговъ, Брянскъ, Козельскъ, Вязьму, До-

рогобужъ и многіе другіе города. Въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы стояли войска второго самозванца, прозваннаго Тушинскимъ воромъ; на сѣверѣ, шведскій генералъ, Понтіусъ Де-ла-Гарди, свирѣпствовалъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ; однимъ словомъ, исключая нѣкоторые низовые города, почти вся земля, Русская была во власти непріятелей, и одна Сергіевская Лавра, осажденная войсками второго самозванца, подъ начальствомъ гетмана Сапѣги и знаменитаго налета *), пана Лисовскаго, упорно защищалась; малое число воиновъ, слуги монастырскіе и престарѣлые иноки отстояли святую обитель. Этотъ спасительный примѣръ и увѣщательныя грамоты, которыя благочестивый архимандритъ Діонисій и незабвенный старецъ Авраамій разсылали повсюду, пробудили, наконецъ, усыпленный духъ народа Русскаго; затлились въ сердцахъ искры пламенной любви къ отечеству, всѣ готовы были возстать на супостата, но священныя слова: «умремъ за Вѣру православную и святую Русь!» не раздавались еще на площадяхъ городскихъ; всѣ сердца кипѣли мщеніемъ, но Пожарской, покрытый ранами, страдалъ на одрѣ болѣзни, а безсмертный Мининъ еще не выступилъ изъ толпы обыкновенныхъ гражданъ.

Въ эти-то смутныя времена, въ началѣ апрѣля 1612 года, два всадника медленно пробирались по берегу луговой стороны Волги. Одинъ изъ нихъ, закутанный въ широкій охобень **), ѣхалъ впереди на борзомъ вороном конѣ и, казалось, совершенно не замѣчалъ, что мятель становится часъ-отъ-часу сильнѣе: другой, въ нагольномъ тулупѣ, сверхъ котораго надѣтъ былъ на-распашку кафтанъ изъ толстаго бѣлаго сукна, безпрестанно останавливалъ свою усталую лошадь, при-

---

*) Такъ назывались въ то время партизаны.

**) *Верхнее* платье съ длинными рукавами и капишономъ.

слушивался со вниманіемъ, но не различая ничего, кромѣ однообразнаго свиста бури, съ примѣтнымъ безпокойствомъ озирался на всѣ стороны.—Полегче, бояринъ,—сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: твой конь шагистъ, а мой сѣрко чуть ноги волочитъ.

Передній всадникъ пріостановилъ свою лошадь; а тотъ, который началъ говорить, поровнявшись съ нимъ продолжалъ:

— Прогнѣвали мы Господа Бога, Юрій Дмитричъ! Не даетъ намъ весны. Да и впору мы выѣхали! Я говорилъ тебѣ, что будетъ погода. Вчера мы проѣхали верстъ шестьдесятъ, такъ могли-бъ сегодня отдохнуть. Вотъ ужъ седьмой день, какъ мы изъ Москвы, а скоро ли доѣдемъ—Богъ вѣсть!

— Не кручинься Алексѣй,—отвѣчалъ другой путешественникъ: завтра мы отдохнемъ вдоволь.

— Такъ завтра мы доѣдемъ туда, куда послалъ тебя панъ Гонсѣвскій?

— Я думаю.

— Дай-то Богъ!... Ну, ну, сѣрко, ступай!... А что, бояринъ, назадъ въ Москву мы вернемся, или нѣтъ?

— Да, и очень скоро.

— Не прогнѣвайся, государь, а позволь слово молвить: не лучше ли намъ переждать, какъ тамъ все угомонится. Теперь въ Москвѣ житье худое: поляки буянятъ, православные ропщутъ, того и гляди пойдетъ рѣзня... Постой-ка, бояринъ, постой! Сѣрко мой что-то храпитъ, да и твоя лошадь упирается, ужь не оврагъ ли!...

Оба путешественника остановились. Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, и вдругъ остановился, какъ вкопанный.

— Ну, что?—спросилъ другой путешественникъ.

— Охъ, худо, бояринъ! Мы ѣдемъ цѣликомъ, а вотъ,

кажется, и оврагъ. ..Ахъ, батюшки-свѣты, какая круть! Какъ Богъ помиловалъ!

— Такъ мы заплутались?

— Вотъ то-то и бѣда! Ну, Юрій Дмитричъ, что намъ теперь дѣлать?

— Искать дороги.

— Да какъ ее сыщешь, бояринъ? Смотри, какая мятель: свѣту Божьяго не видно!

Въ самомъ дѣлѣ вьюга усилилась до такой степени, что въ двухъ шагахъ невозможно было различить предметовъ. Снѣжная равнина, взрываемая порывистымъ вѣтромъ, походила на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превратился въ совершенный вихрь. Цѣлыя облака пушистаго снѣга крутились въ воздухѣ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно. Ведя за собою лошадей, которыя на каждомъ шагу оступались и вязнули въ глубокихъ сугробахъ, они прошли версты двѣ, не отыскавъ дороги.

— Я не могу идти далѣе, сказалъ, наконецъ, тотъ изъ путешественниковъ, который, повидимому, былъ господиномъ. Онъ бросилъ повода своей лошади и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю.

— Ужь не прозябъ ли ты, бояринъ?—спросилъ другой испуганнымъ голосомъ.

— Да. Я чувствую, кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Послушай... если я не смогу идти далѣе, то покинь меня здѣсь на волю Божію и думай только о себѣ.

— Что ты, что ты, бояринъ! Богъ съ тобою!

— Да, мой добрый Алексѣй, если мнѣ суждено умереть безъ исповѣди, то да будетъ Его святая воля! Ты усталъ менѣе моего и можешь спасти себя. Когда я совсѣмъ выбьюсь изъ силъ, оставь меня одного и если Господь поможетъ тебѣ найти пріютъ, то ступай зав-

тра въ отчизну боярина Кручины Шалонскаго,—она не далеко отсюда,—отдай ему...

— Какъ, Юрій Дмитричъ! чтобъ я, твой вѣрный слуга, тебя покинулъ? Да на то-ли я вскормленъ отцомъ и матерью? Нѣтъ, родимый, если ты не можешь идти, такъ и я не тронусь съ мѣста!

— Алексѣй! ты долженъ исполнить послѣднюю мою волю.

— Нѣтъ, бояринъ, и не говори объ этомъ. Умирать, такъ умирать обоимъ. Но что это?... Не послышалось ли мнѣ?

Алексѣй снялъ шапку, наклонилъ голову и сталъ прислушиваться съ большимъ вниманіемъ.—Хотя-бъ на часокъ затихъ этотъ окаянный вѣтеръ!—вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ.—Мнѣ показалось, что налѣво отъ насъ... Чу, слышишь, Юрій Дмитричъ?

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Юрій, приподнимаясь на ноги,—кажется, тамъ лаетъ собака.

— И мнѣ тоже сдается. Дай-то, Господи! Завтра же отслужу молебенъ святому угоднику Алексѣю... поставлю фунтовую свѣчу... пойду пѣшкомъ поклониться Печерскимъ чудотворцамъ... Чу, опять Слышишь?

— Точно, ты не ошибаешься.

— А гдѣ лаетъ собака,—тамъ и жилье. Ободрись, бояринъ; Господь не совсѣмъ насъ покинулъ.

Кого среди ночнаго мрака заставала мятель въ открытомъ полѣ, кто испыталъ на самомъ себѣ весь ужасъ бурной зимней ночи, тотъ пойметъ восторгъ нашихъ путешественниковъ, когда они удостовѣрились, что точно слышатъ лай собаки. Надежда вѣрнаго избавленія оживила сердца ихъ; забывъ всю усталость, они пустились немедленно впередъ. Съ каждымъ шагомъ прибавлялась ихъ надежда, лай становился часъ-отъ-часу внятнѣе, и хотя буря не уменьшалась, но они не боялись уже сбиться съ своего пути.

— Кажется, не далеко отсюда,—сказалъ Юрій: я слышу очень ясно!...

— И я слышу, бояринъ,—отвѣчалъ Алексѣй, пріостановясь на минуту: да только этотъ лай мнѣ вовсе не по сердцу.

— А что такое?

— Ничего, ничего; дай-то Богъ, чтобъ было тутъ жилье!

Ѳни прошли еще нѣсколько шаговъ; вдругъ черная большая собака съ громкимъ лаемъ бросилась на встрѣчу къ Алексѣю, начала къ нему ласкаться, вертѣть хвостомъ, визжать, и потомъ съ воемъ побѣжала назадъ. Алексѣй пошелъ за нею; но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ вскричалъ съ ужасомъ:— Съ нами крестная сила! Ну, такъ... сердце мое чуяло. посмотри-ка, бояринъ.

Человѣкъ въ сѣромъ армякѣ, подпоясанный пестрымъ кушакомъ, изъ-за котораго виднѣлась рукоятка широкаго турецкаго кинжала, лежалъ на снѣгу; длинная винтовка въ суконномъ чехлѣ висѣла у него за спиною, а съ правой стороны къ поясу привязана была толстая казацкая плеть; татарская шапка, съ густымъ околышемъ, лежала подлѣ его головы. Собака остановилась подлѣ него и, глядя пристально на нашихъ путешественниковъ, начала выть жалобнымъ голосомъ.

— Ахъ, Боже мой!—сказалъ Юрій: несчастный, онъ замерзъ!—Забывъ собственную опасность, Юрій наклонился заботливо надъ прохожимъ и старался привести его въ чувство..

Этотъ плачевный видъ—предвѣстникъ собственной ихъ участи, усталость, а болѣе всего обманутая надежда,—все это вмѣстѣ такъ сильно подѣйствовало на бѣднаго Алексѣя, что вся бодрость его исчезла. Предавшись совершенному отчаянію, онъ началъ назы-

[redacted]

вать по именамъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ своихъ.— Простите, добрые люди!—вопилъ онъ; прости, моя Маринушка! Не въ добрый часъ мы выѣхали изъ дому: пропали наши головы!

— Полно ревѣть, Алексѣй,—сказалъ Юрій;—поди сюда... Этотъ бѣднякъ еще живъ, онъ спитъ, и если намъ удастся разбудить его...

— Эхъ, родной! и мы скоро заснемъ, чтобъ вѣкъ не просыпаться.

— Не грѣши, Алексѣй, Богъ милостивъ! Посмотри хорошенько: развѣ ты не видишь, что здѣсь снѣгъ укатанъ и наши лошади не вязнутъ; вѣдь это дорога.

— Дорога? Постой, бояринъ... въ самомъ дѣлѣ.. Слава Богу! Ну, Юрій Дмитричъ, сядемъ на коней, мѣшкать нечего.

— А этотъ бѣдный прохожій?

— Дай Богъ ему царство небесное! ужъ видно ему такъ на роду написано. Поѣдемъ, бояринъ.

— Нѣтъ, я попытаюсь спасти его,—сказалъ Юрій, стараясь привести въ чувство полузамерзшаго незнакомца. Минуты двѣ прошло въ безплодныхъ стараніяхъ; наконецъ прохожій очнулся, приподнялъ голову и сказалъ нѣсколько невнятныхъ словъ. Юрій, при помощи Алексѣя, поставилъ его на ноги, но онъ не могъ на нихъ держаться.

— Ну, видишь, Юрій Дмитричъ,—сказалъ Алексѣй,— намъ съ нимъ дѣлать нечего! поѣдемъ. Изъ первой деревни мы вышлемъ за нимъ сани.

— А пока мы доѣдемъ до жилья, онъ успѣетъ совсѣмъ замерзнуть.

— Что-жъ дѣлать, бояринъ: своя рубашка къ тѣлу ближе!

— Алексѣй, побойся Бога! Развѣ ты не крещеный?

— Да послушай, Юрій Дмитричъ: за тебя я готовъ въ огонь и воду— ты мой бояринъ, а умирать за всякаго

прохожаго не хочу; дѣло другое отслужить по немъ панихиду, пожалуй!...

— Молчи.. и пособи мнѣ посадить его на твою лошадь.

Алексѣй замолчалъ и принялся помогать своему господину. Они не безъ труда подвели прохожаго къ лошади; онъ переступалъ машинально и, казалось, не слышалъ и не видѣлъ ничего; но когда надобно было садиться на коня, то вдругъ оживился и, какъ будтобы по какому-то инстинкту, вскочилъ безъ ихъ помощи на сѣдло, взялъ въ руки повода, и неподвижные глаза его вспыхнули жизнію, а на безчувственномъ лицѣ изобразилась живая радость. Черная собака, съ громкимъ лаемъ, побѣжала впередъ.

— Посмотри, бояринъ,—сказалъ Алексѣй:—онъ чуть живъ, а какимъ молодцомъ сидитъ на конѣ; видно, что ѣздокъ!... Ого, да онъ началъ пошевеливаться! Тише, братъ, тише! Мой сѣрко и такъ усталъ. Однакожъ, Юрій Дмитричъ, или мы поразогрѣлись, или погода становится теплѣе.

— И мнѣ тоже кажется.

— Какъ-бы снѣгъ не такъ валилъ, то намъ бы и думать нечего. Эй ты, мерзлый! Полно, братъ, гарцовать, сиди смирнѣе! Ну, теперь отлегло отъ сердца; а давеча пришлось-было такъ жутко, хоть тутъ же ложись, да умирай... Ахти, постой-ка: никакъ дорога пошла направо. Мы опять ѣдемъ цѣликомъ.

Тутъ налѣво отъ нихъ послышался лай собаки; незнакомый поворотилъ въ ту сторону.

— Куда ты землякъ? Постой!—вскричалъ Алексѣй, схвативъ за поводъ лошадь; или хочешь опять замерзнуть? Но незнакомый махнулъ плетью и, протащивъ нѣсколько шаговъ за собою Алексѣя, выѣхалъ на большую дорогу.

— Видишь ли,—прошепталъ онъ едва внятнымъ

голосомъ,—что моя собака лучше твоего знаетъ дорогу?

— Эге, да ты сталъ поговаривать! Ну что, братъ, ожилъ?

Незнакомый не отвѣчалъ ничего и, продолжая ѣхать молча, старался безпрестаннымъ движеніемъ разогрѣть свои оледенѣвшіе члены; онъ приподнимался на стременахъ, гнулся на ту и другую сторону, махалъ плетью и, спустя нѣсколько минутъ, запѣлъ потихоньку, но довольно твердымъ голосомъ:

Гой ты море, море синее!
Ты разгулье молодецкое!
Ты прости моя любимая,
Красна дѣвица-душа!
Не трепать рукою ласковой
Щеки алыя твои,
А трепать ли молодцу
Мнѣ широкимъ весломъ
Волгу матушку...

— Ого, товарищъ!—сказалъ Алексѣй,—да ты никакъ совсѣмъ оттаялъ—пѣсенки попѣваешь!

— Да, добрые люди, спасибо вамъ! долго-бы мнѣ спать, еслибы вы меня не разбудили.

— Откуда ты?—спросилъ Юрій,—и куда пробираешься?

— Изъ-подъ Москвы; а куда иду, и самъ еще путемъ не знаю. Верстахъ въ пяти отсюда, неизмѣнный мой товарищъ, добрый конь, выбился изъ силъ и палъ; я хотѣлъ кой-какъ добрести до первой деревни...

— А кто ты таковъ?

— Кто я? Какъ бы вамъ сказать... Зовутъ меня Киршею; родомъ я изъ Царицына; служилъ казакомъ въ Батуринѣ, а теперь запорожецъ.

— Запорожецъ!—вскричалъ Алексѣй, отскочивъ въ сторону.

— Да,—продолжалъ спокойно прохожій. — Я приписанъ въ Запорожской Сѣчи къ Незамановскому куреню и, безъ хвастовства скажу, не изъ послѣднихъ казаковъ. Мой родной братъ — куренной атаманъ, а дядя былъ кошевымъ.

— Помилуй Господи!—сказалъ Алексѣй. — Запорожскій казакъ и вѣрно разбойникъ!

— Нѣтъ, товарищъ, напрасно. Въ удальствѣ и отъ другихъ не отставалъ, а гайдамакомъ никогда не былъ.

— Какъ же ты попалъ въ здѣшнюю сторону?— спросилъ съ любопытствомъ Юрій.

— А вотъ какъ: я года два шатаюсь по бѣлу свѣту, и тамъ и сямъ; да что-то въ руку нейдетъ. До меня дошелъ слухъ, что въ Нижнемъ-Новѣгородѣ набираютъ въ тихомолку войско; такъ я хотѣлъ испытать счастья и пристать къ здѣшнимъ.

— Противъ кого?

— А мнѣ что за дѣло? Про то панство знаетъ, была бы только пожива; вѣдь стыдно будетъ вернуться въ мой курень съ пустыми руками. Другіе выставятъ на улицу чаны съ виномъ и станутъ подчивать всѣхъ прохожихъ, а мнѣ и кошевому нечего будетъ поднести.

— Зачѣмъ-же ты не присталъ къ войску гетмана Жолкѣвскаго?

— Спроси лучше, зачѣмъ отсталъ?

— Такъ ты бѣглый?

— Кто? я бѣглый?—сказалъ прохожій, пріостановя свою лошадь. Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ голосомъ, что Алексѣй невольно схватился за рукоятку своего охотничьяго ножа. — Добро, добро, такъ и быть,—продолжалъ онъ, мнѣ грѣшно на тебя сердиться. Бѣглый! Нѣтъ, господинъ честной, за-

порожцы люди вольные и служатъ тому, кому хотятъ.

— Но развѣ вы не должны служить королю Сигизмунду?

— Должны! такъ говорятъ и старшіе, только врядъ-ли когда запорожскій казакъ будетъ братомъ поляку. Нечего сказать, и мы кутили порядкомъ въ Черниговѣ: все Божье, да наше! Но жгли ли мы храмы Господни? ругались ли вѣрою православною? А эти окаянные ляхи для забавы стрѣляютъ въ святыя иконы! Какъ Богъ еще терпитъ!

— Но всѣ эти безпорядки скоро прекратятся: московскіе жители добровольно избрали на царство сына короля польскаго.

— Добровольно! Хороша воля, когда надъ тобой стоятъ съ дубиною... нехотя закричишь: давай намъ королевича Владислава! Нѣтъ, господинъ честной, не пановать надъ Москвою этому иновѣрцу. Дай только русскимъ опериться!

— Но, кажется, дѣло кончено, и когда вся Москва присягнула польскому королевичу...

— Мало ли что кажется! Вотъ и мнѣ нѣсколько разъ казалось, что тамъ направо свѣтитъ огонекъ, а теперь ничего не вижу.

— Огонь! гдѣ ты видишь?—вскричалъ Алексѣй.

— А вонъ, посмотри: опять показался: видишь— тамъ, какъ свѣчка теплится?

Путешественники остановились. Направо, съ полверсты отъ дороги, мелькалъ огонекъ; они поворотили въ ту сторону, и черезъ нѣсколько минутъ, Алексѣй, который шелъ впереди съ собакою, закричалъ радостнымъ голосомъ:

— Сюда, Юрій Дмитричъ, сюда! Вотъ и плетень! Тише, бояринъ, тише! околица должна быть лѣвѣе— здѣсь. Ну, слава тебѣ Господи!—продолжалъ онъ, от-

воряя ворота,—доѣхали!... и вовремя: слышишь ли, какъ опять завылъ вѣтеръ? Да пусть теперь бушуетъ, какъ хочетъ; намъ и горюшки мало: въ избѣ не озябнемъ.

— А развѣ мы одни теперь въ дорогѣ?—сказалъ Юрій, глядя съ безпокойствомъ на ужасный вихрь, который снова свирѣпствовалъ въ полѣ.

— Кому быть убитому, тотъ не замерзнетъ,—прошепталъ Кирша, въѣзжая въ околицу.

II.

Деревушка, въ которую въѣхали наши путешественники, находилась въ близкомъ разстояніи отъ зимней дороги, на небольшомъ возвышеніи, которое во время розлива не понималось водою. Нѣсколько дымныхъ лачужекъ, разбросанныхъ по скату холма, окружали избу, менѣе другихъ походящую на хижину. Красное окно, въ которомъ, вмѣсто стеколъ, вставлена была напитанная масломъ полупрозрачная холстина, обширный крытый дворъ, а болѣе всего звуки различныхъ голосовъ и громкій гулъ довольно шумной бесѣды, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ хижинахъ царствовала глубокая тишина,—все доказывало, что это постоялый дворъ, и что не одни наши путешественники искали въ немъ пріюта отъ непогоды.

Домашній простонародный бытъ тогдашняго времени почти ничѣмъ не отличался отъ нынѣшняго; внутреннее устройство крестьянской избы было то же самое: та же огромная печь, тѣ же палати, большой столъ, лавки и передній уголъ, украшенный иконами святыхъ угодниковъ. Въ теченіи двухъ столѣтій измѣнились только нѣкоторыя мелкія подробности: въ наше

время въ хорошой бѣлой избѣ обыкновенно кладется печь съ трубою, а стѣны украшаются иногда картинками, представляющими «Шемякинъ судъ», или «Мамаево побоище»; въ 17-мъ вѣкѣ эта роскошь была извѣстна однимъ боярамъ и богатымъ купцамъ гостиной сотни ([2]). Слѣдовательно читателямъ не трудно будетъ представить себѣ внутренность постоялаго двора, въ которомъ, за большимъ дубовымъ столомъ, сидѣло нѣсколько проѣзжихъ. Пукъ горящей лучины, воткнутый въ свѣтецъ, изливалъ довольно яркій свѣтъ на все общество; по остаткамъ хлѣба и пустымъ деревяннымъ чашамъ можно было догадаться, что они только-что отужинали, и вмѣсто десерта запивали гречневую кашу брагою, которая въ большой мѣдной ендовѣ стояла посреди стола. Вдоль стѣны, на лавкѣ, сидѣли трое проѣзжихъ; одинъ изъ нихъ, одѣтый въ лисью шубу, говорилъ съ большимъ жаромъ, не забывая однакоже подливать безпрестанно изъ ендовы въ свою дорожную серебряную кружку. Оба его сосѣда, казалось, слушали его съ большимъ вниманіемъ, и съ почтеніемъ отодвигались каждый разъ, когда ораторъ, приходя въ восторгъ, начиналъ размахивать руками. Съ перваго взгляда можно было отгадать, что человѣкъ въ лисьей шубѣ—зажиточный купецъ, а оба внимательные слушатели—его работники. Насупротивъ ихъ сидѣлъ въ красномъ кафтанѣ, съ привѣшенною къ кушаку саблею, стрѣлецъ; шапка съ остроконечною тульею лежала подлѣ него на столѣ; онъ также съ большимъ вниманіемъ, но вмѣстѣ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, слушалъ купца, разсказъ котораго, казалось, производилъ совершенно противное дѣйствіе на сосѣда его—человѣка средняго роста, съ рыжей бородою и отвратительнымъ лицомъ. Въ косыхъ глазахъ его, устремленныхъ на разсказчика, блистала злобная радость; онъ безпрестанно вертѣлся на скамьѣ, потиралъ

руки и казался отмѣнно довольнымъ. Трудно было бы отгадать, къ какому классу людей принадлежалъ этотъ послѣдній, еслибъ отъ безпрестаннаго движенія не распахнулся его смурый однорядокъ и не открылись, вышитыя красной шерстью на груди его кафтана, двѣ буквы: З и Я, означавшія, что онъ принадлежитъ къ числу полицейскихъ служителей, которые въ то время назывались... я боюсь оскорбить нѣжный слухъ моихъ читателей, но соблюдая сколь возможно историческую истину, долженъ сказать, что ихъ въ 17-мъ столѣтіи называли: земскими ярыжками. Въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ за-сорокъ, одѣтый весьма просто: черная окладистая борода, высокій лобъ, покрытый морщинами, а болѣе всего орлиный, быстрый взглядъ, отличали его отъ другихъ. Смуглое, исполненное жизни лицо его выражало глубокую задумчивость и какое-то грозное спокойствіе человѣка, увѣреннаго въ необычайной своей силѣ; широкія плечи, жилистыя руки, высокая богатырская грудь, все оправдывало эту послѣдню догадку. Облокотясь небрежно на столъ, онъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на своихъ сосѣдей, и только изрѣдка поглядывалъ на полицейскаго служителя: ничѣмъ неизъяснимое презрѣніе изображалось тогда въ глазахъ его, и этотъ взглядъ, быстрый какъ молнія, которая, блеснувъ, въ минуту потухаетъ, становился снова неподвижнымъ, выражая опять одну задумчивость и совершенное равнодушіе къ общему разговору

— Помилуй Господи!...—вскричалъ стрѣлецъ, когда человѣкъ въ лисьей шубѣ окончилъ свой разсказъ; неужто въ самомъ дѣлѣ вся Москва цѣловала крестъ этому иновѣрцу?

— Развѣ ты не слышишь?—сказалъ земскій.—И чему дивиться? Плетью обуха не перешибешь; да и что намъ, мелкимъ людямъ, до этого за дѣло?

— Какъ что за дѣло!—возразилъ купецъ, который между тѣмъ осушилъ однимъ глоткомъ кружку браги, да развѣ мы не православные? Мало ли у насъ князей и знаменитыхъ бояръ? Есть изъ кого выбрать. Да вотъ не далеко идти: хоть, напримѣръ, князь Димитрій Михайловичъ Пожарской...

— Нашелъ человѣка!—подхватилъ земскій.—Князь Пожарской!...—повторилъ онъ съ злобной улыбкою, отъ которой безобразное лицо его сдѣлалось еще отвратительнѣе.—Нѣтъ, хозяинъ, у него поляки отбили охоту соваться туда, куда не спрашиваютъ. Небойсь, хватился за умъ, убрался въ свою Пурецкую волость, да вотъ уже почти цѣлый годъ тише воды, ниже травы, чай и теперь еще бока побаливаютъ.

— Да и поляки-то, братъ, не скоро его забудутъ,— сказалъ стрѣлецъ, ударивъ рукой по своей саблѣ.—Я самъ былъ въ Москвѣ и поработалъ этой дурою, когда въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, помнится, въ день святаго угодника Хрисанфа, князь Пожарской принялся колотить этихъ незванныхъ гостей. То-то была свалка!.. Мы сдѣлали на Лубянкѣ, кругомъ церкви Введенія Божіей Матери, засѣку и ровно двое сутокъ отгрызались отъ супостатовъ...

— А на третьи насилу ноги уплели!

— Что-жъ дѣлать, товарищъ! сила солому ломитъ Самъ гетманъ нагрянулъ на насъ со всѣмъ войскомъ...

— И, чай, Пожарской первый далъ тягу? Говорятъ, онъ куда легокъ на ногу.

Тутъ молчаливый проѣзжій бросилъ на земскаго одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, о которыхъ мы говорили; правая рука его, со сжатымъ кулакомъ, невольно отдѣлилась отъ стола, онъ самъ приподнялся до половины... но прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ замѣтилъ это движеніе, проѣзжій сидѣлъ уже,

облокотясь на столъ, и лицо его выражало по прежнему совершенное равнодушіе.

— Послушай, товарищъ,—сказалъ стрѣлецъ, посмотрѣвъ молча нѣсколько времени на земскаго:—кажется, ты не о двухъ головахъ!

— Такъ что-жъ?

— А то, любезный, что другой у тебя не останется, какъ эту сломятъ. Ну, пристало ли земскому ярыжкѣ говорить такія рѣчи о князѣ Пожарскомъ? Я человѣкъ смирный, а у другаго бы ты первымъ словомъ подавился! Я самъ видѣлъ, какъ князя Пожарскаго замертво вынесли изъ Москвы. Нѣтъ, братъ, онъ не побѣжитъ первый, хотя бы повстрѣчался съ самимъ сатаною, на котораго, сказать мимоходомъ, ты съ рожи-то очень похожъ.

Осанистый купецъ улыбнулся, его работники громко захохотали, а земскій, не смѣя отвѣчать стрѣльцу, ворчалъ про себя: Бранись, братъ, бранись, брань на вороту не виснетъ. Вы всѣ стрѣльцы—буяны. Да не долго вамъ храбровать... скоро язычекъ прикусите!

— Г-нъ земскій,—сказалъ съ важностію купецъ,—его милость дѣло говоритъ: не личитъ нашему брату злословить такого знаменитаго боярина, каковъ свѣтлый князь Димитрій Михайловичъ Пожарской.

— Да я не свои рѣчи говорю,—возразилъ земскій, оправясь отъ перваго испуга.—Бояринъ Кручина Шалонской не хуже вашего Пожарскаго,—послушайте-ка, что о немъ разсказываютъ.

— Бояринъ Кручина Шалонской? — повторилъ купецъ.—Слыхали мы объ его умѣ и дородствѣ!... У насъ въ Балахнѣ разсказывали, что этотъ бояринъ Шалонской...

— Ведетъ хлѣбъ-соль съ поляками, — подхватилъ стрѣлецъ.—Ну да, тотъ самый! Какой онъ русскій бояринъ! хуже бусурмана: мучитъ крестьянъ, разорилъ всѣ

свои отчины, забылъ Бога, и даже—прости мое согрѣшеніе!—прибавилъ онъ, перекрестясь и посмотрѣвъ вокругъ себя съ ужасомъ,—и даже говорятъ, будто бы онъ... вымолвить страшно... ѣсть по постамъ скоромное!

— Ахъ, онъ безбожникъ!—вскричалъ купецъ, всплеснувъ руками;—и Господь Богъ терпитъ такое беззаконіе!

— Потише, хозяинъ, потише!—сказалъ земскій.— Бояринъ Шалонской помолвилъ дочь свою за пана Гонсѣвскаго, который теперь гетманомъ и главнымъ воеводою въ Москвѣ: такъ не худо бы инымъ-прочимъ держать языкъ за зубами. У гетмана руки длинныя, а Балахна не за тридевять земель отъ Москвы, да и самъ бояринъ шутить не любитъ: неравно прилучится тебѣ ѣхать мимо его помѣстьевъ съ товарами, такъ смотри, чтобъ не продать съ накладомъ!...

— Оборони Господи!—вскричалъ купецъ, поблѣднѣвъ отъ страха;—да я, государь милостивый, ничего не говорю, видитъ Богъ, ничего! Мы люди малые, что намъ толковать о боярахъ...

— А куда ваша милость ѣдетъ?—продолжалъ скій.—Не назадъ ли въ Балахну?

— На что тебѣ, добрый человѣкъ?

— Да такъ!... Большая дорога идетъ черезъ боярское село, а проселочныхъ теперь нѣтъ; такъ, волей или неволей, а тебѣ придется заѣхать къ боярину. Ему вѣрно нужны всякіе товары.

— Да со мною ничего нѣтъ; видитъ Богъ, ничего! Все продалъ въ Костромѣ.

— И вѣрно на чистыя денежки?

— Какія чистыя! Все въ долгъ! Разоренье да и только!

— А вотъ я бы побожился, что у тебя за пазухой цѣлый мѣшокъ денегъ; посмотри, какъ лѣвая сторона отдулась!

Холодный потъ выступилъ на лбу у бѣднаго купца; онъ невольно опустилъ руку за пазуху и сказалъ въ полголоса, стараясь казаться спокойнымъ:—Смотри, пожалуй... въ самомъ дѣлѣ! кажись будто много, а всего то на все двѣ-три новогородки *), да алтынъ пять мѣдныхъ денегъ: не знаю, съ чѣмъ до дому доѣхать!

— Жаль, хозяинъ,—продолжалъ земскій,—что у тебя въ повозкахъ, хоть кажется въ нихъ и много клади,—прибавилъ онъ, взглянувъ въ окно, не осталось никакихъ товаровъ: ты могъ бы ихъ всѣ сбыть. Бояринъ Шалонской и богатъ и торовать. Ужъ подлинно живетъ побарски; хоромы, какъ царскія палаты, холопей полонъ дворъ, мяса хоть не ѣшь, меду хоть не пей; нечего сказать—разливанное море! Чай и вы о немъ слыхали?—прибавилъ онъ, оборотясь къ хозяину постоялаго двора.

— Какъ-ста не слыхать, господинъ честной,—отвѣчалъ хозяинъ, почесывая голову.—И слыхали, и видали: знатный бояринъ!...

— А ужъ какой благой, Богъ съ нимъ!—примолвила хозяйка, поправляя нагорѣвшую лучину.

— Молчи, баба; не твое дѣло.

— Вѣстимо не мое, Пахомычъ. А каково-то нашему сосѣду, Васьяну Степанычу? Поспрошай-ка у него.

— А что такое онъ сдѣлалъ съ вашимъ сосѣдомъ?—спросилъ стрѣлецъ.

— А вотъ что, родимый. Сосѣдъ нашъ, убогій помѣщикъ, одинъ сынъ у матери. Ономнясь бояринъ зазвалъ его къ себѣ пobражничать; что-жъ, батюшка?.., для своей потѣхи зашилъ его въ медвѣжью шкуру, да и ну травить собакою! И, слышишь ты, они, и баринъ и собака, такъ остервенились, что насилу водой

*) Мелкая серебряная монета.

розлили. Привезли его сердечнаго еле-жива, а бѣдная-то барыня ужъ вопила, вопила!... Легколь! недѣлю головы не подымалъ!

— Ахъ, ты простоволосая!—сказалъ земскій,—да кому жъ и тѣшить боярина, какъ не этимъ мелкопомѣстнымъ? Вѣдь онъ ихъ поитъ и кормитъ, да уму-разуму научаетъ. Вотъ хотя и вашъ Васьянъ Степановичъ давно ли кричалъ: «на что намъ Польскаго королевича!» а теперь, небойсь, не то заговорилъ!...

— Да, кормилецъ, правда. Онъ говоритъ, что все будетъ по старому. Дай-то Господь! Бывало, придетъ Юрьевъ день, заплатишь поборы, да и дѣло съ концемъ: любъ помѣщикъ — остался, не любъ —пошелъ, куда хошь.

— А вамъ бы только шататься, да ничего не платить,—сказалъ стрѣлецъ.

— Какъ-ста бы не платить,—отвѣчалъ хозяинъ,—да тяга больно велика: поборы поборами, а тамъ, какъ поѣдешь въ дорогу: головщина, мыть, мостовщина...

— Вотъ то-то же, глупыя головы,—прервалъ земскій;—что вамъ убыли, если у васъ старшими будутъ поляки? Да и гдѣ вамъ съ ними возиться! Не даромъ въ Писаніи сказано: «трудно прать противъ рожна». Что намъ за дѣло, кто будетъ государствовать въ Москвѣ: Русскій ли Царь, Польскій королевичъ? было бы намъ легко.

Тутъ деревянная чаша, которая стояла на скамьѣ въ переднемъ углу, съ громомъ полетѣла на полъ. Всѣ взоры обратились на молчаливаго проѣзжаго: глаза его сверкали, ужасная блѣдность покрывала лицо, губы дрожали; казалось, онъ хотѣлъ однимъ взглядомъ превратить въ прахъ рыжаго земскаго.

— Что съ тобою, добрый человѣкъ?—сказалъ стрѣлецъ послѣ минутнаго, общаго молчанія.

Незнакомый какъ будто-бы очнулся отъ сна: про-

велъ рукою по глазамъ, взглянулъ вокругъ себя и прошепталъ глухимъ, отрывистымъ голосомъ:—Тьфу, батюшки! Смотри, пожалуй! никакъ я вздремнулъ!

— Вѣрно тебѣ померещилось что ни есть страшное?—спросилъ купецъ.

— Да!... я видѣлъ и слышалъ сатану.

Купецъ перекрестился, работники его отодвинулись подалѣе отъ незнакомца, и всѣ съ какимъ-то ужасомъ и нетерпѣніемъ ожидали продолженія разговора; но проѣзжій молчалъ, а купецъ, казалось, не смѣлъ продолжать своихъ вопросовъ. Въ эту минуту послышался на улицѣ конскій топотъ.

— Чу!—сказалъ хозяинъ,—никакъ еще пріѣзжіе. Слышишь, жена, Жучка залаяла! Ступай, посвѣти.

Ворота заскрипѣли, громкій, незнакомый лай, на который Жучка отвѣчала робкимъ ворчаньемъ, раздался на дворѣ, и черезъ минуту Юрій съ Киршею, вошли въ избу.

III.

— Хлѣбъ да соль, добрые люди!—сказалъ Юрій, помолясь иконамъ.

— Милости просимъ!—отвѣчалъ хозяинъ.

— Ахъ, сердечный!—вскричала хозяйка,—смотри, какъ тебя занесло снѣгомъ! То-то, чай, назябся!

— А вотъ отогрѣемся,—сказалъ Кирша, помогая Юрію скинуть покрытый снѣгомъ охобень.

— Да это никакъ бояринъ,—шепнула хозяйка своему мужу.

Скинувъ верхнее платье, Юрій остался въ малиновомъ, обшитомъ галунами, полукафтаньи; къ шелковому кушаку привѣшена была польская сабля; а черезъ плечо на серебряной цѣпочкѣ висѣлъ длинный

турецкій пистолетъ. Остриженные въ кружекъ темнорусые волосы казались почти черными отъ противоположности съ бѣлизною лица, цвѣтущаго юностью и и здоровьемъ; отвага и добродушіе блистали въ больших голубыхъ глазахъ его; а улыбка, съ которою онъ повторилъ свое привѣтствіе, подойдя къ столу, выражала такое радушіе, что всѣ проѣзжіе, не исключая рыжаго земскаго, привставъ, сказали въ одинъ голосъ «милости просимъ, господинъ честной, милости просимъ! и даже молчаливый незнакомецъ отодвинулся къ окну и предложилъ ему занять почетное мѣсто подъ образами.

— Спасибо, добрый человѣкъ!—сказалъ Юрій.—Я больно прозябъ и лягу отогрѣться на печь.

— Откуда твоя милость?—спросилъ купецъ

— Изъ Москвы, хозяинъ.

— Изъ Москвы! А что, господинъ честной, точно ли правда, что тамъ цѣловали крестъ королевичу Владиславу?

— Правда.

— Вотъ тебѣ и царствующій градъ?—вскричалъ стрѣлецъ.—Хороши москвичи! По мнѣ бы уже лучше покориться Димитрію.

— Покориться? кому?—сказалъ земскій. Самозванцу?... Тушинскому вору?...

— Добро, добро! называй его, какъ хочешь, а всетаки онъ держится вѣры православной и не полякъ, а этотъ королевичъ Владиславъ, этотъ еретикъ...

— Слушай, товарищъ!—сказалъ Юрій съ примѣтнымъ неудовольствіемъ,—я до ссоръ не охотникъ, такъ скажу напередъ: думай, что хочешь о Польскомъ королевичѣ, а вслухъ не говори.

— А почему бы такъ?

— А потому, что я самъ цѣловалъ крестъ королевичу и при себѣ не дамъ никому ругаться его именемъ.

Сожалѣніе и досада изобразились на лицѣ молчаливаго проѣзжаго. Онъ смотрѣлъ съ какимъ-то грустнымъ участіемъ на Юрія, который, во всей красотѣ отвагой кипящаго юноши, стоялъ, сложивъ спокойно руки, и гордымъ взглядомъ, казалось, вызывалъ смѣльчака, который рѣшился бы ему противорѣчить. Стрѣлецъ, окинувъ взоромъ все собраніе и не замѣчая ни на одномъ лицѣ охоты взять открыто его сторону, замолчалъ. Нѣсколько минутъ никто не пытался возобновить разговора; наконецъ земскій, съ видомъ величайшаго униженія, спросилъ у Юрія: «Скоро ли пресвѣтлый королевичъ Польскій прибудетъ въ свой царствующій градъ Москву?»

— Его ожидаютъ,—отвѣчалъ Юрій отрывисто.

— А что, ваша милость, чай ужъ давнымъ-давно и послы въ Польшу отправлены?

— Нѣтъ, не въ Польшу,—сказалъ громкимъ голосомъ молчаливый незнакомецъ, а подъ Смоленскъ, который разоряетъ и моритъ голодомъ король Польскій въ то время, какъ въ Москвѣ цѣлуютъ крестъ его сыну.

Юрій примѣтнымъ образомъ смутился.

— Ужъ эти смоляне!—вскричалъ земскій.—По дѣломъ, ништо имъ! Буяны!... Чѣмъ бы встрѣтить батюшку, короля Польскаго, съ хлѣбомъ, да съ солью, они, разбойники, и въ городъ его не пустили!

— Эхъ, господинъ земскій!—возразилъ купецъ:—да вѣдь онъ пришелъ съ войскомъ и хотѣлъ Смоленскомъ владѣть, какъ своей отчиной.

— Такъ что-жъ?—продолжалъ земскій.—Ужъ если мы покорились сыну, такъ отецъ воленъ брать, что хочетъ... Не правда ли, ваша милость?

Лицо Юрія вспыхнуло отъ негодованія.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—мы не для того цѣловали крестъ Польскому королевичу, чтобъ иноплеменные,

какъ стая коршуновъ, дѣлили по себѣ и рвали на части святую Русь! Да у кого бы изъ православныхъ поднялась рука и языкъ повернулся присягнуть иновѣрцу, еслибъ онъ не обѣщалъ сохранить землю Русскую въ прежней ея славѣ и могуществѣ?

— И, государь милостивый!—подхватилъ земскій,—можно-бъ, кажется, поклониться королю Польскому Смоленскомъ. Не важное дѣло одинъ городишка! Для такой радости не только отъ Смоленска, но даже отъ пол-Москвы можно отступиться.

— Я повторяю еще,—сказалъ Юрій, не обращая никакого вниманія на слова земскаго,—что вся Москва присягнула королевичу; онъ одинъ можетъ прекратить бѣдствіе злосчастной нашей родины, и если сдержитъ свое обѣщаніе, то я первый готовъ положить за него голову. Но тотъ,—прибавилъ онъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на земскаго,—тотъ, кто радуется, что мы, для спасенія отечества, должны были избрать себѣ царя среди иноплеменныхъ, тотъ не русскій, не православный и даже—хуже некрещенаго татарина!

Молчаливый незнакомецъ съ живостью протянулъ свою руку Юрію; глаза его, устремленные на юношу, блистали удовольствіемъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать; но Юрій, не замѣтивъ этого движенія, отошелъ отъ стола, взобрался на печь и, разостлавъ свой широкій охобень, легъ отдохнуть.

— А что,—спросилъ Кирша у хозяина,—чай проѣзжіе гости не все у тебя пріѣли?

— Щей нѣтъ, родимый,—отвѣчалъ хозяинъ,—а есть только толокно, да гречневая каша.

— И на томъ спасибо! Давай-ка ихъ сюда.

— А его милость что будетъ кушать? — спросила заботливо хозяйка, показывая на Юрія.

— Не хлопочи, тетка,—сказалъ Алексѣй, войдя въ избу;—въ этой кисѣ есть перекусить. Вотъ тебѣ

пирогъ, да жареный гусь, поставь въ печь... Послушайте-ка, добрые люди,—продолжалъ онъ, обращаясь къ проѣзжимъ:—у кого изъ васъ гнѣдой конь съ длинной гривой?

— Это мой жеребецъ,—отвѣчалъ молчаливый незнакомецъ.

— Ой-ли? Ну, братъ, какой знатный конь! Жаль, если онъ себѣ на какой-нибудь роженъ бокъ напоритъ! Ступай-ка скорѣй: онъ отвязался и бѣгаетъ по двору.

Незнакомый вскочилъ и вышелъ поспѣшно изъ избы.

— Что это за пугало? Не знаешь ли, кто онъ?—спросилъ земскій у хозяина.

— А Богъ вѣсть кто?—отвѣчалъ хозяинъ.—Кажись, не нашъ братъ крестьянинъ, не то купецъ, не то посадскій...

— Откуда онъ ѣдетъ?

— Господь его знаетъ? Вишь, какой лѣшій, слова не вымолвитъ!

— Да! у него лицо не миловидное,—замѣтилъ купецъ.—Подъ вечеръ я не хотѣлъ бы съ нимъ въ лѣсу повстрѣчаться.

— А какой ражій дѣтина!—примолвилъ стрѣлецъ;—я такихъ богатырскихъ плечъ сродясь не видывалъ.

Между тѣмъ Алексѣй и Кирша сѣли за столъ.

— Ну, братъ,—сказакъ Алексѣй,—тѣсненько намъ будетъ: на полатяхъ лежатъ ребятишки, а по лавкамъ-то спать придется намъ сидя.

— Молчи, будетъ просторно,—шепнулъ Кирша, принимаясь ѣсть толокно.

Купецъ, который не смѣлъ обременять вопросами Юрія, хотѣлъ воспользоваться случаемъ и поговорить вдоволь съ его людьми. Давъ время Алексѣю утолить первый голодъ, онъ спросилъ его: давно ли они изъ Москвы?

— Седьмой день, хозяинъ,—отвѣчалъ Алексѣй.— Словно воловъ гонимъ! День стоимъ, два ѣдемъ. Вишь, какую погоду Богъ даетъ!

— А что, вы московскіе уроженцы?

— Какъ же! мы оба съ бариномъ природные москвичи.

— Такъ вы и при Гришкѣ Отрепьевѣ жили въ Москвѣ.

— Вѣстимо, хозяинъ! Я былъ и въ Кремлѣ, какъ этотъ еретикъ, видя бѣду неминучую, прыгнулъ въ окно. Да видно, чортъ отъ него отступился; не кверху, а къ низу полетѣлъ, проклятый!

— Ему бы поучиться летать у жены своей Маринки,—сказалъ стрѣлецъ.—Говорятъ, будто-бъ эта вѣдьма, когда приступили къ царскимъ палатамъ, при всѣхъ обернулась сорокою, да и порхъ въ окно!.. Чему-жъ ты ухмыляешься?—продолжалъ онъ, обращаясь къ купцу. Чай, и до тебя этотъ слухъ дошелъ.

— Не всякому слуху вѣрь,—сказалъ съ важностью купецъ.

— Знаю, знаю! вы люди грамотные, ни чему не вѣрите.

— Ученье свѣтъ, а неученье тьма, товарищъ. Мало ли что глупый народъ толкуетъ! Такъ и надо всему вѣрить? Ну, разсуди самъ: какъ можно, чтобъ Маринка обернулась сорокою? Вѣдь она родилась въ Польшѣ, а всѣ вѣдьмы родомъ изъ Кіева.

— Оно, кажись, и такъ, хозяинъ,—продолжалъ стрѣлецъ, почти убѣжденный этимъ доказательствомъ; однако-жъ вся Москва говоритъ объ этомъ.

— Да она и теперь еще около Москвы летаетъ,—сказалъ Кирша, положа на столъ деревянную ложку, которою ѣлъ толокно.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ купецъ.

— Я самъ ее видѣлъ,—продолжалъ спокойно запорожецъ.

— Какъ видѣлъ?

— А вотъ также, хозяинъ, какъ вижу теперь, что у тебя въ этой фляжкѣ романея. Не правда ли?

— Ну, да; такъ что-жъ?

— Ничего.

— Но гдѣ-жъ ты ее видѣлъ?

— Гдѣ? Какъ бы тебѣ сказать?... Не припомню... у меня морозомъ всю память отшибло.

— Добро, добро,—сказалъ купецъ,—дай-ка сюда свой стаканъ...

— Спасибо! Да наливай полнѣе... Хорошо! Ну, слушай же,—продолжалъ запорожецъ, выпивъ однимъ духомъ весь стаканъ:—я видѣлъ Маринку въ Тушинѣ, только лгать не хочу: на сороку она вовсе не походитъ.

— Въ Тушинѣ?

— Да, въ Тушинѣ, вмѣстѣ съ Димитріемъ, котораго вы называете вторымъ самозванцемъ, а она величаетъ своимъ мужемъ.

— Вотъ что!... Такъ ты и Тушинскаго вора знаешь?

— Какъ не знать!

— Правда ли, что онъ молодчина?—спросилъ стрѣлецъ.

— Какой молодчина!... Ни дать, ни взять польскій жидъ. Вотъ второй гетманъ его войска, панъ Лисовскій, такъ нечего сказать—удалая голова!

— Лисовскій!—вскричалъ купецъ.—Этотъ злодѣй!... душегубецъ!...

— Да, хозяинъ, гдѣ онъ пройдетъ съ своими сорванцами, тамъ хоть шаромъ покати! — все чисто: ни кола, ни двора. Но за то на схваткѣ всегда первый, и готовъ за послѣдняго изъ своихъ налетовъ самъ лечь головою—лихой наѣздникъ!

— Такъ ты его знаешь?—спросилъ купецъ.

— Какъ не знать! Дай-ка, хозяинъ, еще стаканчикъ... За твое здоровье!...

— Говорятъ, у этого Лисовскаго,—сказалъ купецъ, спрятавъ за пазуху свою фляжку,—такое демонское лицо, что онъ и на человѣка не походитъ.

— Да, онъ не красивъ собою,—продолжалъ Кирша.—Я знаю только одного удальца, у котораго лицо смуглѣе и усы чернѣе, чѣмъ у пана Лисовскаго. Прежде, этого молодца не меньше Лисовскаго боялись.

— А теперь?—спросилъ купецъ.

— А теперь онъ, чай, шатается по лѣсу и страшенъ только для вашей братьи купцовъ,

— Кто-жъ этотъ человѣкъ?

— Кто этотъ человѣкъ?... Кой прахъ! у меня опять въ горлѣ пересохло... Дай-ка, хозяинъ, свою фляжку... Спасибо!—продолжалъ Кирша, осушивъ ее до дна.— Ну, что бишь я говорилъ?

— Ты говорилъ о какомъ-то человѣкѣ,—сказалъ купецъ,—который, по твоимъ словамъ, страшнѣе Лисовскаго.

— Да, да, вспомнилъ! этотъ верзила былъ есауломъ у разбойничьяго атамана Хлопки...

— У котораго,—сказалъ земскій,—было въ шайкѣ тысячъ двадцать разбойниковъ, и котораго еще при царѣ Борисѣ...

— Разбилъ бояринъ Басмановъ,—прервалъ Кирша.— Ну, да; самаго Хлопку-то убили, а есаулъ его ускользнулъ. Да вы, чай, о немъ слыхали? Онъ прозывается Чортовъ Усъ.

— Какъ не слыхать,—сказалъ купецъ.—Оборони Господи! Говорятъ, этотъ Чортовъ Усъ злѣе бывшаго своего атамана.

— А пуще-то всего онъ не жалуетъ губныхъ старостъ, да земскихъ,—примолвилъ Кирша.—Кругомъ Калуги не осталось деревца, на которомъ бы не висѣло хотя по одному земскому ярыжкѣ.

— Разбойникъ!—закричалъ земскій.

— А развѣ ты его знавалъ?—спросилъ купецъ за порожца.

— Знакомства съ нимъ не водилъ, а видать видалъ.

— Гдѣ же ты видѣлъ?

— Я видѣлъ его два раза,—отвѣчалъ Кирша.— Первый разъ въ Калугѣ, гдѣ была у него разбойничья пристань, а во второй, — прибавилъ онъ вполголоса, но такъ, что всѣ его слышали,—а второй разъ—я видѣлъ его здѣсь.

— Какъ здѣсь?,..—вскричалъ купецъ, помертвѣвъ отъ ужаса.

— Давно ли?—спросилъ земскій, заикаясь.

— Сегодня,—отвѣчалъ равнодушно Кирша.

— Сегодня?...—повторилъ купецъ глухимъ, прерывающимся голосомъ.—Съ нами крестная сила! Да гдѣ-жъ онъ?...

— Сейчасъ сидѣлъ вонъ тамъ—въ переднемъ углу, подъ образами.

— Такъ это онъ,—вскричалъ купецъ и всѣ взоры обратились невольно на пустой уголъ. Нѣсколько минутъ продолжалось мертвое молчаніе, потомъ все пришло въ движеніе на постояломъ дворѣ. Алексѣй хотѣлъ разбудить своего господина, но Кирша шепнулъ ему что-то на ухо, и онъ успокоился. Купецъ и его работники едва дышали отъ страха; земскій дрожалъ; стрѣлецъ посматривалъ, молча, на свою саблю; но хозяинъ и хозяйка казались совершенно спокойными.

Да чего мы такъ перепугались?—сказалъ стрѣлецъ, собравшись съ духомъ.—Насъ много, а онъ одинъ.

— А Богъ вѣсть, одинъ-ли?—возразилъ земскій.— Онъ что-то часто въ окно поглядывалъ.

— Да, да,—подхватилъ дрожащимъ голосомъ купецъ;—онъ точно кого-то дожидался. А за поясомъ у него... видѣли, какой ножище? аршина въ два?

— Слушай, хозяинъ,—сказалъ торопливо земскій,—бѣги скорѣй на улицу, вели ударить въ набатъ!...

— Экъ-ста, что выдумалъ! Въ набатъ!—отвѣчалъ хозяинъ.—Да развѣ здѣсь село? У насъ и церкви нѣтъ.

— Все равно! сдѣлай тревогу, сбери народъ!.. Да скачи скорѣй къ губному старостѣ *); онъ въ верстахъ въ пяти отсюда и мигомъ прикатитъ съ объѣзжими.

— Что-ты, Богъ съ тобою!—вскричала хозяйка.—Да развѣ намъ бѣлый свѣтъ опостылѣлъ! Станемъ мы ловить разбойника! Небойсь, вашъ губной староста не пріѣдетъ гасить, какъ товарищи этого молодца зажгутъ съ двухъ концовъ нашу деревню! Нѣтъ, кормилецъ, ступай себѣ, лови его на большой дорогѣ, а у насъ въ дому не тронь.

— Дура!—сказалъ стрѣлецъ,—да развѣ ты не боишься, что онъ васъ ограбитъ?

— И, батюшка, около насъ какая пожива! Проводимъ его завтра съ хлѣбомъ да съ солью, такъ онъ же намъ спасибо скажетъ.

— Да намъ и не впервой,—прибавилъ хозяинъ.—У насъ стаивали не разъ,—вотъ эти, что за польскимъ-то войскомъ таскаются... какъ бишь ихъ зовутъ?... да! лагерная челядь. Почище нашихъ разбойниковъ, да и тутъ Богъ миловалъ!

— Ну, какъ хотите,—сказалъ купецъ—ловите его, или нѣтъ, а я минуты здѣсь не останусь, благо, погода унялась. Ступайте, ребята, запрягайте лошадей! да Бога ради проворнѣе.

— Такъ и я съ тобою,—сказалъ стрѣлецъ.—Тебѣ будетъ поваднѣе со мною ѣхать; видишь, у меня есть чѣмъ оборониться.

— Возьмите ужъ и меня,—прибавилъ въ полголоса

*) Почти то же, что нынѣшній капитанъ-исправникъ.

земскій,—я здѣсь ни за что одинъ не останусь. Видите ли,—продолжалъ онъ, показывая на Киршу и Алексѣя, мы всѣ въ тревогѣ, а они и съ мѣста не тронулись; а кто они? Богъ вѣсть.

— Правда, правда!—шепнулъ купецъ, поглядывая робко на Киршу.—Посмотрите-ка, у этого озорника, что вытянулъ всю мою флягу, ножъ, сабля... а рожа-то какая, рожа!... Ухъ, батюшки! Унеси Господь скорѣе!...

Двери отворились и незнакомый вошелъ въ избу. Купецъ съ земскимъ прижались къ стѣнѣ, хозяинъ и хозяйка встрѣтили его низкими поклонами, а стрѣлецъ, отступивъ два шага назадъ, взялся за саблю. Незнакомый, не замѣчая ничего, нѣсколько разъ перекрестился, молча подостлалъ подъ голову свою шубу и расположился на скамьѣ, у переднихъ оконъ. Всѣ проѣзжіе, кромѣ Кирши и Алексѣя, вышли одинъ за другимъ изъ избы.

— Теперь растолкуй мнѣ, Кирша,—сказалъ въ полголоса Алексѣй,—что тебѣ вздумалось назвать разбойникомъ этого проѣзжаго?

— Какъ что? Посмотри, какой просторъ!... На любой лавкѣ ложись!

— Ну, какъ онъ объ этомъ узнаетъ!

— Такъ мнѣ же онъ скажетъ спасибо.

— Есть за что; а если его схватятъ?...

— Ахъ, ты голова, голова! То-ли теперь время, чтобъ хватать разбойниковъ? Теперь-то имъ и житье: всѣ ихъ боятся, а ловить ихъ некому. Погляди, какая честь будетъ этому проѣзжему: хозяинъ съ него и за постой не возьметъ.

Черезъ нѣсколько минутъ купецъ, въ провожаніи земскаго и стрѣльца, расплатясь съ хозяиномъ, съѣхалъ со двора. Кирша отворилъ дверь, свистнулъ и его черная собака вбѣжала въ избу.

— Теперь и тебѣ будетъ мѣсто,—сказалъ онъ, бросивъ ей большой ломоть хлѣба.—Поужинай, Зарѣзъ, поужинай, голубчикъ! Ты, чай, больно проголодался.

Это напомнило Алексѣю, что баринъ его также еще не ужиналъ, но видя, что Юрій спитъ крѣпкимъ сномъ, онъ не рѣшился будить его.

— Скажи-ка мнѣ,—спросилъ запорожецъ, ложась на скамью подлѣ Алексѣя:—вѣрно у твоего боярина есть на сердцѣ кручина? Не по лѣтамъ онъ что-то пасмуренъ.

— Да, братъ, есть горе.

— Что, чай, сокрушила молодца красна дѣвица!

— Вотъ-то-то и бѣда! Изволишь видѣть...

Тутъ Алексѣй, понизивъ голосъ, сталъ что-то разсказывать Киршѣ, который, выслушавъ спокойно, сказалъ:—Эхъ, любезный, жаль, что твой бояринъ не запорожскій казакъ! У насъ въ куреняхъ отъ этого не сохнутъ; живемъ, какъ братья, а сестеръ намъ не надобно (4). Отъ этихъ бабъ вездѣ бѣда. Доброй ночи, товарищъ!

Скоро все утихло на постояломъ дворѣ и только, отъ времени до времени, на полатяхъ принимались ревѣть ребятишки, но заботливая мать, поперемѣнно, то колотила ихъ, то набивала имъ ротъ кашею, и все черезъ минуту приходило къ прежній порядокъ и тишину.

IV.

Еще вторые пѣтухи не пропѣли, какъ вдругъ двѣ тройки примчались къ постоялому двору. Густой паръ валилъ отъ лошадей, и въ то время, какъ изъ саней вылѣзало нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ шубы, усталые кони, чувствуя близость ночлега, взрывали копытами глубокій снѣгъ и храпѣли отъ нетерпѣнія.

— Гей! отпирайте проворнѣй!...—раздался подъ

окномъ грубый голосъ.—Да ну-же, поворачивайтесь! не то ворота вонъ.

Пока хозяйка вздувала огонь, а хозяинъ слѣзалъ съ полатей, нетерпѣніе вновь пріѣхавшихъ дошло до высочайшей степени; они стучали въ ворота, бранили хозяина, а особливо, одинъ, который, испорченнымъ русскимъ языкомъ, примѣшивая ругательства на чистомъ польскомъ, грозился сломить хозяину шею. На постояломъ дворѣ всѣ, кромѣ Юрія, проснулись отъ шума. Наконецъ, ворота отворились и толстый полякъ, въ провожаніи двухъ казаковъ, вошелъ въ избу. Казаки, войдя, перекрестились на иконы, а полякъ, не снимая шапки, закричалъ сиповатымъ басомъ:

— Гей! хозяинъ! что у тебя здѣсь за челядь? Вонъ всѣ отсюда!... Ей, вы! оглохли что-ль! Вонъ, говорятъ вамъ!

Молчаливый проѣзжій приподнялъ голову и, взглянувъ хладнокровно на поляка, опустилъ ее опять на изголовье. Алексѣй и Кирша вскочили; послѣдній, протирая глаза, глядѣлъ съ примѣтнымъ удивленіемъ на пана, который, сбросивъ шубу, остался въ одномъ кунтушѣ, опоясанномъ богатымъ кушакомъ.

Если нужно было живописцу изобразить воплощенную—не гордость, которая, къ несчастію, бываетъ иногда порокомъ людей великихъ, но глупую спѣсь—неотъемлемую принадлежность душъ мелкихъ и ничтожныхъ,—то, списавъ самый вѣрный портретъ съ этого проѣзжаго, онъ достигъ бы совершенно своей цѣли. Представьте себѣ четвероугольное туловище, которое едва могло держаться въ равновѣсіи на двухъ короткихъ и кривыхъ ногахъ; величественно закинутую назадъ голову, въ превысокой косматой шапкѣ, широкое, багровое лице; огромные, оловяннаго цвѣта, круглые глаза; вздернутый носъ, похожій на луковицу, и безконечные усы, которые не опускались къ низу

и не подымались въ верхъ, но въ прямомъ, горизонтальномъ направленіи, казалось, защищали надутыя щеки, разрумяненныя природою и частымъ употребленіемъ горѣлки. Спѣсь, чванство и глупость, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражались въ каждой чертѣ лица его, въ каждомъ движеніи и даже въ самомъ голосѣ, который, переходя безпрестанно изъ охриплаго баса въ сиповатый дискантъ, изображалъ попеременно: то надменную волю знаменитаго вельможи, увѣреннаго въ безусловномъ повиновеніи, то неукротимый гнѣвъ грознаго повелителя, коего приказанія не исполняются съ должной покорностью.

Между тѣмъ, какъ этотъ проѣзжій отдавалъ казакамъ какія-то приказанія на польскомъ языкѣ, Кирша не переставалъ на него смотрѣть. На лицѣ запорожца изображались поперемѣнно совершенно противуположныя чувства: сначала, казалось, онъ удивился и, смотря на странную фигуру поляка, старался что-то припомнить; потомъ презрѣніе изобразилось въ глазахъ его. Черезъ минуту они заблистали веселостью и почти въ то же время, при встрѣчѣ съ гордымъ взглядомъ поляка, изъявляли глубочайшую покорность, которую однакожъ трудно было согласить съ насмѣшливой улыбкою, едва замѣтною, но не менѣе того выразительною.

— Ну, что жъ вы стали?—сказалъ панъ грознымъ голосомъ, оборотясь снова къ Киршѣ.—Иль не слышали?... Вонъ отсюда!

Повелительный голосъ поляка представлялъ такую странную противуположность съ наружностію, которая возбуждала чувство, совершенно противное страху, что Алексѣй, не думая повиноваться, стоялъ какъ вкопаный, глядѣлъ во всѣ глаза на пана и кусалъ губы, чтобъ не лопнуть со смѣху.

— Цо то есть! — завизжалъ дискантомъ полякъ.— Ахъ, вы москали! да знаете ли кто я?

— Не гнѣвайся, ясновельможный панъ! — сказалъ съ низкимъ поклономъ Кирша;—мы съ просонья не разсмотрѣли твоей милости. Дозволь намъ хотя въ уголку остаться. Вотъ лишь разсвѣнетъ, такъ мы и въ дорогу.

— А это что за неучъ растянулся на скамьѣ? — продолжалъ панъ, взглянувъ на молчаливаго прохожаго.—Гей ты, олухъ!

Незнакомый приподнялся, но вмѣсто того, чтобы встать, сѣлъ на скамью и спросилъ хладнокровно у поляка, чего онъ требуетъ?

— Пошелъ вонъ изъ избы!

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— И ты еще смѣешь разсуждать! Вонъ, говорятъ тебѣ!

— Слушай, полякъ,—сказалъ незнакомый твердымъ голосомъ:—постоялый дворъ не для тебя одного выстроенъ, а если тебѣ тѣсно, такъ убирайся самъ отсюда.

— Цо то есть?—заревѣлъ полякъ.—Почекай, москаль, почекай. Гей, хлопцы! вытолкайте вонъ этого грубіана.

— Вытолкать? меня?... Попытайтесь! — отвѣчалъ незнакомый, приподымаясь медленно со скамьи.—Ну, чтожъ вы стали, молодцы?—продолжалъ онъ, обращаясь къ казакамъ, которые, не смѣя тронуться съ мѣста, глядѣли съ изумленіемъ на колоссальныя формы проѣзжаго.—Что, ребята, видно я не по васъ?

— Рубите этого разбойника!—закричалъ полякъ, пятясь къ дверямъ.—Рубите въ мою голову!

— Нѣтъ, господа честные, прошу у меня не буянить,—сказалъ хозяинъ.—А ты, добрый человѣкъ, никакъ забылъ, что хотѣлъ чѣмъ-свѣтъ ѣхать? Слышишь, вторые пѣтухи поютъ!

— И впрямь пора запрягать,—сказалъ торопливо

проѣзжій и, не обращая никакого вниманія на поляка и казаковъ, вышелъ вонъ изъ избы.

— Ага! догадался!—сказалъ полякъ, садясь въ передній уголъ.—Счастливъ ты, что унесъ ноги, а не то-бы я съ тобою перевѣдался. Нѣхъ, ихъ вщисци дьябли везмо! Какіе здѣсь буяны! Видно, не были еще въ передѣлѣ у пана Лисовскаго.

— Пана Лисовскаго?—повторилъ Кирша.—А ваша милость его знаетъ?

— Какъ не знать!—отвѣчалъ полякъ, погладивъ съ важностью свои усы.—Мы съ нимъ пріятели: побратались на ратномъ полѣ, вмѣстѣ били москалей...

— И вѣрно подъ Троицкимъ монастыремъ? — прервалъ запорожецъ.

Полякъ поглядѣлъ пристально на Киршу и, поправя свою шапку, продолжалъ важнымъ голосомъ:—Да, да! подъ Троицкимъ монастыремъ, изъ котораго москали не смѣли днемъ и носу показывать.

— Прошу не погнѣваться,—возразилъ Кирша — я самъ служилъ въ войскѣ гетмана Сапѣги, который стоялъ подъ Троицею, и, помнится, русскіе колотили насъ порядкомъ; бывало, какъ случится, то днемъ, то ночью. Вотъ, напримѣръ, помнишь, ясновельможный панъ, какъ однажды поутру, на монастырскомъ капустномъ огородѣ?... Что это ваша милость изволитъ вертѣться? Иль не ловко сидѣть!

— Ничего, ничего...—отвѣчалъ полякъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Какъ теперь гляжу,—продолжалъ Кирша:—на этомъ огородѣ лихая была схватка, и панъ Лисовскій одинъ за десятерыхъ работалъ.

— Да, да,—прервалъ полякъ,—онъ дрался, какъ чортъ! Я смѣло это могу говорить потому, что не отставалъ отъ него ни на минуту.

— Такъ по этому, ясновельможный, ты былъ свп

дѣтелемъ, какъ онъ наткнулся на одного молодца, который, во время драки, словно заяцъ, притаился между грядъ, и какъ панъ Лисовскій отпотчивалъ этого труса нагайкою?

Оловянные глаза поляка завертѣлись во всѣ стороны, а багровый носъ засверкалъ какъ уголь.

— Какъ нагайкой?—вскричалъ онъ.—Кого нагайкой?... Это вздоръ!... Этого никогда не было!

— Помилуй, какъ не было!—продолжалъ Кирша.—Да объ этомъ все войско Сапѣги знаетъ. Этотъ трусишка служилъ въ региментѣ Лисовскаго товарищемъ и, помнится, прозывался... да, точно такъ... паномъ Копычинскимъ.

— Неправда, не вѣрьте ему!—закричалъ полякъ, обращаясь къ казакамъ.—Это клевета!... Копычинскаго не только Лисовскій, но и самъ чортъ не смѣлъ бы ударить нагайкою: онъ никого не боится!

— Да что-жъ за нелегкая угораздила его завалиться между грядъ въ то время, какъ другіе дрались?

— Что? Какъ что?... Да кто тебѣ сказалъ, что я, лежалъ между грядъ?

— Ага! такъ это ты, ясновельможный? Прошу покорно, чего злые люди не вздумаютъ! Вѣдь точно говорятъ, что Лисовскій тебя поколотилъ, и что еслибъ на другой день ты не бѣжалъ въ Москву, то онъ, для острастки другихъ, непремѣнно бы тебя повѣсилъ.

— Какой вздоръ, какой вздоръ!—прервалъ полякъ, стараясь казаться равнодушнымъ. — Да что съ тобою говорить! Гей, хозяинъ, что у тебя есть? Я хочу поужинать.

— Ахти, кормилецъ! — отвѣчалъ хозяинъ, — да у меня ничего, кромѣ хлѣба, не осталось.

— Какъ ничего?

— Видитъ Богъ, ничего!,.. Была корчага каши, толокно и горшокъ щей, да все проѣзжіе поѣли.

— Быть не можетъ, чтобъ у тебя ничего не осталось. Гей, Нехорошко!—продолжалъ онъ, взглянувъ на одного изъ казаковъ,—пошарь-ка въ печи: не найдешь ли чего нибудь.

Казакъ отодвинулъ заслонку и вытащилъ жаренаго гуся.

— Цо то есть?—закричалъ полякъ.—Ахъ, ты лайдакъ! какъ-же ты говорилъ, что у тебя нѣтъ съѣстнаго?

— Да это чужое, родимый,—сказала хозяйка.— Этого гуся привезъ съ собою вотъ тотъ баринъ, что спитъ на печи.

— А кто онъ? полякъ?

— Нѣтъ, кормилецъ, кажись русскій.

— Москаль?... Такъ давай сюда!

Алексѣй хотѣлъ было вступиться за право собственности своего господина, но одинъ изъ казаковъ далъ ему такого толчка, что онъ едва устоялъ на ногахъ.

— Разбуди своего барина,—шепнулъ Кирша,—онъ лучше нашего управится съ этимъ буяномъ.

Пока Алексѣй будилъ Юрія и объявлялъ ему о насильственномъ завладѣніи гуся, полякъ, снявъ шапку, расположился спокойно ужинать. Юрій слѣзъ съ печи, спряталъ за пазуху пистолетъ и, отдавъ потихоньку приказаніе Алексѣю, который въ ту же минуту вышелъ изъ избы, подошелъ къ столу.

— Добраго здоровья!—сказалъ онъ, поклонясь вѣжливо пану.

Полякъ, не переставая ѣсть, кивнулъ головою и показалъ молча на скамью; Юрій сѣлъ на другомъ концѣ стола и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ: по вкусу ли ему жареный гусь?

— Какъ проголодаешься, такъ все будетъ вкусно,— отвѣчалъ полякъ,—А что, этотъ гусь твой?

— Мой, панъ.

— Нечего сказать, вы, москали, догадливѣе насъ, всегда съ запасомъ ѣздите. Правда, намъ это и не нужно; для насъ, поляковъ, нѣтъ ничего завѣтнаго.

— Конечно, панъ, конечно. Да что-жъ ты пересталъ? Кушай на здоровье!

— Не хочу; я сытъ.

— Не совѣстись, покушай!

— Нѣтъ, ѣшь самъ, если хочешь.

— Спасибо! я не привыкъ кормиться ни чьими объѣдками, да не люблю, чтобъ и другіе не доѣдали. Кушай, панъ!

— Я ужъ тебѣ сказалъ, что не хочу.

— Не прогнѣвайся: ты сейчасъ говорилъ, что для поляковъ нѣтъ ничего завѣтнаго, то-есть: у нихъ въ обычаѣ брать чужое, не спросясь хозяина... быть можетъ; а мы русскіе, хлѣбосолы, любимъ потчивать: у всякаго свой обычай. Кушай, панъ!

— Да чтожъ ты присталъ въ самомъ дѣлѣ...

— И не отстану до тѣхъ поръ, пока ты не съѣшь всего гуся.

— Какъ всего?

— Да! всего,—повторилъ Юрій, вынимая пистолетъ.—Прошу покорно: принялся ѣсть, такъ ѣшь!

— Цо то есть,—завизжалъ полякъ.—Гей, хлопцы! Быстрымъ движеніемъ руки Юрій, подвинувъ впередъ столъ, притиснулъ къ стѣнѣ поляка и, обернувшись назадъ, закричалъ казакамъ: Стойте, ребята! ни съ мѣста!

Эти слова были произнесены такимъ повелительнымъ голосомъ, что казаки, которые хотѣли броситься на Юрія, остановились.

— Слушайте, товарищи!—продолжалъ Юрій:—если кто изъ васъ тронется съ мѣста, пошевелитъ однимъ пальцемъ, то я въ тотъ же мигъ размозжу ему голову.

А ты, ясновельможный, прикажи имъ выйдти вонъ, я угощаю одного тебя. Ну, что-жъ ты молчишь? Слушай, полякъ! Я никогда не божился понапрасну, а теперь побожусь, что ты не успѣешь перекреститься, если они сейчасъ не выйдутъ. Долго-ль мнѣ дожидаться?—прибавилъ онъ, направляя дуло пистолета прямо въ лобъ поляку.

— Іезусъ, Марія! — закричалъ полякъ, стараясь спрятать подъ столъ свою обритую голову.—Ступайте вонъ!.. ступайте вонъ!...

— Эй, ребята, убирайтесь!—сказалъ Кирша,—а не то этотъ баринъ какъ разъ влѣпитъ ему пулю въ лобъ: онъ шутить не любитъ.

— Ступайте вонъ, злодѣи! ступайте вонъ!—продолжалъ кричать полякъ, закрывая руками глаза, чтобъ не видѣть конца пистолета, который въ эту минуту казался ему длиннѣе крѣпостной пищали. Казаки, выходя вонъ, повстрѣчались съ незнакомымъ проѣзжимъ, который, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на это странное угощеніе, сталъ потихоньку разспрашивать хозяина.

— Теперь, Кирша,—сказалъ Юрій,—между тѣмъ какъ я стану угощать дорогого гостя, возьми свою винтовку и посматривай, чтобы эти молодцы не воротились. Ну, панъ, прошу покорно! Да поторапливайся: мнѣ некогда дожидаться.

Полякъ, не отвѣчая ни слова, принялся ѣсть, а Юрій, не перемѣняя положенія, продолжалъ его потчивать. Бѣдный панъ спѣшилъ глотать цѣлыми кусками, давился. Нѣсколько разъ принимался онъ просить помилованія, но Юрій оставался непреклоннымъ, и умоляющій взоръ поляка встрѣчалъ всякій разъ роковое дуло пистолета, взведенный курокъ и грозный взглядъ, въ которомъ онъ ясно читалъ свой смертный приговоръ.

— Позволь хоть отдохнуть!...—пропищалъ онъ, наконецъ, задыхаясь.

— И, полно, панъ! Мнѣ некогда дожидаться, доѣдай!...

— Смѣлѣй, панъ Копычинскій, смѣлѣе!—сказалъ Кирша;—ты видишь, немного осталось. Что робѣть, то хуже... Ну, вотъ и дѣло съ концомъ!—примолвилъ онъ, когда полякъ проглотилъ послѣдній кусокъ.

— И, кстати!—прервалъ Юрій.—Угощать, такъ угощать! Тамъ въ печи долженъ быть пирогъ. Кирша, подай-ка его сюда.

— Взмилуйся!—завопилъ полякъ отчаяннымъ голосомъ.—Не могу, якъ пана Бога кохамъ, не могу.

— Что, панъ, будешь ли впередъ непрошенный кушать за чужимъ столомъ?—сказалъ незнакомый проѣзжій.—Спасибо тебѣ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію,—спасибо, что проучилъ этого наглеца. Да будетъ съ него; брось этого негодяя! У насъ на Руси лежачихъ не бьютъ. Дай мнѣ свою руку, молодецъ! Авось-ли Богъ приведетъ намъ еще встрѣтиться. Быть можетъ, ты поймешь тогда, что присяга, вынужденная обманомъ и силою, ничтожна предъ Господомъ, и что умерсть за Вѣру Православную и святую Русь честнѣе, чѣмъ жить подъ ярмомъ иновѣрца и носить позорное имя раба иноплеменныхъ. Прощай, хозяинъ! Вотъ тебѣ за постой,—примолвилъ онъ, бросивъ на столъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Не надо, кормилецъ!—сказалъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ,—мы и такъ довольны.

Незнакомый поглядѣлъ съ удивленіемъ на хозяина; но, не отвѣчая ничего, пожалъ руку Юрію, перекрестился, вышелъ изъ избы и черезъ минуту промчался шибкой рысью мимо постоялаго двора.

Межъ тѣмъ полякъ успѣлъ выбраться изъ-за стола и пробирался къ дверямъ. Юрій остановилъ его.

— Не уходи, панъ,—сказалъ онъ:—я сейчасъ ѣду и ты можешь остаться буянить здѣсь на просторѣ, сколько хочешь. Прощай, Кирша.

— Нѣтъ, бояринъ, прошу не прогнѣваться,—сказалъ запорожецъ:—я по милости твоей гляжу на свѣтъ Божій; и не отстану отъ тебя до тѣхъ поръ, пока ты самъ меня не прогонишь.

— По мнѣ пожалуй! Но пѣшій конному не товарищъ.

— Да у меня есть на что купить лошадь.

— А я продамъ, — сказалъ хозяинъ. — Знатный конь! Немного храмлетъ, а шагистъ, и хоть ему за десять, а такой строгой, что только держись! Ну, вѣришь ли Богу! еслибъ онъ не окривѣлъ, такъ я бы съ нимъ ни за что не разстался.

—Добро, добро!—прервалъ Кирша,—лишь бы только онъ дотащилъ меня до перваго базара.

— Мы поѣдемъ шагомъ,—сказалъ Юрій,—такъ ты успѣешь насъ догнать. Прощай, панъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ поляку, который, не смѣя пошевелиться, сидѣлъ смирнехонько на лавкѣ.—Впередъ знай, что не всѣ москали сносятъ спокойно обиды, и что есть много русскихъ, которые, уважая храбраго иноземца, не попустятъ никакому забіякѣ, хотя бы онъ былъ и полякъ, ругаться надъ собою. А всего лучше вспоминай почаще о жареномъ гусѣ. До зобаченья, ясновельможный панъ!

V.

Утренняя заря румянила свѣжую равнину; вдали, сквозь рѣдѣющій мракъ, забѣлѣлись верхи холмовъ, и звѣзды, одна послѣ другой, потухали на чистомъ небосклонѣ. Дорога, по которой ѣхалъ Юрій въ сопро-

вожденіи вѣрнаго слуги своего, извиваясь съ полверсты по берегу Волги, вдругъ круто повернула налѣво, и прямо противъ нихъ дремучій боръ, какъ черная безконечная полоса, обрисовался на пламенѣющемъ востокѣ. Проѣхавъ версты двѣ, они очутились при въѣздѣ въ темный боръ; дорога шла опушкою лѣса; среди частаго кустарника, подобно огромнымъ сѣдымъ привидѣніямъ, угрюмо возвышались вѣковыя сосны и вѣтвистыя ели; на ихъ исполинскихъ вершинахъ, покрытыхъ инеемъ, играли первые лучи восходящаго солнца, и длинныя тѣни ихъ, устилая всю дорогу, далеко ложились въ чистомъ полѣ.

Алексѣй нѣсколько разъ начиналъ говорить съ своимъ господиномъ; но Юрій не отвѣчалъ ни слова. Погруженный въ глубокую думу, онъ ѣхалъ медленно, опустя поводья своей лошади. Послѣднія слова незнакомаго проѣзжаго отозвались въ душѣ его; тысячи различныхъ мыслей и противоположныхъ желаній волновали его грудь. «Русскіе—рабы иноплеменныхъ!» Ахъ! эти слова, какъ похоронная пѣснь, какъ смертный приговоръ, обливали хладомъ его сердце, кипящее любовью къ вѣрѣ и отечеству. «Нѣтъ», сказалъ онъ наконецъ, какъ будто-бъ отвѣчая на слова незнакомца: «нѣтъ, Господь не допуститъ насъ быть рабами иновѣрцевъ! Мы клялись повиноваться не польскому королевичу, но благовѣрному Русскому Царю. Владиславъ отречется отъ своей ереси; онъ покинетъ свой родной край; наша земля будетъ его землею; наша вѣра православная—его вѣрою. Такъ! онъ будетъ отцемъ нашимъ; онъ соединитъ всѣ помышленія и сердца дѣтей своихъ; разсѣетъ, какъ прахъ земной, коварные замыслы супостатовъ, и тогда, какой иноплеменный дерзнетъ посягнуть на святую Русь?»

— Кой чортъ!—вскричалъ Алексѣй, наѣхавъ на колоду, черезъ которую лошадь его съ трудомъ пере-

скочила.—Пора бы солнышку проглянуть; что это оно залѣнилось сегодня?... всходить-не-всходитъ.

— Мы ѣдемъ въ тѣни, — отвѣчалъ Юрій. — Вотъ, тамъ, кажется, поворотъ, и намъ будетъ ѣхать свѣтлѣе.

— И теплѣе, бояринъ; а здѣсь такъ вѣтромъ насквозь и прохватываетъ. Ну, Юрій Дмитричъ,—продолжалъ Алексѣй, радуясь, что господинъ его началъ съ нимъ разговаривать;—лихо же ты отдѣлалъ этого похвальбишку поляка! Вотъ что называется:—угостить по-русски! Чай, ему недѣли двѣ ѣсть не захочется. Однако-жъ, бояринъ, какъ мы выѣзжали изъ деревни, такъ въ уши мнѣ наносило что-то неладное, и не будь я Алексѣй Бурнашъ, если теперь вся деревушка не набита конными поляками.

— Ты слышалъ конскій топотъ?

— Да, бояринъ; а зимою табуновъ не гоняютъ. Чего добраго!... Кострома не далеко отсюда, а тамъ стоятъ поляки! не диво имъ завернуть и въ здѣшнюю сторону.

— Да, это быть можетъ.

— Ну, если этотъ трусъ Копычинскій имъ пожалуется и они пустятся за нами въ погоню? а за проводникомъ у нихъ дѣло не станетъ: Кирша не даромъ остался на постояломъ дворѣ.

— И, Алексѣй, побойся Бога! Неужели ты думаешь, что тотъ, кто по милости нашей глядитъ на свѣтъ Божій, не посовѣстится...

— Эхъ, бояринъ! захотѣлъ ты совѣсти въ этихъ чертяхъ запорожцахъ; они наврядъ и Бога-то знаютъ, окаянные! Станетъ запорожскій казакъ помнить добро! Да онъ, прости Господи, отца роднаго продастъ за чарку горѣлки. Ну вотъ, кажется, и просѣка. Ай да лѣсокъ! Эка трущоба—зги Божьей не видно! То-то приволье, бояринъ: есть гдѣ поохотиться!... Чай здѣсь медвѣдей и всякаго звѣря тьма-тьмущая!

Наши путешественники въѣхали по узкой просѣкѣ въ средину лѣса. Съ каждымъ шагомъ темный боръ становился непроходимѣе, и несмотря на то, что сильный вѣтеръ колебалъ вершины деревьевъ, внизу царствовала совершенная тишина. Отъ времени до времени, прорываясь сквозь чащу лѣса, скользилъ вдоль просѣки яркій лучъ восходящаго солнца; но по обѣимъ сторонамъ дороги густой мракъ покрывалъ всѣ предметы. Все было мертво вокругъ, и только изрѣдка черный воронъ, пробудясь отъ конскаго топота, перелеталъ съ одной сосны на другую, осыпая пушистымъ инеемъ Юрія и Алексѣя, который при каждомъ разѣ, вздрогнувъ отъ страха, робко озирался на всѣ стороны. Не замѣчая охоты въ своемъ господинѣ продолжать разговоръ, онъ принялся насвистывать пѣсню. Нѣсколько минутъ ѣхали они молча, какъ вдругъ Алексѣй, осадивъ свою лошадь, сказалъ робкимъ голосомъ:—слышишь, бояринъ?

— Что такое?—спросилъ Юрій, какъ будто пробудясь отъ сна.

— Чу! слышишь? Кто-то скачетъ за нами!

— Да, и очень шибко... Это вѣрно Кирша.

— Нѣтъ, Юрій Дмитричъ! я видѣлъ клячу, которую продавалъ ему хозяинъ постоялаго двора: на недалеко не ускачешь. Глядь-ка сюда, бояринъ, видишь —черпѣется вдали? Какой это Кирша! Словно птица летитъ.

Всадникъ, который дѣйствительно съ необычайной быстротою приближался къ нашимъ путешественникомъ, выскакалъ на небольшую поляну и солнечный лучъ отразился на лицѣ его. Юрій тотчасъ узналъ въ немъ запорожца, который, припавъ къ сѣдельной лукѣ, вихремъ мчался по дорогѣ.

— Ну, не говорилъ ли я тебѣ, что это Кирша?—сказалъ онъ Алексѣю.

— Вижу, бояринъ, вижу! Теперь и я узнаю его косматую шапку и черную собаку. Да откуда взялся у него гнѣдой конь? Кажись, онъ покупалъ пѣгую лошадь... Экъ его черти несутъ! Тише ты, тише, дьяволъ! совсѣмъ было смялъ боярина.

— Не теряйте времени,—сказалъ торопливо Кирша, осадя съ трудомъ свою лошадь:—за вами погоня.

— Ну, такъ... чуяло мое сердце!—вскричалъ Алексѣй.—Въ деревнѣ поляки?...

— Да! три хоругви *), и человѣкъ двѣсти лагерной челяди.

— Съ нами крестная сила! Что-жъ мы мѣшкаемъ, бояринъ? По лошадямъ, да унеси Господь!

— Чего-жъ ты боишься?—сказалъ Юрій.—Когда поляки узнаютъ, кто я...

— Оно такъ, Юрій Дмитричъ, но пока ты будешь имъ толковать, что ѣдешь съ грамотой пана Гонсѣвскаго, они успѣютъ подстрѣлить насъ обоихъ; у поляковъ расправа короткая.

— А особливо,—прибавилъ Кирша,—когда они увѣрены, что ты ихъ непріятель и везешь съ собою много денегъ.

— Да еще въ добавокъ,– прервалъ Алексѣй,—чуть-чуть не заставилъ поляка подавиться жаренымъ гусемъ.

— За труса Копычинскаго,—продолжалъ Кирша,—они бы не вступились, да онъ увѣрилъ ихъ, что ты врагъ поляковъ и везешь казну въ Нижній-Новгородъ. Я вмѣстѣ съ другими втерся на постоялый дворъ и все это слышалъ своими ушами. Пока регинентарь (**) отряжалъ за вами погоню, я сталъ придумывать, какъ бы васъ избавить отъ бѣды неминучей; вышелъ на

---

*) Конныя роты.
**) Полковой командиръ

дворъ, глядь... у крыльца одинъ шеренговый держитъ за поводъ этого коня; посмотрѣлъ—парень щедушный; я подошелъ поближе, изнаровился, да хвать его по лбу кулакомъ! Не пикнулъ, сердечный! а я, прыгъ на коня, въ заднія ворота, проселкомъ, выскакалъ на большую дорогу, да и былъ таковъ! Однакожъ, слышите ли, какой гулъ идетъ по лѣсу? Кой чортъ! да неужели они всѣ пустились за вами въ погоню?

Въ самомъ дѣлѣ, казалось, весь лѣсъ оживился: глухой шумъ, похожій на отдаленный ревъ воды, прорвавшей плотину, свистъ и пистолетные выстрѣлы, пробудили стаи птицъ, которыя съ громкимъ крикомъ пронеслись надъ головами нашихъ путешественниковъ.

— Живѣй, бояринъ, живѣй!—закричалъ Кирша, понуждая свою лошадь.—Эти сорванцы ближе, чѣмъ мы думаемъ. Посмотри, какъ ощетинился Зарѣзъ: не даромъ онъ бросается во всѣ стороны. Назадъ, Зарѣзъ, назадъ. Ну такъ и есть!... берегись, бояринъ!

Вдругъ раздался громкій выстрѣлъ, и лошадь Юрія повалилась мертвая на землю. Шагахъ въ восьмидесяти передъ толпою конныхъ поляковъ летѣлъ удалой наѣздникъ. Стойте!—закричалъ онъ, прицѣливая вторымъ пистолетомъ въ Киршу. Быстрѣе молніи соскочилъ запорожецъ на землю.

— Садись на моего коня, бояринъ,—сказалъ онъ,—а я перевѣдаюсь съ этимъ налетомъ!

Онъ схватилъ свою винтовку, пуля засвистѣла и почти въ ту же самую минуту испуганная лошадь, безъ сѣдока, пронеслась мимо нашихъ путешественниковъ.

— Ну, теперь съ Богомъ!—сказалъ Кирша.

— А ты?—спросилъ Юрій.

— Пѣшему вездѣ дорога.

— Но если тебя убьютъ?

— Такъ что-жъ? долгъ платежемъ красенъ. Съ Богомъ!

— Ради Христа, бояринъ,—закричалъ Алексѣй,—поспѣшимъ: вотъ они!

Толпа конныхъ поляковъ, съ громкимъ крикомъ, быстро приближалась къ нашимъ путешественникамъ.

— Да что тутъ растабарывать! Не погнѣвайся, бояринъ,—сказалъ Кирша, ударивъ нагайкою лошадь, на которой сидѣлъ Юрій. Лихой конь взвился на дыбы и, какъ изъ лука стрѣла, помчался вдоль дороги.

— Ловите пѣшаго! подстрѣлите его! заревѣли изъ толпы дикіе голоса и пули посыпались градомъ; но Кирша былъ уже далеко, онъ пустился бѣгомъ по узенькой тропинкѣ, которая, изгибаясь между кустовъ, шла въ глубину лѣса. Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, Кирша остановился; онъ прилегъ на-земь и сталъ прислушиваться: чуть-чуть отзывался вдали конскій топотъ, отголосокъ не повторялъ уже дикихъ криковъ буйной толпы всадниковъ; вскорѣ все утихло, и усталая собака улеглась спокойно у ногъ его. Увѣрясь наконецъ, что онъ внѣ опасности, набожный запорожецъ перекрестился; потомъ, вынувъ изъ-за пазухи рожекъ съ порохомъ и пулю, началъ заряжать свою винтовку. Кирша не успѣлъ еще порядкомъ приколотить пулю, какъ вдругъ Зарѣзъ поднялъ уши, заворчалъ, опрометью бросился назадъ по тропинкѣ, и черезъ минуту, съ лаемъ, возвратился къ своему господину. «Что ты, что ты, Зарѣзушка?»—сказалъ Кирша, погладивъ его ласково рукою.—«Что съ тобою сдѣлалось? Ужъ не почуялъ ли ты краснаго звѣря? Кой прахъ! Да что ты ко мнѣ такъ прижимаешься?... Неужели... да нѣтъ! Я и пѣшій насилу сквозь эту дичь продирался... Однако-жъ и мнѣ кажется... ужъ не медвѣдь ли?... Нѣтъ, чортъ возьми!... Молчать, Зарѣзъ!»

Вдругъ въ близкомъ разстояніи захрустѣлъ валежъ

никъ и шаги многихъ людей, поспѣшно идущихъ, раздались по лѣсу. Киршѣ не трудно было догадаться, что нѣсколько спѣшенныхъ всадниковъ послано за нимъ въ погоню и что опасность еще не миновалась. Боясь заплутаться въ этомъ непроходимомъ лѣсу, онъ снова пустился по тропинкѣ, которая часъ-отъ-часу становилась не замѣтнѣе, и наконецъ, при выходѣ на большую поляну, совсѣмъ исчезла. Кирша остановился въ недоумѣніи; онъ чувствовалъ всю опасность выдти на открытое мѣсто; но на другой сторонѣ поляны, въ самой чащѣ лѣса, тонкій дымокъ, пробираясь сквозь густыя вѣтви, обѣщалъ ему убѣжище, а можетъ быть и защиту. Межъ тѣмъ шумъ приближался, разсуждать было некогда: онъ рѣшился и вышелъ изъ лѣсу. «Вотъ онъ! держите его! хватите живаго!» загремѣли позади грубые голоса. Кирша оглянулся: человѣкъ десять вооруженныхъ поляковъ выбѣжали на поляну: нельзя было и помышлять объ оборонѣ; двое изъ нихъ, опередя своихъ товарищей, стали догонять его; еще нѣсколько шаговъ—и запорожецъ достигъ бы опушки лѣса, какъ вдругъ, набѣжавъ на пенекъ, онъ споткнулся и упалъ.—Ага, лайдакъ! попался!—закричалъ одинъ изъ поляковъ, вырывая у него изъ рукъ винтовку.—Скрути хорошенько этого поганаго москаля! заревѣлъ другой; но вѣрный Зарѣзъ, какъ тигръ, кинулся на грудь къ поляку, схватилъ его за горло и ударилъ о-земь. Товарищъ бросился къ нему на помощь, а Кирша вскочилъ и, добѣжавъ до частаго кустарника, почти безъ чувствъ повалился на снѣгъ. Онъ не могъ видѣть, что происходило на полѣ; но слышалъ ясно крикъ и ругательства поляковъ, громкій лай, потомъ отчаянный вой, и наконецъ послѣдній визгъ издыхающаго Зарѣза. Сердце его обливалось кровью; нѣсколько разъ брался онъ за рукоятку своего кинжала, силился встать, но, задыхаясь и въ со-

вершенномъ изнеможеніи, падалъ опять на землю. Между тѣмъ, сколько могъ онъ разслушать, поляки, собравшись въ кружокъ, разсуждали межъ собою: должны ли воротиться, или продолжать его преслѣдовать? Къ счастію Кирши, прошло нѣсколько минутъ въ спорахъ и, когда они рѣшились, повидимому, продолжать свои поиски, онъ успѣлъ уже отдохнуть и, поднявшись на ноги, пустился къ тому мѣсту, надъ которымъ носилось прозрачное дымное облако.

VI.

Кирша, съ трудомъ пробираясь сквозь чащу, дошелъ наконецъ до высокаго плетня, обрытаго глубокою канавою. Не теряя времени, онъ перелѣзъ через плетень, за которымъ дюжины двѣ ульевъ, безъ всякаго порядка разставленныхъ, окружали небольшую избушку, до половины занесенную снѣгомъ. Дымъ, выходя изъ слуховаго окна, крутился надъ ея соломенною кровлею; а у самыхъ дверей огромная цѣпная собака, пригрѣтая солнышкомъ, лежала подлѣ своей конуры. Почуя незнакомаго, она громко залаяла; Кирша остановился, ожидая, что кто-нибудь выйдетъ изъ избы, но никто не появлялся; онъ, вынувъ изъ своей дорожной сумы кусокъ хлѣба, бросилъ его собакѣ, и умилостивленный Церберъ, ворча, спрятался въ свою конуру.—«Бѣдный Зарѣзъ!—сказалъ Кирша, входя въ избу;—ты также бывало сторожилъ мой домъ, да не такъ легко было тебя задобрить!» Съ перваго взгляда запорожецъ увѣрился, что въ избѣ никого не было; но затопленная печь, покрытый ширинкою столъ и початый коровай хлѣба, подлѣ котораго стоялъ большой кувшинъ съ брагою, все доказывало, что хозяинъ отлучился на ко-

роткое время. Отъ печи, вдоль избы, шла перегородка, за которою стояли пустые улья, кадки и нѣсколько боченковъ. Кирша не успѣлъ еще порядкомъ осмотрѣться, какъ вдругъ послышались въ близкомъ разстояніи голоса. Не зная, кто подходитъ, другъ, или недругъ, онъ спрятался за перегородку и прилегъ между двухъ ульевъ, за которыми нельзя было его никакъ примѣтить. Кто-то вошелъ въ избу. Запорожецъ притаилъ дыханіе и сталъ внимательно прислушиваться.

— Входи смѣлѣй, Григорьевна,—сказалъ грубый голосъ. Небойся: кто приходитъ ко мнѣ съ хлѣбомъ, да солью, тому порчи бояться нечего.

— Вѣстимо батюшка, Архипъ Кудимовичъ,—отвѣчалъ женскій голосъ, перерываемый частымъ кашлемъ, —вѣстимо! ты человѣкъ добрый; да дѣло-то мое непривычное.

— Садись добро, тетка.—Да что это у тебя за пазухой?

— Такъ, кой-что, родимый!—Просимъ покорно принять. Вотъ въ этомъ кулечкѣ пирогъ, а это штофикъ вишневки съ боярскаго погреба.

— Спасибо, Григорьевна, спасибо!

— Кушай на здоровье, кормилецъ! Это шлетъ тебѣ Аграфена Власьевна.

— Нянюшка нашей молодой барышни?

— Да, батюшка! Ей самой некогда перемолвить съ тобой словечка, такъ просила меня...—О, охъ родимый! сокрушила ее дочка боярская, Анастасья Тимоѳеевна. Богъ вѣсть, что съ ней подѣлалось; плачетъ да горюетъ—совсѣмъ зачахла. Боярину прислали изъ Москвы какого-то досужаго поляка—рудомета, чтоль?... не знаю; да и тотъ толку не добьется. И нашептывалъ, и заморскаго зелья давалъ, и мало ли чего другаго—все проку нѣтъ. Ужъ не съ дурнаго ли глазу ей

такая немочь приключилась? Какъ ты думаешь, Архипъ Кудимовичъ?

— Не диво, Григорьевна, не диво. А давно ли она хвораетъ?

— Власьевна сказывала, что о зимнемъ Николѣ, когда бояринъ ѣздилъ съ ней въ Москву, она была здоровехонька; пріѣхала назадъ въ отчину—стала призадумываться; а какъ батюшка просваталъ ее за какого-то большаго польскаго пана, такъ она съ тѣхъ поръ какъ въ воду опущенная.

— Вотъ что! А не въ примѣту ли было, что въ Москвѣ, кто ни есть, пристально на ея барышню поглядывалъ?

— Какъ-же, родимый! Она съ Настасьей Тимоѳеевной каждый день слушала обѣдню у Спаса на Бору, и всякій разъ какой-то русый молодецъ глазъ съ нея не сводилъ.

— Вотъ что!—А не знаетъ ли она; кто этотъ дѣтина?

— Нѣтъ, батюшка; однажды только Власьевна вслушалась, что слуга называлъ его Юріемъ Дмитричемъ; а по платью и обычаю, кажись не изъ простыхъ.

Эти послѣднія слова удвоили любопытство Кирши и принудили его остаться въ чуланѣ, изъ котораго онъ хотѣлъ было уже выйти.

— Ну, какъ ты мѣшкаешь, кормилецъ!—продолжала Григорьевна: болѣзнь что-ль у нея какая, или она сохнетъ...

— Съ глазу, Григорьевна, съ глазу!

— И нянюшка тоже тростить; чему и быть другому! Да ты, батюшка, самъ на это дока, и если захочешь пособить...

Нѣтъ, Григорьевна, плохо дѣло: кто испортилъ, тому ее и пользовать надо. Однако я все-таки поговорю самъ съ Власьевной.

— Поговори, родимый, поговори: умъ хорошо, а два лучше. Ну батюшка: теперь и я тебѣ челомъ! Не оставь меня, горемычную! Вѣдь и уменя есть до тебя просьба.

— Что такое, Григорьевна?

— Вымолвить не смѣю.

— Говори, небойсь!

— Я пришла къ тебѣ уму-разуму поучиться, кормилецъ.

— Какъ такъ?

— Ты знаешь: дѣло мое вдовье, ни за мной, ни передо мною—вовсе голая сирота... подъ-часъ перекусить нечего.

— Знаю, знаю.

— Тебя умудрилъ Господь, Архипъ Кудимовичъ, ты всю подноготную знаешь: лошадь ли сбѣжитъ, корова ли зачахнетъ, червь ли нападетъ на скотину, задумаетъ ли парень жениться, начнетъ ли молодица выкликать—все къ тебѣ, да къ тебѣ, съ поклономъ. Да и самъ бояринъ, нѣтъ-тѣтъ, а скажетъ тебѣ ласковое слово: гдѣ-бъ ни пировали, Кудимовичъ тутъ какъ тутъ: какъ-дескать не позвать такого знахаря—бѣду наживешь!...

— Конечно такъ, Григорьевна. Да о чемъ же ты хлопочешь?

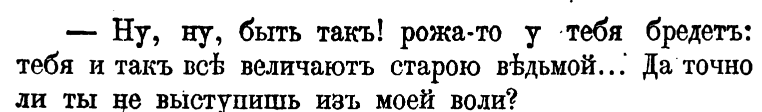
— А вотъ о чемъ, кормилецъ: научи ты меня, глупую, твоему досужеству: такъ и меня чаркою никто не обнесетъ, и меня не хуже твоего чествовать станутъ.

— Экъ съ чѣмъ подъѣхала, старая хрѣновка! Смотри пожалуй! ужъ не хочетъ ли со мной потягаться!

— И, что ты, кормилецъ! Выше лба уши не ростутъ. Что велишь, то и буду дѣлать.

— Ой-ли?

— Видитъ Господь, Архипъ Кудимовичъ! что-бъ со мной ни было, а изъ твоей воли не выступлю.



— Ну, ну, быть такъ! рожа-то у тебя бредетъ: тебя и такъ всѣ величаютъ старою вѣдьмой... Да точно ли ты не выступишь изъ моей воли?

— Въ кабалу къ тебѣ пойду, родимый!

— То-то-же, смотри! Слушай, Григорьевна, ужъ такъ и быть, я бы подался, дѣло твое сиротское..., да у бабы волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Ну если ты сболтнешь?...

— Кто! я, батюшка?...—Да изсуши меня Господь тоньше аржаной соломенки!... что-бъ мнѣ свѣту Божьяго не видать!... издохнуть безъ исповѣди!...

— Добро, добро, не божись!...—Дай подумать...

— Ну, слушай же, Григорьевна,—продолжалъ мужской голосъ послѣ минутнаго молчанія:—сегодня у насъ на селѣ свадьба: дочь нашего волостнаго дьяка идетъ за прикащикова сына. Вотъ какъ они поѣдутъ къ вѣнцу, ты заберись въ женихову избу на полати, прижмись къ уголку, потупься и нашептывай про себя.

— А что же, кормилецъ, шептать мнѣ велишь?

— Да что на умъ взбредетъ; и о чемъ бы тебя ни стали спрашивать—смотри, ни словечка! Бормочи себѣ подъ носъ, до покачивайся изъ стороны въ сторону.

— Слушаю, батюшка!

— Вотъ какъ поѣздъ воротится изъ церкви, я взойду въ избу, и лишь только переступлю черезъ порогъ, ты въ тотъ же мигъ—ужъ не пожалѣй себя для перваго раза—швыркомъ съ полатей, такъ и грянься о-полъ?

— О-полъ? Ахъ, мой родимый! да я этакъ и косточекъ не сберу!

— Вотъ еще боярыня какая? а тебѣ бы, чай, хотѣлось лежа на боку сдѣлаться колдуньей? Ну если успѣешь, подкинь соломки, да смотри, чтобъ никому не въ примѣту.

— Слушаю, батюшка, слушаю!

— Чтобъ я ни говорилъ, кричи только: «виновата!» а тамъ ужъ не твое дѣло. Третьяго-дня пропали боярскія красна; если тебя будутъ о нихъ спрашивать, возьми ковшъ воды, пошепчи надъ нимъ, взгляни на меня, и какъ я мотну головою, то отвѣчай, что они на гумнѣ Ѳедьки Хомяка запрятаны въ овинѣ.

— Ахъ, батюшки - свѣты! неужто въ самомъ дѣлѣ Ѳедька Хомякъ?...

— Ономнясь онъ грозился поколотить меня, такъ пусть теперь развѣдается съ прикащикомъ!

— Постой-ка! да ты никакъ шелъ оттуда, какъ я съ тобой повстрѣчалась?

— Молчи, старая корга! Ни гугу объ этомъ! Слышишь ли? видомъ не видала, слыхомъ не слыхала!

— Слышу, батюшка, слышу!

— Завтра приходи опять сюда: мнѣ кой-что надо съ тобой перемолвить, а теперь убирайся проворнѣй. Да смотри: обойди сторонкою, чтобъ никто не подмѣтилъ, что ты была у меня—понимаешь?

— Разумѣю, кормилецъ, разумѣю.

— Ну, то-то-жс ступай!

— Прощенья просимъ, батюшка Архипъ Кудимовичъ!

— Постой-ка: никакъ собака лаетъ?... такъ и есть! Кого это нелегкая сюда несетъ?... Слушай, Григорьевна, если тебя здѣсь застанутъ, такъ все дѣло испорчено. Спрячься скорѣй въ этотъ чуланъ, закинь крючекъ и притаись какъ мертвая.

— Григорьевна вошла за перегородку и, захлопнувъ дверь, прижалась къ улью, за которымъ лежалъ Кирша. Чрезъ минуту нѣсколько человѣкъ, греми саблями, съ шумомъ вошли въ избу.

— Гей, москаль!—закричалъ одинъ голосъ, нѣтъ ли у тебя кого-нибудь здѣсь?

— Никого, батюшка.

— Ты врешь! у тебя спрятанъ мошенникъ, которагоагомы ищемъ.

— Видитъ Богъ, нѣтъ!

— Говори всю правду, а не то я съ одного маху вышибу изъ тебя душу. Гей, Будила! и ты, Сума, осмотрите чердакъ, а мы обшаримъ здѣсь всѣ уголки Что у тебя за этой перегородкой?

— Пустые ульи, да кой-какая старая посуда.

— Лжешь, москаль! Дверь приперта изнутри: тамъ кто-нибудь да есть. Ну-ка, товарищи, въ плети его, такъ онъ заговоритъ.

— Помилуйте, господа честные! Всю правду скажу: тамъ сидитъ женщина.

— Женщина!—Да на кой-же чортъ ты ее туда запряталъ?

— Не прогнѣвайся, кормилецъ; вы люди ратные: дальше отъ васъ, дальше отъ грѣха.

— Давай ее сюда,—закричали грубые голоса.

— Да кстати; вотъ, кажется, штофъ наливки,—сказалъ тотъ, который допрашивалъ хозяина. Мы его разопьемъ вмѣстѣ съ этой затворницей. Выходи, красавица, а не то двери вонъ!...—Экъ она приперлась, проклятая!. . Ну-ка, товарищи разомъ!

— Стойте, ребята,—сказалъ кто-то хриповатымъ голосомъ. Штурмовать мое дѣло; только уговоръ лучше денегъ: кто первый ворвется, того и добыча. Посторонитесь!

Отъ сильнаго натиска могучаго плеча пробой вылетѣлъ и дверь растворилась настежъ.

— Ай, да молодецъ, Нагиба!—закричали поляки. Ну, выводи скорѣе плѣнныхъ!

— Полно-жъ упираться, лебедка, выходи!—сказалъ широкоплечій Нагиба, вытащивъ на средину избы Григорьевну.—Кой чортъ! Да это старая колдунья!—закричалъ онъ, выпустивъ ее изъ рукъ.

— Твоимъ бы ртомъ да медъ пить! родимый! — отвѣчала Григорьевна съ низкимъ поклономъ.

— Поздравляемъ, панъ Нагибъ, — закричали съ громкимъ хохотомъ поляки. Подцѣпилъ красотку!

— Ахъ, ты, беззубая! Ну, съ твоей ли харей прятаться отъ молодцовъ?—сказалъ Нагиба, ударивъ кулакомъ Григорьевну.—Вонъ отсюда, старая чертовка. А ты, рыжая борода, ступай съ нами, да выпроводи насъ на большую дорогу.

Постой, братъ,—сказалъ другой голосъ: все ли мы осмотрѣли!—Нѣтъ ли еще кого-нибудь за этой перегородкой?

— Видитъ Богъ—нѣтъ, кормилецъ!—отвѣчалъ хозяинъ, посматривая съ безпокойствомъ на темный уголъ чулана; въ которомъ стояли двѣ кадки съ медомъ. Кромѣ пустыхъ ульевъ и старой посуды тамъ ничего нѣтъ.

— И впрямь,—сказалъ Нагиба: кой-чортъ велитъ ему забиться въ эту западню, когда за каждымъ кустомъ онъ можетъ отъ насъ спрятаться?—Пойдемте, товарищи,—Э! да слушай ты, хозяинъ, чай, у тебя денежки водятся.

— Какъ Богъ святъ, ни одного пула (*) нѣтъ, родимый.

— Ну, ну, полно прижиматься!—отдавай волею, а то...

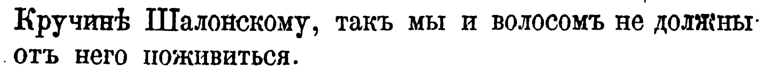
— Помилосердуй, кормилецъ!—вотъ-те Христосъ, вчера послѣднія деньжонки отнесъ боярину моему, Тимоѳею Ѳедоровичу Шалонскому.

— Слушай, москаль, подавай сейчасъ...

— Что ты, Нагиба, въ умѣ ли!—сказалъ одинъ изъ поляковъ.—Иль забылъ, что намъ наказывалъ панъ региментарь? Если этотъ старикъ служитъ боярину

---

*) *Самая* мелкая мѣдная монета.



Кручинѣ Шалонскому, такъ мы и волосомъ не должны отъ него поживиться.

— Панъ регментарь! панъ регментарь!... Э, нехъ его вшисци дьябли!...

— Тсъ, тише! что ты орешь, дуралей!—перервалъ тотъ же полякъ; иль ты думаешь, что отъ твоего лба пуля отскочитъ?—Смотри, ясновельможный шутить не любитъ. Пойдемте, ребята. А ты, хозяинъ, ступай передомъ да выведи насъ на большую дорогу.

— Черезъ нѣсколько минутъ изба опустѣла и Кирша могъ вздохнуть свободно. Онъ вышелъ потихоньку изъ чулана; шелестъ шаговъ едва былъ слышенъ вдали; вскорѣ все утихло. Встревоженная собака снова улеглась спокойно на солнышкѣ, и вертя привѣтливо хвостомъ, пропустила мимо себя Киршу, какъ стараго знакомца. Запорожецъ не сомнѣвался, что тропинка, идущая прямо отъ пчельника, выведетъ его въ отчину боярина Шалонскаго, гдѣ, по словамъ Алексѣя, онъ надѣялся увидѣть Юрія, если ему удалось спастись отъ преслѣдованія поляковъ. Онъ прошелъ версты четыре, не встрѣтивъ никого: но лѣсъ рѣдѣлъ примѣтнымъ образомъ и вдали цѣлыя облака дыма доказывали близость обширнаго селенія. Наконецъ тропинка привела его къ огородамъ. Пробираясь вдоль плетня, онъ подошелъ къ небольшой часовнѣ, противъ которой сквозь растворенныя ворота гумна, виднѣлся рядъ низкихъ, покрытыхъ соломою, хижинъ. Желая скорѣе добраться до жилья, онъ рѣшился пройти задами. Есть русская пословица: пуганая ворона и куста боится... она сбылась надъ Киршею. Проходя мимо пустаго овина, ему послышалось, что кто-то идетъ; первое движеніе запорожца было спрятаться въ овинъ. Прежде чѣмъ Кирша могъ образумиться и вспомнить, что его никто не преслѣдуетъ, онъ очутился на днѣ овинной ямы и, можетъ быть, заплатилъ бы дорого за свой

отчаянный скачекъ, еслибъ не упалъ на что-то мягкое. Не смотря на темноту, онъ тотъ-же часъ узналъ, ощупью, что подъ нимъ лежатъ нѣсколько кусковъ тонкой холстины. Тутъ вспомнилъ онъ чудный разговоръ, который слышалъ на пчельникѣ.—«Добро ты, поддѣльный колдунъ!»—подумалъ Кирша.—«Посмотримъ, шепнетъ ли тебѣ чортъ на ухо, что боярскія красна перешли изъ овина Ѳедьки Хомяка въ другое мѣсто?»—Эта мысль его развеселила. Онъ вытащилъ изъ ямы холстъ, вынесъ его въ лѣсъ и, зарывъ въ снѣгъ, подлѣ часовни, пошелъ по проложенной между двухъ огородовъ узенькой тропинкѣ.

Кирша вышелъ на широкую улицу, посреди которой, на небольшой площадкѣ, полуразвалившаяся деревянная церковь отличалась отъ окружающихъ ее избъ однимъ крестомъ и низкою, похожею на голубятню, колокольнею. Вся паперть и погостъ были усыпаны народомъ; священникъ, въ полномъ облаченіи, стоялъ у церковныхъ дверей; взоры его, также какъ и всѣхъ присутствующихъ, были обращены на толпу, которая медленно приближалась ко храму. Оружіе и воинственный видъ запорожца обратили на себя общее вниманіе, и когда онъ подошелъ къ церковному погосту, толпа съ почтеніемъ разступилась и всѣ передніе крестьяне, поглядывая съ робостію на Киршу, приподняли торопливо свои шапки, кромѣ одного плечистаго дѣтины, который взглянувъ довольно равнодушно на запорожца, обратился снова въ ту сторону, откуда приближалось нѣсколько саней и человѣкъ двадцать конныхъ и пѣшихъ. Открытый и смѣлый видъ крестьянина понравился Киршѣ; онъ подошелъ къ нему и спросилъ: для чего православные толпятся вокругъ церкви.

— Да такъ-ста,—отвѣчалъ крестьянинъ. — Народъ глупъ; вишь везутъ къ вѣнцу дочь волостнаго дьяка, такъ и всѣ пришли позѣвать на молодыхъ. Словно диво какое!

— Она выходитъ за сына вашего прикащика!

— А почему ты знаешь?

— Слухомъ земля полнится, товарищъ?

— Да ты вѣрно здѣшній?

— Нѣтъ, я сейчасъ пришелъ въ вашу деревню и никого здѣсь не знаю.

— Ой-ли?

— Право такъ!—А скажи-ка мнѣ: вонъ тамъ налѣво чьи хоромы.

— Боярина нашего, Тимоѳея Ѳедоровича Шалонскаго.

— Не пріѣхалъ ли къ нему кто-нибудь сегодня!

— Богъ вѣсть! Мы къ боярскому двору близко и не подходимъ.

— Что такъ? развѣ онъ человѣкъ лихой?

— Не роди мать на свѣтъ? Намъ и отъ холопей-то его житья нѣтъ.

— Что ты Ѳедька Хомякъ, горланишь!—прервалъ другой крестьянинъ съ сѣдой, осанистой бородою. Не слушай его, добрый человѣкъ: нашъ бояринъ—дай Богъ ему долгія лѣта! господинъ милостивый и мы живемъ за нимъ припѣваючи.

— Да, братъ, запоешь, какъ послѣднюю овцу потащатъ на барскій дворъ.

— Замолчишь ли ты, глупая башка!—продолжалъ сѣдой старикъ! Эй, братъ, не сносить тебѣ головы! Не потачь, господинъ честной, не вѣрь ему: онъ это такъ, съ дуру говоритъ.

— Не бойсь, дѣдушка,—сказалъ Кирша, улыбаясь,—я человѣкъ заѣзжій и вашего барина не знаю. А есть ли у него дѣтки?

— Одна дочка, родимой, Анастасья Тимоѳеевна—ангелъ небесный!

— Да, неча сказать,—прибавилъ первый крестьянинъ,—вовсе не въ батюшку: такая добрая, привѣтли-

вая; а собой-то—красное солнышко! Ну, всѣмъ бы взяла, еслибъ была подороднѣе, да здоровья-то Богъ не даетъ.

— Глядь-ка, Хомякъ!—закричалъ старикъ:—вонъ ѣдетъ дьякъ съ невѣстою, да еще и въ боярскихъ саняхъ. Шапки долой, ребята!

Поѣздъ приближался къ церкви. Впереди, въ свѣтло-голубыхъ кафтанахъ, съ бѣлыми ширинками черезъ плечо, ѣхали верхами двое дружекъ; позади ихъ въ небольшихъ санкахъ везъ икону малолѣтній братъ невѣсты, которая, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, ѣхала въ выкрашеныхъ малиновою краскою саняхъ, обитыхъ внутри кармазинною объярью; подъ ногами у нихъ подостлана была шкура бѣлаго медвѣдя, а конская упряжь украшена множествомъ лисьихъ хвостовъ. Рядъ саней со свахами и родственниками жениха и невѣсты оканчивался толпою пѣшихъ и всадниковъ, посреди которыхъ красовался женихъ на бѣломъ конѣ, котораго сбруя обвѣшена была разноцвѣтными кистями, а повода замѣнялись мѣдными цѣпями—роскошь, перенятая простолюдинами отъ знатныхъ бояръ, у которыхъ эти цѣпи бывали не только изъ серебра, но даже нерѣдко изъ чистаго золота.

Кирша вслѣдъ за женихомъ, кое-какъ продрался въ церковь, которая до того была набита народомъ, что едва оставалось довольно мѣста для совершенія брачнаго обряда. Все шло чинъ-чиномъ и крестьяне, не смотря на тѣсноту, наблюдали почтительное молченіе; но въ ту самую минуту, какъ молодой, по тогдашнему обычаю, бросилъ наземь и началъ топтать ногами стклянку съ виномъ, изъ которой во время вѣнчанья пилъ поперемѣнно со своей невѣстою, народъ зашумѣлъ и глухой шепотъ раздался на церковной паперти. «Раздвиньтесь, посторонитесь, дайте пройти Архипу Кудимовичу!» повторили многіе голоса. Толпа

отхлынула отъ дверей и на порогѣ показался высокаго роста крестьянинъ, съ рыжей окладистой бородою. Наружность его не обѣщала ничего важнаго; но страхъ, съ которымъ смотрѣли на него всѣ окружающіе, и имя, произносимое въ полголоса почти всѣми, тотчасъ надоумили Киршу, что онъ видитъ, въ сей почтенной особѣ, хозяина пчельника, гдѣ жизнь его висѣла на волоскѣ. Кудимычъ остановился въ дверяхъ, бѣглымъ взглядомъ окинулъ внутренность церкви и, замѣтя въ толпѣ Ѳедьку Хомяка, улыбнулся съ такимъ злобнымъ удовольствіемъ, что Кирша далъ себѣ честное слово— спасти отъ напраслины невиннаго крестьянина и вывести на свѣжую воду подложнаго колдуна. Межъ тѣмъ обрядъ вѣнчанія кончился, и молодые отправились, тѣмъ-же порядкомъ, въ домъ прикащика. Кудимычъ, по приглашенію жениха, присоединился къ поѣзду, а Кирша вмѣшался въ толпу пѣшихъ гостей и отправился также пировать у молодыхъ.

На половинѣ дороги крестьянская дѣвушка, съ испуганнымъ лицомъ, подбѣжала къ санямъ прикащика и сказала ему что-то потихоньку; онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, подозвалъ къ себѣ Кудимыча и вся процессія остановилась. Они довольно долго говорили межъ собой шепотомъ; наконецъ Кудимычъ сказалъ громкимъ голосомъ. «Пусти, я пойду передомъ; не бойся ничего; я знаю что дѣлать!» Весь порядокъ шествія нарушился: одни вылѣзли изъ саней, другіе окружили колдуна, и всѣ крестьяне, вмѣсто того, чтобъ разойтись по домамъ, пустились вслѣдъ за молодыми; а колдунъ важно выступилъ впередъ и, ободряя прикащика, повелъ за собой всю толпу къ дому новобрачныхъ.

VII.

Мы оставили Юрія и слугу его, Алексѣя, въ виду цѣлой толпы поляковъ, которые считали ихъ вѣрной добычею; но они скоро увидѣли, что ошиблись въ разсчетѣ. Въ нѣсколько минутъ наши путешественники потеряли ихъ изъ виду. Безпрестанные изгибы и повороты дороги, которая часто съуживалась до того, что двумъ коннымъ нельзя было ѣхать рядомъ, способствовали имъ укрыться отъ преслѣдованія густой толпы всадниковъ, которые, стѣсняясь въ узкихъ мѣстахъ, мѣшали другъ другу и должны были поневолѣ останавливаться. Проскакавъ нѣсколько верстъ, наши путешественники стали придерживать своихъ лошадей, и вскорѣ совершенная тишина, ихъ окружающая, и едва слышный, отдаляющійся конскій топотъ увѣрили ихъ, что поляки воротились и имъ нечего опасаться.

— Ну, бояринъ, — сказалъ Алексѣй, помиловалъ насъ Господь!

— А бѣдный Кирша?

— И, Юрій Дмитричъ, онъ дѣтина проворный. . Да и какъ поймать его въ такомъ дремучемъ лѣсу!

— Но если онъ раненъ?

— Богъ милостивъ! Онъ вѣрно уцѣлѣлъ.

— Я дорого бы далъ, чтобъ увѣриться въ этомъ. Ну, Алексѣй, не совѣстно ли тебѣ? ты подозрѣвалъ Киршу въ измѣнѣ...

— Каюсь бояринъ, грѣшилъ на него; да и теперь думаю.

— Что такое?

— Что онъ не запорожецъ.

— Вездѣ есть добрые люди, Алексѣй.

— Да ты, пожалуй, бояринъ, и поляковъ называешь добрыми людьми.

— Конечно; я знаю многихъ, на которыхъ хотѣлъ бы походить.

— И также, какъ они, гнаться за проѣзжими, чтобъ ихъ ограбить?

— Шайка русскихъ разбойниковъ, или толпа польской лагерной челяди ничего не доказываютъ. Нѣтъ, Алексѣй, я уважаю храбрыхъ и благородныхъ поляковъ. Придетъ время, вспомнятъ и они, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь нашихъ предковъ славянъ; быть можетъ, внуки наши обнимутъ поляковъ, какъ родныхъ братьевъ, и два сильнѣйшія поколѣнія древнихъ владыкъ всего сѣвера сольются въ одинъ великій и непобѣдимый народъ!

— Не прогнѣвайся, бояринъ, ты, живя съ этими ляхами, черезчуръ мудренъ сталъ, и говоришь такъ красно, что я ни словечка не понимаю. Но воля твоя, что будетъ впередъ, то Богъ вѣсть; а теперь куды бы хорошо, еслибъ эти незванные гости убрались во-свояси. Покойный твой батюшка — дай Богъ ему царство небесное! не такъ изволилъ думать. Ты послѣ смерти боярыни нашей, а твоей матери, остался у него одинъ, какъ порохъ въ глазу; а онъ все-таки говаривалъ, что легче бы ему видѣть тебя, единороднаго сына, въ ранней могилѣ, чѣмъ слугою короля Польскаго, или мужемъ невѣрной полячки!

— Мужемъ!...—повторилъ въ полголоса Юрій, и глубокая печаль изобразилась на лицѣ его. Нѣтъ, добрый Алексѣй! Господь не благословилъ меня быть мужемъ той, которая пришлась мнѣ по-сердцу: такъ видно суждено мнѣ цѣлый вѣкъ сиротой промаяться.

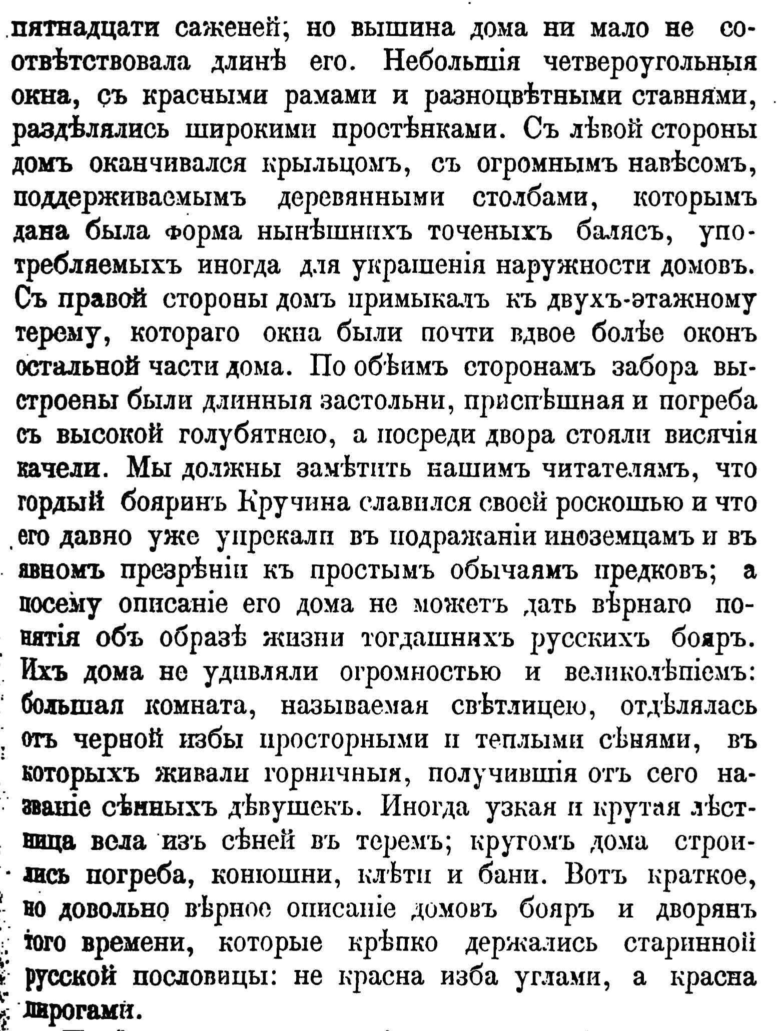
— И, бояринъ, бояринъ! Не одна звѣзда на небѣ свѣтитъ, и не одна красная дѣвица на святой Руси. Ты все еще думаешь объ этой черноглазой боярышнѣ, которую видалъ въ Москвѣ у Спаса на Бору?... Вольно жъ тебѣ было не провѣдать, кто она такова; откла-

дывалъ, да откладывалъ, а она вдругъ згинула, да пропала. И то сказать, неужели отъ этого зачахнуть съ тоски такому молодцу, такъ ты, бояринъ? Кликни только кличъ, что хочешь жениться, такъ не оберешься невѣстъ; а можетъ быть... почему знать? суженаго конемъ не объѣдешь... и не ищешь, а найдешь свою черноглазую красавицу...

— Обвѣнчанную съ другимъ!... Нѣтъ, лучше вѣкъ ее не видать, чѣмъ видѣть на ея пальцѣ обручальное кольцо, которымъ она помѣнялась не со мною!

— Что Богъ велитъ, то и будетъ. Но теперь бояринъ, дѣло идетъ не о томъ: по какой дорогѣ намъ ѣхать? Вотъ ихъ двѣ: направо въ лѣсъ, налѣво изъ лѣсу... Да кстати, вонъ ѣдетъ мужичекъ съ хворостомъ. Эй, слушай-ка, дядя! По которой дорогѣ выѣдемъ мы въ отчину боярина Кручины Шалонскаго?

При этомъ грозномъ имени крестьянинъ снялъ шапку, поклонился въ поясъ проѣзжимъ, и молча показалъ налѣво. Чрезъ полчаса наши путешественники выѣхали изъ лѣсу, и длинный рядъ низкихъ избъ, выстроенныхъ по берегу небольшой рѣчки, представился ихъ взорамъ. Широкая поперечная улица вела къ церкви, а по другой сторонѣ рѣки, на отлогомъ холмѣ, возвышались тесовая кровля и красивый теремъ боярскаго дома, обнесеннаго высокимъ тыномъ, похожимъ на крѣпостной палисадъ. Вокругъ господскаго двора разбросаны были жилыя избы дворовыхъ людей, конюшня, псарня и огромный скотный дворъ. Всѣ эти строенія, съ ихъ пристройками, клѣтьми и загородками, занимали столь большое пространство, что съ перваго взгляда ихъ можно было почесть вторымъ селомъ, не менѣе перваго. Переѣхавъ черезъ мостъ, утвержденный на толстыхъ сваяхъ, путешественники поднялись на гору и въѣхали на обширный боярскій дворъ. Лицевая сторона главнаго зданія занимала въ длину болѣе



пятнадцати саженей; но вышина дома ни мало не соотвѣтствовала длинѣ его. Небольшія четвероугольныя окна, съ красными рамами и разноцвѣтными ставнями, раздѣлялись широкими простѣнками. Съ лѣвой стороны домъ оканчивался крыльцомъ, съ огромнымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ деревянными столбами, которымъ дана была форма нынѣшнихъ точеныхъ балясъ, употребляемыхъ иногда для украшенія наружности домовъ. Съ правой стороны домъ примыкалъ къ двухъ-этажному терему, котораго окна были почти вдвое болѣе оконъ остальной части дома. По обѣимъ сторонамъ забора выстроены были длинныя застольни, приспѣшная и погреба съ высокой голубятнею, а посреди двора стояли висячія качели. Мы должны замѣтить нашимъ читателямъ, что гордый бояринъ Кручина славился своей роскошью и что его давно уже упрекали въ подражаніи иноземцамъ и въ явномъ презрѣніи къ простымъ обычаямъ предковъ; а посему описаніе его дома не можетъ дать вѣрнаго понятія объ образѣ жизни тогдашнихъ русскихъ бояръ. Ихъ дома не удивляли огромностью и великолѣпіемъ: большая комната, называемая свѣтлицею, отдѣлялась отъ черной избы просторными и теплыми сѣнями, въ которыхъ живали горничныя, получившія отъ сего названіе сѣнныхъ дѣвушекъ. Иногда узкая и крутая лѣстница вела изъ сѣней въ теремъ; кругомъ дома строились погреба, конюшни, клѣти и бани. Вотъ краткое, но довольно вѣрное описаніе домовъ бояръ и дворянъ того времени, которые крѣпко держались старинной русской пословицы: не красна изба углами, а красна пирогами.

Проѣзжая дворомъ, Юрій замѣтилъ большія приготовленія: слуги бѣгали взадъ и впередъ; въ приспѣшной пылалъ яркій огонь; нѣсколько поваровъ суетились вокругъ убитаго быка; все доказывало, что бояринъ Кручина ожидаетъ къ себѣ гостей. Тѣ изъ челядин-

цевъ, съ которыми встрѣчался Юрій, подъѣзжая къ крыльцу, смотрѣли на него съ удивленіемъ: измятый и поношенный охобень, коимъ съ ногъ до головы онъ былъ окутанъ, некрасивая одежда Алексѣя, однимъ словомъ, ничто не оправдывало дерзости незнакомаго гостя, который, вопреки обычаю простолюдиновъ, не сошелъ съ лошади у воротъ и въѣхалъ верхомъ на дворъ гордаго боярина. Отдавъ своего коня Алексѣю, Юрій взошелъ по отлогой лѣстницѣ въ обширную переднюю комнату. Вокругъ стѣнъ, на широкихъ скамьяхъ сидѣли человѣкъ двадцать холопей, одѣтыхъ въ цвѣтные кафтаны; развѣшенные въ порядкѣ панцыри, бердыши, кистени, сабли, ружья, служили единственнымъ украшеніемъ голыхъ стѣнъ сего покоя. Одинъ изъ слугъ, не вставая съ мѣста, — спросилъ грубымъ голосомъ Юрія: кого ему надобно?

— Боярина Тимоѳея Ѳедоровича,—отвѣчалъ Юрій.

— А отъ кого ты присланъ.

Вмѣсто отвѣта, Юрій сбросилъ свой охобень. Обшитый богатыми галунами кафтанъ и дорогая сабля подѣйствовали сильнѣе на этихъ невѣждъ, чѣмъ благородный видъ Юрія: они вскочили проворно съ своихъ лавокъ, и тотъ, который сдѣлалъ первый вопросъ, поклонясь вѣжливо, сказалъ, что бояринъ еще не вставалъ, и если гостю угодно подождать, то онъ проситъ его въ другую комнату. Юрій вошелъ вслѣдъ за слугою въ четыреугольный обширный покой, посреди котораго стояли длинные дубовые столы, а вдоль стѣны покрытыя пестрыми коврами лавки. Прошло болѣе часа, никто не показывался. Отъ нечего дѣлать, Юрій сталъ разсматривать развѣшенные по стѣнамъ портреты, довольно изрядной, по тогдашнему времени, живописи. Почти всѣ представляли поляковъ, а одинъ короля Польскаго въ коронѣ и порфирѣ. Портретъ былъ поясной и король былъ представленъ облокотившимся на

столъ, на которомъ лежалъ скипетръ съ двуглавымъ орломъ и, священный для всѣхъ русскихъ, вѣнецъ Мономаховъ. Юрій вздрогнулъ отъ негодованія, прочтя надпись на польскомъ языкѣ: «Сигизмундъ Король Польскій и Царь Русскій». Не помышляя о послѣдствіи перваго необдуманнаго движенія, онъ протянулъ руку, чтобъ сорвать портретъ со стѣны, какъ вдругъ двери изъ внутреннихъ покоевъ растворились и человѣкъ лѣтъ тридцати, опрятно одѣтый, вошелъ въ комнату. Поздравивъ Юрія съ пріѣздомъ и объявивъ себя однимъ изъ *знакомцевъ* боярина (*), онъ спросилъ, какую надобность имѣетъ пріѣзжій до хозяина?

— Я долженъ самъ говорить съ Тимоѳеемъ Ѳедоровичемъ,—отвѣчалъ Юрій.

— Ему теперь некогда; онъ отправляетъ гонца въ Москву.

— Я самъ изъ Москвы и привезъ ему грамоту отъ пана Гонсѣвскаго.

— Отъ пана Гонсѣвскаго? А, это другое дѣло! Милости просимъ! Я тотъ-часъ доложу боярину. Дозволь только спросить: при тебѣ что-ль получили извѣстіе въ Москвѣ о славной побѣдѣ короля Польскаго?

— О какой побѣдѣ?

— Такъ ты не знаешь? Смоленскъ взятъ.

— Возможно ли?

— Да, да, это гнѣздно бунтовщиковъ теперь въ нашихъ рукахъ, бояринъ Тимоѳей Ѳедоровичъ вчера получилъ грамоту отъ своего пріятеля, смоленскаго уроженца, Андрея Дедешина, который помогъ королю завладѣть городомъ...

— И вѣрно не былъ награжденъ, какъ слѣдуетъ, за

---

*) Знакомцами назывались тогда жившіе у бояръ бѣдные дворяне: они ѣдали за боярскимъ столомъ и составляли ихъ домашнюю бесѣду.

такую услугу?—сказалъ Юрій, съ трудомъ скрывая свое негодованіе.

— О, нѣтъ! онъ теперь въ большой милости у короля Польскаго.

— Не вѣрю: Сигизмундъ не потерпитъ при лицѣ своемъ измѣнника.

— Что ты! какой онъ измѣнникъ! Когда городъ взяли, всѣ измѣнники и бунтовщики заперлись въ соборѣ, подъ которымъ былъ пороховой погребъ, подожгли сами себя и всѣ сгибли до единаго. Туда имъ и дорога!... Но не погнѣвайся, я пойду и доложу о тебѣ боярину.

— Вѣрные смоляне!—сказалъ Юрій, оставшись одинъ. Для чего я не могъ погибнуть вмѣстѣ съ вами! Вы положили головы за вашу родину, а я... я клялся въ вѣрности тому, чей отецъ, какъ лютый врагъ, разоряетъ землю Русскую.

Громкій крикъ, раздавшійся на дворѣ, разсѣялъ на минуту его мрачныя мысли; онъ подошелъ къ окну: посреди двора нѣсколько слугъ обливали водою какого-то безобразнаго старика; несчастный дрожалъ отъ холода, кривлялся и, дѣлая престранные прыжки, ревѣлъ нелѣпымъ голосомъ. Добрый, чувствительный Юрій никакъ не догадался бы, что значитъ эта жестокая шутка, еслибъ громкій хохотъ въ сосѣднемъ покоѣ не надоумилъ его, что это одна изъ потѣхъ боярина Шалонскаго. Отвращеніе, чувствуемое имъ къ хозяину дома, удвоилось при видѣ этой безчеловѣчной забавы, которая кончилась тѣмъ, что посинѣвшаго отъ холода и едва живаго старика оттащили въ застольную. Вслѣдъ за симъ *потѣшнымъ* зрѣлищемъ вошелъ опять тотъ же знакомецъ боярина и пригласилъ Юрія идти за собою. Пройдя одну небольшую комнату, провожатый его отворилъ обитыя краснымъ сукномъ двери и ввелъ его въ покой, котораго стѣны были обтянуты голланд-

скою позолоченой кожей. Передъ большимъ столомъ, на высокихъ рѣзныхъ креслахъ, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Блѣдное лицо, носящее на себѣ отпечатокъ сильныхъ, необузданныхъ страстей; рѣдкая съ просѣдью борода и сѣрые небольшіе глаза, которые, сверкая изъ-подъ насупленныхъ бровей, казалось, готовы были отъ малѣйшаго прекословія запылать бѣшенствомъ—все это вмѣстѣ составляло наружность вовсе не привлекательную. Подбритые на польскій образецъ волосы, низко повязанный кушакъ по длинному штофному кафтану, придавали ему видъ богатаго польскаго пана; но въ то же время надѣтая нараспашку, сверхъ кафтана, съ золотыми петлицами ферязь, напоминала пышную одежду бояръ русскихъ. Юрію не трудно было отгадать, что онъ видитъ передъ собой боярина Кручину. Поклонясь вѣжливо, онъ подалъ ему, обернутое шелковымъ снуркомъ, письмо пана Гонсѣвскаго.

— Давно ли ты изъ Москвы?—спросилъ бояринъ, развертывая письмо.

— Осьмой день, Тимофей Өедоровичъ.

— Осьмой день! Хорошаго же гонца выбралъ мой будущій зять! Ну, молодецъ, еслибъ ты служилъ мнѣ, а не пану Гонсѣвскому...

— Я служу одному Царю Русскому, Владиславу, перервалъ хладнокровно Юрій

— Въ самомъ дѣлѣ! Да кто же ты таковъ, вѣрный слуга Царя Владислава!—спросилъ насмѣшливо Кручина.

— Юрій, сынъ боярина Димитрія Милославскаго!

— Дмитрія Милославскаго?...—закоснѣлаго ненавистника поляковъ?... И ты сынъ его?... Но все равно!.. Садись, Юрій Дмитричъ. Диво, что панъ Гонсѣвскій не нашелъ никого прислать ко мнѣ, кромѣ тебя.

— Я изъ дружбы къ нему взялся отвезти къ тебѣ эту грамоту.

— Сынъ боярина Милославскаго величаетъ Польскаго королевича Царемъ Русскимъ... зоветъ Гонсѣвскаго своимъ другомъ... диковинка! Такъ по этому и твой отецъ за умъ хватился?

— Его ужъ нѣтъ давно на свѣтѣ.

— Вотъ что!... Не осуди, Юрій Дмитричъ: я прочту, о чемъ ко мнѣ панъ Гонсѣвскій въ своемъ листу пишетъ.

Юрій замѣтилъ, что бояринъ, читая письмо, становился часъ-отъ-часу пасмурнѣе: досада и нетерпѣніе изображались на лицѣ его.—Нѣтъ,—сказалъ онъ, дочитавъ письмо:—съ ними добромъ не раздѣлаешься! по мнѣ бы съ корнемъ вонъ! Я бы вспахалъ и засѣялъ мѣсто, на которомъ стоитъ этотъ разбойничій городишка!... Вотъ что въ своемъ листу пишетъ ко мнѣ Гонсѣвскій, продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію: до него дошелъ слухъ, что неугомонные нижегородцы набираютъ изподтишка войско, такъ онъ желаетъ, чтобъ я отправилъ тебя въ Нижній поразвѣдать, что тамъ дѣлается, и, если можно, преклонить главныхъ зачинщиковъ къ покорности, обѣщая имъ милость королевскую. Онъ-дескать сынъ боярина московскаго, который славился своею ненавистью къ полякамъ, такъ примѣръ его можетъ вразумить этихъ малоумныхъ: когда-де сынъ Димитрія Милославскаго цѣловалъ крестъ королевичу Польскому, такъ ужъ видно такъ и быть должно.

— Я съ радостію готовъ исполнить порученіе Гонсѣвскаго,—отвѣчалъ Юрій;—ибо увѣренъ въ душѣ моей, что избраніе Владислава спасетъ отъ конечной гибели наше отечество.

— Да, да, — прервалъ бояринъ, мирвольте этимъ бунтовщикамъ! уговаривайте ихъ. Дождетесь того, что всѣ низовые города къ нимъ пристанутъ, и тогда попытайтесь ихъ унять. Нѣтъ, господа москвичи! не словомъ ласковымъ усмиряютъ непокорныхъ, а мечемъ и

огнемъ. Гонсѣвскій прислалъ сюда пана Тишкевича съ регментомъ; но этимъ ихъ не запугаешь. Еслибъ онъ меня послушался и отправилъ поболѣе войска, то давнымъ бы давно не осталось въ Нижнемъ бревна на бревнѣ, камня на камнѣ!

— Не весело, бояринъ, правой рукой отсѣкать себѣ лѣвую; не радостно русскому возставать противу русскаго. Мало ли и такъ пролито крови христіанской! Не одна тысяча православныхъ легла подъ Москвою! И не противны ли Господу Богу молитвы тѣхъ, коихъ руки облиты кровію братьевъ?

Бояринъ Кручина поглядѣлъ пристально на Юрія и съ насмѣшливой улыбкою спросилъ его: на которомъ году желаетъ онъ сдѣлаться схимникомъ? и ради чего, вмѣсто четокъ, прицѣпилъ саблю къ своему поясу?

— Что я умѣю владѣть саблею, бояринъ,—сказалъ Юрій,—это знаютъ враги Россіи; а удостоюсь ли быть схимникомъ, про то вѣдаетъ одинъ Господь.

— Да не думаешь ли ты, сердобольный посланникъ Гонсѣвскаго,—продолжалъ бояринъ,—что нижегородцы будутъ къ тебѣ также милосерды и побоятся умертвить тебя, какъ предателя и слугу короля Польскаго?

— И дѣло-бъ сдѣлали, еслибъ я, Юрій Милославскій, былъ слугою короля Польскаго.

— Ого, молодчикъ!... Да ты что-то крупно поговариваешь!—сказалъ Кручина, нахмуривъ свои густыя брови.

— Да, бояринъ,—продолжалъ Юрій,—я служу не Польскому королю, а Царю Русскому, Владиславу.

— Но Сигизмундъ развѣ не отецъ его?

— Его, а не нашъ. Такъ думаетъ вся Москва, такъ думаютъ всѣ русскіе.

— Полегче, молодецъ, полегче! За всѣхъ не ручайся. Ты еще молоденекъ, не тебѣ учить стариковъ; мы знаемъ лучше вашего, что пригоднѣе для земли Русской.

Сегодня ты отдохнешь, Юрій Дмитричъ, а завтра чѣмъ свѣтъ отправишься въ дорогу: я дамъ тебѣ грамоту къ пріятелю моему, боярину Истомѣ Туренину. Онъ живетъ въ Нижнемъ, и я прошу тебя во всемъ совѣтываться съ этимъ испытаннымъ въ дѣлахъ и прозорливымъ мужемъ. Пускай, на первый случай, нижегородцы присягнуть хоть Владиславу; а тамъ... что Богъ дастъ! Отъ сына до отца не далеко...

— Нѣтъ, бояринъ, пока русскіе не переродились...

— Добро, мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Знай только, Юрій Дмитричъ, что въ сильную бурю на поврежденномъ кораблѣ правитъ рулемъ не малое дитя, а опытный кормчій. Но у меня есть нужныя дѣла... и такъ не взыщи... прощай покаместь!—Не съ ума ли сошелъ Гонсѣвскій!—продолжалъ бояринъ, провожая глазами выходящаго Юрія, прислать ко мнѣ этого мальчишку, который безпрестанно твердитъ о Владиславѣ, да объ отечествѣ! Видно у нихъ въ Москвѣ-то умъ за разумъ зашелъ! Добро, молодчикъ! ты поѣдешь въ Нижній, и чтобъ у тебя на умѣ ни было, а меня не проведешь: или будешь плясать по моей дудкѣ, или... Бояринъ свиснулъ и спросилъ вошедшаго слугу:—пріѣхалъ ли изъ города его стремянный, Омляшъ?

— Сейчасъ слѣзъ съ лошади, государь,—отвѣчалъ служитель.

— Скажи, чтобъ онъ никому не показывался, а пришелъ бы ко мнѣ тайкомъ, черезъ садовую калитку, и былъ бы готовъ къ отъѣзду. Ступай!... Да позови ко мнѣ Власьевну.

— Черезъ нѣсколько минутъ вошла въ покой старушка, лѣтъ шестидесяти, въ шелковомъ шушунѣ и малиновой, обложенной мѣхомъ, шапочкѣ. Помолясь иконамъ, она низко поклонилась боярину и сложивъ смиренно руки, ожидала, въ почтительномъ молчаніи приказаній своего господина.

— Ну, что, Власьевна,—спросилъ бояринъ, порадуешь ли ты меня? Какова Настенька?

— Все также, батюшка, Тимоѳей Ѳедоровичъ! Ничего не кушаетъ, сна вовсе нѣтъ; всю ночь прометалась изъ стороны въ сторону, все изволитъ тосковать, а о чемъ, сама не знаетъ! Ужъ я ее спрашивала: что ты, мое дитятко, что ты моя радость? Что съ тобою дѣлается?... «Больна, мамушка!» Вотъ и весь отвѣтъ; а что болитъ, Богъ вѣсть!

Бояринъ призадумался. Дурной гражданинъ едва ли можетъ быть хорошимъ отцомъ; но и дикіе звѣри любятъ дѣтей своихъ, а сверхъ того честолюбивый бояринъ видѣлъ въ ней будущую супругу любимца короля Польскаго; она была для него вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію почестей и могущества, составлявшихъ единственный предметъ всѣхъ тайныхъ думъ и нетерпѣливыхъ его желаній. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ: употребляла ли больная снадобья, которыя оставилъ ей польскій врачъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву?

— Э! эхъ, батюшка, Тимоѳей Ѳедоровичъ!—отвѣчала старушка, покачавъ головою. Съ этихъ-то снадобьевъ никакъ ей хуже сдѣлалось. Воля твоя, бояринъ, гнѣвайся на меня, если хочешь, а я стою въ томъ, что Анастасьѣ Тимоѳеевнѣ попритчилось не даромъ. Нѣтъ, отецъ мой, не спроста она хворать изволитъ.

— Такъ ты думаешь, Власьевна, что она испорчена?

— Испорчена, батюшка! видитъ Богъ, испорчена!

— Я плохо этому вѣрю; ну, да если ничто не помогаетъ, такъ дѣлать нечего: поговори съ Кудимычемъ.

— Я ужь и безъ твоего боярскаго приказа хотѣла съ нимъ объ этомъ словечко перемолвить; да говорятъ, будто бы здѣсь есть какой-то прохожій, который и

Кудимыча за-поясъ заткнулъ. Такъ не прикажешь ли, Тимоѳей Ѳедоровичъ, ему поклониться? Онъ теперь на селѣ у прикащика Ѳомы пируетъ съ молодыми.

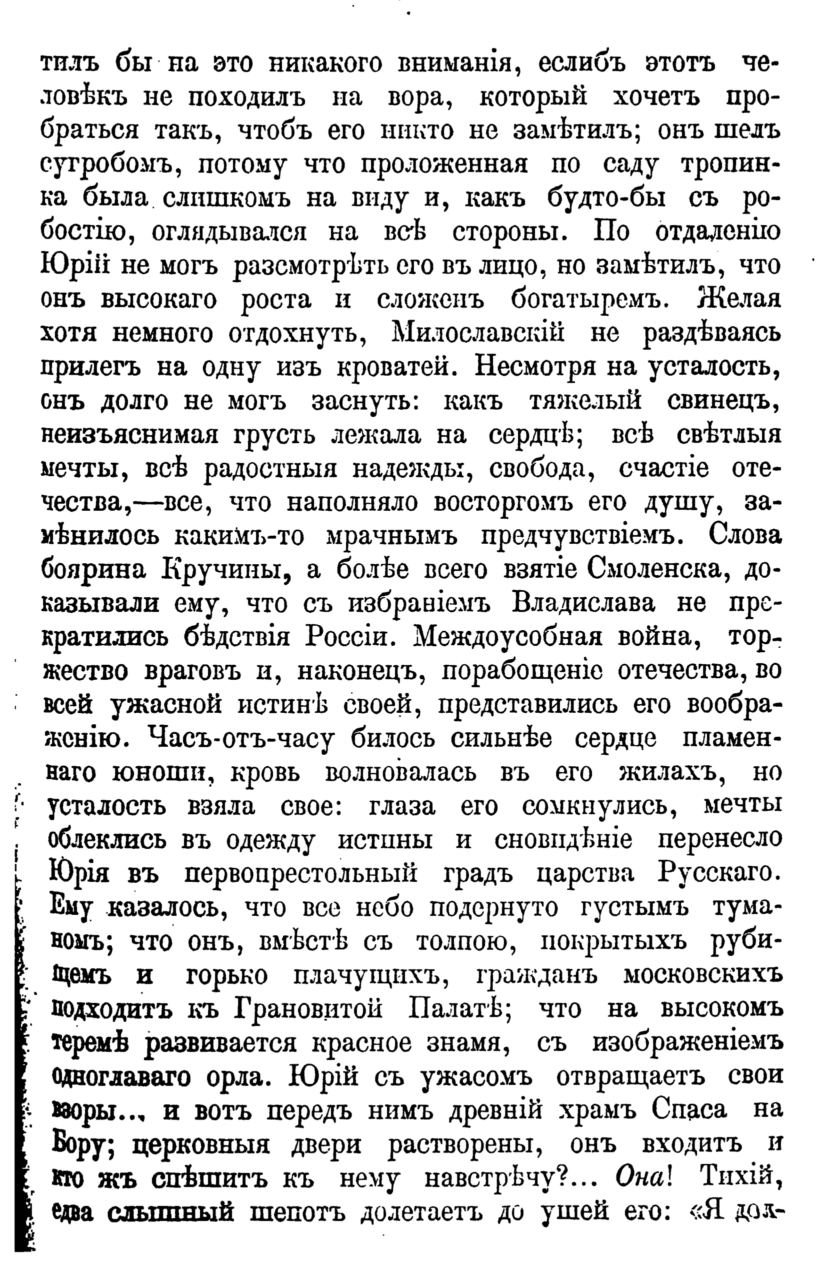
— Хорошо, пошли за нимъ: пусть посмотритъ Настеньку. Да скажи ему: если онъ ей пособитъ, то просилъ бы у меня чего хочетъ; но если ей сдѣлается хуже, то даромъ что онъ колдунъ, не отворожится... запорю батогами!... Ну, ступай,—продолжалъ бояринъ, вставая. Черезъ часъ, а можетъ быть и прежде, я приду къ вамъ и взгляну самъ на больную.

Межъ тѣмъ дворянинъ, которому поручено было угощать Юрія, пройдя черезъ всѣ комнаты, ввелъ его въ одинъ боковой покой, въ которомъ стояло нѣсколько кроватей безъ пологовъ. «Вотъ здѣсь,—сказалъ онъ, отдыхаютъ гости боярина.—Не хочешь ли и ты успокоиться, или перекусить чего нибудь? Дорожному человѣку во всякое время ѣсть хочется».

— Благодарю,—отвѣчалъ Юрій,—я не голоденъ, а желалъ бы отдохнуть.

— Такъ не чинись, бояринъ, прилягъ и засни; нынче-же обѣдать будутъ поздно. Тимоѳей Ѳедоровичъ хочетъ порядкомъ угостить пана Тишкевича, который сегодня прибылъ сюда съ своимъ регментомъ. Добраго сна, Юрій Дмитричъ! А я теперь пойду и взгляну, прибрали ли твоихъ коней.

Юрій, оставшись одинъ, подошелъ къ окну, изъ котораго видѣнъ былъ садъ или, по тогдашнему, огородъ, который и въ наше время не заслужилъ бы другаго названія. Полсотни толстыхъ липъ, двѣ или три куртины плодовитыхъ деревьевъ, большой прудъ съ жирными карасями, множество кустовъ смородины и малины, и нѣсколько грядъ съ овощами, вотъ что замѣняло тогда нынѣшнія красивыя аллеи, бесѣдки, каскады и сюрпризы. Юрію показалось, что кто-то идетъ по саду, вдоль забора между кустовъ. Онъ не обра-



тилъ бы на это никакого вниманія, еслибъ этотъ человѣкъ не походилъ на вора, который хочетъ пробраться такъ, чтобъ его никто не замѣтилъ; онъ шелъ сугробомъ, потому что проложенная по саду тропинка была слишкомъ на виду и, какъ будто-бы съ робостію, оглядывался на всѣ стороны. По отдаленію Юрій не могъ разсмотрѣть его въ лицо, но замѣтилъ, что онъ высокаго роста и сложенъ богатыремъ. Желая хотя немного отдохнуть, Милославскій не раздѣваясь прилегъ на одну изъ кроватей. Несмотря на усталость, онъ долго не могъ заснуть: какъ тяжелый свинецъ, неизъяснимая грусть лежала на сердцѣ; всѣ свѣтлыя мечты, всѣ радостныя надежды, свобода, счастіе отечества,—все, что наполняло восторгомъ его душу, замѣнилось какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ. Слова боярина Кручины, а болѣе всего взятіе Смоленска, доказывали ему, что съ избраніемъ Владислава не прекратились бѣдствія Россіи. Междоусобная война, торжество враговъ и, наконецъ, порабощеніе отечества, во всей ужасной истинѣ своей, представились его воображенію. Часъ-отъ-часу билось сильнѣе сердце пламеннаго юноши, кровь волновалась въ его жилахъ, но усталость взяла свое: глаза его сомкнулись, мечты облеклись въ одежду истины и сновидѣніе перенесло Юрія въ первопрестольный градъ царства Русскаго. Ему казалось, что все небо подернуто густымъ туманомъ; что онъ, вмѣстѣ съ толпою, покрытыхъ рубищемъ и горько плачущихъ, гражданъ московскихъ подходитъ къ Грановитой Палатѣ; что на высокомъ теремѣ развивается красное знамя, съ изображеніемъ одноглаваго орла. Юрій съ ужасомъ отвращаетъ свои взоры..., и вотъ передъ нимъ древній храмъ Спаса на Бору; церковныя двери растворены, онъ входитъ и кто жъ спѣшитъ къ нему навстрѣчу?... *Она*! Тихій, едва слышный шепотъ долетаетъ до ушей его: «Я дол-

го, долго дожидалась тебя, мой суженой! Поспѣшимъ... Священникъ готовъ; онъ ждетъ насъ у налоя; пойдемъ!» Съ безмолвнымъ восторгомъ Юрій прижимаетъ къ сердцу ея руку... и вотъ уже они стоятъ рядомъ... имъ подаютъ брачныя свѣчи... Вдругъ буйные крики раздаются у дверей. Толпа поляковъ врывается во внутренность храма и съ неистовымъ хохотомъ окружаютъ невѣсту; Юрій ищетъ своей сабли—ея нѣтъ; хочетъ броситься на злодѣевъ, но онѣмѣвшіе члены ему ни повинуются. Съ воплемъ отчаянія, въ совершенномъ безсиліи, онъ повергается на хладный церковный помостъ, теряетъ чувства и снова, какъ будто-бъ пробудясь отъ сна, видитъ себя посреди Красной площади. Надъ нимъ ясныя небеса... кругомъ толпится народъ... радость на всѣхъ лицахъ... тихое, очаровательное пѣніе раздается въ храмахъ Господнихъ; вдали, сквозь тонкій туманъ на сѣверо-востокѣ, изъ-за стѣнъ незнакомой ему святой обители показывается восходящее солнце... *Она* опять возлѣ него; на правой рукѣ ея обручальный перстень... Со взоромъ, исполненнымъ неизъяснимой нѣжности, она говоритъ ему: «Радость дней моихъ, ненаглядный мой! посмотри: видишь ли, какъ восходитъ солнце Русское?... Скоро, скоро заблистаетъ въ яркихъ лучахъ его наша милая родина!... Смотри: вотъ гонитъ оно остатки грозныхъ тучъ, которыя вдали, какъ гробовой покровъ, чернѣются на западѣ...» Но вдругъ Юрій снова видитъ польскихъ воиновъ, снова слышитъ вопли отчаянія... *Она* опять исчезла и онъ одинъ, какъ горькій сирота, скитается по опустѣлымъ улицамъ московскимъ, или въ мучительной тоскѣ сидитъ посреди пирующихъ враговъ и слышитъ съ ужасомъ громкія восклицанія: «да здравствуетъ Сигизмундъ, Король Польскій и Царь Русскій».

VIII.

Покуда Юрій спитъ и обманчивыя сновидѣнія попеременно то терзаютъ, то услаждаютъ его душу, мы должны возвратиться къ новобрачнымъ, которыхъ оставили посреди улицы. Читатели, вѣроятно, не забыли, что Кирша вмѣшался въ толпу гостей, а Кудимычъ шелъ впереди всего поѣзда. Толпа народа, провожавшая молодыхъ, ежеминутно увеличивалась: старики, женщины и дѣти выбѣгали изъ хижинъ; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе; полуодѣтые, босые ребятишки, дрожа отъ страха и холода, забѣгали впередъ и робко посматривали на колдуна, который, приближаясь къ дому новобрачныхъ, останавливался на каждомъ шагу и смотрѣлъ внимательно кругомъ себя, показывая примѣтное безпокойство. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до воротъ избы, онъ вдругъ остановился, задрожалъ и, оборотясь назадъ, закричалъ дикимъ голосомъ: «Стойте, ребята! никто ни съ мѣста!»—Глухой шепотъ пробѣжалъ по толпѣ; передніе стали пятиться назадъ, задніе полѣзли впередъ слѣдуя народной пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна», каждый прижимался къ своему сосѣду, и несмотря на ужасную тѣсноту, одинъ Кирша вышелъ впередъ.

Межъ тѣмъ Кудимычъ дѣлалъ необычайныя усилія, чтобъ подойти къ воротамъ; казалось какая-то невидимая сила тянула его назадъ, и каждый разъ, какъ онъ подымалъ ногу, чтобы перешагнуть черезъ подворотню, его отбрасывало на нѣсколько шаговъ; потъ градомъ катился съ его лица. Наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, онъ, задыхаясь, повалился на землю и прохрипѣлъ едва внятнымъ голосомъ: «Охъ

неловко!... Неладно, ребята!... Чуръ меня, чуръ!... Никто не моги трогаться съ мѣста!... Охъ, батюшки, недаровое, быть бѣдѣ!...» Отъ этихъ ужасныхъ словъ шарахнулась вся толпа; у многихъ волосы стали дыбомъ, а молодая, почти безъ чувствъ, упала на руки къ своему отцу, который трясся и дрожалъ, какъ въ злой лихорадкѣ. «Что намъ дѣлать?»—спросилъ дьякъ, заикаясь отъ страха.

— Погоди! дай попытаюсь еще,—отвѣчалъ Кудимычъ, приподнимаясь съ трудомъ на ноги. Онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ; дунулъ на всѣ четыре стороны и вдругъ съ разбѣга перепрыгнулъ черезъ подворотню. «Ну, теперь не бойтесь ничего!—закричалъ онъ. Наша взяла! Всѣ за мной!» Онъ нѣсколько разъ долженъ былъ повторить это приглашеніе, прежде чѣмъ молодые, родня и гости рѣшились за нимъ слѣдовать; наконецъ примѣръ Кирши, который по первому призыву вошелъ на дворъ, подѣйствовалъ надъ всѣми. Кудимычъ, подойдя къ дверямъ избы, остановился, и когда сѣни наполнились людьми, то онъ оборотясь назадъ, сказалъ: «Я пойду послѣдній, а вы ступайте впередъ и посмотрите, какъ раздѣлаюсь при васъ съ этой старой вѣдьмой».

Тутъ снова начались церемоніи: прикащикъ предлагалъ дьяку идти впередъ, дьякъ уступалъ эту честь прикащику.—«Помилуй, батюшка,—сказалъ наконецъ послѣдній, я здѣсь хозяинъ въ дому, а ты гость: такъ милости просимъ».

— Ни, ни, Ѳома Кондратьевичъ!—отвѣчалъ дьякъ. Ты первый служебникъ боярскій, и не пригоже мнѣ, какъ фальшеру и прокуратору, не отдавать подобающей тебѣ чести.

— Ну, если такъ, пожалуй я войду,—сказалъ прикащикъ, въ которомъ утѣшенное самолюбіе побѣдило *на минуту* весь страхъ. Онъ перекрестился, шагнулъ

черезъ порогъ и вдругъ, отскочивъ съ ужасомъ, закричалъ: «Чуръ меня, чуръ! Тамъ кто-то нашептываетъ... Иди кто хочетъ, я ни за что не пойду...

— Пустите меня,—сказалъ Кирша: я не робкаго десятка и никакой колдуньи не испугаюсь.

— Ступай, молодецъ, ступай!—закричали многіе изъ гостей.

— Пускай идетъ, шепнулъ прикащикъ дьяку. Надъ нимъ бы и стряслось! Это какой-то прохожій, такъ не велика бѣда!

Кирша вошелъ и расположился преспокойно въ переднемъ углу. Когда же прикащикъ, а за нимъ молодые и вся свадебная компанія перебрались понемногу въ избу, то взоры обратились на уродливую старуху, которая, сидя на полатяхъ, покачивалась изъ стороны въ сторону и шептала какія-то варварскія слова. Кирша замѣтилъ на полу подъ самыми полатями нѣсколько сноповъ соломы, какъ будто безъ намѣренія брошенныхъ, которые тотчасъ напомнили ему, чѣмъ должна кончиться вся комедія.

— Ну, теперь садитесь по лавкамъ,—закричалъ изъ сѣней Кудимычъ, да сидите смирно! никто не шевелись! Едва приказъ былъ исполненъ, какъ онъ съ одного скачка очутился посреди избы, и въ то же время старуха съ дикимъ воплемъ, сремглавъ слетѣла съ полатей и растянулась на соломѣ. Всѣ присутствующіе, выключая Кирши, вскрикнули отъ удивленія и ужаса.

— Что, Григорьевна, будешь ли напредки со мною схватываться?—сказалъ торжественно Кудимычъ.

— Виновата, виновата,—завизжала старуха.

— Ага, покорилась, старая вѣдьма.

— Виновата, отецъ мой! виновата!

— То-то виновата! Знай сверчокъ свой шестокъ.

— Виновата, Архипъ Кудимычъ!

— Ну, такъ и быть, повинную голову и мечъ не

сѣчетъ; я-жъ человѣкъ не злой и лиха не помню. Добро, вставай, Григорьевна! Миръ, такъ миръ. Дай-ка ей чарку вина, посади ее за столъ, да угости хорошенько, — продолжалъ Кудимычъ вполголоса, обращаясь къ прикащику. Не надо съ ней ссориться: не ровенъ часъ, меня не случится... да, что грѣхъ таить! и я насилу съ ней справился: сильна, проклятая!

— Милости просимъ, матушка Пелагея Григорьевна,—сказалъ привѣтливо хозяинъ. Садись-ка вотъ здѣсь возлѣ Кудимыча. Да скажи пожалуйста: за что такая немилость? Мы, кажись, всегда въ ладу живали.

— Нѣтъ, батюшка!—отвѣчала съ низкимъ поклономъ старуха: противъ тебя у меня никакого умысла не было; а правду сказать, хотѣлось потягаться съ Архипомъ Кудимовичемъ.

— Да видно не подъ-силу пришелъ! - перервалъ, усмѣхаясь, колдунъ. Впередъ наука: не спросясь броду, не суйся въ воду, Ну, да что объ этомъ толковать! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Теперь рѣчь не о томъ: пора за хозяйскій хлѣбъ и соль приниматься.

Въ одну минуту весь столъ покрылся разными похлебками. Сначала всѣ ѣли молча; но дружки такъ усердно подчивали гостей виномъ и брагою, что вскорѣ всѣ языки пришли въ движеніе и общій разговоръ становился часъ-отъ-часу шумнѣе. Одинъ Кирша молчалъ; многимъ изъ гостей и самому хозяину казалось весьма чуднымъ поведеніе незнакомца, который, не будучи приглашенъ на свадьбу, занялъ первое мѣсто, ѣлъ за двоихъ и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова; но самое это равнодушіе, воинственный видъ, а болѣе всего смѣлость, имъ оказанная, внушали къ нему во во всѣхъ присутствующихъ какое-то невольное уваженіе; всѣ посматривали на него съ любопытствомъ, но никто не рѣшался съ нимъ заговорить.

Въ числѣ гостей была одна пожилая сѣнная дѣвушка, которая, пошептавъ съ хозяиномъ, обратилась къ Кудимычу и спросила его, не можетъ ли онъ пособить ея горю?

— Не равно горе, матушка Татьяна Ивановна!— отвѣчалъ Кудимычъ, котораго нѣсколько чарокъ вина развеселили порядкомъ. Если ты попросишь, чтобъ я убавилъ тебѣ годковъ пятокъ, такъ воля твоя—не могу.

— Вотъ еще что вздумалъ!—сказала сѣнная дѣвушка съ досадою. Развѣ я перестарокъ какой! Не о томъ рѣчь, Кудимычъ; на боярскомъ дворѣ сдѣлалась покража.

— Ужъ не коня ли свели?

— Нѣтъ, красна пропали. Вчера я сама ихъ видѣла: они бѣлились на боярскомъ огородѣ, а сегодня сгинули, да пропали. Ночью была погода, такъ и слѣду не осталось: не знаемъ, на кого подумать.

— Что, видно, безъ меня дѣло не обойдется?

— То-то и есть, Архипъ Кудимовичъ: выкупи изъ бѣды, родимый! Вѣдь я за нихъ въ отвѣтѣ.

— Пожалуй, я не прочь!... Иль нѣтъ! пускай на мировой вся честь Григорьевнѣ. Ну-ка, родная, покажи свою удаль!

— Смѣю ли я при тебѣ, Архипъ Кудимовичъ!—отвѣчала смиренно Григорьевна.

— Полно ломаться-то, голубушка! я ужъ поработалъ, теперь очередь за тобою.

— Ну, если ты велишь, родимый, такъ дѣлать нечего. Подайте мнѣ ковшъ воды.

При самомъ началѣ этого разговора, глубокая тишина распространилась по всей избѣ: говоруны замолкли, дружки унялись потчивать, голодные перестали ѣсть; одинъ Кирша, не обращая ни малѣйшаго вниманія на колдуна и колдунью, ѣлъ и пилъ по прежнему. Григорьевнѣ подали ковшикъ съ водой. Пошеп

тавъ надъ нимъ нѣсколько минутъ, она начала пристально смотрѣть на поверхность воды.

— Ахъ, батюшки-свѣты!—сказала она наконецъ, покачавъ головою. Кто бы могъ подумать!.... Мужикъ богатый, семейный, а пустился на такое дѣло....

— Кого-же ты видишь?—спросилъ съ нетерпѣніемъ прикащикъ. Говори!

— Нѣтъ, батюшка, не могу: жаль вымолвить. На, вотъ смотри самъ.

— Я ничего не вижу,—сказалъ прикащикъ, посмотрѣвъ на воду.

— А видишь ли ты, гдѣ боярскія красна,—спросила сѣнная дѣвушка.

— Вижу,—отвѣчала Григорьевна,—они въ овинѣ, на гумнѣ у Ѳедьки Хомяка.

— Такъ это онъ?—вскричалъ прикащикъ. Тѣмъ лучше! Я ужъ давно до него добираюсь. Терпѣть не могу этого буяна; сущій разбойникъ, и передъ моимъ писаремъ шапки не ломаетъ!.... Эй, ребята, сбѣгай кто-нибудь на гумно къ Хомяку!

Одинъ изъ дружекъ вышелъ поспѣшно изъ избы.

— Ну, Григорьевна! я не ожидалъ отъ тебя такой прыти,—сказалъ Кудимычъ;—хоть бы мнѣ, такъ впору. Точно, точно!—прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на ковшъ съ водою, красна укралъ Ѳедька Хомякъ, и они теперь у него запрятаны въ овинѣ.

— Вы лжете оба!—закричалъ громовымъ голосомъ Кирша. Кудимычъ вздрогнулъ. Григорьевна поблѣднѣла, и всѣ взоры обратились на запорожца. Я васъ выучу колдовать, негодные!—продолжалъ Кирша. Вы говорите, что красна въ овинѣ у Ѳедьки Хомяка?

— Ну, да,—сказалъ Кудимычъ, оправясь отъ перваго замѣшательства.—Что ты, лучше моего что-ль это знаешь?

— Видно, лучше. Ихъ тамъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—вскричала Григорьевна.

— Да! голубушка!—отвѣчалъ спокойно Кирша.—Не за свое ремесло ты принялася, да и за выучку больно дешево платишь. Нѣтъ, тетка, однимъ штофомъ наливки и пирогомъ не отдѣлаешься. Отъ этихъ неожиданныхъ словъ Кудимычъ и Григорьевна едва усидѣли на лавкѣ; ихъ страхъ удвоился, когда вошедшій дружка объявилъ, что не нашелъ красенъ въ показанномъ мѣстѣ.

— Да гдѣ-жъ они?—спросила торопливо сѣнная дѣвушка.

— Небойсь, найдутся,—сказалъ Кирша Пошлите кого-нибудь разрыть снѣгъ на задахъ, подлѣ самой часовни.

Нѣсколько гостей, не ожидая приказаній, побѣжали вонъ изъ избы.

— Послушай, господинъ прикащикъ,—продолжалъ Кирша: не грѣши на Ѳедьку Хомяка: онъ ни въ чемъ не виноватъ. Не правда ли, Кудимычъ?.. Ну, что ты молчишь? Ты знаешь, что не онъ укралъ красна.

Несчастный колдунъ сидѣлъ неподвижно, какъ истуканъ, поглядывая съ ужасомъ на Киршу и не могъ выговорить ни слова.

— Эге, братъ, такъ ты вздумалъ отмалчиваться!—закричалъ запорожецъ.—Да вотъ постой, любезный, я тебѣ язычекъ развяжу! Подайте-ка мнѣ рѣшето, да кочанъ капусты; у меня и самъ воръ заговоритъ!

Кудимычъ затрясся какъ осиновый листъ.

— Помилуй!—прошепталъ онъ трепещущимъ голосомъ.—Твой верхъ—покоряюсь!

— Что, братъ, жутко пришло!

— Не губи меня, окаяннаго!

— А ты развѣ не хотѣлъ погубить Ѳедьку Хомяка? Нѣтъ, нѣтъ... давайте рѣшето!

— Пусти душу на покаяніе! — продолжалъ Кудимычъ, повалясь въ ноги запорожцу...—Не зарѣжь безъ

ножа! Да кланяйся, дура!—шепнулъ онъ Григорьевнѣ, которая также упала на колѣни передъ Киршею.

— И слушать не хочу! — отвѣчалъ запорожецъ.— Нѣтъ вамъ милости, негодные! Ну что-жъ стали? подавайте кочанъ капусты!

— Помилуй! — завопилъ Кудимычъ; зарокъ тебѣ даю, родимый— вѣкъ не стану колдовать.

— Полно, не будешь ли?

— Видитъ Богъ, не буду!

— И другихъ не станешь учить?

— Не стану, батюшка!

— Ну, такъ и быть! пусть на свадьбѣ никто не горюетъ. Богъ тебя проститъ, только впередъ не за свое дѣло не берись и знай, хоть меня здѣсь и не будетъ, а если я провѣдаю, что ты опять ворожишь, то у тебя тотъ-же часъ языкъ отымется.

Въ продолженіи этой странной сцены удивленіе присутствующихъ дошло до высочайшей степени: они видѣли ужасъ Кудимыча, но никто не понималъ настоящей его причины.

— Что это значитъ? — спросилъ наконецъ дьякъ прикащика.

— Какъ что! развѣ не видишь, что дока на доку нашелъ.

— Вотъ что! Ну, Ѳома Кондратьичъ! мудренъ этотъ прохожій. Смотри-ка, смотри! вонъ и холстъ несутъ.

Сѣнная дѣвушка съ радостнымъ крикомъ схватила холстъ, который внесли въ избу.

— Слава тебѣ Господи! — сказала она, осмотрѣвъ всѣ куски. Цѣлехонекъ!... Побѣгу къ Власьевнѣ и обрадую ее; а то мы не знали, какъ и доложить объ этомъ боярину.

— Чего-же дожидаетесь? — спросилъ Кирша Кудимыча и Григорьевну.—Я васъ простилъ, такъ убирайтесь вонъ! Чтобъ и духу вашего здѣсь не пахло!

Пристыженный коллунъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ вонъ изъ избы; но Григорьевна, наклонясь къ Киршѣ, сказала въ полголоса:

— Не погнѣвайся, отецъ мой! я вижу, Кудимычъ плохой знахарь: вотъ еслибъ твоя милость взялъ меня на выучку...

— Молчи, старая дура!—закричалъ Кирша. Пошла вонъ! а не то у меня опять полетишь съ полатей, да только соломку-то я велю прибрать.

Григорьевна, не смѣя продолжать разговора съ грознымъ незнакомцемъ, отвѣсила низкій поклонъ всей компаніи и побрѣла вслѣдъ за Кудимычемъ.

— А позволь спросить твою милость, имени и отчества не знаю,—сказалъ прикащикъ запорожцу:—откуда изволишь идти и куда?

— Издалека, добрый человѣкъ; а иду туда, куда Богъ приведетъ.

— По всему видно, что ты путемъ пошатался на бѣломъ свѣтѣ.

— Да, и такъ пошатался, что пора бы на покой.

— А что, господинъ честной, вѣрно ты за моремъ набрался такой премудрости?

— Бывалъ и за моремъ; всего натерпѣлся, и у басурмановъ былъ въ полону.

— Ой-ли! Гдѣ-же это? Чай, далеко отсюда?

— Далеконько... за Хвалынскимъ моремъ.

— Что это за Казанью что-ль?

— Нѣтъ, подалѣе; за Астраханью.

— Что, ваша милость, какова тамъ земля? Неужли-то Господь Богъ также благодать свою посылаетъ и на этотъ поганый народъ, какъ и на насъ православныхъ?

— Видно что такъ. Знатная земля! всего довольно: и серебра, и золота, и самоцвѣтныхъ камней, и всякаго съѣстнаго. Зимой только Богъ ихъ обидѣлъ.

— Какъ такъ? Да неужели у нихъ вовсе зимы нѣтъ?

— Ни снѣгу нейдетъ, ни вода не мерзнетъ.

— Ахъ, батюшки-свѣты? — вскричалъ прикащикъ, всплеснувъ руками. Экая диковинка! Вовсе нѣтъ зимы! Подлинно Божье наказанье! Да подѣломъ имъ, басурманамъ!

— Эхъ, Ѳома Кондратьичъ!—шепнулъ дьякъ прикащику. — Да развѣ не видишь, что онъ издѣвается надъ нами!

— Пораскажи-ка намъ, добрый человѣкъ,—сказалъ одинъ изъ гостей, что тамъ еще диковиннаго есть?

— Пожалуй; да вотъ, еслибъ здѣсь нашлась чарка-другая романеи, такъ веселѣй бы разсказывать.

— Для дорогого гостя какъ не найдти, — сказалъ прикащикъ.—Эй, Марѳа! вынь-ка тамъ изъ поставца, съ верхней полки, стклянку съ романеею. Да смотри,—прибавилъ онъ потихоньку,—подай ту, что стоитъ направо: она уже почата.

Романею подали; гости придвинулись поближе къ запорожцу, который, выпивъ за здоровье молодыхъ, принялся разсказывать всякую всячину; о басурманской вѣрѣ персіянъ, объ Араратской горѣ, о степяхъ непроходимыхъ, о золотомъ пескѣ, о медовыхъ рѣкахъ, о слонахъ и верблюдахъ; мѣшалъ правду съ небылицами, и до того занялъ хозяина и гостей своими разсказами, что никто не замѣтилъ вошедшаго слугу, который, переговоря съ работницею Марѳою, подошелъ къ Киршѣ, и поклонясь ему ласково, объявилъ, что его требуютъ на боярскій дворъ.

IX.

Мы попросимъ теперь читателей послѣдовать за нами во внутренность терема боярской дочери, Анастасіи Тимоѳеевны. Занимаемая ею половина состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ. Вокругъ ничѣмъ не обитыхъ стѣнъ первой, на широкихъ лавкахъ, сидѣли за пряжею дворовыя дѣвушки; глубокая тишина, наблюдаемая въ этомъ покоѣ, прерывалась только изрѣдка тихимъ шепотомъ двухъ сосѣдокъ, или стукомъ веретена, падающаго на полъ. Вторая комната была вся обита краснымъ сукномъ; въ правомъ углу стоялъ раззолоченный кивотъ съ иконами, въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ; нѣсколько огромныхъ, обитыхъ жестью сундуковъ, съ приданымъ и нарядами боярышни, занимали всю лѣвую сторону покоя; въ одномъ простѣнкѣ висѣло четыреугольное зеркало въ узорчатыхъ рамкахъ и шитое зототомъ и шелками полотенце. Прямо противъ дверей стояла высокая кровать съ штофнымъ пологомъ; кругомъ ея, на небольшихъ скамейкахъ, сидѣли Власьевна и нѣсколько ближнихъ сѣнныхъ дѣвушекъ; однѣ перенизывали дорогія монисты *) изъ крупныхъ бурмитскихъ зеренъ, другія разноцвѣтными шелками и золотомъ вышивали въ пяльцахъ. На ихъ румяныхъ лицахъ цвѣла молодость, красота и здоровье; но веселость не оживляла ясныхъ очей ихъ. Утирая украдкою слезы, онѣ посматривали печально на молодую госпожу свою, которая, облокотясь правой рукой на изголовье, была погружена въ глубокую задумчивость. Краса садовъ, пышная роза, и увядая,

---

*) Ожерелья.

прекраснѣе свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ: такъ точно, не смотря на изнуренную болѣзнь, дочь боярская казалась прекраснѣе всѣхъ ее окружающихъ дѣвицъ. Изрѣдка грустная улыбка, напоминающая прелестное сравненіе одного русскаго стихотворца:

> Улыбка горести подобна
> На гробъ положеннымъ цвѣтамъ...

появлялась на розовыхъ устахъ ея. Восточный жемчугъ, которымъ украшены были ея блестящія зарукавья, и бѣлое, какъ снѣгъ, покрывало не превосходили бѣлизною ея блѣднаго лица, на которомъ ясно изображались слѣды безпрерывныхъ душевныхъ страданій. Казалось, въ ея потухшихъ, неподвижныхъ взорахъ можно было сосчитать всѣ ночи, проведенныя безъ сна въ терзаніяхъ мучительной тоски, понятной только для тѣхъ, которые, подобно ей, страдали, не раздѣляя ни съ кѣмъ своей горести. Богатый парчевой опашень *), небрежно накинутый сверхъ легкой объяринной ферязи *), широкая золотая лента съ жемчужной подвязью, большія изумрудныя серьги, драгоцѣнныя зарукавья, однимъ словомъ, весь пышный нарядъ представлялъ разительную противоположность съ видомъ глубокаго унынія, которое изображалось во всѣхъ чертахъ лица ея.

— Ну, что-жъ ты молчишь, Терентьичъ?—сказала Власьевна, оборотясь къ дверямъ, подлѣ которыхъ стоялъ слѣпой старикъ въ поношенномъ синемъ кафтанѣ. Видишь, боярышня призадумалась; начни другую сказку, да смотри, повеселѣе.

---

*) Женское верхнее платье, съ длинными висячими до земли рукавами и большимъ капишономъ.

**) Женская ферязь, платье почти одинаковаго покроя съ нынѣшними сарафанами.

— Слушаю, матушка Аграфена Власьевна, отвѣчалъ слѣпой съ низкимъ поклономъ. Да, кажись, и та, что я разсказывалъ....

— И полно, батюшка, что въ ней хорошаго! «Царевна полюбила добраго молодца, злые люди ихъ разлучили.... а тамъ змѣй Горынычъ унесъ ее за три-девять земель въ тридесятое государство, и она, бѣдная сиротинка, безъ милаго дружка и безъ кровныхъ, зачахла съ тоски-кручины...»—Ну, что тутъ веселаго?

— Изъ сказки слова не выкинешь, матушка Аграфена Власьевна.

— Вотъ то-то и есть: разскажи другую.

— Въ угоду ли вамъ будетъ повѣсть о славномъ князѣ Владимірѣ, Кіевскомъ Солнышкѣ, Святославичѣ, и о сильномъ его могучемъ богатырѣ, Добрынѣ Никитичѣ?

— Ну, ну, разсказывай! мы послушаемъ.

Слѣпой разсказщикъ разгладилъ свою бороду, выправилъ усы и началъ:

«Не вихри, не вѣтры въ поляхъ подымаются, не буйные крутятъ пыль черную; выѣзжаетъ то сильный могучій богатырь, Добрыня Никитичъ, на своемъ конѣ богатырскомъ, съ однимъ Торопомъ слугой; на немъ доспѣхи ратные какъ солнышко горятъ; на серебряной цѣпи виситъ мечъ-кладенецъ въ полтораста пудъ; во правой рукѣ копье булатное, на конѣ сбруя красна золота. Онъ подъѣзжаетъ ко святому гряду Кіеву.... глядитъ: въ заповѣдныхъ лугахъ княженетскихъ раскинуты шатры басурманскіе, несмѣтно войско облегаетъ стѣны кіевскія. Завидя силу поганую, могучій Добрыня вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ. Отъ того ли посвисту сыръ боръ преклоняется и листъ съ деревьевъ осыпается, онъ бьетъ коня по крутымъ ребрамъ; богатырскій конь разъяряется, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣнной копнѣ,

бѣжитъ въ поля, земля дрожитъ, изо рта пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Богатырь гонитъ силу поганую; гдѣ конемъ вернетъ, тамъ улица, гдѣ копьемъ махнетъ—съ переулками, гдѣ мечемъ рубнетъ—нѣту тысячи.

— Довольно, будетъ, Терентьичъ,—прервала тихимъ голосомъ прекрасная Анастасья.—Ты ужъ усталъ Мамушка, вели дать ему чарку водки.

— Да выслушай, родная,—сказала Власьевна.—Можетъ статься, онъ и поразвеселитъ тебя.

— Нѣтъ, мамушка, меня ничего не развеселитъ.

— Ну, власть твоя, сударыня! Ступай, Терентьичъ. Эй вы, красныя дѣвицы! сведите его внизъ, вѣдь онъ, пожалуй, со слѣпу-то расшибется. Ну, матушка Анастасья Тимоѳеевна,—продолжала она,—ужъ я, право, и не придумаю, что съ тобою дѣлать! Не позвать ли Аѳоньку дурака?

— Ахъ, нѣтъ! не надобно!

— Семъ кликнемъ, родная! да позовемъ дуру Матрешку; они поболтаютъ, побранятся межъ собой, а чтобъ распотѣшить тебя, такъ пожалуй и подерутся, матушка.

— Зачѣмъ ты меня сегодня нарядила, мамушка?—сказала со вздохомъ Анастасья.—Мнѣ и безъ нарядовъ такъ тяжело.... такъ тошно!...

— И, свѣтикъ мой! да какъ же тебѣ сегодня не быть нарядною? Авось Богъ поможетъ намъ внизъ сойдти. Вѣдь у батюшки твоего сегодня пиръ горой; какой-то большой польскій панъ будетъ.

— Какой панъ?.... откуда?—вскричала Анастасья.
— Чего-жъ ты испугалась, родимая? Ну, такъ и есть! ты вѣрно подумала?... Вотъ то-то и бѣда! панъ, да не тотъ.

— Слава Богу!

— Охъ, вы дѣвушки, дѣвушки! Всѣ-то вы на одну

стать! Не онъ, такъ слава Богу! а еслибъ онъ, такъ и нарядовъ бы у насъ не достало! Нѣтъ, матушка, сегодня будетъ какой-то панъ Тишкевичъ; а отъ жениха твоего, пана Гонсѣвскаго, присланъ изъ Москвы гонецъ. Ужъ не сюда ли онъ собирается, чтобъ обвѣнчаться съ тобою? Нечего сказать: пора бы честнымъ пиркомъ да за свадебку... Что ты, что ты, родная? Христосъ съ тобой! Что съ тобой сдѣлалось? На тебѣ вовсе лица нѣтъ!

— Ничего, мамушка, пройдетъ!... Все пройдетъ!.... прошептала Анастасья едва слышнымъ голосомъ. Только, Бога ради! не говори мнѣ о панѣ Гонсѣвскомъ!...

— Не говорить о твоемъ суженомъ? Охъ, дитятко, не хорошо! Я ужъ давно замѣчаю, что ты этого не жалуешь... Неужли-то въ самомъ дѣлѣ?... Да, нѣтъ! гдѣ слыхано идти противъ отцовской воли; да и дѣвичье ли дѣло браковать жениховъ! Нѣтъ, родимая, у насъ, благодаря Бога, не такъ, какъ за моремъ: невѣсты сами жениховъ не выбираютъ: за кого благословятъ родители, за того и ступай. Поживешь, боярышня, замужемъ, такъ самой слюбится.

— Нѣтъ, мамушка! Не жилица я на этомъ свѣтѣ.

— И, полно, матушка! теперь-то тебѣ и пожить! Женихъ твой знатнаго рода, въ славѣ и чести; не нашей вѣры—такъ что-жъ? Прежній патріархъ Гермогенъ не хотѣлъ васъ благословить; но за то теперешній, святѣйшій Игнатій, и грамоту написалъ къ твоему батюшкѣ, что онъ разрѣшаетъ тебѣ идти съ нимъ подъ вѣнецъ. Такъ о чемъ же тебѣ грустить?

— А развѣ ты знаешь, что онъ пришелъ мнѣ по сердцу?... что я люблю его?

— И, что ты, родимая! Какъ не любить! Мало ли онъ дарилъ тебя и жемчугомъ, и золотомъ, и дорогими парчами, и меня старуху вспомнилъ. Легко-ль, подумаешь! отсыпалъ мнѣ, голубчикъ, пятьдесятъ золотыхъ

корабленниковъ [5]), да на три тѣлогрѣи заморскаго штофа подарилъ. И этакой суженой тебѣ не любъ! Эхъ, матушка, Анастасья Тимоѳеевна! не гнѣви Господа Бога! И что въ немъ охаить можно? Собою молодецъ: такой дородный, осанистый! Ну, право, сродясь лучше не видала; развѣ только.... и то наврядъ—вотъ тотъ молодой баринъ, что къ Спасу на Бору къ обѣднѣ ходилъ—помнишь?... такой еще богомольный; всегда, бывало, придетъ прежде насъ и станетъ у лѣваго клироса... Что, боярышня, повеселѣй стала! То-то-же! слушайся насъ старухъ! Самой будетъ радостно, какъ на твоего муженька станутъ всѣ засматриваться.... Ну, вотъ, опять нахмурилась! О, охъ, родимая! Обошелъ тебя дурной человѣкъ!... Да вотъ посмотримъ, что-то Богъ дастъ сегодня!

— Анюта, сказала Анастасья одной молодой и прекрасной дѣвушкѣ, которая ближе всѣхъ къ ней сидѣла, спой эту пѣсню.... ты знаешь... ту, что я такъ люблю.

Анюта, не переставая вышивать въ пяльцахъ, запѣла тихимъ, но весьма пріятнымъ голосомъ:

«Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчи воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи!

Ахъ прошли, прошли,
Наши красны дни;
Наши радости
Буйный вѣтеръ унесъ!
Мнѣ отецъ родной
И родная мать
Подъ вѣнецъ идти
Не съ тобой велятъ.
Не горятъ въ небесахъ
По два солнышка—
Не любить двухъ разовъ
Добру молодцу!...
Я послушаюсь
Отца, матери;

Подъ вѣнецъ пойду
Не съ тобой душа....
Обвѣнчаюся
Я съ иной женой;
Я съ иной женой—
Съ смертью раннею!....
Не ручей журчитъ,
Не рѣка шумитъ:
Льются слезы
Красной дѣвицы;
Во слезахъ она
Слово молвила:
Ахъ ты, милый мой!
Ты сердечный другъ!
Не жилица я
На бѣломъ свѣту!....
Нѣтъ у горлинки
Двухъ голубчиковъ—
Нѣтъ у дѣвицы
Милыхъ дружковъ!..

Не спитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго;
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ—
Во гробу лежитъ красна дѣвица.»

— Перестань, Аннушка, сказала Власьевна. Ты и на здороваго человѣка тоску нагонишь. Что это, прости Господи! словно панихиду поешь!

Тутъ вошла одна пожилая женщина и шепнула ей что-то на ухо.

— Хорошо, хорошо! отвѣчала Власьевна. Скажи ему, чтобъ онъ подождалъ. Анастасья Тимоѳеевна, продолжала она, знаешь ли что, матушка? у насъ на селѣ теперь есть прохожій, про котораго и невѣсть что разсказываютъ. Ужъ Кудимычъ ли нашъ не мудрецъ, да и тотъ передъ нимъ язычекъ прикусилъ. Позволь ему, сударыня, словечка два съ тобой перемолвить... Да полно же, родная, головкою мотать! Прикажи ему войдти.

— Зачѣмъ, мамушка? на что?

— А на то, моя радость, что если онъ подлинно человѣкъ досужій, то и твоей болѣзни поможетъ.

— Моей болѣзни... Нѣтъ, мамушка... мнѣ поможетъ одна смерть!

— И, полно, боярышня! спозаранковъ умирать собираешься! Ну, что, родная, не кликнуть ли его?

— Не надобно.

— Послушай, Анастастья Тимоѳеевна, вѣдь государь твой батюшка изволилъ приказать: такъ власть твоя, сударыня, ослушаться не смѣю.

— О! если батюшкѣ угодно... такъ позови.

Двери отворились, и нашъ знакомецъ, Кирша, вошелъ въ комнату. Поклонясь на всѣ четыре стороны, онъ остановился у порога.

— Милости просимъ, сказала Власьевна. Въ добрый часъ! Милости просимъ!... Вотъ наша больная...

— Вижу, бабушка, отвѣчалъ Кирша, бросивъ быстрый взглядъ на Анастасью. Вижу... Гмъ, гмъ!

— Ну, что ты скажешь, отецъ мой?

— Что я скажу?... Гмъ, гмъ!

— Ахти! что это, батюшка, ты мычать изволишь? Ужъ къ добру ли?

— А вотъ, посмотримъ. Мнѣ надобно съ вашей боярышней словца два перемолвить, да такъ, чтобъ никто не слыхалъ.

— Какъ? чтобъ никто не слыхалъ?

— Да, да; ворожбѣ такъ надобно. Станьте-ка всѣ поодаль.

— Нельзя ли хоть мнѣ?...

— Нѣтъ, бабушка, никому.

— Ну, ну! быть по твоему. Вставайте, дѣвушки, отойдемте къ дверямъ.

Кирша подошелъ къ Анастасьѣ и попросилъ ее показать ему правую руку. Нехотя и съ примѣтнымъ отвращеніемъ она исполнила его желаніе. Кирша, по-

смотрѣвъ пристально на ладонь, сказалъ въ полголоса:— «Анастасья Тимоѳеевна, я долженъ объявить правду:— тебя сглазили».

Больная взглянула съ презрѣніемъ на запорожца и отворотилась.

— Да, да, боярышня, повторилъ важно Кирша. Тебя точно сглазили голубые глаза одного русоволосаго молодца. Болѣзнь твоя вотъ тутъ—въ сердце.

Блѣдныя щеки больной вспыхнули; она взглянула недовѣрчиво на Киршу, хотѣла что-то сказать, но слова замерли на устахъ ея.

— Ты нынѣшней зимой, продолжалъ запорожецъ, въ первый разъ встрѣтилась съ нимъ въ Москвѣ.

Анастасья вздрогнула, кинула робкій взглядъ вокругъ себя и устремила удивленные взоры на Киршу, который послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ весьма тихо:

— Ты видала его почти каждый день въ соборной церкви... кажется... точно такъ: у Спаса на Бору.

Больная, отдернувъ торопливо свою руку, вскрикнула отъ ужаса.

— Что ты, Анастасья Тимоѳеевна? спросила Власьевна, подбѣжавъ къ кровати. Что съ тобою?

— Ничего, отвѣчала Анастасья. Отойди, мамушка, отойди!

— Если ты еще хоть разъ подойдешь старуха, то испортишь все дѣло,—сказалъ сердито Кирша. Стой, вонъ тамъ, да гляди издали! Пожалуй-ка мнѣ опять свою ручку, боярышня, продолжалъ онъ, когда Власьевна отошла прочь. Вотъ такъ... гмъ, гмъ! Ну, Анастасья Тимоѳеевна, тебѣ жаловаться нечего; если онъ тебя сглазилъ, то и ты его испортила: ты крушишься о немъ, а онъ тоскуетъ по тебѣ.

— Смотрите-ка, смотрите! шепнула Власьевна дѣвушкамъ; что это съ боярышней дѣлается? Лицо какъ

жаръ горитъ! Ни дать, ни взять, какъ бывало прежде... Слава тебѣ Господи!

— Постой-ка, боярышня, продолжалъ послѣ небольшой остановки запорожецъ. Да у тебя еще другая кручина, какъ туманъ осеннiй, на сердцѣ лежитъ... Я вижу, тебя хотятъ выдать замужъ... за одного большаго польскаго пана... Не горюй, Анастасья Тимоѳеевна! этой свадьбѣ не бывать! Я скажу, словца два твоему батюшкѣ, такъ онъ не повезетъ тебя въ Москву, а твой женихъ сюда не прiѣдетъ: ему скоро будетъ не до этого.

— Ахъ, дай-то Богъ! вскричала Анастасья, сложивъ набожно свои руки.

— Да, да, боярышня. Нынче времена шаткiя; кто сегодня вверху, тотъ завтра внизу.

— Глядите-ка,—сказала Анюта: Анастасья Тимоѳеевна плачетъ, а лицо такое веселое. Что за диво.

— Нишни, Анюта, не мѣшай!—шепнула Власьевна, стараясь вслушаться въ разговоръ, который, повидимому, становился часъ-отъ-часу занимательнѣе.

— Однакожъ, боярышня,—продолжалъ запорожецъ, ты до тѣхъ поръ совсѣмъ не оправишься, пока не увидишь опять того, кто тебя сглазилъ, и не обойдешь вмѣстѣ съ нимъ вокругъ церковнаго налоя.

— Съ нимъ!...—повторила Анастасья трепещущимъ голосомъ.

— Да, да, съ нимъ! И я вижу,—прибавилъ Кирша, что это рано, или поздно, а будетъ.

Больная не могла выговорить ни слова: внезапная радость сковала уста ея; въ нѣмомъ восторгѣ она устремила къ небесамъ свои взоры. Но вдругъ на лицѣ ея изобразилось глубокое уныніе, глаза померкли и прежняя, безжизненная блѣдность покрыла снова ея увядшія ланиты. «Нѣтъ, сказала она, отталкивая руку запорожца: нѣтъ!... покойная мать моя завѣщала мнѣ воз-

лагать надежду на Господа, а ты—колдунъ; языкомъ твоимъ говоритъ врагъ Божій, врагъ истины. Отойди, оставь меня, соблазнитель,—я не вѣрю тебѣ! А еслибъ и вѣрила, то что мнѣ въ этой радости, за которую не могу и не должна благодарить Спасителя и Матерь его, Пресвятую Богородицу!»

— О! если такъ, боярышня, сказалъ Кирша, такъ знай же—я не колдунъ, и ты безъ грѣха можешь вѣрить словамъ моимъ.

— Ты не колдунъ?... Но кто же ты?

— Для другихъ пока останусь колдуномъ: безъ этого я не могъ бы говорить съ тобою, но вотъ тебѣ Господь Богъ порукою и пусть меня, какъ труса, выгонятъ изъ Незамановскаго куреня, или, какъ убійцу своего брата, казака—живаго зароютъ въ землю [6]), если я не такой же православный, какъ и ты.

— Но какимъ чудомъ ты могъ отгадать то, что знала я одна—и вѣдалъ одинъ Господь?

— Долго разсказывать, боярышня: да повѣрь ужъ моей совѣсти: право я не колдунъ! а все-таки знаю, что Юрій Дмитричъ Милославскій тебя любитъ, что, можетъ статься, скоро увидите другъ друга.. . Молись Богу и надѣйся! А что ты не будешь за паномъ Гонсѣвскимъ, за это тебѣ ручается Кирша, запорожецъ, который знаетъ навѣрное, что его милости и всѣмъ этимъ иновѣрцамъ скоро придетъ такъ жутко въ Москвѣ, какъ злому кошевому атаману на радѣ *), когда начнутъ уличать его въ неправдѣ. Гдѣ ему о свадьбѣ думать! О своей головѣ призадумается!... Ну, что, боярышня, полегче ли тебѣ?

— Ахъ.... да!—отвѣчала Анастасья, приложивъ къ сердцу свою руку..

*) Такъ назывались общія собранія запорожскихъ казаковъ.

— Теперь вы можете всѣ подойти,—сказалъ Кирша, оборотясь къ дверямъ.

— Ну, что, дитятко мое?...—спросила торопливо Власьевна, подбѣжавъ къ больной.

— Ахъ, мамушка, мамушка!—отвѣчала всхлипывая Анастасья, Боже мой!... Мнѣ такъ легко.... такъ весело!... Поздравь меня, родная!... продолжала она, кинувшись къ ней на шею. Анюта.... вы всѣ.... подите ко мнѣ... дайте разцѣловать себя!... Боже мой!... Боже мой! Не сонъ ли это?... Нѣтъ, нѣтъ.... я чувствую... мое сердце.... Ахъ, я дышу свободно!....

Слезы градомъ катились изъ прелестныхъ очей ея, устремленныхъ на святыя иконы.

— Подите, подите, сказала она наконецъ тихимъ голосомъ. Я хочу остаться одна.... мнѣ надобно.... я должна... Ступайте, милыя, оставьте меня одну!

Всѣ вышли въ другую комнату.

— Ну, батюшка, тебѣ честь и слава!—сказала Власьевна запорожцу. На-роду моемъ такого дива не видывала! Съ одного разу какъ рукой снялъ!... Теперь смѣло проси у боярина, чего хочешь.

— Я за многимъ не гонюсь,—отвѣчалъ Кирша: и если бояринъ пожалуетъ мнѣ добраго коня....

— За трехъ не постоитъ! Да не нужно ли будетъ тебѣ еще поговорить съ Анастасьей Тимоѳеевной?

— Нѣтъ, не надобно. Съ бояриномъ мнѣ нужно словцо перемолвить, а для нея... постой-ка на часокъ.... На вотъ тебѣ....

— Что это, батюшка?... Сухарь!

— Да, да, сухарь. Смитри: семь дней сряду давай своей боярышнѣ пить съ этого сухаря, что ей самой вздумается: воды, квасу, меду ли, все равно.

— Слушаю, батюшка.

— Кружку наливай вровень съ краями и подноси лѣвой рукой.

— Слушаю, батюшка.

— Всю недѣлю сама не пей ничего, кромѣ воды; а объ наливкѣ забудь и думать!

— Какъ, отецъ мой? и передъ обѣдомъ?

— И передъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Слышишь ли? ни капельки!

— Слышу, батюшка, слышу! Вѣдь я еще не оглохла! Шесть дней не пить ничего, кромѣ воды!

— Не шесть, а ровно семь, бабушка.

— Да бишь, да! цѣлую недѣлю.... Дѣлать нечего! Не даромъ говорятъ, прибавила Власьевна сквозь зубы, что всѣ эти колдуны съ причудами. Семь дней!... Легко вымолвить!

Тутъ двое слугъ, войдя поспѣшно, растворили дверь настежъ, и бояринъ Кручина вошелъ въ комнату. Всѣ присутствующіе вытянулись въ нитку и отвѣсили молча по низкому поклону; одна Власьевна, забывъ должное къ нему уваженіе, закричала громкимъ голосомъ: «Милости просимъ, государь Тимофей Ѳедоровичъ! милости просимъ!... Что пожалуешь за радостную вѣсточку?»

— Что ты, старуха, въ умѣ ли? сказалъ бояринъ

— Безъ ума, родимой, безъ ума! Вѣдь боярышня совсѣмъ выздоровѣла.

— Возможно ли?

— Да, батюшка! изволь самъ на нее взглянуть.

Бояринъ вошелъ къ своей дочери и, поговоря съ нею нѣсколько минутъ, возвратился назадъ. Радость, удивленіе и вмѣстѣ какая-то недовѣрчивость изображались на лицѣ его; онъ устремилъ проницательный взглядъ на Киршу, который весьма равнодушно, хотя и почтительно, смотрѣлъ на боярина.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ наконецъ Кручина.

— Киршею,—отвѣчалъ запорожецъ.

— Давно ли ты здѣсь?

— Съ сегодняшняго утра.

— Куда идешь?

— На мою родину, въ Царицынъ.

— Когда ты проходилъ дворомъ, то повстрѣчался съ слугою боярина Милославскаго и говорилъ съ нимъ. Ты его знаешь?

— Вчера мы ночевали вмѣстѣ на постояломъ дворѣ.

— Онъ объявилъ, что ты запорожецъ.

— Да, я запорожскій казакъ, но въ Царицынѣ у меня отецъ и мать.

— Не желаешь ли остаться здѣсь и служить мнѣ?

— Нѣтъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ, я хочу пожить дома.

Высокій лобъ боярина покрылся морщинами; онъ взглянулъ угрюмо на запорожца и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ:

— Ты облегчилъ болѣзнь моей дочери: чѣмъ могу наградить тебя?

— Я сгубилъ моего коня, бояринъ, а пѣшкомъ ходить не привыкъ....

— Выбирай любаго на моей конюшнѣ. Я не спрашиваю тебя, какъ ты умудрился помочь Анастасьѣ: колдунъ ли ты, или обманщикъ—для меня все равно; но кто будетъ мнѣ порукою, что болѣзнь ея не возвратится? Ты долженъ остаться здѣсь, пока я не увѣрюсь въ совершенномъ ея выздоровленіи.

— Нельзя, бояринъ: я спѣшу домой.

— Вздоръ! ты останешься.

— Нѣтъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ, не останусь.

Бояринъ взглянулъ съ удивленіемъ на Киршу. Привыкнувъ къ безусловному повиновенію всѣхъ его окружающихъ, онъ не могъ надивиться дерзости простаго казака, который, находясь совершенно въ его власти, осмѣливался ему противорѣчить.

— Посмотримъ,—сказалъ онъ съ презрительною

улыбкою, посмотримъ, удастся ли бродягѣ переупрямить боярина Шалонскаго!

— Власть твоя, Тимоѳей Ѳедоровичъ!—продолжалъ спокойно Кирша.—Ты воленъ насильно меня оставить; но, смотри, чтобъ послѣ не пенять.

Глаза боярина Кручины засверкали, какъ у тигра.

— Молчи, холопъ!—заревѣлъ онъ громкимъ голосомъ.—Ты смѣешь грозить мнѣ!... Знаешь ли ты, бродяга, что я могу всякаго колдуна, какъ бѣшенную собаку, повѣсить на первой осинѣ!

— А развѣ отъ этого тебѣ будетъ легче,—отвѣчалъ Кирша,—устремивъ смѣлый взоръ на боярина, когда единородная дочь твоя зачахнетъ и умретъ прежде, чѣмъ ты назовешь знаменитаго пана Гонсѣвскаго своимъ зятемъ?

Бояринъ поблѣднѣлъ, какъ смерть: онъ пожиралъ глазами запорожца. Нѣсколько минутъ продолжалось глубокое молчаніе, похожее на ту мертвую тишину, которая предшествуетъ ужасному громовому удару. Наконецъ страхъ потерять единственную дочь, а вмѣстѣ съ ней и всѣ надежды на блестящую будущность, побѣдилъ въ немъ желаніе наказать дерзкаго незнакомца. «Тотъ, кто излечилъ въ нѣсколько минутъ такимъ чудеснымъ образомъ дочь его, вѣроятно, могъ столь же легко сдѣлать противное». Эта мысль спасла Киршу. Лицо боярина, обезображенное судорожными движеніями гнѣва, доведеннаго до высочайшей степени, начало мало-по-малу принимать свой обыкновенный мрачный, но спокойный видъ. Онъ бросилъ грозный взглядъ на всѣхъ предстоящихъ, какъ будто желая напомнить имъ, что дерзость Кирши не должна служить для нихъ примѣромъ; потомъ, взглянувъ довольно ласково на запорожца, сказалъ:

— Ну, голубчикъ, ты не робкаго десятка. Добро,

добро! если ты не хочешь остаться, такъ ступай съ Богомъ! Я не стану тебя держать.

— Такъ-то лучше, бояринъ!—сказалъ Кирша.— Неволею изъ меня ничего не сдѣлаешь; а за твою ласку я скажу тебѣ то, чего силою ты вѣкъ бы изъ меня не выпыталъ. Анастасью Тимоѳеевну испортили въ Москвѣ, и если она, прежде шести мѣсяцевъ и шести дней опять туда пріѣдетъ, то съ нею сдѣлается еще хуже, и тогда, прошу не погнѣваться, никто въ цѣломъ свѣтѣ ей не поможетъ.

— Шесть мѣсяцевъ!—вскричалъ бояринъ. Но въ будущемъ мѣсяцѣ я долженъ непремѣнно ѣхать съ нею въ Москву.

— Не ѣзди, Тимоѳей Ѳедоровичъ!

— Не могу: я далъ слово пану Гонсѣвскому.

— Возьми его назадъ.

— Нѣтъ, я не измѣнялъ никогда моему обѣщанію.

— Ну, воля твоя! Было бы сказано, а тамъ дѣлай что хочешь.

— Но не знаешь ли ты какого способа?...

— Никакого, бояринъ. Если ты прежде шести мѣсяцевъ и шести дней привезешь боярышню въ Москву, хоть напримѣръ въ понедѣльникъ, то на той-же недѣлѣ въ пятницу будешь ее отпѣвать.

— Ты лжешь, бездѣльникъ!

— А изъ чего мнѣ лгать, бояринъ? Гнѣвить тебя прибыли мало; и что мнѣ до этого, поѣдешь ли ты въ Москву, или останешься здѣсь?... Я и знать объ этомъ не буду.

Бояринъ призадумался, а Кирша продолжалъ:

— Я кончилъ свое дѣло, Тимоѳей Ѳедоровичъ, теперь позволь мнѣ идти.

— Андрюшка!—сказалъ Кручина одному изъ слугъ.— Отведи его на село къ прикащику; скажи, чтобъ онъ остилъ его порядкомъ, оставилъ завтра отобѣдать, а

потомъ далъ бы ему любаго коня изъ моей конюшни и три золотыхъ корабленника. Да крѣпко накрѣпко накажи ему, прибавилъ бояринъ въ полголоса, чтобъ онъ не спускалъ его со двора и не давалъ никому, а особливо пріѣзжимъ, говорить съ нимъ наединѣ. Этотъ колдунъ мнѣ что-то очень подозрителенъ!

Кирша вышелъ вмѣстѣ съ слугою, и почти въ то же время на боярскій дворъ въѣхали верхами человѣкъ пять поляковъ, въ богатыхъ одеждахъ; а за ними столько же польскихъ гусаръ, вооруженіе которыхъ, не смотря на свое великолѣпіе, показалось бы въ наше время довольно чуднымъ маскараднымъ нарядомъ. Всѣ гусары были въ латахъ и шишакахъ; къ латамъ сзади придѣланы были огромныя крылья; по обѣимъ сторонамъ шишака точно такія же, но гораздо менѣе, а за плечами, вмѣсто плащей, развѣвались леопардовыя кожи. Каждый гусаръ былъ вооруженъ палашомъ и длиннымъ дротикомъ, украшеннымъ цвѣтнымъ флюгеромъ.

— Вотъ и панъ Тишкевичъ съ своими товарищами!—сказалъ бояринъ Кручина,—взглянувъ въ окно. Но кто это ѣдетъ по лѣвую его сторону?... Мнѣ помнится, этой красной рожи я никогда не видывалъ!

Сказавъ эти слова, Шалонской отправился на встрѣчу къ своимъ гостямъ, а Власьевна и сѣнная дѣвушка вошли опять въ комнату къ своей боярышнѣ.

X.

Дворецкій и нѣсколько слугъ встрѣтили гостей на крыльцѣ; неуклюжій и толстый полякъ, который ѣхалъ возлѣ пана Тишкевича, не доѣзжая до крыльца, спрыгнулъ, или лучше сказать, свалился съ лошади и успѣлъ прежде всѣхъ помочь региментарю сойдти съ коня.

Вѣроятно, каждый изъ читателей нашихъ знаетъ хотя по слуху извѣстнаго Санхо-Пансу; но если въ эту минуту услужливый полякъ весьма походилъ на этого знаменитаго конюшаго, то панъ Тишкевичъ ни мало не напоминалъ собою рыцаря Плачевнаго Образа. Онъ былъ средняго роста, плечистъ и сидѣлъ молодцомъ на конѣ. Быстрыя движенія, смѣлый взглядъ, смуглое откровенное лицо, все доказывало, что панъ Тишкевичъ провелъ большую часть своей жизни въ кругу безстрашныхъ воиновъ, живалъ подъ открытымъ небомъ и также беззаботно ходилъ на смертную драку, какъ на шумный и веселый пиръ своихъ товарищей. Трое другихъ молодцеватыхъ поляковъ отличались огромными усами и надменнымъ видомъ, совершенно противоположнымъ добродушію, которое изображалось на открытомъ и благородномъ лицѣ ихъ начальника. Бояринъ Кручина встрѣтилъ гостей въ столовой комнатѣ. При видѣ портрета Польскаго короля, съ извѣстной надписью, поляки взглянули съ гордой улыбкой другъ на друга, панъ Тишкевичъ также улыбнулся; но когда взоры его встрѣтились со взорами хозяина, то что-то весьма похожее на презрѣніе изобразилось въ глазахъ его: казалось, онъ съ трудомъ побѣдилъ это чувство и не очень торопился пожать протянутую къ нему руку боярина Кручины. Послѣ первыхъ привѣтствій Тишкевичъ представилъ хозяину сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ толстаго поляка, который исправлялъ при немъ съ такимъ усердіемъ должность конюшаго.— «Этотъ краснощекій весельчакъ», сказалъ онъ, «панъ Копычинскій, который и безъ меня былъ бы твоимъ гостемъ, потому что отправленъ къ тебѣ гонцомъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что царикъ *) убитъ».

---

*) Такъ называли поляки втораго самозванца.

— Какъ!—вскричалъ Кручина. —Тушинскій воръ?

— Да! его убили въ Калугѣ, куда онъ всякій разъ прятался, какъ медвѣдь въ свою берлогу.

— Насилу-то Калужане за умъ взялись!

— Не калужане, бояринъ, — сказалъ съ важнымъ видомъ Копычинскій: — спроси меня, я это дѣло знаю: его убилъ перекрещенный татаринъ Петръ Урусовъ; а калужскіе граждане, отомщая за него, перерѣзали всѣхъ татаръ и провозгласили новорожденнаго его сына, подъ именемъ Іоанна Дмитріевича, Царемъ Русскимъ.

— Безумные!—вскричалъ бояринъ. Да неужели для нихъ честнѣе служить внуку Сандомирскаго воеводы, чѣмъ державному королю Польскому?... Я увѣренъ, что панъ Гонсѣвскій безъ труда усмиритъ этихъ крамольниковъ; теперь Сапѣга и Лисовскій не станутъ имъ помогать... Но милости просимъ, дорогіе гости! Не угодно ли выпить и закусить чего-нибудь?

Бояринъ ввелъ своихъ гостей въ другую комнату, въ которой большой круглый столъ уставленъ былъ блюдами съ холоднымъ кушаньемъ и различными водками. Когда гости закусили, разговоръ снова возобновился.

— Знаешь ли, бояринъ,—сказалъ панъ Тишкевичъ, обтирая свои усы, — что сегодня по утру мы охотились въ твоихъ дачахъ?

— Милости просимъ! — отвѣчалъ бояринъ. Забавляйтесь, сколько душѣ вашей угодно.

— И чуть-чуть,—продолжалъ Тишкевичъ,—не заполевали краснаго звѣря.

— Такъ вамъ не удалось?

— Вотъ то-то и досадно!—а такіе звѣрьки не часто попадаются.

— Такъ что-жъ, панъ? Если хочешь, завтра мы поохотимся вмѣстѣ и я ручаюсь тебѣ...

— Не ручайся, бояринъ: теперь этотъ звѣрь далеко.

Мы ловили сегодня одного молодца, который пробирается съ казною въ Нижній-Новгородъ.

— Въ Нижній?..—вскричалъ Кручина.

— Да, въ Нижній,—повторилъ Тишкевичъ.—Вотъ панъ Копычинскій лучше это разскажетъ: онъ совсѣмъ было подтенетилъ его.

— Да, — сказалъ Копычинскій, вытянувъ чарку водки.—Онъ у меня сквозь пальцевъ проскользнулъ. Я засталъ его съ двумя провожатыми на постояломъ дворѣ, верстахъ въ десяти отсюда; съ перваго взгляда онъ показался мнѣ подозрительнымъ; вотъ я и принялся допрашивать его порядкомъ; онъ забормоталъ, сбился въ рѣчахъ и занесъ такую околесную, что я тотъ-же часъ его и за воротъ. Мой парень сначала было расхрабрился, заговорилъ и то и се: да я не кто другой! прижалъ его къ стѣнѣ, приставилъ къ рожѣ пистолетъ, крикнулъ... трусишка испугался и покаялся мнѣ во всемъ.

— Да какъ-же ты ихъ упустилъ?—спросилъ съ нетерпѣніемъ бояринъ.

— А вотъ какъ: я велѣлъ ихъ запереть въ холодную избу, поставилъ караулъ, а самъ легъ соснуть; казаки мои—нѣхъ ихъ вшисци дьябли везмо! — также вздремнули: такъ, видно, они вылѣзли въ окно, сѣли на своихъ коней, да и до лѣсу... Что-жъ ты, бояринъ, качаешь головой?—продолжалъ Копычинскій, ни мало не смущаясь. — Иль не вѣришь? Дали Букъ, такъ! спроси хоть пана региментаря.

— На меня не ссылайся, панъ, — сказалъ Тишкевичъ;—я столько же знаю объ этомъ, какъ и бояринъ, такъ въ свидѣтели не гожусь; а только мнѣ помнится, ты разсказывалъ, что заперъ ихъ не въ избу, а въ сѣни.

— Ну, да не все ли это равно! — прервалъ Копычинскій.—Дѣло въ томъ, что они ушли, а откуда: изъ

сѣней, или изъ избы, отъ этого намъ не легче. Какъ ты прибылъ съ своимъ региментомъ, то они не могли быть еще далеко, и не моя вина, если твои молодцы ихъ не изловили.

— У одного изъ нихъ убили коня,—сказалъ Тишкевичъ: но за то и у меня лучшій налетъ въ региментѣ лежитъ теперь съ прострѣленнымъ плечомъ.

— Вылѣзли въ окно... и съ оружіемъ—прошепталъ бояринъ.—А не въ примѣту ли тебѣ, каковы они собою?

— Одинъ изъ провожатыхъ—малой дородный, плотный...

— И также вылѣзъ въ окно?

— У страха очи велики, бояринъ! и въ щелку пролѣзешь какъ смерть на носу. Другой похожъ на казака; а самый-то главный—дѣтина молодой, русоволосый высокаго роста, лицомъ бѣлъ... или, можетъ статься, такъ мнѣ показалось: онъ больно струсилъ и поблѣднѣлъ, какъ смерть, когда я припугнулъ его пистолетомъ; одѣтъ очень чисто, въ малиновомъ суконномъ кафтанѣ...

— Однимъ словомъ,—прервалъ бояринъ,—точь-въ-точь, какъ этотъ молодецъ, что стоитъ позади тебя.

Копычинскій обернулся и, отпрыгнувъ назадъ, закричалъ съ ужасомъ:—Вотъ онъ... держите! схватите его!... у него за пазухою пистолетъ.

— Неправда, панъ, — сказалъ съ улыбкою Юрій. —Теперь со мною нѣтъ пистолета: я чужимъ добромъ никого не угощаю.

— Что все это значитъ? — спросилъ панъ Тишкевичъ,—растолкуйте мнѣ.

— Прежде всего прошу познакомиться, — сказалъ Кручина. — Это Юрій Дмитричъ Милославскій; онъ присланъ ко мнѣ изъ Москвы съ тайнымъ порученіемъ отъ пана Гонсѣвскаго.

Поляки отвѣчали довольно вѣжливо на поклонъ Милославскаго; а панъ Тишкевичъ, оборотясь къ Копычинскому, спросилъ сердитымъ голосомъ: какъ онъ смѣлъ сочинить ему такую сказку? Копычинскій не отвѣчалъ ни слова; устремя свои бездушные глаза на Юрія, онъ стоялъ какъ вкопанный, и только одна лихорадочная дрожь доказывала, что несчастный хвастунъ не совсѣмъ еще притворился въ истукана.

— Я вижу, отъ него толку не добьешься,—продолжалъ Тишкевичъ. Потрудись, панъ Милославскій, разсказать намъ, какъ онъ допытался отъ тебя, что ты везешь казну въ Нижній-Новгородъ, какъ заперъ тебя и служителей твоихъ въ холодную избу, и какъ вы всѣ трое выскочили изъ окна, въ которое, чай, и курица не пролѣзетъ?

Юрій разсказалъ имъ всѣ подробности своей встрѣчи съ Копычинскимъ; разумѣется, угощеніе и жареный гусь не были забыты. Панъ Тишкевичъ хохоталъ отъ добраго сердца; но другіе поляки, казалось, не очень забавлялись разсказомъ Юрія; особливо одинъ, который, закручивая свои безконечные усы, поглядывалъ изподлобья вовсе не ласково на Милославскаго. «Чортъ возьми»!—вскричалъ онъ наконецъ: «я не вѣрю, чтобъ какой ни есть полякъ допустилъ надъ собою такъ ругаться».

— И, панъ ротмистръ! — сказалъ Тишкевичъ. Не всѣ поляки походятъ другъ на друга.

— Еслибъ я былъ на мѣстѣ этого мерзавца,—продолжалъ сердитый ротмистръ, бросивъ презрительный взглядъ на Копычинскаго, который пробирался потихоньку къ дверямъ комнаты, то клянусь моими усами...

— Скорѣе далъ бы себѣ раздробить черепъ,—перервалъ региментарь, чѣмъ съѣлъ бы гуся! Я въ этомъ увѣренъ, также какъ и въ томъ, что всякій правдивый полякъ порадуется, когда удалый москаль проучитъ

хвастунишку и труса, хотя бы онъ носилъ кунтушъ и назывался полякомъ. Давай руку, панъ Милославскій! Будемъ друзьями! Ты не врагъ поляковъ; но еслибъ былъ и врагъ нашимъ, я сказалъ бы то же самое. Мы молодцевъ любимъ; съ ними и драться-то веселѣе! А ты, храбрый панъ Копычинскій... Ага, да онъ ужъ далъ тягу!... Тѣмъ лучше .. Надѣюсь, бояринъ, не заставишь насъ сидѣть за однимъ столомъ съ этимъ негодяемъ; онъ, я думаю, сытехонекъ, а если на бѣду опять проголодался, то прикажи его накормить въ застольнѣ; да потѣшь, Тимоѳей Ѳедорычъ, вели его попотчивать жаренымъ гусемъ!... Кстати, панъ, прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Юрію: мы, кажется, помѣнялись съ тобой конями? Только на твоемъ не далеко уѣдешь: онъ и теперь еще лежитъ въ лѣсу, на большой дорогѣ... Нѣтъ, нѣтъ продолжалъ онъ, не давая отвѣчать Юрію: дѣло кончено; я плохой барышникъ, вотъ и все тутъ! Владѣй на здоровье моимъ конемъ. Не ты виноватъ, что я повѣрилъ этому хвастуну Копычинскому, который долженъ благодарить Бога за то, что не виситъ теперь между небомъ и землею; а не миновать бы ему этихъ качелей, еслибъ мои молодцы подстрѣлили самого тебя, а не твою лошадь.

— Позволь спросить, панъ региментарь, — сказалъ Юрій, что сдѣлалось съ однимъ изъ моихъ провожатыхъ, который остался пѣшимъ въ лѣсу?

— Онъ, я думаю, и теперь еще разгуливаетъ по лѣсу.

— Такъ онъ уцѣлѣлъ?... Славу Богу!

— Да, уцѣлѣлъ. Этотъ мошенникъ подбилъ глазъ моему слугѣ, увелъ моего коня и подстрѣлилъ лучшаго моего палета; но я не сержусь на него. Еслибъ ему нечѣмъ было замѣнить твоей убитой лошади, то врядъли-бы я теперь съ тобою познакомился.

Межъ тѣмъ число гостей значительно умножилось пріѣздомъ сосѣдей Шалонскаго; большая часть изъ нихъ были: помѣстные дѣти боярскія, человѣкъ пять жильцевъ и только двое родословныхъ дворянъ, Лесута-Храпуновъ и Замятня-Опалевъ. Первый занималъ нѣкогда при дворѣ Царя Ѳеодора Іоанновича значительный постъ стряпчаго съ ключемъ (7). Наружность его не имѣла ничего замѣчательнаго: онъ былъ небольшаго роста, худощавъ и, не смотря на осанистую свою бороду и величавую поступь, не походилъ ни мало на важнаго царедворца; онъ говорилъ безпрестанно о покойномъ Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ для того, чтобъ повторять какъ можно чаще, что любимымъ его стряпчимъ съ ключемъ былъ Лесута-Храпуновъ. Второй, Замятня-Опалевъ, бывшій при семъ Царѣ думнымъ дворяниномъ, обѣщалъ съ перваго взгляда гораздо болѣе, чѣмъ отставной придворный: онъ былъ роста высокаго и чрезвычайно дороденъ; огромная окладистая борода, покрывая дебелую грудь его, опускалась до самаго пояса; всѣ движенія его были медленны; онъ говорилъ протяжно и съ разстановкою. Служивъ при одномъ изъ самыхъ набожныхъ Царей Русскихъ, Замятня-Опалевъ привыкъ употреблять въ разговорахъ, кстати и не кстати, изреченія, почерпнутыя изъ церковныхъ книгъ, буквальное изученіе которыхъ было въ тогдашнее время признакомъ отличнаго воспитанія, и не рѣдко замѣняло умъ и даже природныя способности, необходимыя для государственнаго человѣка. Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, умѣя цѣнить людей по ихъ достоинствамъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, уволилъ ихъ обоихъ отъ службы. Съ тѣхъ поръ изъ уклончивыхъ придворныхъ они превратились въ величайшихъ, хотя и вовсе не опасныхъ, враговъ правительства. Все, что ни дѣлалось при дворѣ, становилось предметомъ ихъ всегдашнихъ порицаній; признаніе Лже-Димитрія Царемъ Рус-

скимъ, междуцарствіе, вторженіе враговъ въ сердцѣ Россіи, однимъ словомъ: всѣ бѣдствія отечества были, по ихъ мнѣнію, слѣдствіе оказанной имъ несправедливости. «Когда-бъ блаженной памяти Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ здравствавалъ и Лесута-Храпуновъ былъ на своемъ мѣстѣ, говаривалъ отставной стряпчій, то Гришка Отрепьевъ не смѣлъ бы и подумать назваться Димитріемъ». Еслибъ дворянинъ Опалевъ засѣдалъ по прежнему въ Царской думѣ, повторялъ безпрестанно Замятня, то не поляки бы были въ Москвѣ, а русскіе въ Краковѣ. Но прибавлялъ онъ всегда съ горькой улыбкою, «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ!» Въ царствованіе Лже-Димитрія, а потомъ Шуйскаго, оба заштатные чиновника старались опять попасть ко двору; но попытки ихъ не имѣли успѣха и они рѣшились пристать къ партіи боярина Шалонскаго, который обнадежилъ Лесуту, что съ присоединеніемъ Россіи къ Польской коронѣ число сановниковъ при дворѣ короля Сигизмунда неминуемо удвоится и онъ не только займетъ приономъ мѣсто, равное прежней его степени, но даже, въ награду усердной службы, получитъ званіе одного изъ дворцовыхъ маршаловъ Его Польскаго Величества. А Замятню-Опалева увѣрилъ, что онъ непремѣнно будетъ засѣдать въ польскомъ сенатѣ, въ которомъ, по уничтоженіи думы, учредятся мѣста сенаторовъ, по дѣламъ, касающимся до Россіи.

Когда хозяинъ познакомилъ этихъ двухъ отставныхъ сановниковъ съ поляками, Замятня, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, произнесенныхъ со всею важностью будущаго сенатора, спросилъ пана Тишкевича:

— Не изъ Москвы ли онъ идетъ съ регментомъ?

— Изъ Москвы,—отвѣчалъ отрывисто полякъ, коророму надутый видъ Опалева съ перваго взгляда не понравился.

— Итакъ справедливо,—спросилъ въ свою очередь

Лесута-Храпуновъ, — что въ Москвѣ цѣловали крестъ не свѣтлѣйшему королю Сигизмунду, а юному сыну его Владиславу?

— Справедливо.

— Хороши же тамъ сидятъ головы! — воскликнулъ Замятия. «Горе тебѣ, градѣ, въ немъ же Царь твой юнъ!» вѣщаетъ премудрый Соломонъ; да и чего ждать отъ бояръ, которые засѣдали въ думѣ при злодѣѣ Годуновѣ?

— Для чего же ты не ѣдешь самъ въ Москву — сказалъ насмѣшливо панъ Тишкевичъ. Ты бы ихъ наставилъ на путь истинный.

— Чтобъ я сталъ якшаться съ этими малоумными?... Сохрани Господи!... Не даромъ говоритъ Сирахъ: «касаяйся смолѣ очернится, а пріобщайся безумнымъ, точенъ имъ будетъ».

— Вотъ то-то и есть!—подхватилъ Лесута.—При блаженной памяти, Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, были головы, а ныньче.... Да что тутъ говорить!... Когда я служилъ при свѣтломъ лицѣ его, въ санѣ стряпчаго съ ключемъ, то однажды Его Царское Величество, идя отъ заутрени, изволилъ мнѣ сказать....

— Ты разскажешь намъ это за столомъ,—перервалъ хозяинъ.—Милости просимъ, дорогіе гости! чѣмъ Богъ послалъ!

Всѣ вышли снова въ столовую, въ которой, накрытый цвѣтною скатертью, столъ установленъ былъ множествомъ различныхъ кушаньевъ. Всѣ блюда, тарелки и чашки были оловянныя; но напротивъ стола въ открытомъ поставцѣ разставлены были весьма красиво: серебряные ковши, кубки, стопы, чары и братины. Противъ каждыхъ двухъ приборовъ стояли также серебряные сосуды: одинъ съ солью, другой съ перцемъ, а третій стеклянный съ уксусомъ. Лучшимъ и роскошнѣйшимъ блюдомъ былъ жареный павлинъ; имъ и на-

чался обѣдъ; потомъ стали подавать лапшу съ курицею, лѣнивыя щи, разныя похлебки, пирогъ съ бараниной, курникъ, подсыпанный яйцами, сырники и различныя жаркія. Множество блюдъ составляло все великолѣпіе столовъ тогдашняго времени; впрочемъ, предки наши были неприхотливы и за столомъ любили только одно: наѣдаться до-сыта и напиваться до упаду. Обѣдъ оканчивался обыкновенно закусками, между коими занимали первое мѣсто марципаны, цукаты, инбирь въ патокѣ, шептала и леденцы; пряники и коврижки, также какъ и нынѣ, подавались послѣ обѣда у однихъ простолюдиновъ и бѣдныхъ дворянъ.

Когда всѣ наѣлись, началась попойка. Сколько Юрій, сидѣвшій подлѣ пана Тишкевича, ни отказывался, но принужденъ бы былъ пить не менѣе другихъ, еслибъ, къ счастію, не могъ ссылаться на примѣръ своего сосѣда, который рѣшительно отказался пить изъ большихъ кубковъ, и хотя хозяинъ начиналъ нѣсколько разъ хмуриться, но изъ уваженія къ региментарю оставилъ ихъ обоихъ въ покоѣ, и вымѣстилъ свою досаду на другихъ. Одинъ сѣдой жилецъ не допилъ своего кубка—бояринъ принудилъ его самого вылить себѣ остатокъ меда на голову; боярскому сыну, который отказался выпить кружку наливки, велѣлъ насильно влить въ ротъ большой стаканъ полынной водки, и хохоталъ во все горло, когда несчастный гость, задыхаясь и почти безъ чувствъ, повалился на полъ. Между тѣмъ и панъ Тишкевичъ, не смотря на свою умѣренность, сталъ поговаривать веселѣе.

— Бояринъ!—сказалъ онъ.—Еслибъ супруга твоя здравствовала, то вѣрно-бъ не отказалась поднести намъ по чаркѣ вина и допустила бы взглянуть на свѣтлыя свои очи; такъ нельзя ли намъ удостоиться присутствія твоей прекрасной дочери? У васъ, можетъ быть, не въ обычаѣ, чтобъ дѣвицы показывались гостямъ; но вѣдь

ты, бояринъ, почти нашъ братъ полякъ: дозволь полюбоваться невѣстою пана Гонсѣвскаго.

— И выпить изъ башмачка ея,—прибавилъ усатый ротмистръ, за здравіе знаменитаго жениха и счастливое окончаніе веселья.

— Она не очень здорова,—отвѣчалъ Кручина.

— Мы всѣ тебя объ этомъ просимъ!—закричали поляки.

— Быть по вашему,—сказалъ хозяинъ, подозвавъ къ себѣ одного служителя, который, выслушавъ приказаніе своего господина, вышелъ поспѣшно вонъ изъ комнаты.

— А скоро ли, бояринъ, веселье?—спросилъ региментарь.

— Я хотѣлъ было въ будущемъ мѣсяцѣ ѣхать въ Москву....

— Не совѣтую: тамъ что-то все не ладится; того и гляди, начнется такая попойка, что и у трезвыхъ въ головѣ зашумитъ.

— Какъ такъ! — сказалъ Лесута-Храпуновъ. — Да развѣ не вы господа въ Москвѣ?

— Да, покамѣсть!—отвѣчалъ Тишкевичъ.—Войдти-то въ нее мы вошли....

— «Въ граде крѣпкій вниде премудрый»,—перервалъ заикаясь Опалевъ,—«и разруши утвержденіе, на неже надѣяшася нечестивій!»

— Вотъ то-то и худо, что не вовсе разрушили,—продолжалъ Тишкевичъ.—Ну, да что объ этомъ говорить! Наше дѣло рубиться, а объ остальномъ знаютъ лучше насъ старшіе.

— И вѣдомо такъ,—сказалъ Лесута.—Когда я былъ стряпчимъ съ ключемъ, то однажды, блаженной памяти Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, идя къ обѣднѣ, изволилъ сказать мнѣ: «ты, Лесута, малый добрый, знаешь свою стряпню, а въ чужія дѣла не мѣшаешься». Въ другое

время, какъ онъ изволилъ отслушать часы и я сталъ ему докладывать, что любимую его шапку попортила моль....

— Не о шапкѣ рѣчь,—перервалъ хозяинъ;—изволь допивать свой кубокъ. Да и ты, любезный сосѣдъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Замятнѣ, прошу отъ другихъ не отставать. Допивай.... Вотъ такъ! люблю за обычай! Теперь просимъ покорно вотъ этого....

— Ни, ни, бояринъ!—отвѣчалъ Замятня, съ трудомъ пошевеливая усами;—сказано бо есть: «не упивайся виномъ».

— Да это не вино, а наливка!

— Ой-ли? Ну, если такъ, пожалуй! Наливку пить законъ не претитъ.

— Вѣстимо нѣтъ,—промолвилъ Лесута. Покойный Государь, Ѳеодоръ Іоанновичъ, всегда, отслушавъ вечерню, изволилъ выкушивать чарку вишневки, которую, однажды поднося ему на золотомъ подносѣ, я сказалъ....

— Моя хоть и не на золотомъ подносѣ,—перервалъ хозяинъ, а прошу прикушать!... Ну, что, какова?

— «Не красна похвала въ устахъ грѣшника, глаголетъ премудрый Сирахъ,—сказалъ Замятня, осуша свой кубокъ; а нельзя достойно не восхвалить: наливка ей-же-ей преизрядная!

Когда къ концу обѣда всѣ гости порядкомъ подгуляли, бояринъ Кручина велѣлъ снова наполнить серебряныя стопы и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Кто любитъ Кручину Шалонскаго, тотъ за мной!... За здравіе побѣдителей Смоленска!

— Виватъ!—закричали поляки.

— Да здравствуютъ всѣ неустрашимые воины!—промолвилъ Тишкевичъ, поднявъ къ верху свой кубокъ.

Всѣ гости, кромѣ Юрія, осушили свои стопы.

— Пей, Юрій Дмитричъ!—закричалъ бояринъ.

— Я пью на погибель враговъ, а смоляне русскіе и братья наши,—отвѣчалъ спокойно Юрій.

— Твои, а не мои,—возразилъ Кручина, бросивъ презрительный взглядъ на Юрія.—Бунтовщики и крамольники никогда не будутъ братьями Шалонскаго.

— Жаль, молодецъ,—сказалъ Тишкевичъ, пожавъ руку Юрія,—жаль что ты не нашъ братъ полякъ!

Угрюмое чело боярина Кручины часъ-отъ-часу становилось мрачнѣе; нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе: всѣ глядѣли съ удивленіемъ на дерзкаго юношу, который осмѣливался столь явно противорѣчить и не повиноваться грозному хозяину. «Посмотримъ, какъ ты не выпьешь теперь!» прошепталъ наконецъ сквозь зубы бояринъ. Онъ спросилъ позолоченный кубокъ и, выливъ въ него полбутылки мальвуазіи, всталъ съ своего мѣста; всѣ послѣдовали его примѣру. «Ну, дорогіе гости! сказалъ онъ. Этотъ кубокъ долженъ всѣхъ обойдти. Кто пьетъ изъ него, прибавилъ онъ, бросивъ грозный взглядъ на Юрія, тотъ другъ нашъ; кто не пьетъ, тотъ врагъ и супостатъ! «За здравіе свѣтлѣйшаго, державнѣйшаго Сигизмунда, короля Польскаго и Царя Русскаго! Да здравствуетъ!»

— Виватъ!—воскликнули поляки.

— Да здравствуетъ!—повторили всѣ русскіе, кромѣ Юрія.

— «И да расточатся врази его!»—заревѣлъ басомъ Замятня-Опалевъ.—«Да прейдетъ животъ ихъ, яко слѣдъ облака, и яко мгла разрушится отъ лучъ солнечныхъ».

— Аминь! возгласилъ хозяинъ, опрокинувъ осушенный кубокъ надъ своей головою.

Юрій едва могъ скрыть свое негодованіе: кровь кипѣла въ его жилахъ, онъ мѣнялся безпрестанно въ лицѣ; правая рука его невольно искала рукоятку сабли, а лѣвая, крѣпко прижатая къ груди, казалось, хотѣла удержать сердце, готовое вырваться наружу. Когда

очередь дошла до него, глаза благороднаго юноши заблистали необыкновеннымъ огнемъ; онъ окинулъ бѣглымъ взоромъ всѣхъ пирующихъ и сказалъ твердымъ голосомъ: «Бояринъ, ты предлагаешь намъ пить за здравіе Царя Русскаго, и такъ да здравствуетъ Владиславъ, законный Царь Русскій, и да погибнутъ всѣ измѣнники и враги отечества.»

— Стой, Милославскій!—закричалъ хозяинъ.—Или пей, какъ указано, или кубокъ мимо!

— Подавай другимъ,—сказалъ Юрій, отдавая кубокъ дворецкому.

— Слушай, Юрій Дмитричъ!—продолжалъ бояринъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ. Мнѣ ужъ надоѣло твое упрямство; съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не заглядывай! Пей, какъ всѣ пьютъ.

— Я твой гость, а не рабъ,—отвѣчалъ Юрій.—Приказывай тому, кто не можетъ тебя ослушаться.

— Ты будешь пить, дерзкій мальчишка!—прошипѣлъ, какъ змѣй, дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ Кручина.—Да, клянусь честію, ты выпьешь, или захлебнешься! Подайте кубокъ!.... Гей, Томила, Удалой, сюда!

Двое огромнаго роста слугъ, съ звѣрскими лицами, подошли къ Юрію.

— Бояринъ! — сказалъ Милославскій, взглянувъ презрительно на служителей, которые, казалось, не слишкомъ охотно повиновались своему господину,—я безъ оружія, въ твоемъ домѣ.. и если ты хочешь прослыть разбойникомъ, то можешь легко меня обидѣть; но не забудь, бояринъ: обидѣвъ Милославскаго, берегись оставить его живаго!

— Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя,—продолжалъ едва внятнымъ голосомъ Шалонской—хочешь ли ты волею пить за здравіе Сигизмунда, такъ какъ пьемъ мы всѣ?

— Нѣтъ.

— Пей, говорю я тебѣ! — повторилъ Кручина, устремивъ на Юрія, какъ раскаленный уголь, сверкающіе глаза.

— Милославскіе не измѣняли никогда ни присягѣ, ни слову своему. Не пью!

— Такъ влейте же ему весь кубокъ въ горло!—заревѣлъ неистовымъ голосомъ хозяинъ.

— Стойте!—вскричалъ панъ Тишкевичъ.—Стыдись, бояринъ! Онъ твой гость, дворянинъ; если ты позабылъ это, то я не допущу его обидѣть. Прочь, негодяи!— прибавилъ онъ, схватясь за свою саблю — или, клянусь честію польскаго солдата, ваши дурацкія башки сей же часъ вылетятъ за окно!

Оробѣвшіе слуги отступили назадъ, а бояринъ, задыхаясь отъ злобы, впродолженіи нѣсколькихъ минутъ не могъ вымолвить ни слова. Наконецъ, оборотясь къ поляку, сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Не погнѣвайся, панъ Тишкевичъ, если я напомню тебѣ, что ты здѣсь не у себя въ регилентѣ, а въ моемъ дому, гдѣ, кромѣ меня, никто не воленъ хозяйничать.

— Не взыщи, бояринъ! я привыкъ хозяйничать вездѣ, гдѣ настоящій хозяинъ не помнитъ, что дѣлаетъ. Мы поляки можемъ и должны желать, чтобъ нашъ король былъ Царемъ Русскимъ; мы присягали Сигизмунду, но Милославскій цѣловалъ крестъ не ему, а Владиславу. Что будетъ, то Богъ вѣсть, а теперь онъ дѣлаетъ то, что сдѣлалъ бы и я на его мѣстѣ.

Казалось, бояринъ Кручина успѣлъ нѣсколько поразмыслить и догадаться, что зашелъ слишкомъ далеко; помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ довольно спокойно Тишкевичу:

— Дивлюсь, панъ, какъ горячо ты защищаешь недруга твоего Государя.

— Да, бояринъ, я грудью стану за друга и недруга, если онъ молодецъ и смѣло идетъ на неравный бой; а не заступлюсь за труса и подлеца, каковъ панъ Копычинскій, хотябъ онъ былъ роднымъ моимъ братомъ.

— Но неужели ты повѣрилъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь обидѣть моего гостя? И, панъ Тишкевичъ! Я хотѣлъ только попугать его, а по мнѣ, пожалуй, пусть пьетъ хоть за здравіе татарскаго хана; отъ его словъ никого не убудетъ. Подайте ему кубокъ!

Юрій взялъ кубокъ и, оборотясь къ хозяину, повторилъ снова:

— Да здравствуетъ законный Царь Русскій, и да погибнутъ всѣ враги и предатели отечества!

— Аминь!—раздался громкій голосъ за дверьми столовой.

— Что это значитъ?—закричалъ Кручина.—Кто осмѣлился?... Подайте его сюда!

Двери отворились и человѣкъ среднихъ лѣтъ, босикомъ, въ рубищѣ, подпоясанный веревкою, съ растрепанными волосами и всклокоченной бородою, въ два прыжка очутился посреди комнаты. Не смотря на нищенскую его одежду и странныя ухватки, сейчасъ можно было догадаться, что онъ не сумасшедшій: глаза его блистали умомъ, а на благообразномъ лицѣ выражалась необыкновенная кротость и спокойствіе души.

— Ба, ба, ба, Митя!—вскричалъ Замятня-Опалевъ, который вмѣстѣ съ Лесутой-Храпуновымъ, во все продолженіе предъидущей сцены, наблюдалъ осторожно молчаніе. Какъ это Богъ тебя принесъ? Я думалъ, что ты въ Москвѣ.

— Нѣтъ, Гаврилычъ, — отвѣчалъ юродивый; тамъ душно, а Митя любитъ просторъ. То-ли дѣло въ чистомъ полѣ! Молись на всѣ четыре стороны, никто не помѣшаетъ.

— Зачѣмъ впустили этого дурака? — сказалъ Кручина.

— Кто онъ такой?—спросилъ Тишкевичъ.

— Тунеядецъ, міроѣдъ, который, Богъ знаетъ почему, прослылъ юродивымъ.

— Не выгоняй его бояринъ! Я никогда не видывалъ вашихъ юродивыхъ: послушаемъ, что онъ будетъ говорить.

— Пожалуй; только у меня есть дураки гораздо его забавнѣе. Эй ты, блаженный! зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?

— Соскучился по тебѣ, Өедорычъ,—отвѣчалъ Митя. —Эхъ жаль мнѣ тебя, видитъ Богъ жаль!... Худо, Өедорычъ, худо!... Митя шелъ селомъ, да плакалъ: мужички испитые, церковь на боку... а ты себѣ на умѣ; попиваешь да бражничаешь съ пріятелями!... А вотъ какъ всѣ пріѣшь, да выпьешь, чѣмъ-то станешь угощать нежданную гостью?... Хвать, хвать — анъ въ погребѣ и вина нѣтъ! Худо, Өедорычъ, худо!

— Что ты врешь, дуракъ?

— Такъ Өедорычъ, Митя болтаетъ, что ему вздумается, а смерть придетъ, какъ Богъ велитъ .. Ты думаешь со двора, а голубушка на дворъ: не успѣешь стола накрыть... Здравствуй, Дмитричъ, — продолжалъ онъ, подойдя къ Юрію. И ты здѣсь попиваешь?... Ай да молодецъ!... Смотри не охмѣлѣй!

— Мнѣ помнится, Митя, я видалъ тебя у покойнаго батюшки?—сказалъ ласково Юрій.

— Да, да, Дмитричъ. Жаль теску: раненько умеръ; при немъ не залетать-бы къ коршунамъ ясному соколу. Жаль мнѣ тебя, голубчикъ, жаль! Связалъ себя по рукамъ, по ногамъ!... Да Богъ милостивъ! не вѣкъ въ кандалахъ ходять!... Побывай у Сергія—легче будетъ!

— Эй, ты, Митя—сказалъ Тишкевичъ,—полно говорить съ другими. Поговори со мною.

— А что мнѣ говорить съ тобою? Вишь ты какой усатый!... Боюсь!

— Не бойся!... На-ка вотъ тебѣ!—продолжалъ полякъ, подавая ему серебряную монету.

— Спасибо!... На что мнѣ?... Я вѣдь на своей сторонѣ: съ голоду не умру; побереги для себя: ты человѣкъ заѣзжій.

— Возьми, у меня и безъ этой много.

— Ой-ли! Смотри, чтобъ достало!... Погостишь, погостишь, да надо же въ дорогу.. Не близко мѣсто, не скоро до дому дойдешь... Да еще неравно и проводы будутъ... Береги денежку на черный день!

— Я черныхъ дней не боюсь, Митя.

— И я, братъ, въ тебя! Небоюсь ничего; пришелъ незваный, да и все тутъ!... А какъ хозяинъ погонитъ, такъ давай Богъ ноги!

— И давно пора! — сказалъ Кручина, которому весьма не нравились двусмысленныя слова юродиваго: Убирайся-ка вонъ покуда цѣлъ!

— Пойду, пойду, Ѳедорычъ! Я не въ другихъ: не стану дожидаться, чтобъ меня въ шею протолкали. А жаль мнѣ тебя, голубчикъ, право жаль! То-то вдовье дѣло!... Некому тебя ни прибрать, ни прихолить!... Смотри-ка, сердечный, какъ ты замаранъ!... чернехонекъ!... мѣстечка бѣленькаго не осталось!... Эхъ, Ѳедорычъ, Ѳедорычъ!... Не вѣкъ жить неумойкою! Пора прибраться!... Захватитъ гостья не мытаго, плохо будетъ!

— Я не хочу понимать дерзкихъ рѣчей твоихъ, безумный!.... Пошелъ вонъ!

— Послушай-ка, Гаврилычъ! — продолжалъ юродивый, обращаясь къ Замятнѣ.—Ты книжный человѣкъ; гдѣ бишь это говорится: «сѣявый злая, пожнетъ злая?»

— Въ притчахъ Соломоновыхъ, — отвѣчалъ важно

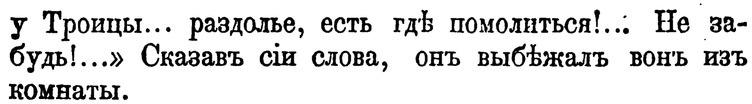
Замятня; онъ же премудрый Соломонъ глаголетъ: «не сѣй на браздахъ неправды, не имаши пожати ю съ седмерицею».

— Слышишь ли, Ѳедорычъ! что говорятъ умные люди? А мы съ тобою дураки, не понимаемъ какъ не понимаемъ!

— Вонъ отсюда, бродяга! или я размозжу тебѣ голову!

— Бей, Ѳедорычъ, бей! А Митя всетаки свое будетъ говорить... Бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ! А какъ Ѳедорычу придется охать, то-то худо будетъ!... Онъ заохаетъ, а мужички его вдвое... Онъ закричитъ: «Господи помилуй»... а въ тысячу голосовъ завопятъ: «онъ самъ никого не миловалъ»... Такъ знаешь ли что, Ѳедорычъ? изъ-за другихъ-то тебя вовсе не слышно будетъ!... Жаль мнѣ тебя, жаль!

— Молчи, змѣя! — вскричалъ бояринъ, вскочивъ изъ-за стола. Онъ замахнулся на юродиваго, который, сложа крестомъ руки, смотрѣлъ на него съ видомъ величайшей кротости и душевнаго соболѣзнованія; вдругъ двери во внутренніе покои растворились и кто-то громко вскрикнулъ. Бояринъ вздрогнулъ, съ испуганнымъ видомъ поспѣшилъ въ другую комнату, слуги начали суетиться и всѣ гости повскакали съ своихъ мѣстъ. Юрій сидѣлъ противъ самыхъ дверей: онъ видѣлъ, что пышно одѣтая дѣвица, покрытая съ головы до ногъ богатой ѳатою, упала безъ чувствъ на руки къ старухѣ, которая шла позади ея. Въ минуту общаго смятенія, юродивый подбѣжалъ къ Юрію.—«Смотри, Дмитричъ!—сказалъ онъ,—крѣпись... Терпи!... Стерпится, слюбится! Ты постоишь за правду, а теска-то вонъ-тамъ, и заговоритъ: «ай-да сынокъ! утѣшилъ мою душеньку!...» Прощай, покамѣсть!... Митя будетъ молиться Богу, молись и ты!.. Онъ не въ насъ: хоть и высоко, а все слышитъ!... А у Троицы-то, Дмитричъ!



у Троицы... раздолье, есть гдѣ помолиться!.. Не забудь!...» Сказавъ сіи слова, онъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Юрій едва слышалъ, что говорилъ ему юродивый; онъ не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлалось: голосъ упавшей въ обморокъ дѣвицы, вѣроятно, дочери боярина Кручины, проникъ до глубины его сердца: что-то знакомое, близкое душѣ его отозвалось въ этомъ крикѣ, который, казалось Юрію, походилъ болѣе на радостное восклицаніе, чѣмъ на вопль горести. Онъ не смѣлъ мыслить, не смѣлъ надѣяться; но противъ воли Москва, Кремль, Спасъ на Бору и прекрасная незнакомка представились его воображенію. Болѣе получаса бояринъ не показывался, и когда онъ вошелъ обратно въ столовую комнату, то, не смотря на то, что весьма скоро притворилъ дверь въ сосѣдственный покой, Юрій успѣлъ разглядѣть, что въ немъ никого не было, кромѣ одного высокаго ростомъ служителя, спѣшившаго уйти въ противоположныя двери. Милославскому показалось, что этотъ служитель походитъ на человѣка, замѣченнаго имъ поутру въ боярскомъ саду.

— Дочь моя, — сказалъ Шалонской пану Тишкевичу,—весьма сожалѣетъ, что не можетъ тебя видѣть: она не совсѣмъ еще здорова и очень слаба; но надѣюсь, что скоро...

— Заалѣетъ опять, какъ маковъ цвѣтъ,—прервалъ Лесута-Храпуновъ.—Нечего сказать, всякій позавидуетъ пану Гонсѣвскому, когда Анастасія Тимоѳеевна будетъ его супругою.

— «Жена доблія веселитъ мужа своего»,—промолвилъ Замятня, «и лѣта его исполнитъ миромъ».

— Да будетъ по глаголу твоему, сосѣдъ!—сказалъ съ улыбкою Кручина.—Юрій Дмитричъ,—продолжалъ онъ, подойдя къ Милославскому;—ты что-то призадумался.. Помиримся! Я и самъ виню себя, что не

кстати погорячился. Ты цѣловалъ крестъ сыну, я готовъ присягнуть отцу—оба мы желаемъ блага нашему отечеству: такъ ссориться намъ не за что, а чему быть, тому не миновать.

Юрій въ знакъ примиренія подалъ ему руку.

— Ну, дорогіе гости,—продолжалъ бояринъ,—теперь милости просимъ повеселиться. Гей, наливайте кубки! подносите взварецъ *), да пѣсенниковъ — живо!

— Толпа дворовыхъ, одѣтыхъ по большей части въ охотничьи платья польскаго покроя, вошла въ комнату. Инструментальную часть хора составляли: гудокъ, балалайка, рожокъ, мѣдные тазы и сковороды. По знаку хозяина раздались удалыя волжскія пѣсни, и черезъ нѣсколько минутъ столовая комната превратилась въ настоящій цыганскій таборъ. Всѣ приличія были забыты: пьяные господа обнимали пьяныхъ слугъ; нѣкоторые гости ревѣли на разладъ вмѣстѣ съ пѣсенниками; другіе, у которыхъ ноги были тверже языка, приплясывали и кривлялись, какъ рыночные скоморохи, и даже важный Замятня-Опалевъ нѣсколько разъ приподнимался, чтобы проплясать голубца; но видя, что всѣ его усилія напрасны, пробормоталъ: «сердце мое смятеся и остави мя сила моя!» Панъ Тишкевичъ, хотя не принималъ участія въ сихъ отвратительныхъ забавахъ, но, казалось, не скучалъ и смѣялся отъ добраго сердца, смотря на безумныя потѣхи другихъ. Напротивъ Юрій, привыкши съ младенчества къ благочестію въ домѣ отца своего, ожидалъ только удобной минуты, чтобы уйти въ свою комнату; онъ желалъ этого тѣмъ болѣе,

*) Горячій напитокъ, родъ пунша, въ составъ котораго входили: пиво, медъ, вино и пряныя коренья. Въ Малороссіи и до сихъ поръ еще въ употребленіи сей національный пуншъ, подъ именемъ варенухи.

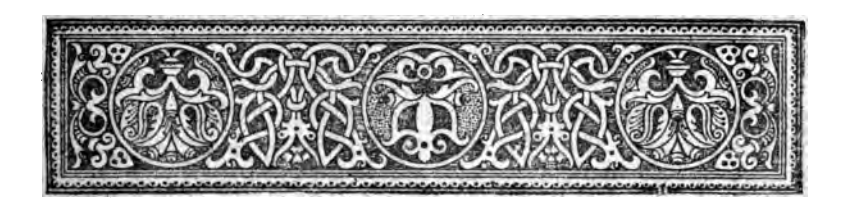
что день клонился уже къ вечеру, а ему должно было отправиться чѣмъ-свѣтъ въ дорогу.

Громкія восклицанія возвѣстили появленіе плясуновъ и плясуній. Безстыдство и развратъ, во всей безобразной наготѣ своей, представились тогда изумленнымъ взорамъ Юрія. Онъ не смѣлъ никогда и помыслить, чтобъ человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, могъ унизиться до такой степени. Всѣ гости походили на бѣснующихся; ихъ буйное веселье, неистовые вопли, обезображенныя виномъ лица, все согласовалось съ отвратительнымъ крикомъ полупьянаго хора и гнуснымъ содержаніемъ развратныхъ пѣсенъ. Боярину Кручинѣ показалось, что одинъ изъ плясуновъ прыгаетъ хуже обыкновеннаго.—«Эге, Андрюшка!»—закричалъ онъ: «да ты никакъ сталъ умничать? Погоди голубчикъ, у меня, прибавишь провору! Гей, Томила! Удалой! въ плети его!» Приказаніе въ ту жъ минуту было исполнено. «Что, братъ?» — сказалъ съ громкимъ хохотомъ Кручина несчастному плясуну, котораго жалобный крикъ сливался съ веселыми восклицаніями пирующихъ. «Никакъ подъ эту пѣсенку ты живѣе поплясываешь!...» «Катай его!» Юрій хотѣлъ было умилостивить боярина; но онъ не сталъ его слушать, а Замятня-Опалевъ закричалъ: — «Не мѣшайся, молодецъ, не въ свои дѣла! Писано есть: «непокоримому рабу сокруши ребра»; и Сирахъ глаголетъ: пища и жезліс и бремя ослу; хлѣбъ и наказаніе и дѣло рабу».—Но онъ же премудрый Сирахъ вѣщаетъ, перервалъ Лесута, радуясь что можетъ также похвастаться своей ученостью: «не буди излишенъ надъ всякою плотію, и безъ суда не сотвори ни чесо же». Это часто изволилъ мнѣ говорить блаженной памяти Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Какъ теперь помню, однажды, отстоявъ всенощную, Его Царское Величество...»

— Вѣрно пошелъ спать,—перервалъ Тишкевичъ.—

Кажется и намъ пора. Прощай бояринъ! Пусть мои товарищи веселятся у тебя хоть всю ночь, а я привыкъ вставать рано, такъ мнѣ пора на покой.

Хозяинъ не сталъ удерживать региментаря и Милославскаго, который также съ нимъ распрощался. Комната, гдѣ до обѣда отдыхалъ Юрій, назначена была полякамъ, а ему отвели покой въ отдаленномъ домикѣ, на другомъ концѣ двора. Онъ нашелъ въ немъ своего слугу, который, повидимому, угощенъ былъ не хуже своего господина и едва стоялъ на ногахъ. Милославскій, помолясь Богу раздѣлся безъ помощи Алексѣя и прилегъ на мягкую перину; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ его: впечатлѣніе, произведенное на Юрія появленіемъ боярской дочери, не совсѣмъ еще изгладилось; мысль, что можетъ быть онъ провелъ весь день подъ одною кровлею съ своей прекрасной незнакомкой, наполняла его душу какимъ-то грустнымъ, неизъяснимымъ чувствомъ. Но вскорѣ самая простая мысль уничтожила всѣ его догадки: онъ много разъ видалъ свою незнакомку, но никогда не слышалъ ея голоса, слѣдовательно, еслибъ она была и дочерью боярина Кручины, то, не увидавъ ее въ лицо, онъ не могъ узнать ее по одному только голосу; а сверхъ того ему утѣшительнѣе было думать, что онъ ошибся, чѣмъ узнать, что его незнакомка дочь боярина Кручины и невѣста пана Гонсѣвскаго. Мало-по-малу успокоилось волненіе въ крови его, воображеніе охладѣло, и Юрій наконецъ заснулъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.



ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Порядокъ нашего повѣствованія требуетъ, чтобъ мы возвратились нѣсколько назадъ. Читатели, вѣроятно, не забыли, что Кирша, поддержавъ съ честію славу искуснаго колдуна, отправился въ провожаніи одного слуги обратно въ домъ прикащика. Ему хотѣлось вывѣдать, долго ли пробудетъ Юрій въ домѣ боярина Шалонскаго, и когда оставитъ его, то по какой отправится дорогѣ. Кирша былъ удалой наѣздникъ, любилъ подраться, попить, побуянить; но и въ самомъ пылу сраженія щадилъ безоружнаго врага, не забавлялся, подобно своимъ товарищамъ, надъ плѣнными, то-есть не рѣзалъ имъ ни ушей, ни носовъ, а только, обобравъ съ ногъ до головы и оставивъ въ одной рубашкѣ, отпускалъ ихъ на всѣ четыре стороны. Правда, это случалось иногда зимою, въ трескучіе морозы; но за то и лѣтомъ онъ поступалъ съ ними съ тѣмъ же самымъ милосердіемъ и терпѣливо сносилъ насмѣшки товарищей,

которые называли его отцомъ Киршею, и говорили, что онъ не запорожскій казакъ, а баба. Вѣчно мстить за нанесенную обиду и никогда не забывать сдѣланнаго ему добра, вотъ правило, которому Кирша не измѣнялъ во всю жизнь свою. Юрій спасъ его отъ смерти, и онъ готовъ былъ ежедневно подвергать свою жизнь опасности, чтобъ оказать ему хотя малѣйшую услугу: а посему и не удивительно, что ему весьма хотѣлось знать, скоро ли и куда поѣдетъ Юрій? Когда онъ сошелъ съ боярскаго двора, то спросилъ своего провожатаго: «Не знаетъ ли онъ, какъ долго пробудетъ у нихъ Милославскій?...»

— Не знаю,—отвѣчалъ отрывисто слуга.

— А не можешь ли, молодецъ, спросить объ этомъ у его служителя?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ! Ну, если ты не хочешь, такъ мнѣ можно съ нимъ поговорить?

— Нѣтъ.

— А если я пойду самъ искать его?

— Я не пущу тебя.

— А если я тебя не послушаюсь?

— Я возьму тебя за воротъ.

— За воротъ! А если я хвачу тебя за это кулакомъ?

— Я кликну людей и мы переломаемъ тебѣ ребра.

— Коротко и ясно! Такъ мнѣ никакъ нельзя его видѣть?

— Нѣтъ.

— А скажи, пожалуйста: всѣ ли боярскіе холопи такіе медвѣди, какъ ты?

Попадешься къ нимъ въ лапы, такъ самъ узнаешь.

— Спасибо за ласку!

— Не на-чемъ.

Впродолженіи этого разговора, они подошли къ приказчицкой избѣ; слуга, сдавъ Киршу съ рукъ на руки

хозяину, отправился назадъ. Веселое общество пирующихъ встрѣтило его съ громкими восклицаніями. Всѣ уже знали, какимъ счастливымъ успѣхомъ увѣнчалась ворожба запорожца; старая сѣнная дѣвушка, бывшая свидѣтельницею этого чуднаго излѣченія, бѣгала изъ двора во дворъ, какъ полуумная, и радостная вѣсть, со всѣми подробностями и прикрасами, подобно быстрому потоку, распространилась по всему селу.

— Милости просимъ! батюшка, милости просимъ!— сказалъ хозяинъ, сажая его въ передній уголъ.—Разскажи намъ, какъ ты вылѣчилъ боярышню? Вѣдь она точно была испорчена?

— Да, хозяинъ, испорчена.

— Правда ли,—спросилъ дьякъ, что лишь только ты вошелъ въ теремъ, то Анастасья Тимоѳеевна залаяла собакою?

— И, нѣтъ, Мемнонъ Филипповичъ! — возразилъ одинъ изъ гостей,—Татьяна сказывала, что боярышня запѣла пѣтухомъ.

— Ну, вотъ еще!—вскричалъ хозяинъ.—Неправда: она куковала кукушкою, а пѣтухомъ не пѣла!

— Помилуй, Ѳома Кондратьичъ!—прервала одна толстая сваха—да развѣ Татьяна не при мнѣ разсказывала, что боярышня изволила выкликать всѣми звѣринными голосами?

— Татьяна вретъ!—сказалъ важно Кирша!—Когда я примусь нашептывать, такъ у меня хоть какая кликуша язычекъ прикуситъ. Да и пристало ли боярской дочери лаять собакою и пѣть пѣтухомъ! Она не ваша сестра холопка: будетъ съ нее и того, что почахнетъ да потоскуетъ.

— Истинно такъ, милостивецъ!—промолвилъ дьякъ.— Не пригоже такой именитой боярышнѣ быть кликушею... Иная рѣчь въ нашемъ быту: наше дѣло таковское, а ихъ милость...

— Что т олковать о боярахъ!—перервалъ прикащикъ Послушай-ка, добрый человѣкъ! Тимоѳей Ѳедоровичъ приказалъ тебѣ выдать три золотыхъ карабленника, да жалуетъ тебя на выборъ любымъ конемъ изъ своей боярской конюшни.

— Знаю, хозяинъ.

— Ну, то-то же; смотри, не позарьзя на воронаго аргамака, съ бѣлой на лбу отмѣтиной.

— А для чего же нѣтъ?

— Онъ, правда, конь богатый, персидской породы, четырехъ лѣтъ и не даромъ прозванъ Вихремъ—русака на скаку затопчетъ....

— Что-жъ тутъ дурнаго?

— А то, что на немъ не усидѣлъ бы и могучій богатырь Ерусланъ Лазаревичъ. Такое зелье, что Боже упаси! Сѣсть-то на него всякій сядетъ, только до сихъ поръ никто еще не слѣзалъ съ него порядкомъ: сначала и туда и сюда, да вдругъ какъ взовьется на дыбы, учнетъ передомъ и задомъ—батюшки-свѣты!... хоть кому небо съ овчинку покажется!

Впродолженіи этого разсказа, глаза запорожца сверкали отъ радости. «Давай его сюда!—закричалъ онъ.— Его-то мнѣ и надобно! Чортъ ли въ этихъ заводскихъ клячахъ! Подавай намъ изъ косяка.... звѣря!»

— Вотъ еще что!—сказалъ прикащикъ, глядя съ удивленіемъ на восторгъ запорожца. Видно, братъ, у тебя шея-то крѣпка! Ну, что за-потѣха....

— Что за-потѣха! Эхъ, хозяинъ! не арканилъ ты на всемъ скаку лихаго коня, не смучивалъ его въ чистомъ полѣ, не приводилъ овечкою въ свой курень, такъ тебѣ ли знать потѣхи удалыхъ казаковъ!.... Что за конь, если на немъ и баба усидитъ!

— Да, да!—шепнулъ дьякъ прикащику.—Ему легко: не самъ сидитъ, черти держутъ.

Межъ тѣмъ молодые давно уже скрылись, гости

стали уходить одинъ послѣ другаго, и вскорѣ въ избѣ остались только хозяинъ, сваха, дружка и Кирша. Прикащикъ, по тогдашнему русскому обычаю [1]), которому не слѣдовалъ его бояринъ, старавшійся во всемъ подражать полякамъ, предложилъ Киршѣ отдохнуть, и черезъ нѣсколько минутъ въ избѣ все стихло, какъ въ глубокую полночь.

Кирша проснулся прежде всѣхъ. Проведя нѣсколько часовъ сряду въ душной избѣ, ему захотѣлось наконецъ поосвѣжиться. Когда онъ вышелъ на крыльцо, то замѣтилъ большую перемѣну въ воздухѣ: небо было покрыто дождевыми облаками, легкій полуденный вѣтерокъ дышалъ теплотою; словомъ, все предвѣщало наступленіе весенней погоды и конецъ морозамъ, которые съ неслыханнымъ постоянствомъ продолжались въ то время, когда обыкновенно проходятъ уже рѣки и показывается зелень. Въ то время, какъ онъ любовался перемѣною погоды, ему послышалось, что на сосѣднемъ дворѣ кто-то въ полголоса разговариваетъ. Узнавъ по опыту, какъ выгодно иногда подслушивать, онъ тихонько подошелъ къ плетню, который отдѣлялъ его отъ разговаривающихъ, и хотя съ трудомъ, но вслушался въ слѣдующія слова, произнесенныя голосомъ, но вовсе ему незнакомымъ:

— Жаль, братъ, Омляшъ, жаль, что ты былъ въ отлучкѣ! Безъ тебя знатная была работа: купчина богатый, а клади-то въ повозкахъ, клади! Да и серебреца нашлось довольно. Мнѣ сказывали, ты опять въ дорогу?

— Да, чортъ побери!... отвѣчалъ кто-то сиповатымъ басомъ. Не дадутъ соснуть порядкомъ. Я думалъ, что недѣльки на двѣ отдѣлался — не тутъ то было! Бояринъ посылаетъ меня въ ночь на нижегородскую дорогу, верстъ за сорокъ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ изволишь видѣть.... Тутъ нѣсколько словъ

— Что толковать о боярахъ!—перервалъ прикащикъ Послушай-ка, добрый человѣкъ! Тимоѳей Ѳедоровичъ приказалъ тебѣ выдать три золотыхъ карабленника, да жалуетъ тебя на выборъ любымъ конемъ изъ своей боярской конюшни.

— Знаю, хозяинъ.

— Ну, то-то же; смотри, не позарьзя на воронаго аргамака, съ бѣлой на лбу отмѣтиной.

— А для чего же нѣтъ?

— Онъ, правда, конь богатый, персидской породы, четырехъ лѣтъ и не даромъ прозванъ Вихремъ—русака на скаку затопчетъ....

— Что-жъ тутъ дурнаго?

— А то, что на немъ не усидѣлъ бы и могучій богатырь Ерусланъ Лазаревичъ. Такое зелье, что Боже упаси! Сѣсть-то на него всякій сядетъ, только до сихъ поръ никто еще не слѣзалъ съ него порядкомъ: сначала и туда и сюда, да вдругъ какъ взовьется на дыбы, учнетъ передомъ и задомъ—батюшки-свѣты!... хоть кому небо съ овчинку покажется!

Въпродолженіи этого разсказа, глаза запорожца сверкали отъ радости. «Давай его сюда!—закричалъ онъ.— Его-то мнѣ и надобно! Чортъ ли въ этихъ заводскихъ клячахъ! Подавай намъ изъ косяка.... звѣря!»

— Вотъ еще что!—сказалъ прикащикъ, глядя съ удивленіемъ на восторгъ запорожца. Видно, братъ, у тебя шея-то крѣпка! Ну, что за-потѣха....

— Что за-потѣха! Эхъ, хозяинъ! не арканилъ ты на всемъ скаку лихаго коня, не смучивалъ его въ чистомъ полѣ, не приводилъ овечкою въ свой курень, такъ тебѣ ли знать потѣхи удалыхъ казаковъ!.... Что за конь, если на немъ и баба усидитъ!

— Да, да!—шепнулъ дьякъ прикащику.—Ему легко: не самъ сидитъ, черти держутъ.

Межъ тѣмъ молодые давно уже скрылись, гости

стали уходить одинъ послѣ другаго, и вскорѣ въ избѣ остались только хозяинъ, сваха, дружка и Кирша. Прикащикъ, по тогдашнему русскому обычаю [1]), которому не слѣдовалъ его бояринъ, старавшійся во всемъ подражать полякамъ, предложилѣ Киршѣ отдохнуть, и черезъ нѣсколько минутъ въ избѣ все стихло, какъ въ глубокую полночь.

Кирша проснулся прежде всѣхъ. Проведя нѣсколько часовъ сряду въ душной избѣ, ему захотѣлось наконецъ поосвѣжиться. Когда онъ вышелъ на крыльцо, то замѣтилъ большую перемѣну въ воздухѣ: небо было покрыто дождевыми облаками, легкій полуденный вѣтерокъ дышалъ теплотою; словомъ, все предвѣщало наступленіе весенней погоды и конецъ морозамъ, которые съ неслыханнымъ постоянствомъ продолжались въ то время, когда обыкновенно проходятъ уже рѣки и показывается зелень. Въ то время, какъ онъ любовался перемѣною погоды, ему послышалось, что на сосѣднемъ дворѣ кто-то въ полголоса разговариваетъ. Узнавъ по опыту, какъ выгодно иногда подслушивать, онъ тихонько подошелъ къ плетню, который отдѣлялъ его отъ разговаривающихъ, и хотя съ трудомъ, но вслушался въ слѣдующія слова, произнесенныя голосомъ, но вовсе ему незнакомымъ:

— Жаль, братъ, Омляшъ, жаль, что ты былъ въ отлучкѣ! Безъ тебя знатная была работа: купчина богатый, а клади-то въ повозкахъ, клади! Да и серебреца нашлось довольно. Мнѣ сказывали, ты опять въ дорогу?

— Да, чортъ побери!... отвѣчалъ кто-то сиповатымъ басомъ. Не дадутъ соснуть порядкомъ. Я думалъ, что недѣльки на двѣ отдѣлался— не тутъ то было! Бояринъ посылаетъ меня въ ночь на нижегородскую дорогу, верстъ за сорокъ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ изволишь видѣть.... Тутъ нѣсколько словъ

было сказано такъ тихо, что Кирша не могъ ничего разобрать, потомъ сиповатый голосъ продолжалъ:

— Онъ было сначала велѣлъ мнѣ за нимъ только присматривать, да видно послѣ обѣда передумалъ. Ты знаешь, чай, верстахъ въ десяти отъ Нижняго, овражекъ въ лѣсу?

— Какъ не знать?

— Туда передомъ четырехъ молодцовъ ужь отправили, а я взялся поставить имъ милаго дружка!... понимаешь?

— Разумѣю. Далъ разъ, да и концы въ воду. За все про все отвѣчай нижегородцы: ихъ дѣло, да и все тутъ!

— Не вовсе такъ, любезный! Съ слугой то торговаться не станемъ, а господина велѣно живьемъ захватить.

— Да кто этотъ Милославскій?

— Какой-то боярскій сынокъ. Онъ, слышь ты, пріѣхалъ изъ Москвы отъ Гонсѣвскаго, да что-то подъ ладъ не дается. Дѣтина бойкій! Говорятъ, будто-бъ онъ сегодня за обѣдомъ чуть-чуть не подрался съ бояриномъ.

— Съ бояриномъ?... Ну, братъ, видно же, сорви голова!

— Видно такъ! И правду-матку сказать, если онъ живой въ руки не дастся...

— Такъ чтожъ? Рука что ль дрогнетъ?

— Не то чтобъ дрогнула.... да пора честь знать, Прокофьичъ!

— Полно, братъ, Омляшъ, прикидывайся съ другими! Не онъ первый, не онъ послѣдній....

— А что ты думаешь! И то сказать: однимъ меньше, однимъ больше — куда не шло! Вотъ о Спожинкахъ стану говѣть, такъ за одинъ пріемъ все выскажу на исповѣди; а тамъ можетъ статься....

— Въ монахи что-ль пойдешь?....

— Въ монахи не въ монахи, а пудовую свѣчу поставлю. Не все грѣшить, Прокофьичъ; душа надобна.

Тутъ голоса замолкли. Кирша замѣтилъ въ плетнѣ небольшое отверстіе, сквозь которое можно было разсмотрѣть все, что происходило на сосѣднемъ дворѣ; онъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ открытіемъ и увидѣлъ двухъ человѣкъ, входящихъ въ избу. Одинъ изъ нихъ показался ему огромнаго роста, но онъ не успѣлъ разсмотрѣть его въ лицо; а въ другомъ съ перваго взгляда узналъ земскаго ярыжку, съ которымъ прошедшую ночь повстрѣчался на постояломъ дворѣ. Открывъ столь нечаяннымъ образомъ, что Юрій долженъ отправиться по нижегородской дорогѣ, и желая предупредить его о грозящей ему опасности, Кирша рѣшился пуститься на удачу и, во чтобъ ни стало, отыскать Юрія или Алексѣя. Но едва онъ вышелъ за ворота, какъ вооруженный дубиною крестьянинъ заступилъ ему дорогу. «Пусти-ка, товарищъ,»—сказалъ Кирша, стараясь пройти.

— Не велѣно пускать,—отвѣчалъ крестьянинъ.

— Не велѣно! Какъ такъ?

— Да такъ-ста! Не приказано, вотъ и все тутъ!

— Не приказано, такъ не пускай!—сказалъ Кирша, возвращаясь во дворъ.

— Да не пройдешь и въ заднія ворота,—закричалъ ему въ слѣдъ крестьянинъ: — и тамъ приставленъ караулъ.

— Такъ я здѣсь въ западнѣ! Ахъ, чортъ побери! Эй, слушай-ка, дядя, пусти. Мнѣ только пройтись по улицѣ.

— Я те толкомъ говорю, слышь ты, заказано.

— Да кто заказалъ?

— Прикащикъ.

— Зачѣмъ?

— А лукавый его знаетъ; вонъ спроси у него самого.

— Э, дорогой гость!... куда?—закричалъ прикащикъ, показавшись въ дверяхъ избы.—Скоренько проснуться изволилъ.

— Господинъ прикащикъ,—сказалъ весьма важно Кирша.—Ради чего ты вздумалъ меня держать у себя подъ карауломъ? Развѣ я мошенникъ какой?

— Не погнѣвайся! Я приставилъ караулъ, пока спалъ, а теперь тотчасъ сниму. Эй, ты, Терешка! Ступай домой!

— Я у тебя въ гостяхъ, хозяинъ, а не въ полону, и воленъ идти куда хочу.

— Вотъ то-то и есть, что нѣтъ, любезный! Бояринъ строго наказалъ не выпускать тебя на волю.

— Да неужто въ самомъ дѣлѣ онъ хочетъ задержать меня насильно?

— Отъ него приказано, чтобъ я угощалъ тебя сегодня и завтра; а послѣ-завтра, хоть чѣмъ-свѣтъ, возьми деньги, да коня и ступай себѣ съ Богомъ на всѣ четыре стороны.

— Ну, было изъ чего караулъ приставлять! Да я и самъ хотѣлъ еще денекъ отдохнуть. На кой чортъ мнѣ торопиться? Вѣдь не вездѣ даромъ кормить станутъ!

— Тимоѳею Ѳедоровичу не угодно, чтобъ ты показывался его гостямъ.

— Такъ вотъ что! Онъ опасается, чтобъ я не проболтался кому-нибудь изъ поляковъ, что невѣста пана Гонсѣвскаго была испорчена.

— Видно что такъ.

— Стану я толковать объ этомъ! Да изъ меня дубиною слова не вышибешь!... Что это, хозяинъ, никакъ на барскомъ дворѣ пѣсни поютъ? Поглядѣлъ бы я, какъ бояре-то веселятся!

— Что ты, братъ! Неравно Тимоѳей Ѳедоровичъ тебя увидитъ—сохрани Боже.... бѣда!

— Такъ Господь съ ними! Пусть они веселятся себѣ на боярскомъ дворѣ, а мы, хозяинъ, попируемъ у тебя... Да кстати, вонъ и гости опять идутъ.

— Какъ же любезный! И сегодня и завтра цѣлый день всѣ бражничаютъ у меня.

Толпа родственниковъ, передъ которою важно выступалъ волостной дьякъ, подошла къ прикащику; молодыя вышли ихъ встрѣчать на крыльцо, и черезъ минуту изба снова наполнилась гостьми, а столъ покрылся кушаньемъ и различными напитками.

Тѣмъ изъ читателей нашихъ, которымъ не удалось постоянно жить въ деревнѣ и видѣть своими глазами, какъ наши низовые крестьяне угощаютъ другъ друга, безъ сомнѣнія покажется невѣроятнымъ огромное количество браги и съѣстныхъ припасовъ, которые можетъ помѣстить въ себѣ желудокъ русскаго человѣка, когда онъ знаетъ, что пьетъ и ѣстъ даромъ. Но всего страннѣе, что тотъ же самый человѣкъ, который съѣстъ за одинъ пріемъ то, чего какой-нибудь итальянецъ не скушаетъ въ цѣлую недѣлю, въ случаѣ нужды, готовъ удовольствоваться кускомъ чернаго хлѣба, или небольшимъ сухаремъ, и не поморщится, запивая его плохой колодезной водою. Въ храмовые праздники, церковный причетъ обходитъ обыкновенно всѣ домы своего селенія; не зайдти въ какую-нибудь избу, значитъ обидѣть хозяина; зайдти и не поѣсть—обидѣть хозяйку; а чтобъ не обидѣть ни того, ни другаго, иному церковному старостѣ, или дьячку придется разъ двадцать сряду пообѣдать. Это невѣроятно, однакожъ справедливо, и мы должны были сдѣлать это небольшое отступленіе для того, чтобъ замѣтить нашимъ читателямъ, что ни мало не погрѣшаемъ противъ истины, заставивъ гостей прикащика, почти безпрерывно цѣлый день пить, ѣсть и веселиться.

Но не всѣ гости веселились. На сердцѣ запорожца

лежалъ тяжелый камень: онъ начиналъ терять надежду спасти Юрія. Напрасно старался онъ казаться веселымъ: разсѣянные отвѣты, безпокойные взгляды, нетерпѣніе, задумчивость—все изобличало необыкновенное волненіе души его. Къ счастію, прежде, чѣмъ хозяинъ могъ это замѣтить, одна счастливая мысль оживила его надежду, взоры его прояснились, онъ взглянулъ веселѣе и, обращаясь къ прикащику, сказалъ: «Знаешь ли что, хозяинъ? Если мнѣ нельзя побывать на боярскомъ дворѣ, то не можно ли заглянуть на конюшню.

— Нельзя, любезный! Я долженъ быть при тебѣ неотлучно; а ты видишь, у меня гости. Да что тебѣ вздумалось?

— Вотъ что: помнишь, ты говорилъ мнѣ о ворономъ персидскомъ аргамакѣ? Меня раздумье беретъ. Хоть я и люблю удалыхъ коней, ну, да если онъ въ самомъ дѣлѣ такой звѣрь, что съ нимъ и ладу нѣтъ?

— Да, братъ, больно лихъ.

— Вотъ то-то, чтобъ маху не дать. Если мнѣ самому нельзя идти на конюшню, то хоть его вели сюда привести.

Прикащикъ задумался. «Привести-то можно, сказалъ онъ наконецъ; но уговоръ лучше денегъ: любуйся имъ, какъ хочешь, но верхомъ не садись.

— Да какъ же я узнаю, годится ли онъ для меня, или нѣтъ? Позволь на немъ по улицѣ проѣхать.

— Нѣтъ, дорогой гость, нельзя.

— Нельзя такъ нельзя, вели хоть такъ привести.

— Андрюшка!—сказалъ прикащикъ одному молодому парню, который прислуживалъ за столомъ.—Сбѣгай, братъ, на конный дворъ, да вели конюхамъ привести сюда вороного персидскаго жеребца.

Кирша, поговоривъ еще нѣсколько времени съ хозяиномъ и гостьми, всталъ потихоньку изъ-за стола;

онъ тотчасъ замѣтилъ, что хотя караулъ былъ снятъ отъ воротъ, но за то у самыхъ дверей сидѣлъ широкоплечій крестьянинъ, мимо котораго прокрасться было невозможно. Запорожецъ отыскалъ свою саблю, прицѣпилъ ее къ поясу, надѣлъ черезъ плечо нагайку, спряталъ за пазуху кинжалъ и, подойдя опять къ столу, сѣлъ по прежнему между прикащикомъ и дьякомъ. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ перваго:

— Весело ли ему будетъ называться дѣдушкою?

— Какъ же!—отвѣчалъ прикащикъ.—Я и сплю и вижу, чтобъ завестись внучатами Пора—шестой десятокъ доживаю.

— А что бы ты хотѣлъ для первой радости,—продолжалъ запорожецъ,—внука, или внучку?

— Вѣстимо, внука! Дѣвка товаръ продажный: не успѣетъ подрости, анъ, глядишь, и сбывай съ рукъ.

— А я, прошу не погнѣваться,—сказалъ дьякъ,—хочу не внука, а внучку.

— А почему такъ?—спросилъ хозяинъ.

— Да, такъ! Скоро ли отъ внука-то дѣтей дождешься? Дѣдомъ быть весело, а прадѣдомъ еще веселѣе.

— Не успѣлъ дочери выдать, да ужъ о правнукахъ думаешь! Пустое, сватъ: дай Господи внука.

— Пошли Господи внучку!

— Такъ не будетъ же по твоему!

— Анъ будетъ! и если святые угодники услышатъ грѣшныя мои молитвы...

— Послушайте, господа честные,—перервалъ Кирша; ну, если я услужу вамъ обоимъ?

— Какъ такъ? — спросили вмѣстѣ дьякъ и прикащикъ.

— А вотъ какъ: если я захочу, то молодая родитъ двойни: мальчика и дѣвочку.

— То-то бы знатно! — вскричалъ прикащикъ.—Я сталъ бы лелѣять внука....

... внучку! — промолвилъ дьякъ. — Да ... ты надъ нами?

... Послушай, хозяинъ, — продолжалъ ...: припаси мнѣ завтра крупичатой ... меду; я изготовлю пирожокъ, и ... покушаютъ, то чрезъ девять мѣся- ... внукомъ, а онъ съ внучкою.

... въ самомъ дѣлѣ? — вскричалъ прикащикъ.

... вамъ говорю. Припасите двѣ зыбки, да ... имена для новорожденныхъ.

... внука Тимоѳеемъ, въ честь боярина, ... прикащикъ.

... внучку — Анастасіей, въ честь боярышни, — ... дьякъ.

... за здравіе Тимоѳея и Анастасьи! — возгла- ... Кирша, приподнявъ кверху огромный ... брагою. — Многія лѣта!

Многія лѣта! — воскликнули всѣ гости.

Ахъ ты, родимый! — сказалъ прикащикъ, обни- ... — Чѣмъ мнѣ отслужить тебѣ? Послу- ... если я къ тремъ боярскимъ корабленникамъ ... своихъ два... три... ну куда не шло!... че- ...

Нѣтъ, хозяинъ, не такое дѣло: за это мнѣ де- ... брать не велѣно; а если хочешь меня потѣшить, ... не пожалѣй завтра за обѣдомъ романеи.

И вишневки, и романеи, и фряжскаго вина... и что твоей душенькѣ угодно будетъ!

Ой-ли такъ? Ладно же, хозяинъ, — по рукамъ!

— По рукамъ, любезный! Постой-ка: вотъ, кажется, и вихря привели... Что за конь!

Кирша и всѣ гости встали изъ-за стола и вышли вслѣдъ за хозяиномъ, на улицу. Два конюха съ трудомъ держали подъ-уздцы вороного жеребца. Онъ былъ средняго роста, но весьма красивъ собою: волнистая

грива, блестя какъ полированный агатъ, опускалась струями съ его лебединой шеи; онъ храпѣлъ, взрывалъ копытомъ землю, и кровавые глаза его сверкали, какъ раскаленное желѣзо. При первомъ взглядѣ на борзаго коня, Кирша вскрикнулъ отъ удивленія; забилось сердце молодецкое въ груди удалаго казака: онъ забылъ на нѣсколько минутъ всѣ свои намѣренія, Милославскаго, самаго себя,—и въ нѣмомъ восторгѣ, почти съ подобострастіемъ смотрѣлъ на Вихря, который, какъ будто-бы чувствуя присутствіе знатока, рисовался, плясалъ, и, казалось, хотѣлъ совсѣмъ отдѣлиться отъ земли.

— Ну, что?—спросилъ прикащикъ,—не правду ли я тебѣ говорилъ? Смотрѣть любо, знатный конь! А на что онъ годится?

— Почему знать, хозяинъ! Мы и не такихъ звѣрей умучивали, и еслибъ ты дозволилъ мнѣ дать на немъ концевъ десятокъ вдоль этой улицы, такъ, можетъ статься...

— Нѣтъ, любезный, помни уговоръ.

— Да чего ты боишься?

— Какъ чего? Богъ вѣсть, что у тебя на умѣ. Какъ вздумаешь дать тягу, такъ куда мнѣ будетъ дѣваться отъ боярина?

— Тьфу пропасть! Да на кой чортъ мнѣ тебя обманывать? Вѣдь послѣ завтра я воленъ ѣхать куда хочу?

— То дѣло другое, пріятель! Послѣ завтра пожалуй, я самъ тебя подсажу, а теперь—ни, ни!...

— Ну, хозяинъ! ты не хочешь меня потѣшить, такъ не прогнѣвайся, если и я тебя тѣшить не стану.

— Эхъ, любезный! и радъ бы радостью, да разсуди самъ... Какъ ты думаешь, сватъ?—продолжалъ прикащикъ, обращаясь къ дьяку: дать ли ему промять Вихря, или нѣтъ?

— Какъ ты, Ѳома Кондратьичъ, а я мыслютакъ-когда тебѣ наказано быть при немъ неотлучно, то до: влѣетъ хранить его какъ зѣницу ока, со всякою опасностью, дабы не подвергнуть себя гнѣву и опалѣ боярской.

— Ну, вотъ слышишь, что говорятъ умные люди? Нельзя, любезный!

— Я вижу, господинъ дьякъ, — сказалъ Кирша,— ты ужъ раздумалъ и въ прадѣды не хочешь; а жаль, была бы внучка!

— Я ничего не говорю, — возразилъ дьякъ: видитъ Богъ, ничего! Какъ хочетъ сватъ.

— И я, дуракъ!—продолжалъ Кирша;—есть о чемъ просить! Не ныньче, такъ послѣ-завтра, а я все-таки съ конемъ, и вы все-таки безъ внучатъ.

— Какъ такъ? Помилуй!—вскричали прикащикъ и дьякъ.

— Да такъ! Пословицу знаете? «какъ аукнется, такъ и откликнется»!... Пойдемте назадъ въ избу!

— Не троньте его, — сказалъ въ полголоса одинъ изъ конюховъ. Вишь какой выскочка! Не хуже его пытались усидѣть на Вихрѣ, да летали же вверхъ ногами. Пускай сядетъ: я вамъ порукою — не ускачетъ изъ села.

— Да, да, — промолвилъ другой конюхъ, — видали мы хватовъ почище его! Мигнуть не успѣете, какъ онъ хватится о-земь, лишь ноги загремятъ!

— Добро, такъ и быть, любезный! — сказалъ прикащикъ Киршѣ; если ужъ ты непремѣнно хочешь... Да что тебѣ загорѣлось?

— Бѣгите, ребята,—шепнулъ дьякъ двумъ крестьянскимъ парнямъ;—ты на тотъ конецъ, а ты на этотъ; покараульте, да априте хорошенько околицу.

— Охъ, сватъ!—сказалъ прикащикъ, — не даромъ у меня сердце замираетъ! Ну если .. упаси Господи!..

Нѣтъ! — продолжалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ, схвативъ Киршу за руку, — воля твоя, сердись или нѣтъ, а я тебя не пускаю! Какъ ускачешь изъ села...

— Право! А золотые-то боярскіе корабленники? Небось вамъ оставлю? Вотъ дурака нашли!

— А что ты думаешь, сватъ, — продолжалъ прикащикъ, убѣжденный этимъ послѣднимъ доказательствомъ. —Въ самомъ дѣлѣ, чортъ ли велитъ ему бросить задаромъ три корабленника?.. Ну, ну, быть такъ: осѣдлайте коня.

Въ двѣ минуты конь былъ осѣдланъ. Толпа любопытныхъ разступилась; Кирша оправился, подтянулъ кушакъ, надвинулъ шапку и не торопясь подошелъ къ коню. Сначала онъ сталъ его приголубливать: потрепалъ его ласково по шеѣ, погладилъ, потомъ зашелъ съ лѣвой стороны и вдругъ, какъ птица вспорхнулъ на сѣдло.

— Дальше, ребята, дальше!—закричали конюхи.— Смотрите, какая пойдетъ потѣха!

Народъ отхлынулъ какъ вода, и наѣздникъ остался одинъ посреди улицы. Не давъ образумиться Вихрю, Кирша пріударилъ его нагайкою. Какъ разъяренный левъ, дикій конь встряхнулъ своей гривой и взвился на воздухъ; народъ ахнулъ отъ ужаса; прикащикъ поблѣднѣлъ и закричалъ конюхамъ:—«Держите его, держите! Ахти! не быть ему живому! Держите, говорятъ вамъ!»

— Да! чортъ его теперь удержитъ! — сказалъ одинъ изъ конюховъ. — Какъ слетитъ на-земь, такъ мы его подымемъ.

— Ахъ, батюшки!—продолжалъ кричать прикащикъ, —держите его!—Слышите-ль, бояринъ приказалъ мнѣ угощать его завтра а онъ сегодня сломитъ себѣ шею! Господи, страсть какая!... Ну, пропала моя головушка!

Межъ тѣмъ удары калмыцкой плети градомъ сыпа-

лись на Вихря; бѣшеный конь билъ передомъ и задомъ; съ визгомъ метался на-право и на-лѣво, загибалъ голову, чтобъ схватить зубами своего сѣдока, и вытягивался почти прямо, подымаясь на дыбы; но Кирша какъ будто бы приросъ къ сѣдлу и продолжалъ не уставая работать нагайкою. Толпа любопытныхъ зрителей едва переводила духъ, всѣ сердца замирали... Болѣе получаса прошло въ этой борьбѣ искусства и ловкости съ силою; наконецъ полуизмученный Вихрь, соскучивъ бѣсноваться на одномъ мѣстѣ, пустился стрѣлою вдоль улицы и, проскакавъ съ версту, круто повернулъ назадъ; Кирша пошатнулся, но усидѣлъ. Казалось, неукротимый конь прибѣгнулъ къ этому способу избавиться отъ своего мучителя, какъ къ послѣднему средству, послѣ котораго долженъ былъ покориться его волѣ; онъ вдругъ присмирѣлъ и, повинуясь искусному наѣзднику, пошелъ шагомъ, потомъ рысью описалъ нѣсколько круговъ по широкой улицѣ, и наконецъ на всемъ скаку остановился противъ избы прикащика.

— Живъ ли ты?—вскричалъ хозяинъ.

— Ну, молодецъ! — сказалъ одинъ изъ конюховъ, смотря съ удивленіемъ на крытаго бѣлой пѣною аргамака. Тебѣ и владѣть этимъ конемъ!

— А я такъ не дивлюсь,—продолжалъ дьякъ, обращаясь къ прикащику;—вѣдь я говорилъ тебѣ: не самъ сидитъ, черти держутъ!

— Слѣзай проворнѣй, любезный,—продолжалъ прикащикъ.—Пока ты не войдешь въ избу, у меня сердце не будетъ на мѣстѣ.

— Не торопись, хозяинъ, — сказалъ Кирша,—дай мнѣ покрасоваться... Не подходите, ребята!—закричалъ онъ конюхамъ,—не пугайте его... Ну, теперь не задохнется,—прибавилъ запорожецъ, давъ время коню

перевести духъ.—Спасибо, хозяинъ, за хлѣбъ за соль! береги мои корабленники, да не поминай лихомъ!

— Какъ?... Что?...—закричалъ прикащикъ.

Вмѣсто отвѣта запорожецъ ослабилъ поводья, понагнулся впередъ, гикнулъ и, какъ молнія, изсчезъ изъ глазъ удивленной толпы.

— Держите его, держите!—раздался громкій крикъ прикащика, заглушаемый общимъ восклицаніемъ изумленнаго народа.

Но Кирша не опасался ничего: поставленный на въѣздѣ караульный, думая, что самъ сатана въ видѣ запорожца мчится къ нему на встрѣчу, сотворивъ молитву, упалъ ничкомъ на-земь. Кирша перелетѣлъ на всемъ скаку черезъ затворенную околицу, и когда, спустя нѣсколько минутъ, онъ обернулся назадъ, то построенный на крутомъ холмѣ, высокій боярскій теремъ показался ему едва замѣтнымъ пятномъ, которое вскорѣ совсѣмъ исчезло въ туманной дали густыми тучами покрытаго небосклона.

II.

Всѣ спали крѣпкимъ сномъ въ домѣ боярина Кручины. Многіе изъ гостей, пропировавъ до полуночи, лежали преспокойно въ столовой, на скамьяхъ, другіе подъ скамьями; одинъ хозяинъ и Юрій съ своимъ слугою опередили солнце. Послѣдній съ похмѣлья едва могъ пошевелить головою и поглядывалъ не очень весело на своего господина. Бояринъ Кручина распрощался довольно холодно съ своимъ гостемъ.

— Желаю тебѣ, Юрій Дмитричъ, благополучно съѣздить въ Нижній, — сказалъ онъ, — но опасаюсь,

чтобъ ты не испыталъ на себѣ самомъ, каковы эти нижегородцы. Прощай.

— Ты хотѣлъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ, дать мнѣ грамоту къ боярину Истомѣ-Туренину,—сказалъ Юрій.

— Да, да! Но я передумалъ; теперь это лишнее... иль нѣтъ...—продолжалъ бояринъ, спохватясь и чувствуя, что онъ не кстати проговорился.—Благо, ужъ листъ мой готовъ, такъ все равно вотъ онъ, возьми! Счастливой дороги! Да милости просимъ на возвратномъ пути,—прибавилъ онъ съ насмѣшливой улыбкою и взглядомъ, въ которомъ отражалась вся злоба адской души его.

Никогда и ни съ кѣмъ Юрій не разставался съ такимъ удовольствіемъ: онъ согласился бы лучше снова провесть ночь въ открытомъ полѣ, чѣмъ вторично переночевать подъ кровлею дома, въ которомъ, казалось ему, и самый воздухъ былъ напитанъ измѣною и предательствомъ. Раскланявшись съ хозяиномъ, онъ проворно вскочилъ на своего коня и, не оглядываясь, поскакалъ вонъ изъ селенія.

Мы русскіе привыкли къ внезапнымъ перемѣнамъ времени и не дивимся скорымъ переходамъ отъ зимняго холода къ весеннему теплу; но тотъ, кто знаетъ сѣверъ по одной наслышкѣ, едва-ли повѣритъ, что Юрій, захваченный наканунѣ погодою и едва не замерзшій съ своимъ слугою, долженъ былъ скинуть верхнее платье и ѣхать въ одномъ кафтанѣ. Во всю ночь, проведенную имъ въ домѣ боярина Кручины, шелъ проливной дождь, и когда онъ выѣхалъ на большую дорогу, то взорамъ его представились совершенно новые предметы; тысячи быстрыхъ ручьевъ стремились по скатамъ холмовъ, въ оврагахъ ревѣли мутные потоки, а низкія поля казались издалека обширными озерами. Когда наши путешественники потеряли изъ виду отчину боярина Шалонскаго, Алексѣй, снявъ шапку,

перекрестился.—Ну, теперь отлегло отъ сердца!—сказалъ онъ. — Хвала Творцу небесному! Вырвались изъ этого омута. Еслибъ ты зналъ бояринъ, чего я вчера наслушался и насмотрѣлся...

— Я также слышалъ и видѣлъ довольно, Алексѣй.

— Да тебѣ, Юрій Дмитричъ, хорошо было пировать съ хозяиномъ; заглянулъ бы къ намъ въ застольную: ни дать, ни взять лобное мѣсто! Тотъ пролилъ стаканъ меду — дерутъ! этотъ обмишулился и подалъ травнику вмѣсто наливки — порютъ! чихнулъ громко, кашлянулъ—за все про все катаютъ! Ахъ ты, Владыко небесный! Ну, адъ кромѣшный да и только! Правда, и холопи-то хороши: какъ подпили да начали похваляться, такъ у меня волосы дыбомъ стали! Знаешь ли что, Юрій Дмитричъ? Вѣдь дневной разбой; самъ бояринъ обозы останавливаетъ, и если купецъ, проѣзжая чрезъ его отчину, не заѣдетъ къ нему съ поклономъ, такъ ужъ навѣрное выѣдетъ изъ села въ одной рубашкѣ. Помнишь вчерашняго купца, котораго мы застали на постояломъ дворѣ? Онъ, было, хотѣлъ втихомолку проѣхать мимо села задами, анъ и попался въ бѣду! Облупили его, какъ липку, да изъ четырехъ лошадей двухъ выпрягли: «ты-дескать поѣдешь теперь налегкѣ, такъ и двѣ довезутъ!»

— Возможно ли? и на него нѣтъ управы?...

— И, Юрій Дмитричъ, кому его унимать! Говорятъ, что при Царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ его порядкомъ было скрутили, а какъ началась суматоха, пошли самозванцы, да поляки, такъ онъ принялся буянить пуще прежняго. Теперь времена такія: нигдѣ не найдешь ни суда, ни расправы.

— Однакожъ, Алексѣй, мнѣ кажется, тебѣ вчера вовсе не было скучно: ты насилу на ногахъ стоялъ.

— Виноватъ, бояринъ! Въ этомъ проклятомъ домѣ только и хорошаго, что одно вино. Какъ не выпьешь

лишней чарки? А нечего сказать: каково вино и медъ!.. Хоть у кого съ двухъ стакановъ въ головѣ затрещитъ!

— Не узналъ ли ты чего-нибудь о Киршѣ?

— Какъ же! Я вчера встрѣтился съ нимъ на боярскомъ дворѣ, да не успѣлъ двухъ словъ перемолвить: его вели къ боярину.

— Зачѣмъ?

— Не знаю; мнѣ только проболтался одинъ пьяный слуга, что Киршѣ большая честь была: бояринъ подарилъ ему коня и велѣлъ прикащику угощать его, какъ самаго себя.

— Чтобъ это значило?

— Кто его знаетъ; ужъ не остался ли служить у боярина! Товарищами у него будутъ все сорванцы, да разбойники, онъ самъ запорожскій казакъ, такъ ему житье будетъ привольное; глядишь—еще бояринъ сдѣлаетъ его есауломъ своей разбойничьей шайки! Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ!

— Нѣтъ, Алексѣй, Кирша добрый малый; онъ не можетъ быть разбойникомъ; и послѣ того, что онъ для меня сдѣлалъ...

— А что такое онъ сдѣлалъ? Онъ былъ у тебя въ долгу, такъ диво ли, что вздумалъ расплатиться? Вѣдь и у разбойника бываетъ подъ-часъ совѣсть, бояринъ; а что онъ былъ добрый человѣкъ — не вѣрю! Нѣтъ, Юрій Дмитричъ: какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ.

— Юрій не отвѣчалъ ни слова; погруженный въ глубокую задумчивость, онъ старался не помышлять о настоящемъ, искалъ—но тщетно — утѣшеніе въ будущемъ, и только изрѣдка воспоминаніе о прошедшемъ услаждало его душу. Милославскій былъ свидѣтелемъ минутной славы отечества; онъ самъ, съ вѣрными дружинами, подъ предводительствомъ юноши-героя, безсмертнаго Скопина, громилъ враговъ Россіи; онъ не

зналъ тогда страданій безнадежной любви; веселый, безпечный юноша, онъ любилъ Бога, отца, святую Русь и ненавидѣлъ однихъ враговъ ея; а теперь... Ахъ! сколько разъ завидовалъ онъ участи своего полководца, который, какъ будтобъ предчувствуя бѣдствія Россіи, торопился украсить лаврами юное чело свое и, обремененный не лѣтами, но числомъ побѣдъ, похоронить вмѣстѣ съ собою всѣ надежды отечества!

Наши путешественники, миновавъ Балахну, отъ которой отчина боярина Кручины находилась верстахъ въ двадцати, продолжали ѣхать, неблюдая глубокое молчаніе. Соскучивъ не получать отвѣтовъ на свои вопросы, Алексѣй, по обыкновенію, принялся насвистывать пѣсню и понукать сѣрко, который начиналъ уже пріостанавливаться. Проведя часа два въ семъ занятіи, онъ потерялъ наконецъ терпѣніе и рѣшился снова заговорить съ своимъ господиномъ.

— Пора бы намъ покормить коней,—сказалъ онъ. —Въ Балахнѣ ты не хотѣлъ остановиться, бояринъ, и вотъ ужъ мы проѣхали верстъ пятнадцать, а жилья все нѣтъ какъ нѣтъ.

— Мнѣ кажется, вонъ тамъ... подлѣ самаго лѣса... Ты зорокъ, Алексѣй, посмотри: не изба ли это.

— Нѣтъ, Юрій Дмитричъ: это простой шалашъ, или стогъ сѣна, а только не изба.

— Не ошибаюсь ли я? Мнѣ кажется, подлѣ этого шалаша кто-то стоитъ... видишь?

— Вижу, бояринъ: вонъ и конь привязанъ къ дереву... Ну, такъ и есть: это стогъ сѣна. Вѣрно какой-нибудь проѣзжій захотѣлъ покормить даромъ свою лошадь... Никакъ онъ насъ увидѣлъ... садится на коня... Кой прахъ! Что-жъ онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ? ни взадъ, ни впередъ!... Онъ какъ будто насъ дожидается... Полно, добрый ли человѣкъ?... Смотри! онъ скачетъ къ намъ... Берегись бояринъ!... Что это? съ нами

крестная сила! Не дьявольское ли навожденіе?... Вѣдь онъ остался въ отчинѣ боярина Шалонскаго?... Ахъ, батюшки-свѣты!... Точно, это Кирша.

— По добру ли, по здорову, Юрій Дмитричъ?—закричалъ запорожецъ, подскакавъ къ нашимъ путешественникамъ.

— Экъ тебя нелегкая носитъ! — сказалъ Алексѣй. —Что ты, съ неба что-ль свалился?

— Нѣтъ, товарищъ, не съ неба свалился, а вырвался изъ ада,—отвѣчалъ запорожецъ, повернувъ свою лошадь.

— Мы думали, что ты остался у боярина Шалонскаго,—сказалъ Юрій.

— Онъ было хотѣлъ меня задержать, да Кирша себѣ на умѣ! По мнѣ лучше быть простымъ казакомъ на волѣ, чѣмъ атаманомъ подъ палкою какого-нибудь боярина. Ну, что Юрій Дмитричъ, вамъ, чаи, пора дать конямъ вздохнуть.

— Доѣдемъ до первой станціи, такъ остановимся.

— Отсюда близехонько есть небольшой выселокъ —вонъ тамъ .. за этимъ лѣсомъ. Я боялся васъ проглядѣть, такъ стоялъ постомъ на большой дорогѣ.

— И, какъ видно небольно исхарчился, любезный, — промолвилъ Алексѣей. — Смотри, какъ растрепалъ стогъ сѣна! Наврядъ ли хозяинъ скажетъ тебѣ спасибо.

— А вольно-жъ ему ставить стога на большой дорогѣ,—отвѣчалъ хладнокровно запорожецъ.

— Скажи, Кирша,—спросилъ Юрій, за что ты попалъ въ милость къ боярину Кручинѣ?

— За то, что взялся не за свое дѣло.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ, Юрій Дмитричъ: я былъ съ молоду рыбакомъ, не зналъ устали, трудился день и ночь; разъ пять тонулъ, заносило меня погодою къ ба-

сурманамъ; словомъ натерпѣлся всякаго горя, а деньжонокъ не скопилъ. Пошелъ въ украинскіе казаки, служилъ вѣрой и правдой гетману, рубился съ поляками, дрался съ татарами, сносилъ холодъ и голодъ— и нечего было послать моимъ старикамъ на одеженку. Записался въ запорожцы, уморилъ съ горя красную дѣвицу, съ которой былъ помолвленъ, терпѣлъ нападки отъ своихъ братьевъ-казаковъ за то, что миловалъ женъ и дѣтей, не увѣчилъ безоружныхъ, не жегъ для забавы дома, когда въ нихъ не было вражеской засады—и чуть-было меня не зарыли живаго въ землю съ однимъ нахаломъ казакомъ, котораго за насмѣшки я хватилъ неловко по головѣ нагайкою... да, къ счастію, онъ отдохнулъ. Потомъ таскался два года съ польскимъ войскомъ, лилъ кровь христіанскую, спасъ отъ смерти пана Лисовскаго—и все-таки не разбогатѣлъ. А вздумалъ однажды на-роду прикинуться колдуномъ — такъ мнѣ за это дали три золотыхъ корабленника, да этого аргамака, которому—вѣришь ли, Юрій Дмитричъ, цѣны нѣтъ,—промолвилъ Кирша, лаская своего борзаго коня и поглядывая на него съ нѣжностію страстнаго любовника

— Что за вздоръ!—сказалъ Юрій. Какъ ты могъ прикинуться колдуномъ?

— И, бояринъ! мало ли чѣмъ прикидываются люди на бѣломъ свѣтѣ, да не всѣмъ такъ удается, какъ мнѣ. Знаешь ли, что я не на шутку сдѣлался колдуномъ, и если хочешь, раскажу сейчасъ по пальцамъ, что у тебя на душѣ и о чемъ ты тоскуешь?

— Мудренъ бы ты былъ, еслибъ отгадалъ.

— А вотъ увидишь.

Кирша посмотрѣлъ на него пристально и продолжалъ:

— Бояринъ! тебя сокрушила черноглазая красавица—не правда-ли?

Юрій поглядѣлъ съ удивленіемъ на запорожца.

— Что ты, бояринъ, слушаешь этого балясника?— сказалъ Алексѣй. Большое диво отгадать, когда я самъ ему объ этомъ проболтался!

— Что дашь, бояринъ, — продолжалъ запорожецъ, не слушая Алексѣя, если я скажу тебѣ, кто такова родомъ и гдѣ живетъ теперь твоя чернобровая боярышня!

— Перестань шутить Кирша!

— Я не шучу, Юрій Дмитричъ: ты видалъ ее въ Москвѣ въ соборномъ храмѣ Спаса на Бору.

— Вотъ-те разъ!—вскричалъ Алексѣй.—Да этого я ему не сказывалъ! Видитъ Богъ, не сказывалъ! Отъ кого ты узналъ?...

— То ли еще я знаю! Вотъ ты, Юрій Дмитричъ, не вѣдаешь, любитъ ли она тебя, а я знаю.

— Возможно ли?—вскричалъ Милославскій, остановя свою лошадь.

— Да, бояринъ; она по тебѣ сохнетъ пуще, чѣмъ ты по ней.

— И такъ она еще не замужемъ?

— Нѣтъ.

— Но кто она? гдѣ живетъ? какъ ты могъ узнать?.. Говори, говори скорѣе!...

— И сердце твое не чуяло, что ты ночевалъ съ ней подъ одной кровлею?... Она дочь боярина Кручины Шалонскаго.

— Невѣста пана Гонсѣвскаго?—вскричалъ Алексѣй.

— Невѣста, а не жена.

— Дочь боярина Кручины!...—прошепталъ Юрій, поблѣднѣвъ, какъ приговоренный къ смерти.—Боярина Кручины!... Повторилъ онъ съ отчаяніемъ. — И такъ все кончено!...

— Нѣтъ, не все, Юрій Дмитричъ! Мало ли что можетъ случиться? и если тебѣ суждено на ней жениться...

— На ней!... Никогда, никогда! — прервалъ Милославскій; но можетъ быть, ты обманулся... да, добрый Кирша, ты точно обманулся... Эта кроткая дѣвица, этотъ ангелъ красоты... дочь Шалонскаго... Невозможно!...

— Да что мы остановились, бояринъ? Лошадей балясами не кормятъ. Поѣдемъ шажкомъ впередъ; до деревушки версты три, такъ я успѣю тебѣ разсказать все, и тогда ты повѣришь, что я тебя не обманываю.

Юрій слушалъ со вниманіемъ разсказъ запорожца, и чѣмъ вѣрнѣе казалось, что прекрасная незнакомка дочь боярина Кручины, тѣмъ мрачнѣе становились его взоры. Онъ не помышлялъ о препятствіяхъ: обстоятельства и время могли ихъ разрушить; его не пугало даже то, что Анастасья была невѣста пана Гонсѣвскаго; но назвать отцомъ своимъ человѣка, котораго онъ презиралъ въ душѣ своей, соединиться узами родства съ злодѣемъ, предателемъ отечества... Ахъ, одна эта мысль превращала въ ничто всѣ его надежды! Еслибъ все благопріятствовало любви его, то собственная его воля была бы непреодолимымъ препятствіемъ. Супругъ дочери боярина Кручины могъ ли, не краснѣя, слышать объ измѣнѣ и предательствѣ? Могъ ли призывать правдивое мщеніе небесъ и согражданъ на главу крамольниковъ, обрекшихъ гибели и вѣчному позору свою родину? Если безъ Анастасіи онъ не могъ быть совершенно счастливымъ, то спокойная совѣсть, чистая, святая любовь къ отечеству, увѣренность, что онъ исполнилъ долгъ православнаго, не посрамилъ имени отца своего — все могло служить ему утѣшеніемъ и утверждало въ намѣреніи: разстаться навсегда съ любимой его мечтою. Но когда Кирша сталъ разсказывать о разговорѣ своемъ съ Анастасіею, когда Юрій узналъ, какъ былъ любимъ, то все мужество его поколебалось.

«Довольно, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ, довольно!... Я не хочу знать ничего болѣе».

— Какъ хочешь, бояринъ,—отвѣчалъ Кирша, взглянувъ съ удивленіемъ на Милославскаго.

— Несчастный! могъ ли я думать, что блаженнѣйшій часъ въ моей жизни будетъ для меня Божьимъ наказаніемъ!... Не говори... не говори ничего болѣе!

— Я и такъ молчу, бояринъ.

— Ахъ, Кирша! зачѣмъ ты сказалъ мнѣ!... Какой ангелъ тьмы внушилъ тебѣ мысль...

— Виноватъ, Юрій Дмитричъ! я думалъ тебя по радовать; Анастасья Тимоѳеевна...

— Молчи!... не произноси никогда этого имени!

— Слушаю, бояринъ.

— Не напоминай мнѣ никогда... или нѣтъ, разскажи мнѣ все! Что она говорила съ тобою?... Знаетъ ли она, что я крушусь по ней, что бѣлый свѣтъ мнѣ опостылѣлъ?...

— Какъ же! она ожила, когда узнала, что ты ее любишь. Вспомнить не могу, такъ слезы ручьемъ и полились...

— Боже мой, Боже мой!

— Зарыдала, принялась молиться Богу...

— Перестань, Кирша... перестань!...

— Да, помилуй, бояринъ, сказалъ запорожецъ, не понимая истинной причины горести Милославскаго, отчего ты такъ кручинишься? Во-первыхъ, и то слава Богу, что ты узналъ наконецъ, кто такова твоя незнакомая красавица; во-вторыхъ, почему ты ей не суженый? Ты знаменитаго рода, богатъ, молодецъ собою; она помолвлена за пана Гонсѣвскаго, а все-таки этой свадьбѣ не бывать. Припомни мое слово: скоро ни одной приходской церкви не останется во владѣніи у гетмана и онъ, со всей своей польской ордою, не будетъ *смѣть изъ* Кремля носа показать. Всѣ православные

того только и ждутъ, чтобъ подошла рать изъ низовыхъ городовъ, и тогда пойдетъ такая ножевщина.., Да что и говорить!... Если всѣ русскіе примутся дружно, такъ гдѣ стоять ляхамъ! Много ли ихъ?... шапками закидаемъ!

— Ты забылъ, Кирша, что я цѣловалъ крестъ Владиславу.

— Эхъ, бояринъ! ну если вы избрали на царство королевича Польскаго, такъ что-жъ онъ сидитъ у себя въ Краковѣ? Давай его на-лицо! Пусть приметъ вѣру православную и владѣетъ нами! А то, небойсь, прислали войско, да гетмана, какъ будто-бъ мы присягали полякамъ! Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, видно по всему, что король-то Польскій хочетъ васъ на бобахъ провести.

Никогда еще Юрію не приходила въ голову эта мысль, и хотя она выражена была нѣсколько грубо, но поразила его своею истиною.

— Ахъ, Кирша! вскричалъ онъ съ восторгомъ; я позабылъ бы все мое горе, еслибъ могъ увѣриться въ истинѣ словъ твоихъ! Но, къ несчастію, это однѣ догадки; а я клялся быть вѣрнымъ Владиславу, прибавилъ Юрій, и сверкающій, исполненный мужества взоръ, оживившій на минуту угрюмое чело его, потухъ, какъ потухаетъ на мрачныхъ осеннихъ небесахъ мгновенный блескъ полуночной зарницы.

Межъ тѣмъ наши путешественники подъѣхали къ деревнѣ, въ которой намѣрены были остановиться. Крайняя изба показалась имъ просторнѣе другихъ и, хотя хозяинъ объявилъ, что у него нѣтъ ничего продажнаго и, казалось, не слишкомъ охотно впустилъ ихъ на дворъ, но Юрій рѣшился у него остановиться. Кирша взялся убрать коней, а Алексѣй отправился искать по другимъ дворамъ для лошадей корма, а для своего господина горшка молока, въ которомъ хозяинъ также отказалъ проѣзжимъ.

Можетъ быть кто-нибудь изъ читателей нашихъ захочетъ знать, почему Кирша не намекнулъ ни Юрію, ни Алексѣю о предстоящей имъ опасности, тѣмъ болѣе, что главной причиною его побѣга изъ отчины Шалонскаго было желаніе предупредить ихъ объ этомъ адскомъ заговорѣ? Но дорогою онъ передумалъ. Счастливый случай открылъ ему сердечную тайну Милославскаго и прекрасной Анастасіи, а вмѣстѣ съ этимъ поселилъ въ душѣ его непреодолимое желаніе, во чтобъ ни стало, соединить двухъ любовниковъ. Мы говорили уже, что онъ полагалъ почти священной обязанностью мстить за нанесенную обиду, и слѣдовательно не сомнѣвался, что Юрій, узнавъ о злодѣйскомъ умыслѣ боярина Кручины, сдѣлается навсегда непримиримымъ врагомъ его, то-есть при первомъ удобномъ случаѣ постарается отправить его на тотъ свѣтъ. Хотя Кирша былъ и запорожскимъ казакомъ, но понималъ однакожъ, что нельзя было Юрію въ одно и то же время мстить Шалонскому и быть мужемъ его дочери; а по сей-то самойпричинѣонъ рѣшился до времени молчать, не упуская впрочемъ изъ виду главнѣйшей своей цѣли, то-есть спасенія Юрія отъ грозящей ему опасности.

Юрій, войдя въ избу, спросилъ хозяина, кому принадлежитъ пѣгая лошадь, которую онъ замѣтилъ, проходя дворомъ.

— Проѣзжій, батюшка,—отвѣчалъ хозяинъ:—ѣдетъ изъ Казани въ Нижній.

— Да гдѣ же онъ?

— Вышелъ поискать себѣ съѣстнаго. У меня и хлѣба-то вдоволь нѣтъ; дней пять тому назадъ нагрянула ко мнѣ цѣлая ватага шишей *): все пріѣли; слава тебѣ Господи, что голова на плечахъ осталась!

---

*) Такъ прозвали поляки буйныя толпы, неподчиненныхъ ни какому порядку, русскихъ партизановъ, или охотниковъ, которыхъ *можно* уподобить испанскимъ гверильясамъ.

— А развѣ и здѣсь эти разбойники водятся?

— Недавно показались. Послушаешь ихъ, такъ они-то одни и стоятъ за вѣру православную; а попадись имъ въ руки хоть басурманъ, хоть полякъ, хоть православный, все равно — рубашки на тѣлѣ не оставятъ.

— Такъ по этому теперь опасно ѣздить по вашей дорогѣ?

— Нѣтъ, батюшка, Господь милостивъ! До этихъ храбрецовъ дошла вѣсть, что верстахъ въ тридцати отсюда идетъ польская рать, такъ и давай Богъ ноги! Всѣ кинулись назадъ по Волгѣ за Нижній, и теперь на большой дорогѣ ни одного шиша не встрѣтишь.

— Вотъ, бояринъ, молоко, кушай на здоровье!— сказалъ Алексѣй, войдя въ избу. — Ну, деревенька! словно послѣ пожара—ничего нѣтъ! Насилу кой-какъ нашелъ два горшечка молока у одной старухи. Хорошо еще, что успѣлъ захватить хоть этотъ; а то какой-то проѣзжій хотѣлъ оба взять за себя.—Хозяинъ, дай мнѣ хоть хлѣбца! да нѣтъ ли стаканчика браги? одолжи, любезный!

Когда Кирша вошелъ опять въ избу, хозяинъ поставилъ на столъ деревянный жбанъ съ брагою и положилъ каравай хлѣба. Къ счастію, наши путешественники такъ хорошо были угощены наканунѣ, что почти вовсе могли обойтись безъ обѣда. Къ тому же Юрій отказался отъ ѣды, и хотя сначала Алексѣй уговаривалъ его покушать и не дотрогивался до молока, но наконецъ видя, что его господинъ рѣшительно не хочетъ обѣдать, вздохнулъ тяжело, покачалъ головою и принялся, вмѣстѣ съ Киршею, такъ усердно работать около горшка, что въ два мига въ немъ не осталось ни капли молока. Окончивъ эту умѣренную трапезу, Алексѣй вышелъ вонъ изъ избы, и, минутъ черезъ пять, прибѣжалъ назадъ какъ бѣшеный. Ни-

когда еще Милославскій не видалъ своего смирнаго Алексѣя въ такомъ необычайномъ расположеніи духа; онъ почти былъ увѣренъ, что этотъ тихій малый во всю жизнь свою не сердился ни разу, и потому не удивительно, что съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ, что съ нимъ случилось?

— Что со мной случилось, бояринъ!—отвѣчалъ запыхавшись Алексѣй.—Чортъ бы ее побралъ! Старая колдунья!... Вѣдьма кіевская!... Слыхано ли дѣло!... Живодерка проклятая!

— Да кто? На кого ты такъ озлился?

— Ну, есть ли въ ней Христосъ—пять алтынъ!... Да стоитъ ли она сама, съ внучатами, съ коровою и со всѣми своими животами пять алтынъ! Ахъ, старая корга!... Смотри, пожалуй, пять алтынъ!

— Скажешь ли ты мнѣ наконецъ?.

— Какъ бы знато, да вѣдано, такъ я лучше подавился бы сухой коркою, чѣмъ хлѣбнулъ хоть ложку ея снятаго молока! Какъ ты думаешь, бояринъ? эта старушенка проситъ за свой горшечекъ молочишка пять алтынъ!... Пять алтынъ, когда за двѣ копѣйки можно купить цѣлую корчагу сливокъ!

— Ты самъ виноватъ, Алексѣй, зачѣмъ не торговался?

— Да кому придетъ въ голову... беззубая жидовка!...

— О чемъ тутъ кричать? Заплати ей, что она требуетъ, такъ и дѣло съ концомъ...

— Нѣтъ, бояринъ, хоть убей меня на этомъ мѣстѣ...

— Алексѣй! я не люблю приказывать десять разъ одно и то же.

— Ну, какъ хочешь, бояринъ,—отвѣчалъ Алексѣй, понизивъ голосъ. Казна твоя, такъ и воля твоя; а я *ни за что* бы не далъ ей больше копѣйки... Слушаю,

Юрій Дмитричъ,—продолжалъ онъ, замѣтивъ нетерпѣніе своего господина.—Сейчасъ расплачусь.

— Позволь мнѣ заплатить ей, бояринъ! — сказалъ Кирша, разумѣется твоими деньгами.

— Пожалуй.

— Давай-ка пять алтынъ, Алексѣй. Да, кстати, вотъ никакъ она сама изволитъ сюда идти.

Старуха, въ изорванной кичкѣ и толстомъ сѣромъ зипунѣ, вошла въ избу, перекрестилась, и поклонясь низехонько на всѣ четыре стороны, сказала Алексѣю: «Ну что-жъ, мой кормилецъ, не держи меня, разсчитывайся».

— Вотъ я съ тобой разсчитаюсь, тетка, - сказалъ запорожецъ;—а онъ ничего не знаетъ. Поди-ка сюда! Ты просишь пять алтынъ за твое молоко?

— Да, батюшка, пять алтынъ. Прошу не гнѣваться: я въ своемъ добрѣ вольна...

— Знаю, мой свѣтъ, знаю. Вотъ пять алтынъ — получай!

Старуха съ жадностію схватила деньги и принялась ихъ считать.

— Ну, что, такъ-ли?—спросилъ запорожецъ.

— Такъ, батюшка!

— Все ли ты сполна получила?

— Все, отецъ мой!

— Слышишь, хозяинъ? Будь свидѣтелемъ. Ну, тетка, глупа же ты!

— А что, мой кормилецъ?

— Ахъ ты, дура непонятная! ну тѣ ли времена, чтобъ продавать горшокъ молока по пяти алтынъ? Мы нигдѣ меньше рубля не платили.

— Какъ такъ, батюшка?

— Да такъ. Опростоволосилась, голубушка, вотъ и все тутъ!

— Не меньше рубля!—повторила старуха, всплес-

нувъ руками. Ахъ я глупая! Все-то насъ бѣдныхъ обманываютъ...

— И, тетка, на то въ морѣ щука, чтобъ карась не дремалъ.

— Не грѣхъ ли вамъ обижать старуху!

— Да чѣмъ мы тебя обижаемъ? Что запросила, то и даемъ.

— Богъ вамъ судья, господа честные, обманывать круглую сироту!

— Какая ты сирота!—закричалъ Алексѣй. У тебя вся изба биткомъ набита внучатами.

— Да, батюшка, малъ-мала меньше!

— Что ты врешь! Меньшой-то внукъ цѣлой головой меня выше. Пошла вонъ, старая хрычовка!

— Пойду, батюшка, пойду! что ты гонишь! Прощенья просимъ!... Заплати вамъ Господь и въ здѣшнемъ, и въ будущемъ свѣтѣ... чтобъ вамъ ѣхать, да не доѣхать... чтобъ вы...

— Ну, ну, проваливай! — прервалъ Алексѣй, выталкивая за дверь старуху.—Что тебѣ вздумалось сказать этой вѣдьмѣ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Киршѣ, что мы платимъ вездѣ по рублю за горшокъ молока?

— Какъ что! —отвѣчалъ запорожецъ,—да знаешь ли, что она теперь недѣли двѣ ни спать, ни ѣсть не будетъ съ горя; а сверхъ того первый проѣзжій, съ котораго она попроситъ рубль за горшокъ молока, непремѣнно ее поколотитъ... Ну, вотъ посмотри: не правду ли я говорю.

Въ самомъ дѣлѣ, какой-то проѣзжій, съ которымъ старуха повстрѣчалась у воротъ избы, сказавъ съ ней нѣсколько словъ, принялся таскать ее за волосы, приговаривая: «вотъ тебѣ рубль! вотъ тебѣ рубль!...» Потомъ, бросивъ ей небольшую мѣдную монету, вошелъ на дворъ. Кирша смотрѣлъ съ большимъ примѣчаніемъ

на этого проѣзжаго: и подлинно, наружность его обратила бы на себя вниманіе самаго нелюбопытнаго человѣка. Онъ былъ необычайно высокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ плотенъ и широкъ въ плечахъ, что казался почти средняго роста; не только видомъ, но даже ухватками онъ походилъ на медвѣдя, и можно было подумать, что небольшая, обросшая рыжеватыми волосами, голова его ошибкою попала на туловище, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Лицо его выражало какое-то бездушное спокойствіе; небольшіе, прищуренные глаза казались заспанными, а голосъ напоминалъ дикій ревъ животнаго, съ которымъ онъ имѣлъ столь близкое сходство. Этотъ уродливый великанъ, войдя въ избу, поклонился нашимъ путешественникамъ и промычалъ: «добраго здоровья, господа проѣзжіе!»

Кирша вздрогнулъ и сталъ еще внимательнѣе разсматривать незнакомца.

— Откуда ѣдешь, любезный?—спросилъ Юрій.

— Изъ Казани, бояринъ.

— Въ Нижній-Новгородъ?

— Да, въ Нижній.

— Такъ ты намъ попутчикъ?

— Если ваша милость дозволитъ, такъ я отъ васъ не отстану. Хоть, правда, ничего дурнаго не слышно, а все-таки больше народу—ѣдешь веселѣе.

— Посмотри, добрый человѣкъ,—сказалъ хозяинъ Киршѣ,—изъ вашихъ коней одинъ сорвался; чтобъ со двора не сбѣжалъ.

Кирша поспѣшилъ выйти на дворъ. Въ самомъ дѣлѣ, его Вихрь оторвался отъ коновязи и подбѣжалъ къ другимъ лошадямъ; но вмѣсто того, чтобъ съ ними драться, чего и должно было ожидать отъ такого дикаго коня, аргамакъ стоялъ смирнехонько подлѣ пѣгой лошади, ласкался къ ней и, казалось, радовался, что былъ съ нею вмѣстѣ.

— Ого!—сказалъ Кирша, —.такъ вы съ одной конюшни!... Вотъ что!... Видно я не ошибаюсь: не издалека этотъ казанецъ ѣдетъ.

Привязавъ опять на прежнее мѣсто своего коня, онъ возвратился въ избу, подсѣлъ къ проѣзжему, попотчивалъ его брагою и спросилъ, давно ли онъ изъ Казани.

— Близко недѣли,—отвѣчалъ проѣзжій.

— Знатный городъ!—продолжалъ запорожецъ.—Я живалъ въ немъ мѣсяцевъ по шести сряду, и у меня есть тамъ задушевный пріятель. Не знавалъ ли ты купца изъ мясного ряда, по имени Кирилла Степанова? а по прозванью.... какъ бишь его?... дай Богъ память! тьфу, батюшки! .. такое мудреное прозвище... вспомнить не могу!

Тутъ Кирша призадумался, началъ почесывать въ головѣ, топалъ ногою отъ нетерпѣнія и давъ незнакомому заговорить съ Юріемъ, который сталъ разспрашивать его о Казани, вдругъ вскрикнулъ: «Омляшъ!» Проѣзжій вздрогнулъ и быстро повернулся къ Киршѣ.

— Да, да,—продолжалъ казакъ, не обрацая, повидимому, никакого вниманія на примѣтный испугъ проѣзжаго,—вспомнилъ! Омляшъ.... иль нѣтъ.... Бурдашъ, что-ль?.... какъ-то этакъ. Не знавалъ-ли ты, братъ, этого купчину?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ отрывисто проѣзжій, поглядѣвъ пристально на запорожца, который промолвилъ весьма спокойно:

— Жаль, товарищъ, что ты его не знаешь. Вотъ ужъ близко года, какъ я съ нимъ разстался. Что-то онъ, сердечный, подѣлываетъ? Говорятъ, будто торжишка его худо идетъ?

— Почему мнѣ знать!—отвѣчалъ проѣзжій грубымъ голосомъ.—Если, бояринъ, продолжалъ онъ, обращаясь *къ Юрію,* ты хочешь засвѣтло пріѣхать въ Нижній,

то мѣшкать нечего: чай дорога плоха, а до города еще не близко.

— За нами дѣло не станетъ,—сказалъ Алексѣй.—Мы поѣли, лошади также, хоть сейчасъ въ дорогу.

— Ступайте же, ребята,—промолвилъ Кирша,—да сѣдлайте коней, а я мигомъ буду готовъ.

Проѣзжій и Алексѣй вышли изъ избы.

— Послушай-ка, Юрій Дмитричъ,—сказалъ запорожецъ,—пистолетъ-то у тебя знатный, да заряженъ ли онъ?

— А что?

— Да такъ, бояринъ. Дорожнымъ людямъ дремать не надобно.

— Развѣ ты опасаешься чего-нибудь?

— Времена такія, Юрій Дмитричъ. Конечно, никто какъ Богъ, да не даромъ же пословица въ народѣ: «береженаго и Богъ бережетъ».

Выходя вонъ изъ избы, Кирша повстрѣчался въ сѣняхъ съ хозяиномъ и спросилъ его: «Далеко ли до Нижняго?»

— Верстъ двадцать съ походомъ,—отвѣчалъ хозяинъ.

— Мнѣ помнится, есть овраги?

— Всего одинъ. На половинѣ дороги будетъ часовня: тутъ годовъ съ пятокъ назадъ потеряли трехъ нижегородскихъ купцовъ; а версты полторы за часовней придетъ овражекъ, да небольшой.

— Нельзя ли миновать?

— Нѣтъ-ста, не минуешь. Правда, отъ часовни пойдетъ старая дорога въ городъ; да по ней давно ужъ не ѣздятъ.

— Что такъ?

— Буеракъ на буеракѣ и, бывало, въ осеннее время вовсе проѣзду нѣтъ.

Кирша пошелъ сѣдлать своего коня и, чрезъ четверть часа, наши путешественники отправились въ до-

рогу. Алексѣй не отставалъ отъ своего господина; а запорожецъ, держась лѣвой стороны проѣзжаго, ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ шагахъ въ десяти позади. Нѣсколько уже разъ незнакомый посматривалъ съ удивленіемъ на его лошадь.

— Кой чортъ! — сказалъ онъ наконецъ, — чѣмъ больше я смотрю ... Да гдѣ ты добылъ этого коня?

— А на что тебѣ?

— Если бъ только онъ былъ побойчѣе, такъ я бы въ него вклепался; я точь-въ-точь такого же коня знаю.... ну, вотъ ни дать ни взять, и на лбу такая же отмѣтина. Правда, тотъ не пошелъ бы шагомъ, какъ этотъ.... а ужъ такъ схожи межъ собой, какъ двѣ капли воды.

— Ага!—сказалъ про себя Кирша,—призналъ боярскаго коня, господинъ казанецъ!—Чему дивиться?—примолвилъ онъ громко:—человѣкъ въ человѣка приходитъ, а конь и подавно.

Тутъ дорога, которая версты двѣ извивалась полями, повернула на лѣво и пошла лѣсомъ. Кирша попѣвалъ беззаботно веселыя пѣсни, заговаривалъ съ проѣзжимъ, шутилъ; однимъ словомъ, можно было подумать, что онъ совершенно спокоенъ и не опасается ничего. Но въ то же время малѣйшій шорохъ возбуждалъ все его вниманіе: онъ пріостанавливалъ подъ разными предлогами своего коня, бросалъ зоркіи взглядъ на обѣ стороны дороги и, казалось, хотѣлъ проникнуть взоромъ въ самую глубину лѣса.

Около двухъ часовъ ѣхали они, не встрѣчая никого и не замѣчая никакихъ признаковъ жилья; наконецъ вдали, подлѣ самой дороги, стало виднѣться что-то похожее на строеніе; но когда они подъѣхали ближе, то увидѣли, вмѣсто избы, полуразвалившуюся большую часовню. Кирша осадилъ полегоньку свою лошадь и проѣхавъ нѣсколько шаговъ позади незнакомаго, вдругъ вскрикнулъ: «Гей, товарищъ! посмотри-ка, что у тебя

на шапкѣ!» Едва проѣзжій успѣлъ схватить ее съ головы, какъ отъ сильнаго удара нагайкою у него посыпались искры изъ глазъ. Онъ выхватилъ изъ-за пазухи длинный ножъ; но Кирша повторилъ ударъ—незнакомый зашатался и упалъ съ лошади. Съ быстротою птицы, запорожецъ спрыгнулъ съ коня, кинулся на лежащаго и прежде, чѣмъ онъ могъ очнуться, скрутилъ ему назадъ руки собственнымъ его кушакомъ.

— Что ты, разбойникъ!—вскричалъ Алексѣй.

— Разбойникъ-то лежитъ, — отвѣчалъ спокойно Кирша, затягивая узелъ.

— Съ чего ты взялъ?... почему ты знаешь?... — спросилъ торопливо Юрій.

— А потому знаю, что слышалъ своими ушами, какъ этотъ душегубецъ сговаривался съ такими же ворами тебя ограбить. Насъ дожидаются за версту отсюда въ оврагѣ.... Ага, собака, очнулся!—сказалъ онъ незнакомцу, который, опомнясь, старался приподняться на ноги.—Да не уйдешь, голубчикъ, съ вашей братьей расправа короткая!—прибавилъ онъ, вынимая изъ ноженъ саблю.

— Стой, Кирша! Я не допущу тебя!—вскричалъ Юрій.—Ну, если ты ошибаешься....

— Эхъ, бояринъ! Коли не вѣришь мнѣ, такъ посмотри хорошенько на эту рожу. Ну, можно-ли съ такой образиной не быть разбойникомъ?

— Побойтесь Бога! что я вамъ сдѣлалъ?—прохрипѣлъ незнакомый.

— Что, братъ, заговорилъ!—перервалъ запорожецъ.—Такъ говори же все! Если ты покаешься, мы тебя помилуемъ; а если нѣтъ, такъ прощайся навсегда съ бѣлымъ свѣтомъ! Сказывай, много у тебя товарищей въ засадѣ?

— Помилуйте! какихъ товарищей?

— Слушай, Омляшъ!—закричалъ грознымъ голосомъ Кирша,—я знаю тебя.... говори правду!

Незнакомецъ съ ужасомъ взглянулъ на запорожца, но не отвѣчалъ ни слова.

— Такъ видно, братъ, съ тобой одинъ конецъ,— сказалъ Кирша, обнаживъ свою саблю.—Я не хочу губить твоей души—молись Богу!

— Постой!—вскричалъ незнакомый.

— Нѣтъ! намъ некогда съ тобой растабарывать: кайся проворнѣй въ грѣхахъ, или.... такъ и быть!.... Въ послѣдній разъ,—примолвилъ Кирша, поднявъ свою саблю,—говори сейчасъ, сколько у тебя товарищей?

— Шестеро,—прошепталъ разбойникъ.

— Слышишь, бояринъ?—сказалъ Кирша.—Счастливъ ты, что я далъ тебѣ слово.... Дѣлать нечего, околѣвай своей смертью, проклятый! Помогите мнѣ привязать его къ дереву, да нѣтъ ли у васъ чѣмъ-нибудь заткнуть ему глотку, а то какъ мы отъѣдемъ, онъ подыметъ такой ревъ, что его за версту услышатъ.

Алексѣй вынулъ изъ кисы платокъ и, пособляя Киршѣ привязать къ дереву разбойника, спросилъ, для чего онъ не предувѣдомилъ ихъ объ этомъ въ деревнѣ.

— Я боялся, что вы не сумѣете притвориться,— отвѣчалъ запорожецъ.—Этотъ воръ какъ разъ смекнулъ бы дѣло, далъ тягу, и мы вѣрно бы ихъ рукъ не миновали.

— Но мы и теперь ихъ не минуемъ,—сказалъ Юрій.

— Авось, бояринъ! Богъ милостивъ!—промолвилъ Кирша, садясь на лошадь.—Здѣсь есть другая дорога. Говорятъ, она больно плоха, да все лучше: зато остановки не будетъ.

Кирша поѣхалъ впередъ. Подлѣ самой часовни дорога дѣлилась на-двое: та, которая шла направо, едва была замѣтна и походила болѣе на межевую просѣку, чѣмъ на большую дорогу. Кирша повернулъ по ней и, пробираясь съ большимъ трудомъ сквозь кустарникъ, *пеньки* и кучки валежника, медленно подвигался впе-

редъ; глубокія рытвины и крутые овраги встрѣчались имъ почти на каждомъ шагу и только изрѣдка на проталинахъ едва замѣтныя колеи означали проѣзжую дорогу. Съ полчаса ѣхали они, не говоря ни слова: вдругъ налѣво послышался отдаленный свистъ, ближе къ нимъ отвѣчали тѣмъ же. Кирша остановился и скинулъ шапку. Нѣсколько минутъ, подобно истукану, онъ пробылъ въ этомъ неподвижномъ положеніи. Едва замѣтно было, что онъ переводитъ духъ; казалось, ни одинъ волосъ не пошевелился на головѣ его во все время, какъ онъ прислушивался къ свисту.

— Ну, бояринъ!—сказалъ онъ, надѣвая шапку,— мы точно ихъ миновали. Теперь надобно выбираться опять на большую дорогу; а не то мы заѣдемъ въ такую трущобу, что какъ разъ загубимъ всѣхъ коней.

Путешественники стали держаться лѣвой стороны; хотя съ большимъ трудомъ, но попали наконецъ на прежнюю дорогу и часа черезъ два, выѣхавъ изъ лѣсу, очутились на луговой сторонѣ Волги, противъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее широкая Ока. Огромныя льдины неслись внизъ по ея теченію; весь противоположный берегъ усыпанъ былъ народомъ, а на утесистой горѣ нагорной стороны блестѣли главы соборныхъ храмовъ и бѣлѣлись огромныя башни высокихъ стѣнъ знаменитаго *Новгорода Низовскія земли.*

III.

Наши путешественники находились въ весьма затруднительномъ положеніи; Нижній - Новгородъ былъ передъ ними; но имъ невозможно было переправиться черезъ Волгу, на которой ледъ тронулся и шелъ такъ густо, что на простой рыбачьей лодкѣ нельзя было

переѣхать на другую сторону, не подвергая себя неминуемой погибели. Кругомъ ихъ не замѣтно было никакого жилья, кромѣ пустыхъ сараевъ и небольшихъ рыбачьихъ хижинъ безъ дворовъ, повидимому, также необитаемыхъ. Проѣхавъ съ версту по берегу рѣки, путешественники увидѣли наконецъ избу, передъ которой стояло человѣкъ двадцать рыбаковъ; всѣ они смотрѣли съ большимъ вниманіемъ на противоположный берегъ.

— Глядь-ка, бояринъ! — сказалъ Алексѣй; — вонъ тамъ у пристани, никакъ человѣкъ идетъ по рѣкѣ... такъ и есть! Ахъ батюшки свѣты! кого это нелегкая понесла! Смотри, смотри!... ну... поминай какъ звали!

Въ самомъ дѣлѣ какой-то смѣльчакъ, отойдя шаговъ двадцать отъ противоположнаго берега, провалился сквозь ледъ и утонулъ въ виду множества любопытныхъ, которые толпились на переправѣ.

— Ахъ, Боже мой!—вскричалъ Юрій;—зачѣмъ пускаютъ этотъ народъ?...

— А кто его удержитъ, бояринъ ?Русскій на томъ стоитъ: гдѣ бѣдовое дѣло, тутъ-то удаль свою и показать.

Межъ тѣмъ они подъѣхали къ рыбакамъ. Одинъ изъ нихъ, сѣдой какъ лунь, съ жаромъ доказывалъ другимъ, что прохожій не могъ бы утонуть, еслибъ былъ легче на ногу.

— Да, ребята,—говорилъ онъ; — все дѣло въ снаровкѣ, а то какъ не перейти! Льдины толстыя, хоть кого подымутъ!

— Эхъ, Пахомъ Кондратьичъ, — возразилъ одинъ молодой рыбакъ,—какая теперь ходьба! Развѣ — прости Господи—какой ни есть полуумный сунется.

— Охъ вы, молокососы! — сказалъ сѣдой старикъ, покачивая головою.—Не прежніе мои годы, а то бы я показалъ вамъ, какъ переходить по льдинамъ. У насъ,

бывало, это плевое дѣло!... Да, правду-матку сказать, и народъ-то не тотъ былъ.

— Что ты, дѣдушка, больно расхвастался! — прервалъ Кирша.—Неужли-то на святой Руси всѣ молодцы повывелись?

— Нѣтъ, господинъ проѣзжій,—отвѣчалъ старикъ, махнувъ рукою, — не видать мнѣ такихъ удальцевъ, какіе бывали въ старину! Да вотъ хоть для вашей бы милости, въ мое время, тотчасъ выискался бы охотникъ перейдти на ту сторону и прислать съ перевозу большую лодку; а теперь, небойсь—дожидайтесь! Увидите, если не придется вамъ ночевать на этомъ берегу. Кто пойдетъ за лодкою?

— Я! — сказалъ одинъ широкоплечій крестьянинъ.

— Ай да молодецъ!—вскричалъ Кирша.—Постой-ка! да ты никакъ крестьянинъ боярина Шалонскаго, Ѳедька Хомякъ?

— А ты тотъ прохожій, что разспрашивалъ меня о бояринѣ?

— Ну, да! Какъ ты сюда попалъ?

— Да такъ, горе взяло! Житья не было отъ приказщика; взъѣлся на меня за то, что я не снялъ шапки передъ его писаремъ, и ну придираться! за все про все отвѣчай Хомякъ—мочушки не стало! До насъ дошелъ слухъ, будто бы здѣсь набираютъ вольницу и хотятъ крѣпко стоять за вѣру православную; вотъ я помолился святымъ угодникамъ, да и тягу изъ села: а сиротъ Господь Богъ не покинетъ.

— Послушай, молодецъ!—сказалъ Юрій, я не хочу, чтобъ ты шелъ для меня на вѣрную смерть. Какъ можно теперь переходить Волгу!

— А почему нѣтъ, бояринъ? Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Авось перейду!

— А если ты утонешь?

— Что на роду написано, того не миновать. Дайте-ка мнѣ багоръ.

— На, молодецъ!—сказалъ сѣдой рыбакъ. Да полно, за свое ли дѣло берешься?

— Авось! Богъ милостивъ!

— Нѣтъ, я не допущу тебя!...—вскричалъ Юрій.

— Ой-ли! Такъ лови-жъ меня, бояринъ,—сказалъ Хомякъ, перепрыгнувъ черезъ закраину.

— Держись правѣй! — закричалъ сѣдой рыбакъ.— Вотъ такъ!... Эй, смотри, не становись на эту льдину, не сдержитъ!... Ай да парень!... Хорошо, хорошо!... отталкивайся живѣй!... багромъ-то, братъ, багромъ!... Не туда, не туда! постой!.. Ну сбился!... Не быть пути!...

— Ахти!—вскричалъ Алексѣй,—сорвался... упалъ въ воду!... Ахъ батюшки!... тонетъ, сердечный!...

— Ну, ребята!—сказалъ старикъ,—не правду ли я говорилъ?... Что нынче за народъ: ни силы, ни проворства... Смотри! какъ ключъ ко дну пошелъ.

— Вынурнулъ!—закричалъ Кирша.—Не робѣй, товарищъ, не робѣй!

— Что толку, что вынурнулъ! — возразилъ сѣдой рыбакъ. Его какъ разъ затретъ льдинами. Какъ нѣтъ снаровки, такъ смѣлостью не возьмешь...

— Кондратьичъ! Кондратьичъ! — закричалъ одинъ изъ молодыхъ рыбаковъ; — глядь-ка... справился!

— И впрямь справился... Смотри, пожалуй!

— Эва, какъ пошелъ!... — продолжалъ молодой парень; со льдины на льдину!... Ну, хватъ дѣтина!... А что ты думаешь... дойдетъ, точно дойдетъ!

— Богъ вѣсть!... — сказалъ старикъ, покачивая головою. Вишь какой торопыга! словно по полю бѣжитъ! Смотри, вплавь пошелъ!... Дѣло!... дѣло!... Лихо, молодецъ! Знатно!... Вотъ это по нашенски!

Крестьянинъ былъ уже на срединѣ рѣки. Ободряе-

мый криками и похвалами, которые долетали до него съ противоположнаго берега, онъ удвоилъ усилія, перепрыгивалъ съ одной льдины на другую, переправлялся плавь тамъ, гдѣ ледъ шелъ рѣже, и наконецъ, борясь ежеминутно съ смертію, достигъ пристани, гдѣ былъ встрѣченъ радостными восклицаніями необъятной толпы народа. Взойдя на берегъ, онъ отряхнулся, помолился на соборные храмы, потомъ, оборотясь назадъ, отвѣсилъ низкій поклонъ рыбакамъ и Юрію, которые, махая шапками, привѣтствовали его громкимъ крикомъ. Черезъ нѣсколько минутъ большой досчаникъ отчалилъ отъ берега и, приставъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидались проѣзжіе, перевезъ ихъ съ немалымъ трудомъ и опасностію на городскую сторону Волги. Юрій, желая наградить безстрашнаго крестьянина, искалъ его нѣсколько времени въ толпѣ народа; но его уже не было на пристани. Заплатя щедрою рукою за перевозъ, Милославскій разспросилъ, гдѣ живетъ бояринъ Истома-Туренинъ, и отправился къ нему въ домъ въ провожаніи Кирши и Алексѣя.

Чтобъ подняться на гору, Милославскій долженъ былъ проѣхать мимо Благовѣщенскаго монастыря, при подошвѣ котораго соединяется Ока съ Волгою. Пріостановясь на минуту, чтобъ полюбоваться прелестнымъ мѣстоположеніемъ этой древней обители, онъ замѣтилъ полуодѣтаго нищаго, который, на песчаной косѣ, противъ самыхъ монастырскихъ воротъ игралъ съ дѣтьми и, казалось, забавлялся не менѣе ихъ. Увидѣвъ проѣзжихъ, нищій сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ, отъ которыхъ всѣ ребятишки померли со смѣху, и, подбѣжавъ къ Юрію, закричалъ: «Здравствуй Дмитричъ!»

— А! Митя, ты здѣсь! Когда ты успѣлъ?!...

— Эко диво... Шелъ, шелъ да и пришелъ. Завтра, братъ, здѣсь пиръ во весь міръ, такъ я торопился.

— Какой пиръ?

— А вотъ самъ увидишь. Жаль мнѣ тебя, сердечный! Для всѣхъ будетъ праздникъ, а для тебя будни.

— Какъ такъ, Митя?... Развѣ я не православный?

— Вотъ то-то и горе, Дмитричъ: ты чай, справляешь праздники по московскимъ святцамъ?

— Я тебя не понимаю.

— Мало ли чего ты не понимаешь! Самъ виноватъ: не спѣшить было молодцу, не пришлось бы каяться! А у кого ты пристанешь, Дмитричъ?...

— У боярина Истомы-Туренина.

— Ай да хватъ! Смотри, пожалуй! Изъ огня, да въ полымя!... Ну, Дмитричъ! держи ухо востро!... Ты, чай, знаешь, гдѣ сказано: «будьте мудри яко зміи и цѣли яко голубіе?» Смотри, не поддавайся! Андрюшка Туреничъ уменъ... поднесетъ тебѣ сладенькаго, ты разлакомишься, выпьешь чарку, другую... а какъ зашумитъ въ головушкѣ, такъ и горькое покажется сладкимъ: да каково-то съ похмѣлья будетъ!... Станешь каяться, да поздно!

— Спасибо, Митя! Я не забуду твоихъ совѣтовъ. Но мнѣ пора...

— Съ Богомъ, голубчикъ, ступай!... Да слушай, молодецъ: какъ будешь у Сергія, такъ помолись и за меня. Смотри, не забудь!

Сказавъ эти слова, юродивый принялся опять играть съ ребятишками; а Милославскій, поднявшись въ гору, въѣхалъ Ивановскими воротами въ городъ. Первый проходящій показалъ ему, недалеко отъ городской площади, домъ боярина Истомы. Наружность его ничѣмъ не отличалась отъ другихъ домовъ, которые вообще были низки и некрасиво построены. Въ небольшой передней комнатѣ встрѣтился Юрію опрятно одѣтый слуга, и когда Милославскій сказалъ ему свое имя, то, попросивъ его пообождать, онъ пошелъ тотчасъ съ докладомъ къ боярину. Двери черезъ минуту отворились,

и хозяинъ съ распростертыми объятіями выбѣжалъ на встрѣчу къ своему гостю.

— Милости просимъ, Юрій Дмитричъ!—воскликнулъ онъ, обнимая Милославскаго.—Добро пожаловать!... Ну, могъ ли я ожидать такой радости?!.. Сынъ друга моего!... Милое дитя, которое столько разъ я няньчилъ на рукахъ моихъ?.. Милославскій у меня въ дому!... Ахъ, мой родимый! Да какъ же ты выросъ!... какимъ сталъ молодцомъ!... Эй, Парменъ!.. Никаноръ!.. накрывайте на столъ!.. Накормите слугъ дорогаго гостя, велите убрать лошадей. Да принесите сюда бутылочку инбирнаго меда.... Садись, мой ясный соколъ!... Садись, мой красавецъ! Какъ двѣ капли воды—вылитый батюшка.... дай Богъ ему царство небесное! Кабы ты зналъ, Юрій Дмитричъ, какъ мы были съ нимъ дружны!...

— Не погнѣвайся, Андрей Никитичъ! я что-то не помню....

— Да какъ тебѣ и помнить! Ты былъ еще груднымъ ребенкомъ, какъ я жилъ въ Москвѣ и водилъ хлѣбъ-соль съ твоимъ батюшкою. То-то былъ столбовой русскій бояринъ! Терпѣть не могъ поляковъ! Бывало, какъ схватится съ Кривымъ-Салтыковымъ, который всегда стоялъ грудью за этихъ ляховъ, такъ святыхъ вонъ выноси! Не то бы было, еслибъ онъ еще здравствовалъ! Не пировать бы иновѣрцамъ на святой Руси!... Эхъ! какъ подумаю, до чего мы дожили Юрій Дмитричъ!—промолвилъ бояринъ, утирая текущія изъ глазъ слезы, такъ сердце кровью и обливается!... Прогнѣвили мы, грѣшные, Господа Бога!....

Юрій не могъ опомниться отъ удивленія. Онъ не сомнѣвался, что найдетъ въ пріятелѣ Шалонскаго посѣдѣвшаго въ дѣлахъ, хитраго старика, всей душой привязаннаго къ полякамъ; а вмѣсто того видѣлъ передъ собою человѣка, лѣтъ пятидесяти, съ самой привлекательной наружностью, и съ такимъ простодуш-

ними соглашаться? Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, начнетъ орать пуще всѣхъ!... Вотъ до чего мы дожили!

— Однакожъ, бояринъ, видно этотъ мясникъ чѣмъ ни есть заслужилъ такую довѣренность своихъ сограждан?

— Вѣстимо чѣмъ: онъ мужикъ ражій, голосъ какъ изъ бочки; а на площади, межъ глупаго народа, тотъ и правъ, кто горланитъ больше другихъ.

— Когда же я могу имѣть свиданіе съ здѣшними сановниками?

— Завтра мы сберемся всѣ для этого у князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго.

— И ты надѣешься, что слова мои подѣйствуютъ?

— Богъ вѣсть. Начнутъ, пожалуй, говорить, зачѣмъ королевичъ Владиславъ не ѣдетъ въ Москву? Зачѣмъ поляки разоряютъ нашу землю? Зачѣмъ король Сигизмундъ беретъ Смоленскъ? Зачѣмъ то, зачѣмъ другое? Всего не переслушаешь. А кто корень всему злу?... Бывшій патріархъ Гермогенъ. Этотъ крамольный чернецъ вѣчно шелъ поперекъ всѣмъ умнымъ боярамъ. Да вотъ, хоть при постриженіи въ иноки Василья Шуйскаго: онъ одинъ его отстаивалъ, и когда Шуйскій не сталъ отвѣчать во время обряда, и родственникъ мой, князь Василій Туренинъ, произносилъ за него всѣ обѣты, то знаешь ли, что сдѣлалъ Гермогенъ? Провозгласилъ на ектиньѣ Шуйскаго — благовѣрнымъ царемъ Русскимъ, а родственника моего, Туренина — новопостриженнымъ инокомъ Василіемъ! Каково это тебѣ покажется?... Да что и говорить! Сами виноваты: вѣдь охота же была мирволить! Какъ бы съ первыхъ поровъ святѣйшаго Игнатія опять въ патріархи, а Гермогена на смиреніе въ Соловки, такъ давнымъ бы давно все пришло въ порядокъ.

— Не всѣ такъ думаютъ о святѣйшемъ Гермогенѣ, *бояринъ;* я первый чту его высокую душу и христіан-

[redacted]

скія добродѣтели. Еслибъ мы всѣ такъ любили наше отечество, какъ сей благочестивый мужъ, то не пришлось бы намъ искать себѣ Царя среди иноплеменныхъ... Но что прошло, того не воротишь.

— Конечно, что прошло, то прошло!... Но вотъ намъ несутъ поужинать. Не взыщи, дорогой гость, на убогость моей трапезы! Чѣмъ богаты тѣмъ и рады: сегодня я ѣмъ постное. Ты, можетъ быть, не понедѣльничаешь, Юрій Дмитричъ? И на что тебѣ! не всѣ должны съ такимъ упорствомъ измозжать плоть свою, какъ я — многогрѣшный. Садись-ка, мой родимый, да похлебай этой ушицы. Стерляжья, батюшка! У меня свой садокъ, и не только стерляди, осетры никогда не переводятся.

Послѣ сытнаго ужина, за которымъ хозяинъ не слишкомъ изнурялъ свое грѣховное тѣло, Юрій, простясь съ бояриномъ, пошелъ въ отведенный ему покой. Алексѣй сказалъ ему, что Кирша ушелъ со двора и еще не возвращался. Милославскій уже ложился спать, какъ вдругъ запорожецъ вошелъ въ комнату.

— Я пришелъ проститься съ тобою, бояринъ! сказалъ онъ. Ты вѣрно здѣсь не останешься, а я остаюсь.

— Дай Богъ тебѣ всякаго счастія, добрый Кирша! Я никогда не забуду услугъ твоихъ!

— Я также, бояринъ, вѣчно стану помнить, что безъ тебя спалъ бы и теперь еще непробуднымъ сномъ въ чистомъ полѣ. И еслибъ ты не ѣхалъ назадъ въ Москву, то я ни за что бы тебя не покинулъ. А что, Юрій Дмитричъ! неужели-то у тебя сердце лежитъ больше къ полякамъ чѣмъ къ православнымъ? Эй, останься здѣсь, бояринъ!

Юрій вздохнулъ и не отвѣчалъ ни слова. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ Киршу: причемъ онъ остается въ Нижнемъ?

— Я встрѣтилъ на площади, отвѣчалъ запорожецъ,

казацкаго старшину, Смагу-Жигулина, котораго знавалъ еще въ Батуринѣ: онъ обрадовался мнѣ, какъ родному брату, и беретъ меня къ себѣ въ эсаулы. Кабы ты зналъ, бояринъ, какъ у всѣхъ ратныхъ людей, которые валомъ валятъ въ Нижній, кипитъ въ жилахъ кровь молодецкая! Только и думушки, чтобъ идти въ бѣлокаменную, да порѣзаться съ поляками. За однимъ дѣло стало: старшаго еще не выбрали, а если нападутъ на удалаго воеводу, такъ ляхамъ не сдобровать!

— Но развѣ ты думаешь, Кирша, что всѣ тѣ, которые цѣловали крестъ Владиславу, не станутъ защищать своего законнаго Государя?

— Да вѣдь присяга-то была со всячинкою, Юрій Дмитричъ; кто волею, кто изъ-подъ палки!

— Какъ бы то ни было, но я не теряю надежды. Можетъ быть, нижегородцы склонятся на мирныя предложенія пана Гонсѣвскаго, и когда Владиславъ сдержитъ свое царское слово и пріѣдетъ въ Москву...

— Такъ не за что будетъ и драться... Оно такъ, бояринъ! да нашему-то брату что дѣлать тогда? Не землю же пахать въ самомъ дѣлѣ!

— А для чего же и не такъ! Одни разбойники живутъ бѣдствіями мирныхъ гражданъ. Нѣтъ, Кирша, пора намъ образумиться и перестать губить отечество въ угоду крамольныхъ бояръ и упитанныхъ кровію нашей грабителей, пановъ Сапѣги и Лисовскаго, которыхъ давно бы не стало съ ихъ разбойничьими шайками, еслибъ русскіе не враждовали сами другъ на друга.

— Можетъ статься, ты и дѣло говоришь, Юрій Дмитричъ, — сказалъ Кирша, почесывая голову,—да удальство-то насъ заѣло! Ну, какъ сидѣть весь вѣкъ поджавши руки? Съ тоски умрешь! . Правда, намъ *запорожцамъ* есть чѣмъ позабавиться: татары-то крым-

скіе подъ бокомъ, а все охота забираетъ помѣриться съ ясновельможными поляками... Однакожъ, бояринъ, тебѣ пора, чай, отдохнуть. Говорятъ, завтра ранехонько будетъ на площади какое-то сходбище; чай, ты захочешь послушать, о чемъ нижегородцы толковать станутъ.

Милославскій распрощался съ Киршею, и, не смотря на усталость, провелъ большую часть ночи, размышляя о своемъ положеніи, которое казалось ему вовсе незавиднымъ. Какъ ни старался Юрій увѣрить самаго себя, что, преклонивъ къ покорности нижегородцевъ, онъ исполнитъ долгъ свой и спасетъ отечество отъ бѣдствій междоусобной войны, но, не смотря на всѣ убѣжденія холоднаго разсудка, онъ чувствовалъ, что охотно бы отдалъ половину своей жизни, еслибъ могъ предстать предъ гражданъ нижегородскихъ не посланникомъ пана Гонсѣвскаго, но простымъ воиномъ, готовымъ умереть въ рядахъ ихъ за свободу и независимость Россіи.

IV.

Заря еще не занималась; все спало въ Нижнемъ-Новгородѣ; во всѣхъ домахъ и среди опустѣлыхъ его улицъ царствовала глубокая тишина, и только изрѣдка на боярскихъ дворахъ ночные сторожа, стуча сонной рукою въ чугунныя доски, прерывали молчаніе ночи. Въ этотъ часъ, посвященный всеобщему покою, какой-то человѣкъ высокаго роста, закутанный съ ногъ до головы въ черный охобень, пробирался, какъ ночной тать, вдоль по улицѣ, стараясь примѣтнымъ образомъ держаться какъ можно ближе къ заборамъ домовъ. Казалось, малѣйшій шорохъ пугалъ его: онъ останавливался, робко посматривалъ вокругъ себя и наконецъ,

[illegible]

Темноголубыя небеса становились час-отъ-часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ заалѣлъ и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня,—въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ: «умремъ за вѣру православную и святую Русь!»

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще и чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности и—все ожило въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ! — вскричалъ Алексѣй, вскочивъ съ своей постели. Онъ подбѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ уже его господинъ. «Чтобъ это значило? —продолжалъ онъ: къ заутрени что-ль?... Нѣтъ! это не благовѣстъ!... Точно бьютъ... въ набатъ!... Ну, вотъ и народъ зашевелился!... Глядь-ка, бояринъ!... всѣ бѣгутъ сюда... Экъ ихъ высыпало!... Да этакъ [illegible]ю и на улицу не продерешься»!

— Одѣвайся, Юрій Дмитричъ, — сказалъ Истома-Туренинъ, войдя въ ихъ покои.—Пойдемъ посмотрѣть, что тамъ еще этотъ глупый народъ затѣваетъ?

Въ двѣ минуты Милославскій и слуга его были уже совсѣмъ одѣты. Они съ трудомъ могли выйдти за ворота дома: вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кипѣла народомъ.

— Тише, дѣтушки, тише!—говорилъ, запыхавшись, одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ-руки: дайте духъ перевести!

— Ну, отдохни, дѣдушка! — сказалъ одинъ изъ внучатъ; — да только поскорѣе, а то какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ лобному мѣсту.

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Миничъ,—подхватилъ другой внукъ. — Ну, что отдохнулъ ли, родимый?

— Ухъ, батюшки!... Погодите!... Вовсе уморился!

— Напрасно, дѣдушка, ты не остался дома.

— Что ты, дитятко, побойся Бога! Остаться дома. когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ животъ свой положить за матушку святую Русь!... Да еслибы и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ-бы приползъ на городску площадь.

— Постой-ка!.. Да вотъ и батюшка! — сказалъ первый внукъ.—Втроемъ-то мы тебя и на рукахъ несемъ.

Сынъ и двое внучатъ, подхватя на руки старика, пустились почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что-жъ ты отстаешь, жена, — сказалъ, пріостановясь, небольшаго роста, но плотный посадскій, обратясь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ сталости, бѣжа вслѣ- нимъ.

— Задохнулась, Терентій Никитичъ... Видитъ Богъ, задохнулась!

— Вотъ то-то-же! и зачѣмъ тебя нелегкая понесла! Сидѣла бы дома на печи...

— И, батюшка! да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда идти на супостатовъ

— И ты пойдешь, Терентій Никитичъ?

— А какъ же? Развѣ я не такой же православный, какъ и всѣ?...

— А ребятишки-то наши! На кого ихъ покинешь?... Вѣдь малъ-мала меньше!

— Да жаль, что маленьки! Правда, старшему двѣнадцать годковъ, такъ онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка!... Ты хочешь?...

— А чтожъ? Не подыметъ рогатины, такъ съ ножемъ пойдетъ: авось хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправитъ: и то бы слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлынувъ рѣкою изъ поперечной улицы, увлекла съ собою посадскаго и жену его.

— Какъ бурное море шумѣлъ и волновался народъ на городской площади, бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные—всѣ тѣснились вокругъ лобнаго мѣста: на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: «Вотъ Козьма Миничъ! Глядите, вонъ онъ!» и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространятся по всей площади, шумъ отдалялся, глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и чрезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе!—началъ такъ безсмертный Мининъ.—Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и раззорѣніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ наполнять землю Русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя многоцѣлебныя мощи, Петра, Алексія, Іовы и всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ! — загремѣли тысячи голосовъ. Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!

— И такъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!... Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго; едва излечившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! хотите ли имѣть его главою? любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій?

— Хотимъ! хотимъ! онъ любъ намъ!—воскликнулъ народъ, волнуясь часъ-отъ-часу болѣе.

— Граждане и братія!—продолжалъ Мининъ.—Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земнаго? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все злато и серебро; а если мало

и сего, продадимъ все имущество, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю! продолжалъ онъ, бросивъ на лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетою; и пусть выступитъ желающій купить мой домъ—съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду, а я самъ, мы всѣ, вся кровь наша—земскому дѣлу и всей земли Русской?

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса. Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую! воскликнулъ весь народъ. Въ эту минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и Печерскій архимандритъ Ѳеодосій, въ провожаніи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на лобное мѣсто. Раздался громкій благовѣстъ. Іереи запѣли соборомъ: «Царю небесный! Утѣшителю душе истинный!» и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когда-жъ, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: «Господи Боже нашъ, Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ...» народъ палъ ницъ, зарыдалъ и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: «да спасетъ Господь царство Русское!» По окончаніи молебствія Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивши святой водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь

палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами и посрамится врагъ нечестивый и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы, не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи, грядите во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена! Кто противъ васъ? Кто противъ Господа силъ?»

О, какъ не достаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земнаго усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго, чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное чувство! Оно слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви, къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ лобнаго мѣста возвышались горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи, мѣшокъ мѣдной монеты—подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равной ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно эти дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось.

Старинный нашъ знакомецъ, Алексѣй, находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніями вокругъ лобнаго мѣста. Обшаривъ свои кар-

маны и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ монетъ, онъ снималъ уже съ себя серебряный крестъ, какъ вдругъ кто-то, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Нѣтъ, братъ! не разставайся съ отцовскимъ благословеніемъ; я положу и за тебя и за себя.

— А, это ты, Кирша!—сказалъ Алексѣй.—Какъ! и ты хочешь класть?

— Да, товарищъ! Вотъ въ этомъ мѣшечкѣ все, что я накопилъ; да Богъ съ нимъ! Жаль только, что мало!... Эге, любезный, ты все еще ревешь! Полно, братъ, что ты расхныкался, словно малый ребенокъ!

— А ты самъ развѣ не плачешь?—отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? я? Вотъ вздоръ какой!—вскричалъ запорожецъ, утирая рукавомъ свои глаза.—А что ты думаешь! продолжалъ онъ, никакъ въ самомъ дѣлѣ! Кой прахъ! что это, братъ, Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ въ Запорожской Сѣчи гулять и веселиться! пьешь, бывало, безъ просыпу цѣлую недѣлю, и хоть нельзя сказать, чтобъ было очень весело, а пляшешь и поешь съ утра до вечера. Теперь же, ну вѣришь ли Богу, такъ сердце отъ радости выскочить и хочетъ, а вовсе не до пѣсенъ: все бы плакалъ... да и всѣ также, на кого не посмотришь... что за диво такое!

Въ самомъ дѣлѣ, все многолюдное собраніе народа составляло въ эту минуту одно благочестивое семейство! не слышно было громкихъ восклицаній; проливая слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ, всѣ съ братской любовію обнимали другъ друга... Но кто этотъ отверженный? Кто стоитъ поодаль отъ всей толпы, съ померкшимъ взоромъ, съ отчаяніемъ на челѣ, блѣдный, полумертвый, какъ преступникъ, идущій на казнь, какъ блудный сынъ, взирающій издалека на пирующихъ своихъ братьевъ!... Ахъ, это Юрій Мило-

славскій! это тотъ, кто отдалъ бы тысячу жизней за то, чтобъ воскликнуть вмѣстѣ съ другими: «умремъ за вѣру православную и святую Русь!» Не смотря на приглашеніе боярина Истомы, который, заливаясь слезами, кричалъ громче всѣхъ: «идемъ къ матушкѣ Москвѣ!» Юрій не хотѣлъ подойти вмѣстѣ съ нимъ къ лобному мѣсту. Онъ не видѣлъ Минина, не слышалъ словъ его; но видѣлъ общій восторгъ народа, видѣлъ радостныя слезы, усердныя мольбы всѣхъ русскихъ, и какъ отступникъ отъ вѣры отцовъ своихъ, не смѣлъ молиться вмѣстѣ съ ними. Ему казалось, что каждый гражданинъ нижегородскій, проходя мимо его, готовъ былъ сказать: «Презрѣнный рабъ Владислава! чего ты хочешь отъ свободныхъ сыновъ Россіи?... Бѣги! не оскверняй своимъ присутствіемъ сіе священное торжество вѣры и любви къ отечеству! Ты не русскій, ты не сынъ Милославскаго!» Тутъ вспомнилъ Юрій послѣднія слова умирающаго своего родителя. Благословляя его охладѣвшею уже рукою, онъ сказалъ: «Юрій! держись вѣры православной, не своди дружбы съ врагами нашего отечества и не забывай, что Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!»

— Такъ!—вскричалъ несчастный юноша,—присутствіе мое при семъ торжествѣ есть оскверненіе святыни! Я не могу, я не долженъ оставаться здѣсь долѣе!

Онъ поспѣшилъ оставить площадь, но на каждомъ шагу встрѣчались ему толпы гражданъ, несущихъ свои имущества, вездѣ раздавались поздравленія, на всѣхъ лицахъ сіяла радость. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очнулся наконецъ въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи, и не видя никого вокругъ себя, сѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ воротъ небольшой хижины. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько женщинъ и почти столѣтній старикъ подошли къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Юрій. Старикъ сѣлъ возлѣ него.

— Какъ это, господинъ честной!—сказалъ онъ.—ты здѣсь! а не площади?

— Я сейчасъ оттуда,—отвѣчалъ Юрій.

— И я на старости ходилъ. Слава Богу, кой-какъ дотащился, теперь готовъ умереть хоть завтра! Да и пора костямъ на покой!

— Ты, я думаю, очень старъ, дѣдушка?—спросилъ Юрій, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Да, молодецъ, безъ малаго годовъ сотню прожилъ, а на всемъ вѣку не бывалъ такъ радостенъ, какъ сегодня. Благодареніе Творцу Небесному, очнулись наконецъ православные!... Эхъ, жаль! кабы Господь продлилъ дни бывшаго воеводы нашего, Дмитрія Юрьевича Милославскаго, то-то былъ бы для него праздникъ!... Дай Богъ ему царство небесное! столбовой былъ русскій бояринъ! .. Ну, да если не здѣсь, такъ тамъ, онъ вмѣстѣ съ нами радуется!

— Я слышала, дѣдушка,—сказала одна изъ женщинъ,—что у него есть сынъ!

— Какъ же! Помнится, Юрій Дмитріевичъ. Если онъ пошелъ по батюшкѣ, то вѣрно будетъ нашимъ гостемъ и въ Москвѣ съ поляками не останется. Нѣтъ, дѣтушки? *Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!*

— Ахти!—вскричала одна изъ женщинъ, что это съ молодцомъ сдѣлалось? Никакъ онъ полоумный... Смотри-ка, дѣдушка, какъ онъ пустился отъ насъ бѣжать! Прямехонько къ Волгѣ... Ахъ Господи, Боже мой! долго ли до грѣха! какъ съ дуру-то нырнетъ въ воду, такъ и поминай какъ звали!

Какъ громомъ пораженный послѣдними словами старика, Юрій, не видя ничего передъ собою, не зная самъ, что дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой улицѣ, ведущей къ Волгѣ. Въ ушахъ его раздавались слова умирающаго отца; ему казалось, что его преслѣдуютъ,

что кто-то называетъ его по имени, что множество голосовъ повторяютъ: «Вотъ онъ! вотъ Милославскій». Вся кровь застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему послышалось, что вслѣдъ за нимъ прогремѣлъ ужасный голосъ: «да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!» Волосы его стали дыбомъ, смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ Волги, на краю утесистаго берега, застроеннаго обширными сараями.

Солнце было уже высоко, когда Милославскій очнулся; подлѣ него стоялъ Алексѣй. «Слава тебѣ Господи!—вскричалъ онъ, замѣтивъ, что Юрій пришелъ въ себя.—Ну, перепугалъ ты меня, бояринъ! Что это съ тобою сдѣлалось?»

— Гдѣ я? — спросилъ Милославскій, взглянувъ съ удивленіемъ вокругъ себя.

— На берегу Волги. Какъ помиловалъ тебя Господь, Юрій Дмитричъ? и что съ тобою сдѣлалось? Мнѣ сказали на площади, что ты пошелъ внизъ подъ гору, я за тобой слѣдомъ; гляжу: сидишь смирнехонько подлѣ какого-то старичка; вдругъ какъ будтобъ тебя чѣмъ обожгло, какъ вскочишь, да ударишься бѣжать! я за тобой, а ты пуще! я ну кричать: «постой, Юрій Дмитричъ, постой! не бѣги!» а ты пуще... Ну, вѣришь ли, осипъ кричавши: «куда бояринъ, куда?» Гляжу, прямо къ Волгѣ... сердце у меня замерло!... Да, слава Богу, что тебя обморокъ сшибъ, прежде чѣмъ ты успѣлъ добѣжать до рѣки. И то бѣда, ужъ оттиралъ, оттиралъ тебя... и водой прыскалъ, и виномъ теръ... насилу-то очнулся. Да что это, бояринъ, съ тобою попритчилось?

— Такъ, Алексѣй, ничего! Теперь мнѣ лучше. Но скажи... мнѣ помнится, я слышалъ чей-то голосъ... кто возлѣ меня предавалъ проклятію измѣнника?

— Какого измѣнника, бояринъ? Я ничего не слышалъ.

— Ничего?... А что за народъ толпится вокругъ этихъ сараевъ?... О чемъ они говорятъ?... Чу! слышишь? Они называютъ меня по имени.

— И, нѣтъ, Юрій Дмитричъ! Это тебѣ чудится. Развѣ не видишь, сюда складываютъ все, что нижегородцы нанесли на площадь.

— На площадь?. . Я также былъ на площади?...

— Какъ же, бояринъ!

Юрій провелъ рукою по глазамъ и, какъ будто пробудившись отъ глубокаго сна, сказалъ: «Да, да! теперь я вспомнилъ.. Мы остановились здѣсь у боярина Истомы-Туренина...»

— Да, Юрій Дмитричъ, и, чай, онъ ждетъ тебя къ обѣду.

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги и только что хотѣлъ идти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ: «Здравствуй, бояринъ! Милости просимъ! добро пожаловать къ намъ въ Нижній-Новгородъ!

Милославскій невольно вздрогнулъ и, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну вотъ, не отгадалъ ли я!—продолжалъ незнакомецъ: Богъ привелъ намъ опять увидѣться.

— Такъ это ты!—вскричалъ Алексѣй.—Я было и на площади призналъ тебя, да боялся вклепаться. Ну, Козьма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровье! красно ты говоришь!

— Какъ!—сказалъ Юрій, — ты тотъ знаменитый гражданинъ?...

— И, бояринъ! я просто гражданинъ нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ,

отдавали свои имущества? На мнѣ хоть это платье осталось, а другой послѣднюю одеженку притащилъ на площадь: такъ мнѣ ли хвастаться, бояринъ!

— Но развѣ не ты первый?...

— Ну, да... я первый заговорилъ—такъ что-жъ?... Велико дѣло!... Нельзя-же всѣмъ разомъ говорить. Не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой, такъ третій... А скажи-ка, бояринъ, ужъ не хочешь ли и ты пристать къ намъ? Ты цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу, а душа-то въ тебѣ все-таки русская.

— Къ несчастію, ты говоришь правду! — сказалъ со вздохомъ Юрій.

— А почему-жъ къ несчастью? Скажи, легко-ль тебѣ было присягать Польскому королевичу?

— Ахъ!... видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего-жъ ты это сдѣлалъ?

— Для того, что былъ увѣренъ и теперь еще... да, и теперь еще надѣюсь, что этой жертвою мы спасемъ отъ гибели наше отечество.

— Вотъ видишь ли: все-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасенку, бояринъ. Одинъ мужичокъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него было три сына: меньшій, думая, что онъ одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ; между тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ, и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды и чуть было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ или, лучше сказать, пасынокъ; онъ не просилъ помощи, да и самъ не думалъ спасать утопающаго отца, а разсчитывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какая придется ему часть изъ отцовскаго наслѣдія. Какъ ты думаешь, бояринъ, хоть меньшему сыну и не зачто сказать спасибо, а по мнѣ все-таки честнѣе быть имъ, чѣмъ пасынкомъ?

Юрій молча пожалъ руку Минина, который продолжалъ:

— Чему дивиться, что ты связалъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ, когда вся Москва сдѣлала то же самое. Да вотъ хоть, напримѣръ, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій изволилъ мнѣ сказать, что сегодня у него въ дому сберутся здѣшніе бояре и старшины, чтобъ выслушать гонца, который присланъ къ намъ съ предложеніемъ отъ пана Гонсѣвскаго. И какъ ты думаешь, кто этотъ довѣренный человѣкъ злѣйшаго врага нашего?... Сынъ бывшаго воеводы нижегородскаго, боярина Милославскаго.

— Да это господинъ мой!—вскричалъ Алексѣй.

— Какъ! такъ это ты, Юрій Дмитричъ? — сказалъ Мининъ, снявъ почтительно свою шапку и устремивъ на Милославскаго взоръ, исполненный душевнаго состраданія. Ну, жаль мнѣ тебя! Кому другому, а тебѣ куда должно быть тяжело, бояринъ!

— Я исполню долгъ свой, Козьма Миничъ, — отвѣчалъ Юрій. Я не могу поднять оружія на того, кому клялся въ вѣрности; но никогда руки мои не обагрятся кровію единовѣрцевъ; и если междоусобная война неизбѣжна, то... Тутъ Милославскій остановился; глаза его заблистали...—Да! продолжалъ онъ, я далъ обѣтъ служить вѣрой и правдой Владиславу; но есть еще клятва, предъ которой ничто всѣ обѣщанія и клятвы земныя... Такъ! самъ Господь ниспослалъ мнѣ эту мысль: она оживила мою душу!...

Въ самомъ дѣлѣ, давно уже лицо Милославскаго не выражало такой твердой рѣшимости и спокойствія. Вся бодрость его возвратилась.

— Прощай, почтенный гражданинъ!—сказалъ онъ Минину. Я спѣшу теперь въ домъ боярина Туренина и чрезъ нѣсколько часовъ явлюсь вмѣстѣ съ нимъ *предъ* лицомъ сановниковъ нижегородскихъ, въ числѣ

которыхъ надѣюся увидѣть и тебя. Повторяю еще разъ: я исполню долгъ мой; но... прошу тебя—не осуждай меня прежде времени!

V.

Часу въ шестомъ по полудни Юрій и бояринъ Туренинъ отправились въ домъ къ князю Черкасскому. Проходя городскую площадь, на которой никого уже не было, Туренинъ сказалъ Юрію:

— Насилу-то это дурачье угомонилось! Я, право, думалъ, что они до самой ночи протолкаются на площади. Куда, подумаешь, народъ-то глупъ! Сгоряча рады отдать все; а тамъ, какъ самимъ перекусить нечего будетъ, такъ и заговорятъ другимъ голосомъ. Небойсь, уймутся кричать: «пойдемъ къ матушкѣ Москвѣ!»

— Но, кажется, бояринъ, —сказалъ Юрій,—и ты кричалъ вмѣстѣ съ другими!

— Съ волками надо выть по-волчьи, Юрій Дмитричъ; и у кого свой царь въ головѣ, тотъ не станетъ плыть въ бурю противъ воды. Да и сговоришь ли съ цѣлымъ народомъ! Вотъ теперь дѣло другое: можно будетъ и потолковать и посудить. Смотри, Юрій Дмитричъ, говори смѣло! Я знаю напередъ, что пуще всѣхъ будетъ противъ мира князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, да Григорій Образцовъ: первый потому, что сынъ князя Мамстрюка и такой же какъ онъ чеченецъ — ему бы все рѣзаться; а второй оттого, что природный нижегородецъ и терпѣть не можетъ поляковъ. Съ другими-то сговорить еще можно; правда, они позвали Козьму Сухорукаго, а этотъ нахалъ станетъ теперь горланить пуще прежняго.

— Позволь сказать, бояринъ; мнѣ кажется, онъ человѣкъ скромный.

— Кто? онъ? Что ты! Иль забылъ, что его наименовали выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Такъ ему, чай, теперь чортъ не братъ! Чего добраго, заломается въ первое мѣсто... Но вотъ и домъ князя Дмитрія Мамстрюковича...

Пройдя широкимъ дворомъ, посреди котораго возвышались обширныя, по тогдашнему времени, каменныя палаты князя Черкасскаго, они добрались, по узкой и круглой лѣстницѣ, до первой комнаты, гдѣ, оставивъ свои верхнія платья, вошли въ просторный покой, въ которомъ за большимъ столомъ сидѣло человѣкъ около двадцати. Съ перваго взгляда можно было узнать хозяина дома, сына знаменитаго Черкасскаго князя, по его выразительному смуглому лицу и большимъ чернымъ глазамъ, въ которыхъ блистало все неукротимое мужество дикихъ сыновъ неприступнаго Кавказа. По правую руку его сидѣли: татарскій военачальникъ Барай-Мурза Алѣевичъ Кутумовъ, воевода Михайло Самсоновичъ Дмитріевъ, дворянинъ Григорій Образцовъ, нѣсколько старшинъ казацкихъ и дворянъ московскихъ полковъ; по лѣвую сторону сидѣли: бояринъ Петръ Ивановичъ Мансуровъ, стольникъ Ѳедоръ Левашевъ, дьякъ Семенъ Самсоновъ, а нѣсколько поодаль ото всѣхъ, гражданинъ Козьма Миничъ Сухорукій.

Князь Черкасскій встрѣтилъ боярина Туренина и Милославскаго въ дверяхъ комнаты. Сказавъ нѣсколько холодныхъ привѣтствій тому и другому, онъ попросилъ ихъ садиться, и, по данному знаку, вошедшій служитель поднесъ имъ и хозяину по кружкѣ меду.

— Юрій Дмитричъ, — сказалъ князь Черкасскій, поздравляемъ тебя съ счастливымъ пріѣздомъ въ Нижній-Новгородъ; хотя, сказать правду, для всѣхъ насъ было бы радостнѣе выпить этотъ кубокъ за здравіе *сына* Дмитрія Юрьевича Милославскаго, а не послан-

[redacted]

ника отъ поляковъ и вѣрноподданнаго королевича Владислава.

— Князь Дмитрій Мамстрюковичъ,—сказалъ вполголоса бояринъ Мансуровъ,—не забывай нашего уговора: посмотри-ка—его въ жаръ бросило отъ твоихъ рѣчей!

— Не вытерпѣлъ, бояринъ!—отвѣчалъ Черкасскій —Грустно, видитъ Богъ, грустно! Вѣдь я былъ задушевный другъ его батюшкѣ... Юрій Дмитричъ,—продолжалъ Черкасскій, оборотясь къ Милославскому: — бояринъ Истома-Туренинъ извѣстилъ насъ, что ты пріѣхалъ съ предложеніями отъ ляха Гонсѣвскаго, засѣвшаго съ войскомъ въ Москвѣ, которую взялъ обманомъ и лестію богоотступникъ, Лотеръ, и злодѣй гетманъ Жолкѣвскій.

— Да, да, злодѣй гетманъ Жолкѣвскій!—повторилъ Барай-Мурза.

— Гетманъ Жолкѣвскій не злодѣй,—сказалъ Юрій Еслибъ всѣ совѣтники короля Сигизмунда были столь же благородны и честны, какъ онъ, то давно бы прекратились бѣдствія отечества нашего.

— То есть, Владиславъ былъ бы московскимъ воеводою!...—прервалъ князь Черкасскій.

— А мы всѣ рабами короля Польскаго!...—промолвилъ насмѣшливо дворянинъ Образцовъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Юрій, — не воеводою, а самодержавнымъ и законнымъ Царемъ Русскимъ. Жолкѣвскій клялся въ этомъ и сдержитъ свою клятву: онъ не фальшеръ, не злодѣй, а храбрый и честный воинъ.

— Неправда, это ложь!—вскричалъ Черкасскій.

— Да, да, это ложь!—повторилъ Барай-Мурза.

— Ложь противна Господу, бояре!—сказалъ спокойно Юрій;—и вотъ почему должно говорить правду даже и тогда, когда дѣло идетъ о врагахъ нашихъ.

— Защищай, Юрій Дмитричъ, защищай этихъ кро-

вопійцъ! — прервалъ хозяинъ. Да и чему дивиться: свой своему по неволѣ братъ!

— Князь Дмитрій,—шепнулъ бояринъ Мансуровъ, не обижай своего гостя!

— Рабъ Владислава и угодникъ ляха Гонсѣвскаго никогда не будетъ моимъ гостемъ!—вскричалъ съ возрастающимъ жаромъ князь Черкасскій... — Нѣтъ, онъ не гость мой! Я дозволяю ему объявить, чего желаетъ отъ насъ достойный сподвижникъ грабителя Сапѣги; пусть исполнитъ онъ данное ему отъ Гонсѣвскаго порученіе и забудетъ навсегда, что князь Черкасскій былъ другомъ отца его.

— Да, да, пусть онъ говоритъ, а мы послушаемъ! —сказалъ Барай-Мурза, поглаживая свою густую бороду.

— Не забывай, однакожъ, Юрій Дмитричъ,—прибавилъ дворянинъ Образцовъ, бросивъ грозный взглядъ на Юрія, что ты стоишь передъ сановниками нижегородскими и что дерзкой рѣчью оскорбишь въ лицѣ нашемъ весь Нижній-Новгородъ.

— Я буду говорить истину,—сказалъ хладнокровно Юрій, вставая съ своего мѣста.—Бояре и сановники нижегородскіе! Я присланъ къ вамъ отъ пана Гонсѣвскаго съ мирнымъ предложеніемъ. Вамъ уже извѣстно, что вся Москва цѣловала крестъ королевичу Владиславу; гетманъ Жолкѣвскій присягнулъ за него, что онъ испроситъ соизволеніе своего державнаго родителя креститься въ вѣру православную; что не потерпитъ въ землѣ Русской ни латинскихъ костеловъ, ни другихъ иновѣрныхъ храмовъ, и что станетъ, по древнему обычаю благовѣрныхъ Царей Русскихъ, править землею нашею, какъ наслѣдственною своей державою. Не безъизвѣстно также вамъ, что Великій Новгородъ, Псковъ и многіе другіе города стонутъ подъ тяжкимъ игомъ свѣйскаго воеводы, Понтуса; что шайки тушинскаго вора и за-

порожскіе казаки грабятъ и раззоряютъ наше отечество, и что доколѣ оно не изберетъ себѣ главы—не прекратятся мятежи, крамолы и междоусобія. Бояре и сановники нижегородскіе! послѣдуйте примѣру гражданъ московскихъ, цѣлуйте крестъ королевичу Владиславу, не возставайте другъ противъ друга, покоритесь избранному царствующимъ градомъ законному Государю нашему,—и, именемъ Владислава, Гонсѣвскій обѣщаетъ вамъ милость царскую, всякую льготу, убавку податей и торговлю свободную. Я сказалъ все, бояре и сановники нижегородскіе! Избирайте, чего хотите вы...

— Упиться кровію враговъ нашихъ! — вскричалъ Черкасскій;—кровію губителей Россіи, кровію всѣхъ ляховъ!

— Да, да, всѣхъ ляховъ!—повторилъ Барай-Мурза Алеѣевичъ Кутумовъ, поглядывая на Черкасскаго.

— Но русскіе, присягнувшіе въ вѣрности Владиславу...

— Пусть гибнутъ вмѣстѣ съ врагами вѣры православной!—перервалъ хозяинъ

— И такъ,—возразилъ Юрій,—одна жажда крови, а не любовь къ отечеству, бояринъ, заставляетъ тебя поднять оружіе?...

Черкасскій устремилъ сверкающій взоръ на Милославскаго и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ его: «Былъ ли онъ на нижней торговой площади?»— Нѣтъ, отвѣчалъ Юрій, не понимая, къ чему клонится этотъ вопросъ. «Жаль, продолжалъ Черкасскій; ты увидѣлъ бы, что на ней цѣла еще висѣлица, на которой нижегородцы повѣсили измѣнника Вяземскаго [3]). Берегись дерзкою рѣчью напомнить имъ, что не одинъ князь Вяземскій достоинъ этой позорной казни!»

— Князь Дмитрій!... сказалъ бояринъ Мансуровъ, пристало ли тебѣ, хозяину дома!... Побойся Бога!... Сограждане, продолжалъ онъ, вы слышали предложеніе

пана Гонсѣвскаго: пусть каждый изъ васъ объявитъ свободно мысль свою. Бояринъ князь Черкасскій! тебѣ, яко старшему сановнику думы нижегородской, довлѣетъ говорить первому; какой даешь отвѣтъ пану Гонсѣвскому?

— Я ужъ отвѣчалъ,—сказалъ Черкасскій.—Избранный нами главою земскаго дѣла, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской, пусть ведетъ насъ къ Москвѣ! Тамъ станемъ мы отвѣчать гетману; онъ узнаетъ, чего хотятъ нижегородцы, когда мы устелемъ трупами враговъ всѣ поля московскія!

— И такъ ты объявляешь?...

— Непримиримую вражду до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ ляхъ, или предатель дышетъ воздухомъ русскимъ! Мщеніе за погибшихъ братьевъ! кровь за кровь!

Мурза Кутумовъ всталъ съ своего мѣста, погладилъ бороду и началъ:

— Бояре, что сказалъ князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, то говорю и я: вражда непримиримая.., доколѣ хотя одинъ ляхъ или русскій... то есть, предатель... сирѣчь измѣнникъ...

— Довольно, Барай-Мурза, садись!—перервалъ Черкасскій.—Барай-Мурза Алѣевичъ Кутумовъ отвѣсилъ низкій поклонъ всѣмъ присутствующимъ и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Граждане нижегородскіе!—сказалъ кипящій мужествомъ и ненавистью къ полякамъ дворянинъ Образцовъ.—Чего требуетъ отъ насъ этотъ атаманъ разбойничьей шайки, этотъ извергъ, пирующій въ Москвѣ на могилахъ нашихъ братьевъ?... Онъ желалъ бы, чтобъ нижегородцы положили оружіе также, какъ желаетъ хищный волкъ, чтобъ стадо осталось безъ пастыря и защиты. Сигизмундъ даетъ намъ своего сына—и беретъ Смоленскъ, древнее достояніе царей православныхъ! Поляки предлагаютъ намъ миръ—и покрываютъ пеп-

ломъ селъ и городовъ всю землю Русскую! Нѣтъ, сограждане! не царствующій градъ цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу, а плѣнная Москва; не свободные граждане клялись въ вѣрности иноплеменному, но безоружные жители, рабы, отягченные оковами!... и насильственная клятва, данная подъ ножемъ убійцъ, должна служить примѣромъ для вольныхъ сыновъ Нижняго-Новагорода!... Нѣтъ! да будетъ вѣчная вражда между нами и злодѣемъ нашимъ, Сигизмундомъ! Гибель и смерть всѣмъ ляхамъ!

— Гибель и смерть всѣмъ ляхамъ!—повторили Черкасскій, Барай-Мурза и всѣ старшины казацкіе.

— Мужи доблестные и вѣрные сыны отечества!—сказалъ бояринъ Туренинъ, вставая съ своего мѣста.—Нельзя безъ радостныхъ слезъ видѣть ваше рвеніе на защиту земли Русской! И во мнѣ кипитъ желаніе обагриться кровію враговъ нашихъ, и я готовъ идти къ Москвѣ; но прежде всего слѣдуетъ помыслить, чего требуетъ отъ насъ отечество: кровавой мести, или спасенія отъ конечной своей гибели? Великое дѣло, съ малымъ и необученнымъ войскомъ устоять противъ безчисленныхъ враговъ... но Господь укрѣпитъ десницу рабовъ Своихъ, хотя, по тяжкимъ грѣхамъ нашимъ, мы недостойны, чтобъ совершилось надъ нами сіе чудо, и по истинѣ, не должны надѣяться... но милосердіе Всевышняго неистощимо. Пусть будетъ такъ: мы побѣдимъ ненавистныхъ ляховъ; разсѣемъ, какъ прахъ земной, ихъ несмѣтныя ополченія; очистимъ Москву, и, не смотря на то, останемся по прежнему безъ главы, и вящшее тогда постигнетъ насъ бѣдствіе. Каждый знаменитый бояринъ и воевода пожелаетъ быть царемъ русскимъ; начнутся крамолы, возстанутъ новые самозванцы, пуще прежняго польется кровь христіанская, и отечество наше, обезсиленное междоусобіемъ, не могущее противустать сильному врагу, погибнетъ навѣки;

и царствующій градъ, подобно святому граду Кіеву, содѣлается достояніемъ иновѣрцевъ и отчиною короля Свѣйскаго, или врага нашего, Сигизмунда, который теперь предлагаетъ намъ сына своего въ законные Государи, а тогда пришлетъ на воеводство одного изъ рабовъ своихъ. Помыслите, сограждане! что станется тогда съ вѣрою православною? что станется со всѣми нами, когда и имя царства Русскаго изгладится изъ памяти людской!... Я все сказалъ: судите слова мои, бояре и сановники нижегородскіе!

— Бояринъ Андрей Никитичъ Туренинъ!—сказалъ съ низкимъ поклономъ дьякъ Семенъ Самсоновъ,—въ рѣчахъ твоихъ много разума, хотя ты напрасно возвеличилъ могущество враговъ нашихъ. Намъ извѣстно безсиліе ляховъ: они сильны однимъ несогласіемъ нашимъ; но ты изрекъ истину, говоря о междоусобіяхъ и крамолахъ, могущихъ возникнуть между бояръ и знаменитыхъ воеводъ, а посему я мыслю такъ: нижегородцамъ не присягать Владиславу, но и не ходить къ Москвѣ, а собирать войско, дабы дать отпоръ, если ляхи замыслятъ насъ покорить силою; Гонсѣвскому же объявить, что мы не станемъ цѣловать креста королевичу Польскому, пока онъ не прибудетъ самъ въ царствующій градъ, не крестится въ вѣру православную и не утвердитъ своимъ царскимъ словомъ и клятвеннымъ обѣщаніемъ договорной грамоты, подписанной боярскою думой и гетманомъ Жолкѣвскимъ.

— Я мыслю то же самое,—сказалъ бояринъ Мансуровъ.—Безвременная поспѣшность можетъ усугубить бѣдствія отечества нашего. Мой отвѣтъ пану Гонсѣвскому: не ждать отъ насъ покорности, доколѣ не будетъ исполнено все, что обѣщано именемъ Владислава въ договорной грамотѣ; а намъ ожидать отвѣта и къ Москвѣ не ходить, пока не получимъ вѣрнаго извѣстія, что король Сигизмундъ измѣнилъ своему слову.

— Мы согласны во всемъ съ бояриномъ Мансуровымъ,—сказали воевода Михаилъ Самсоновичъ Дмитріевъ и стольникъ Левашевъ.

— И мы также!—вскричали всѣ дворяне московскихъ полковъ.

Князь Черкасскій вскочилъ съ своего мѣста.

— Какъ!—сказалъ онъ, блѣднѣя отъ гнѣва и досады,—вы согласны признать Владислава Царемъ Русскимъ?

— Да, если онъ сдержитъ свое обѣщаніе,—отвѣчалъ спокойно Мансуровъ.

— Признать своимъ владыкою невѣрнаго поляка!—перервалъ Образцовъ.

— Онъ отречется отъ своей ереси,—возразилъ дьякъ Самсоновъ.

— Кто нейдетъ къ Москвѣ, тотъ измѣнникъ и предатель!—вскричалъ Черкасскій.

— Измѣнникъ и предатель!—повторилъ Барай-Мурза.

— Князь Дмитрій! — сказалъ Мансуровъ, — и ты Мурза Алѣевичъ Кутумовъ! не забывайте, что вы здѣсь не на городской площади, а въ совѣтѣ сановниковъ нижегородскихъ. Я люблю святую Русь не менѣе васъ; но вы ненавидите однихъ поляковъ, а я ненавижу еще болѣе крамолы, междоусобіе и безполезное кровопролитіе, противныя Господу и пагубныя для нашего отечества. Если жъ надобно будетъ сражаться, вы увидите тогда, умѣетъ ли бояринъ Мансуровъ владѣть мечемъ и умирать за вѣру православную.

— Бояринъ!—сказалъ Образцовъ,—когда мы не согласны межъ собою, то пусть рѣшитъ весь Нижній-Новгородъ, кто изъ всѣхъ насъ любитъ болѣе свое отечество.

— Вы это сейчасъ увидите, бояре и сановники нижегородскіе,—сказалъ Мининъ, вставая съ своего мѣста и поклонясь почтительно всѣмъ присутствующимъ.

— Да ты еще ничего не говорилъ, Козьма Миничъ,— вскричалъ Черкасскій. — Говори, говори, чья сторона правѣе!

— Не мнѣ, послѣднему изъ граждань нижегородскихъ,—отвѣчалъ Мининъ,—быть судьею между именитыхъ бояръ и воеводъ; довольно и того, что вы не погнушались допустить меня, простого человѣка, въ вашъ боярскій совѣтъ и дозволили говорить на ряду съ вами, высокими сановниками царства Русскаго. Нѣтъ, бояре! пусть посредникомъ въ спорѣ вашемъ будетъ равный съ вами родомъ и саномъ знаменитымъ, пусть рѣшитъ, идти ли намъ къ Москвѣ, или нѣтъ, посланникъ и другъ пана Гонсѣвскаго.

— Что ты, Миничъ! въ умѣ ли?—вскричалъ Черкасскій.

— Юрій Дмитричъ,—продолжалъ Мининъ, обращаясь къ Милославскому,—ты исполнилъ долгъ свой, ты говорилъ, какъ посланникъ гетмана польскаго; теперь я спрашиваю тебя, сына Дмитрія Юрьевича Милославскаго, что должны мы дѣлать: идти ли къ Москвѣ или покориться Сигизмунду?

Яркій румянецъ покрылъ лицо Юрія: онъ приподнялся до половины, хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ остановился и съ судорожнымъ движеніемъ закрылъ рукою глаза свои.

— Бояринъ!—продолжалъ Мининъ,—если бы ты не цѣловалъ крестъ Владиславу,—еслибъ сегодня молился вмѣстѣ съ нами на городской площади, еслибъ ты былъ гражданиномъ нижегородскимъ, что-бы сдѣлалъ ты тогда?... Отвѣчай, Юрій Дмитричъ!

— Что сдѣлалъ бы я?—сказалъ Юрій, устремивъ сверкающій взоръ на Минина.—Что сдѣлалъ бы я?... Положилъ бы мою голову за святую Русь!

— Что ты, Юрій Дмитричъ!—шепнулъ Туренинъ.

— Молчи, бояринъ!—вскричалъ Милославскій съ

возрастающимъ жаромъ.—Это выше всѣхъ силъ моихъ! Такъ, граждане нижегородскіе! я умеръ бы, благословляя Господа, допустившаго меня пролить всю кровь за вѣру православную. Къ Москвѣ, вѣрные и счастливые нижегородцы! Спасайте угнетенныхъ вашихъ братьевъ! Они ждутъ васъ. Они рабы поляковъ, а не подданные Владислава. Не вѣрьте Сигизмунду: онъ вѣчный и непримиримый врагъ нашъ; не страшитесь поляковъ—ихъ многочисленная рать страшна для однихъ безоружныхъ жителей московскихъ. Спѣшите, храбрые нижегородцы! спѣшите водрузить хоругвь Спасителя на поруганныхъ стѣнахъ священнаго Кремля! Вы свободны, вы не присягали иноплеменнику. А я... я добровольно поклялся быть вѣрнымъ Владиславу; я не могу умереть вмѣстѣ съ вами! Но если не оружіемъ, то молитвами буду участвовать въ святомъ и великомъ дѣлѣ вашемъ. Такъ, граждане нижегородскіе! Я удалюсь въ обитель преподобнаго Сергія; тамъ, облеченный въ одежду инока, при гробѣ угодника Божія стану молиться день и ночь, да поможетъ вамъ Господь спасти отъ гибели царство Русское.

Юрій замолчалъ; крупныя слезы градомъ катились по лицу его. Пораженные неожиданною рѣчью Милославскаго, всѣ присутствующіе онѣмѣли отъ удивленія. Нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе, вдругъ опрокинутый столъ съ громомъ полетѣлъ на полъ, и князь Черкасскій, перескочивъ черезъ него, бросился на шею къ Милославскому.

— Прости меня, любезный!—кричалъ онъ, прижимая его къ груди своей; я обидѣлъ тебя!... Пусть осмѣлится кто нибудь сказать, что ты не сынъ моего друга Милославскаго!

— Да, да, пусть попытается кто нибудь!—повторилъ Барай-Мурза.

— Ты достоенъ быть нижегородцемъ, Юрій Дмитричъ!—сказалъ Образцовъ, пожимая ему руку.

Мининъ не говорилъ ни слова, но съ нѣжностію отца смотрѣлъ на Юрія, и утиралъ потихоньку текущія изъ глазъ слезы.

— И такъ,—продолжалъ Черкасскій,—теперь, кажется, намъ спорить не о чемъ, идемъ ли къ Москвѣ?

— Идемъ!—вскричали почти всѣ присутствующіе.

— Къ Москвѣ, такъ къ Москвѣ!—сказалъ бояринъ Мансуровъ.—Дождемся князя Пожарскаго, да съ Божьимъ благословеніемъ...

— Но кто же будетъ главою царства Русскаго?—спросилъ дьякъ Самсоновъ.

— Прежде очистимъ Москву, а тамъ ужъ подумаемъ,—отвѣчалъ Мансуровъ.

— Изберемъ всей землей въ Цари—кого Богъ дастъ,—сказалъ Образцовъ.

— И поклянемся,—прибавилъ Мансуровъ,—жить дружно, забывать всякую вражду, а помнить одного Бога и святую Русь!

— Насилу-то и ты заговорилъ, молодецъ!—закричалъ Черкасскій. Пусть дьяки и бояре, которые ничѣмъ не лучше дьяковъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на Туренина, засѣдаютъ въ приказахъ, а въ воинскую думу имъ бы и носа не надобно показывать.

— Теперь, Юрій Дмитричъ,—сказалъ бояринъ Мансуровъ, ты можешь отвезти нашъ отвѣтъ Гонсѣвскому.

— Не лучше ли остаться съ нами,—перервалъ Черкасскій, и подраться съ поляками?

— Нѣтъ, бояринъ, Богъ караетъ клятвопреступниковъ; пока я ношу мечъ—я подданый Владислава.

— Юрій Дмитричъ,—сказалъ Мансуровъ,—мы дозволяемъ тебѣ пробыть завтрашій день въ Нижнемъ-Новгородѣ; но я совѣтывалъ бы тебѣ отправиться скорѣе: завтра же весь городъ будетъ знать, что ты присланъ отъ Гонсѣвскаго, и тогда, не погнѣвайся, смотри, чтобъ съ тобой не случилось того же, что съ княземъ

[redacted]

Вяземскимъ. Народъ подъ часъ бываетъ глупъ: какъ расходится, такъ его ничѣмъ не уймешь.

— Прощай, бояринъ!—сказалъ Мининъ.—Дай Богъ тебѣ счастія! Не знаю отчего, а мнѣ все сдается, что я увижу тебя опять не въ монашеской рясѣ, а съ мечемъ въ рукахъ, и не въ святой обители, а на ратномъ полѣ противъ общихъ враговъ нашихъ.

Милославскій, уходя, замѣтилъ, что боярина Туренина не было уже въ комнатѣ. У самыхъ дверей дома встрѣтилъ его Алексѣй; онъ казался очень встревоженнымъ.—«Я больше часу дожидаюсь тебя здѣсь, Юрій Дмитричъ,—сказалъ онъ. Знаешь ли что? Вѣдь хозяинъ-то нашъ недобрый человѣкъ!»

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что мы изъ одного омута попали въ другой. Воля твоя, бояринъ! сердись на меня, или нѣтъ, а я, не спросясь тебя, перетащилъ наши пожитки на постоялый дворъ, вотъ тотъ, что возлѣ самой пристани.

— Для чего ты это сдѣлалъ?

— А вотъ для чего. Знаешь ли, кто теперь спрятанъ въ дому у боярина Туренина?.,. Тотъ самый разбойникъ, который вчера въ лѣсу насъ хотѣлъ ограбить!

— Неужели?

— Да добро бы одинъ, а то съ нимъ еще четверо пострѣловъ, изъ которыхъ каждый уберетъ насъ обоихъ. Какъ ты пошелъ сюда, я вышелъ поглядѣть на улицу и присѣлъ у самыхъ воротъ за столбомъ. Этакъ около сумерокъ—гляжу, крадутся пятеро молодцовъ вдоль забора: я то за столбомъ имъ былъ не въ примѣту, а мнѣ все было видно. Вотъ одинъ изъ нихъ шмыгъ въ ворота! глядь—тотъ самый разбойникъ, котораго Кирша называлъ Омляшемъ. Онъ перемолвилъ словца два съ дворецкимъ, махнулъ товарищамъ и они шасть на дворъ. Пошептались, потолковали межъ собой, да и полѣзли всѣ на сѣнникъ. Вотъ, бояринъ, я

и смекнулъ, что дѣло плоховато; тотчасъ всѣ наши пожитки и конскую сбрую вытащилъ потихоньку за ворота, да ну-ка скорѣй выводить лошадей, будтобъ на водопой; навьючилъ на одну все наше добро, да и былъ таковъ. Хорошо еще, что некому было за мной присмотрѣть: дворецкій, видно, заболтался съ своими гостьми, другіе слуги пошли шататься по городу, а конюхи такъ пьяны, что лыкомъ не вяжутъ.

— Ты хорошо сдѣлалъ, Алексѣй. Я и самъ не слишкомъ довѣряю нашему хозяину.

— Да онъ сущій Іуда-предатель! сегодня на площади я на него насмотрѣлся: то взглянетъ, какъ рублемъ подаритъ, то посмотритъ изъ подлобья словно дикій звѣрь. Когда Козьма Миничъ говорилъ, то онъ съѣсть его хотѣлъ глазами; а какъ послѣ подошелъ къ нему, такъ — Господи Боже мой! откуда взялися медовыя рѣчи! И молодецъ-то онъ, и православный, и сынъ отечества, и Богъ вѣсть что! Ну, вотъ такъ мелкимъ бѣсомъ и разсыпался!

Въ продолженіи этого разговора они дошли до городскихъ воротъ, и когда вышли въ предмѣстіе, то Юрій увидѣлъ, что кто-то идетъ за нимъ слѣдомъ. Не смотря на умножающуюся ежеминутную темноту, Милославскій замѣтилъ, что всякій разъ, когда онъ оглядывался назадъ, этотъ человѣкъ старался прятаться за углы домовъ. Юрій шепнулъ Алексѣю, чтобъ онъ остерегался и вынулъ на всякій случай саблю. Между тѣмъ они вошли въ улицу, или лучше сказать, переулокъ, ведущій прямо къ пристани: по обѣимъ его сторонамъ тянулись длинные заборы и только изрѣдка кой-гдѣ выстроены были небольшія избы, но и тѣ казались пустыми, и, вѣроятно, служили амбарами для складки хлѣба и товаровъ. Когда они поровнялись съ одной полуразвалившеюся деревянною церковью, которая, судя по разбитымъ окнамъ и совершенно обрушенной па-

перти, давно уже была оставлена, незнакомый, который слѣдовалъ за ними издалека, удвоилъ шаги и сталъ къ нимъ приближаться. Юрій, желая скорѣе узнать, чего хочетъ отъ нихъ этотъ безотвязный прохожій, пошелъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ прямо къ нему на встрѣчу; но лишь только они приблизились другъ къ другу и Алексѣй успѣлъ закричать: «берегись, бояринъ, это разбойникъ Омляшъ!...» незнакомый свистнулъ, четверо его товарищей выбѣжали изъ церкви и почти въ ту же минуту Алексѣй, проколотый въ двухъ мѣстахъ ножемъ, упалъ безъ чувствъ на землю.

[redacted]

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ продолженію этой повѣсти, намъ должно предувѣдомить читателей, что промежутокъ времени, отдѣляющій эту главу отъ предыдущей, заключаетъ въ себѣ почти четыре мѣсяца. Большей части нашихъ читателей, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣ обстоятельства, предшествовавшія освобожденію Москвы и вступленію на Всероссійскій престолъ Михаила Θеодоровича Романова; но, не смотря на то, мы полагаемъ нужнымъ упомянуть, хотя мимоходомъ, о томъ, что происходило въ Нижнемъ-Новѣгородѣ и около Москвы отъ апрѣля мѣсяца до начала августа 1612-го года. Избранный единодушно главою земскаго ополченія князь Пожарской, излечась отъ ранъ своихъ, вступилъ въ Нижній-Новгородъ, сопровождаемый вѣрною дружиною воиновъ. Его величественная наружность, радушіе и ласковое со всѣми обращеніе привлекли

къ нему всѣ сердца. Бояре и воеводы, старѣе его чинами и родомъ, не смотря на закоренѣлый предразсудокъ мѣстничества, добровольно подчинились его власти: со всѣхъ сторонъ спѣшили подъ знамена его люди ратные; смоляне, дорогобужане и вязьмичи, жившіе въ Арзамасѣ, явились первые; вслѣдъ за ними рязанцы, коломенцы и жители отдаленной Украйны умножали собою число *свободныхъ людей*: такъ называли себя воины, составлявшіе отечественное ополченіе нижегородское, которое вскорѣ, подъ предводительствомъ Пожарскаго, двинулось къ Ярославлю. Въ семъ городѣ, подкупленные злодѣемъ Заруцкимъ, убійцы посягнули на жизнь знаменитаго вождя; но Богъ не допустилъ ихъ свершить это злодѣяніе, а великодушный Пожарской не только не предалъ ихъ заслуженной казни, но вырвалъ изъ рукъ народа, хотѣвшаго растерзать ихъ на части. Важныя причины замедлили приходъ нижегородцевъ подъ Москву; наконецъ приближеніе гетмана Хоткѣвича съ сильнымъ войскомъ, посланнымъ противъ стоящаго подъ Москвою князя Трубецкаго, побудило Пожарскаго поспѣшить своимъ приходомъ къ столицѣ, и 1-го августа 1612-го года, нижегородское ополченіе прибыло къ Троицкой лаврѣ, отстоящей отъ Москвы въ 64 верстахъ.

Въ началѣ августа мѣсяца, въ одно прекрасное утро, какой-то прохожій, съ небольшою котомкою за плечами и весьма бѣдно одѣтый, едва переступая отъ усталости, шелъ по большой нижегородской дорогѣ, которая въ семъ мѣстѣ была проложена почти по самому берегу Волги. Его изнуренный видъ, блѣдное лицо и впалыя щеки—все показывало въ немъ человѣка, недавно излечившагося отъ тяжкой болѣзни; но въ то же время нельзя было не замѣтить, что причиною его не*обычайной* худобы была не одна тѣлесная болѣзнь:

глубокая горесть изображалась на лицѣ его, а покраснѣвшіе отъ слезъ глаза ясно доказывали, что его душевныя страданія не миновались вмѣстѣ съ недугомъ, отъ котораго онъ повидимому совершенно излечился. Дойдя до густой березовой рощи, которую перерѣзывала узкая проселочная дорога, онъ остановился и, казалось, съ большимъ вниманіемъ сталъ разсматривать едва замѣтное полуобгорѣвшее строеніе, коего развалины виднѣлись на высокомъ холмѣ, верстахъ въ пяти отъ рощи, въ тѣни которой онъ тогда находился.

— Я не ошибаюсь, сказалъ онъ наконецъ: это отчина боярина Шалонскаго... Слава Богу! она останется у меня въ сторонѣ... Сказавъ эти слова, прохожій сѣлъ подъ кустомъ, и, вынувъ изъ котомки ломоть чернаго хлѣба, принялся завтракать.

Онъ не успѣлъ еще проглотить перваго куска, какъ вдругъ ему послышался въ близкомъ разстояніи конскій топотъ, и черезъ минуту человѣкъ двадцать казаковъ, выѣхавъ проселочной дорогою изъ рощи, потянулись вдоль опушки къ тому мѣсту, на которомъ расположился прохожій. Впереди всѣхъ, на ворономъ конѣ, ѣхалъ начальникъ отряда; онъ отличался отъ другихъ казаковъ не платьемъ, которое было весьма просто, но богатой конской сбруею и блестящимъ оружіемъ, украшеннымъ дорогою серебряной насѣчкой. Когда онъ поровнялся съ прохожимъ, который нѣсколько уже минутъ не спускалъ съ него глазъ, то сей послѣдній вскрикнулъ радостнымъ голосомъ: «Такъ точно, это онъ!... Здравствуй, Кирша!»

— Почему ты меня знаешь, добрый человѣкъ?— спросилъ всадникъ, пріостановя своего коня.

— Такъ видно я больно похудѣлъ, когда и ты меня не узнаешь? Вглядись-ка хорошенько...

— Вотъ-те разъ!... Неужели?... Да нѣтъ, зачѣмъ ему здѣсь быть?

— Правда, братъ, Кирша, и я не чаялъ здѣсь быть; а думалъ, что меня отпоютъ и похоронятъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

— Неужели-то въ самомъ дѣлѣ ты Алексѣй Бурнашъ?

— Въ старину меня такъ зывали.

— Ахъ, батюшки! Что это тебя перевернуло?... А гдѣ твой баринъ?...

Вмѣсто отвѣта, Алексѣй закрылъ руками лицо и горько заплакалъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось?—спросилъ запорожецъ, соскочивъ съ коня.- Гдѣ онъ?

— Ужъ вѣрно тамъ...—сказалъ Алексѣй, показывая на небо.—Онъ былъ ангелъ во плоти.

— Такъ Юрій Дмитричъ?...

— Приказалъ долго жить,—отвѣчалъ, всхлипывая, вѣрный служитель Милославскаго.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!—вскричалъ запорожецъ.—Гей, ребята!... долой съ коней. Мы можемъ здѣсь позавтракать и дать вздохнуть лошадямъ; да подайте-ка мою кису.

Казаки спѣшились и, разнуздавъ коней, пустили ихъ на обширный лугъ, который разстилался передъ рощею; а сами, поставивъ на небольшомъ возвышеніи часоваго, расположились кружкомъ подъ деревьями. Кирша, вынувъ изъ кисы флягу съ виномъ и большой пирогъ съ капустою, сѣлъ подлѣ Алексѣя.

— Ну-ка, братъ, перекуси, сказалъ онъ; ты, я вижу, больно отощалъ. Да разскажи мнѣ, какъ это случилось, что твой бояринъ умеръ? Онъ былъ такой дѣтина здоровый, кровь съ молокомъ! Отчего бы кажется?...

— Его зарѣзали,—отвѣчалъ Алексѣй.

— Какъ?... кто?... гдѣ?

— А вотъ послушай. Ты, чай, помнишь, какъ въ

Нижнемъ на площади, когда Козьма Миничъ Сух рукій...

— Помню, помню!

— Ну, въ этотъ самый день, вечеромъ, бояринъ былъ у князя Черкасскаго, и на дворѣ ужъ стало смеркаться, какъ мы пошли съ нимъ на постоялый дворъ, въ который перебрались изъ дома этого жида, Истомы-Туренина. Вотъ, недалеко отъ пристани, вдругъ выскочили на насъ изъ пустой церкви человѣкъ пять разбойниковъ; не успѣлъ я мигнуть, какъ меня хватили въ богъ ножемъ—и я не взвидѣлъ свѣта Божьяго. Не помню, долго ли пробылъ безъ памяти; а какъ очнулся, то увидѣлъ, что лежу на скамьѣ въ избѣ и подлѣ меня стоитъ сѣдой старикъ. Я узналъ ужъ послѣ, что онъ рыбакъ, и что идучи поутру съ пристани, наткнулся на меня нечаянно и, замѣтя, что я еще дышу, ради Христа, перенесъ меня къ себѣ въ избу. Какъ сквозь сонъ помню: лишь только онъ мнѣ пересказалъ объ этомъ, я опять обезпамятѣлъ, и ужъ спустя недѣли четыре, придя въ себя, спросилъ его о бояринѣ; онъ сказалъ мнѣ, что никакого тѣла не подымали на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли меня... Видно, злодѣи зарѣзали Юрія Дмитрича и бросили въ Волгу. Меня пользовала какая-то досужая старушка, и я, безъ малаго четыре мѣсяца, былъ при смерти; а какъ немного поправился, то задумалъ идти въ подмосковную нашу отчину. О тебѣ и спрашивать было нечего: мнѣ сказали, что всѣ ратные люди ушли въ Ярославль съ княземъ Пожарскимъ; такъ я отслужилъ третьяго дня панихиду по моемъ бояринѣ и отправился въ путь... Да что-то ноги плохо слушаются: насилу тащусь.

— Ахъ, жалость какая! — сказалъ Кирша, когда Алексѣй кончилъ свой разсказъ.—Ужъ если ему было на роду писано не дожить до сѣдыхъ волосъ, такъ пусть бы онъ умеръ со славою на ратномъ полѣ: на

людяхъ и смерть красна; а то, подумаешь, умереть одному, подъ ножемъ разбойника!... Я справлялся о васъ въ дому боярина Туренина; да онъ самъ мнѣ сказалъ, что вы давнымъ давно уѣхали въ Москву.

— Злодѣй! Онъ лучше меня знаетъ, куда отправился Юрій Дмитричъ; это его дѣло.

— Неужели?

— Какъ Богъ святъ! У него въ дому разбойничья пристань.

— Такъ не даромъ же онъ стречка далъ изъ Нижняго. Когда князь Пожарской прибылъ къ намъ въ городъ, такъ, говорятъ, его вездѣ искали, да не нашли... Ну, братъ Алексѣй, ошеломилъ ты меня!... Мнѣ все еще не вѣрится...

— И я долго не вѣрилъ. Вѣдь про покойнаго моего боярина было какое-то пророчество; и такъ какъ до сихъ поръ уже многое сбылось, то я не бралъ вѣры, чтобъ его зарѣзали, да пришлось наконецъ повѣрить.

— А что такое о немъ пророчили? Разскажи, братъ, пожалуйста...

— Вотъ изволишь видѣть: это случилось при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, когда батюшка моего покойнаго боярина былъ еще дитятею; нянюшка его, Ѳедора, разсказывала мнѣ это подъ большой тайной. Однажды... надобно тебѣ сказать, что матушка его, то-есть, бабуша Юрія Дмитрича, была премилосердная. вся нищая братія въ околоткѣ ею только и жила. Ну вотъ, однажды, въ день рожденія... нѣтъ, въ день именинъ своего сожителя, она изволила на крыльцѣ своеручно раздавать милостыню неимущимъ, которыхъ набралось на боярскій дворъ видимо невидимо. Всѣ нищіе, какъ водится, такъ и лѣзли другъ передъ другомъ, чтобъ схватить милостыню; одна только старушка не рвалась впередъ, и стоя, поодаль, терпѣливо дожидалась своей очереди. Вотъ уже боярыня отдавала послѣднюю ко-

пѣйку, и иной нищій, попроворнѣй другихъ, протягивалъ въ четвертый разъ руку, а старушка все не трогалась съ мѣста. На ту пору нянюшка, Ѳедора, стояла также на крыльцѣ, замѣтила старуху и доложила о ней боярынѣ: нищую подозвали, и когда боярыня, вынувъ изъ кармана цѣлый алтынъ, подала ей и сказала: «молись за здравіе именинника!» то старушка, взглянувъ пристально на боярыню и помолчавъ нѣсколько времени, промолвила: «охъ ты, моя родимая! здоровъ-то онъ будетъ; да уцѣлѣетъ ли его головушка»?..

— Какъ такъ? — спросила боярыня, поблѣднѣвъ какъ смерть. «Дай-то Господи, — продолжала старушка, — чтобъ о вешнемъ Николѣ не пришлось тебѣ панихиды служить». Сказавъ эти слова, старуха поклонилась, юркнула въ толпу нищихъ и—слѣдъ простылъ; боярыня закричала «ищите ее, приведите сюда»! Не тутъ-то было: сгинула да пропала, и всѣ нищіе сказали въ одинъ голосъ, что не знаютъ, кто она такова, откуда взялась и куда дѣвалась. Ну, чтожъ? и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ того, злодѣй Малюта Скуратовъ обнесъ передъ Царемъ нашего боярина и его казнили наканунѣ Николина дня. Боярыня, оставшись вдовою съ однимъ малолѣтнимъ сыномъ, Дмитріемъ Юрьевичемъ, батюшкою покоіинаго моего господина, отправилась въ свою Закамскую отчину, и ровно десять лѣтъ о той старушкѣ слуху не было. Въ это время Дмитрій Юрьевичъ подросъ, женился и прижилъ покойнаго моего господина, Юрія Дмитріевича. Вотъ однажды, около Петрова дня, они всей семьей отправились въ Калугу, повидаться съ родными. Имъ пришлось подъ вечеръ проѣзжать Брынскимъ лѣсомъ. Боярыни и Ѳедора ѣхали въ колымагѣ ([1]), а бояринъ и холопи верхами. Вдругъ въ самой рединѣ лѣса застигла ихъ гроза, загремѣлъ громъ, поднялся вихрь, дождь полилъ какъ изъ ведра, и пошелъ такой гулъ по лѣсу, что

лошади шарахнулись и стали на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанныя — ни взадъ, ни впередъ. Ѳедора божилась мнѣ, что она этакой грозы сродясь не видывала. Молодая боярыня со страху зарылась въ подушки, а старая, хоть также робѣла, однакожъ замѣтила и показала Ѳедорѣ, что подлѣ дороги, противъ самой колымаги, сидитъ подъ кустомъ какая-то женщина. Вдругъ блеснула молонья, освѣтила все кругомъ, Ѳедора ахнула, а старая боярыня, толкнувъ ее тихонько локтемъ, приказала молчать: онѣ обѣ узнали въ этой прохожей старушку, которая предсказала о смерти покойнаго боярина. Вотъ, какъ гроза поунялась, боярыня вылѣзла изъ колымаги, подошла къ старухѣ и начала съ нею говорить шопотомъ. Но тутъ набѣжала новая туча, загремѣлъ опять громъ и сдѣлалась такая темнять, что хоть глазъ выколи; а когда прочистилось, то старухи ужъ не было. Какъ она ушла, куда дѣвалась, Богъ вѣсть! Старая боярыня крѣпилась мѣсяца два, наконецъ не вытерпѣла и пересказала Ѳедорѣ подъ большою тайной, что нищая говорила съ ней о ея внукѣ, Юріѣ Дмитричѣ, что будтобъ онъ натерпится много горя, рано осиротѣетъ и хоть будетъ человѣкъ ратный, а умретъ на своей постелѣ; что станетъ служить иноплеменному Государю; полюбитъ красную дѣвицу, не зная, кто она такова; и что всего-то чуднѣе, хоть и женится на ней, а свадьба ихъ будетъ не веселѣе похоронъ.

— Что-жъ изъ этого сбылось?

— Какъ что? На двадцатомъ году Юрій Дмитричъ осиротѣлъ, служилъ королевичу Владиславу и полюбилъ боярышню Шалонскую, не зная, кто она такова.

— Правда, правда, но вѣдь ему должно было умереть своею смертью?

— Кажись бы должно, а на бѣду вышло не такъ.

— И что за свадьба, которая не веселѣе похоронъ?

— Ужъ этого, любезный, и нянюшка Өедора растолковать не могла.

— Вотъ то-то и есть! не всѣ, братъ, предсказанія сбываются. Пожалуй и про меня въ Царицынѣ какой-то цыганъ сказалъ, что я попаду въ Запорожскую Сѣчь и вѣкъ останусь простымъ казакомъ... Что-жъ вышло? Одно сбылось, а другое нѣтъ. Ты видишь самъ, —продолжалъ Кирша, взглянувъ съ удовольствіемъ на своихъ казаковъ, у меня подъ началомъ вотъ этакихъ молодцовъ до сотни наберется; и кабы я зналъ да вѣдалъ, кто эти душегубцы, которые потеряли Юрія Дмитрича, такъ я бы ихъ съ моими ребятами на днѣ морскомъ нашелъ!... Ужъ поплатились бы мнѣ за твоего барина! — промолвилъ Кирша, принимаясь за флягу съ виномъ.

— Одного то изъ нихъ ты знаешь; я его и въ потьмахъ разсмотрѣлъ: онъ тотъ самый разбойникъ.. вотъ что ты называлъ Омляшемъ.

— Какъ!—вскричалъ Кирша, выронивъ изъ рукъ свою флягу.

— Ну, да! тотъ самый, котораго ты, помнишь, въ лѣсу перекрестилъ по головѣ нагайкою.

— Ахъ, Боже мой! Алексѣй, знаешь ли что? Вѣдь твой бояринъ-то, можетъ быть, живъ!

— Что ты говоришь?

— Этотъ Омляшъ и его товарищи — слуги боярина Кручины-Шалонскаго...

— Неужто?

— Я слышалъ своими ушами, что имъ приказано было захватить Юрія Дмитрича живьемъ. Ну, теперь понимаешь ли, почему не нашли твоего боярина ни живого, ни мертваго?... Онъ теперь въ рукахъ у этого кровопійцы, Шалонскаго.

— А что ты думаешь?

— Вѣрно такъ, и если только онъ живъ...

— Дай-то Господи!

— То во чтобъ ни стало, а Кирша его выручитъ. Видишь тамъ въ дали?... Вѣдь это, кажется, отчина Шалонскаго?

— Должна быть она; только куда дѣвались его хоромы, тамъ на холмѣ...

— Одни угольки остались... Это, братъ, наше дѣло; хозяина-то, жаль, не захватили. Когда мы проходили черезъ село и стали добиваться отъ крестьянъ, гдѣ ихъ бояринъ, то всѣ мужички въ одинъ голосъ сказали, что онъ со всѣми своими пожитками, холопями и домочадцами уѣхалъ, а куда — никто не знаетъ. Пуще всего грызъ на него зубы бояринъ Образцовъ. Съ досады, что онъ отъ насъ ускользнулъ, мы запалили его хоромы: первый пукъ соломы бросилъ въ нихъ Ѳедька Хомякъ, который по всѣмъ дворамъ искалъ прикащика, и ужъ если бы онъ попался Хомяку въ руки, не сдобровать бы ему! Мы было хотѣли поджечь и село, да жаль стало мужичковъ; они, сердечные, невиноваты, что ихъ бояринъ предатель и измѣнникъ.

— Такъ чтожъ прибыли, если Юрій Дмитричъ и живъ,—сказалъ печально Алексѣй, — когда мы не вѣдаемъ, куда этотъ злодѣй Шалонской его запряталъ?

— А почему знать? можетъ быть и добьемся толку. Жаль, что со мной народу-то немного, а то бы я не выпустилъ изъ села ни одной души, пока не узналъ, гдѣ теперь ихъ бояринъ. Статься не можетъ, чтобъ въ цѣлой отчинѣ не нашлось никого, ктобъ зналъ, куда онъ запропастился.

— Можетъ быть, онъ уѣхалъ въ Москву.

— Со всей своей дворнею? Что ты, братъ! Въ Москвѣ и полякамъ-то перекусить нечего, такъ примутъ они его съ такой ватагою! Нѣтъ, онъ вѣрно теперь въ какомъ-нибудь другомъ помѣстьѣ... Да, вотъ *постой!* достанемъ языка, такъ авось что-нибудь вывѣдаемъ.

— Эхъ, любезный!—сказалъ Алексѣй, покачивая головою, не вѣрится мнѣ!... Ты было сначала меня обрадовалъ, а послѣ, какъ подумалъ... не можетъ быть! Если его и взяли живого, такъ вѣрно ужъ давнымъ давно уходили.

— Авось, братъ! попытка не шутка, а спросъ не бѣда! Славу Богу, что мой старшина, Смага-Жигулинъ, не отпустилъ меня одного! Чтобъ мы стали теперь дѣлать?

— Да какъ ты сюда попалъ?

— Меня послалъ князь Пожарской съ грамотою къ нижегородцамъ, и я было уже совсѣмъ отправился съ однимъ только казакомъ, да Жигулинъ велѣлъ мнѣ взять съ собою этихъ ребятъ. Около Москвы теперь вовсе проѣзду нѣтъ; по всѣмъ дорогамъ бродятъ шиши; хоть они грабятъ и рѣжутъ однихъ поляковъ, да измѣнниковъ, но неравенъ часъ, когда они подъ-хмѣлькомъ, то имъ всѣ кажутся или поляками или измѣнниками; а нашу братью казаковъ, и чужихъ и своихъ, они терпѣть не могутъ. Говорятъ, у нихъ старшимъ какой-то деревенскій батька. Мнѣ разсказывали про него и Богъ вѣсть что! Чудо-богатырь, аршинъ трехъ ростомъ, а зовутъ его, помнится, отцомъ Еремѣемъ ([2]). Всѣ подмосковные шиши въ такомъ у него послушаніи, что безъ его благословенія рукъ отвести не смѣютъ, и еслибъ не онъ, такъ отъ этихъ русскихъ налетовъ и православнымъ житья бы не было.

— Такъ ты ѣдешь теперь изъ Нижняго?

— Да; торопиться мнѣ не зачѣмъ: станемъ искать твоего боярина, авось Господь намъ поможетъ... Постойка, мнѣ пришло въ голову... А что и въ самомъ дѣлѣ!... Я знаю въ этомъ селѣ одного мужичка: онъ со всей боярской дворнею водилъ знакомство, и ремесломъ колдунъ; такъ вѣрно лучше другого можетъ намъ намекнуть... Ей, молодцы! — продолжалъ Кирша, побудьте

здѣсь, а я на часокъ-мѣсто отлучусь. Вотъ этотъ парень разскажетъ вамъ, о чемъ идетъ дѣло. Малышъ! ты останешься старшимъ; если я черезъ часъ не вернусь, то ступайте всѣ... вонъ въ тотъ лѣсъ, что позади села. Сборное мѣсто недалеко отъ огородовъ, подлѣ деревянной часовни: да только безъ шуму, въ тихомолку и не кучею, а въ разсыпную, понимаешь?

— Разумѣю,—отвѣчалъ Малышъ, небольшаго роста, но ловкій и проворный казачій урядникъ.

— Смотри, чтобъ безъ меня ребята не дурили: проѣзжихъ не трогать!

— Слышите ли, товарищи, что есаулъ-то говоритъ? —сказалъ Малышъ. — Однакожъ, Кирилла Пахомычъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Киршѣ, — неравно повезутъ изъ Балахны вино, или брагу, такъ по чаркѣ другой можно?...

— Ну, ну! такъ и быть; только чуръ, ребята, изъ бочекъ дны не выбивать! Подайте моего коня, да если вамъ придется ѣхать въ лѣсъ, такъ дайте и этому дѣтинѣ заводную лошадь.

Кирша вскочилъ на своего Вихря, и повторивъ еще разъ всѣ приказанія, пустился полемъ къ знакомому для насъ лѣсу, который чернѣлся верстахъ въ трехъ налѣво отъ большой дороги.

II.

Кирша пробирался осторожно опушкою лѣса, и, не встрѣтивъ никого, поровнялся наконецъ съ гумномъ Ѳедьки Хомяка, которое, вѣроятно, принадлежало уже другому крестьянину; онъ поворотилъ къ часовнѣ и пустился по тропинкѣ, ведущей на пчельникъ *Кудимыча*. Проѣхавъ версты полторы, Кирша повстрѣчался

съ крестьянской дѣвушкою. — «Здорово, красная дѣвица»! — сказалъ онъ, приподнявъ вѣжливо свою шапку. — «Откуда идешь». — Дѣвушка сначала испугалась, но ласковый голосъ и веселый видъ запорожца ее успокоили. — «Я иду домой, господинъ честной», — отвѣчала она, отвѣсивъ низкій поклонъ Киршѣ.

— И вѣрно ходила ворожить на пчельникъ?

— А почему ты знаешь? — спросила она, взглянувъ на него съ удивленіемъ

— Видно знаю! Ну, что? радостную ли вѣсточку сказалъ тебѣ Кудимычъ?... Скоро-ли свадьба?

— Архипъ Кудимычъ баитъ, что скоро. Да почему ты знаешь?...

— Какъ не знать!... А что, лебедка, чай, ты не съ пустыми руками къ нему ходила?

— Коли съ пустыми! Я ему носила на поклонъ полъ-сорока яицъ, да двѣ копѣйки.

— Экъ твой суженый-то расхарчился!

— Вотъ еще, велико дѣло двѣ копѣйки! Для меня Ванюша не постоитъ и за два алтына. Да почему ты знаешь?

— Мало ли что я знаю, голубушка! А что, отсюда не далеко до пчельника?

— Близехонько.

— Прощай, красавица!

Кирша поѣхалъ далѣе, а крестьянская дѣвушка, стоя на одномъ мѣстѣ, провожала его глазами до тѣхъ поръ, пока не потеряла совсѣмъ изъ виду. Не доѣхавъ шагомъ пятидесяти до пчельника, запорожецъ слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее къ дереву, пробрался между кустовъ до самыхъ воротъ загородки. Двери избушки были растворены, а собака спала крѣпкимъ сномъ подлѣ своей конуры. Кирша вошелъ такъ тихо, что Кудимычъ, занятый счетомъ яицъ, которыя въ боль-

шомъ рѣшетѣ стояли передъ нимъ на столѣ, не приподнялъ даже головы.

— Кудимычъ!—сказалъ Кирша грознымъ голосомъ. Колдунъ вздрогнулъ, поднялъ голову, вскрикнулъ, хотѣлъ вскочить, но его ноги подкосились, и онъ сѣлъ опять на скамью.

— Узнаешь ли ты меня?—продолжалъ запорожецъ, глядя ему прямо въ глаза.

— Узналъ, батюшка, узналъ! — пробормоталъ заикаясь Кудимычъ.

— Такъ-то ты помнишь свое обѣщаніе, негодный—а?... Не божился ли ты мнѣ, что не станешь никогда колдовать?

— И не колдую, отецъ мой! Видитъ Богъ, не колдую!

— Право? .. А это что? Кто принесъ тебѣ это рѣшето яицъ? чьи это двѣ копѣйки?... Ага! прикусилъ язычекъ!

— Помилуй, кормилецъ! какъ Богъ святъ!...

— Молчи!... Кто тебѣ сказалъ, что Ванька скоро женится—а?...

— Никто, батюшка, никто! я ничего не говорилъ.

— Ого! да ты еще запираешься! Такъ постой-же!... *Гирей, мурей, алла боржукъ!*

— Виноватъ, отецъ мой!—закричалъ колдунъ, вскочивъ со скамьи и повалясь въ ноги къ запорожцу.

— Вотъ этакъ-то лучше, негодный! А не то, я скажу еще одно словечко, такъ тебя скоробитъ въ бараній рогъ!

— Что дѣлать, согрѣшилъ, окаянный! Мѣсяца четыре крѣпился, да сегодня чортъ принесъ эту проклятую Марѳушку!... «Поворожи, да поворожи!...» пристала ко мнѣ, какъ лихоманка;—не зналъ, какъ отвязаться!

— Добро, добро, встань! Счастливъ ты, что у меня

есть до тебя дѣльце; а то узналъ бы, каково со мной шутить!... Ты долженъ сослужить мнѣ службу.

— Все, что прикажешь, батюшка!

— Если ты мнѣ поможешь въ одномъ дѣлѣ, такъ и я тебѣ удружу. Вѣдь ты только обманываешь добрыхъ людей, а хочешь ли, я сдѣлаю изъ тебя исправскаго колдуна?

— Какъ не хотѣть, батюшка! Да я тогда за тебя куда хочешь, и въ огонь и въ воду!

— Слушай же! Во-первыхъ, ты вѣрно знаешь, гдѣ бояринъ Шалонской?

— Кто, батюшка?

— Бояринъ Кручина-Шалонской.

— Тимоѳей Ѳедоровичъ?

— Ну, да.

— То-есть, бояринъ мой?

— Кой чортъ! что ты, братъ, переминаешься? Смотри, не вздумай солгать! Боже тебя сохрани!

— Что грѣха таить, родимый, знать-то я знаю...

— Такъ что-жъ?

— Да не велѣно сказывать.

— А я тебѣ приказываю.

— Да на что тебѣ, кормилецъ?... Вѣдь ты и безъ меня всю подноготную знаешь; тебѣ стоитъ захотѣть, такъ ты сейчасъ увидишь, гдѣ онъ.

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ; у кого въ дому я пользовалъ, надъ тѣмъ моя ворожба цѣлый годъ не дѣйствуетъ.

— Вотъ что!

— А ты, братъ, и безъ ворожбы знаешь, такъ сказывай!

— Отецъ родной, взмилуйся! Вѣдь меня совсѣмъ обдерутъ... и если бояринъ узнаетъ, что я проболтался...

— Небось, никому не скажу.

— Не смѣю, батюшка! воля твоя, не смѣю.

— Такъ ты сталъ еще упрямиться!... Погоди же, голубчикъ!... *Гирей, мурей*...

— Постой, постой!... Охъ, батюшки! что мнѣ дѣлать?... Да точно ли ты ни кому не скажешь?

— Дуралей! Когда ты самъ будешь колдуномъ, такъ что тебѣ сдѣлаетъ бояринъ? Если захочешь, такъ никто и пчельника твоего не найдетъ! всѣмъ глаза отведешь.

— Оно такъ, батюшка, но еслибъ ты зналъ, каковъ нашъ бояринъ...

— Да что ты торгуешься, въ самомъ дѣлѣ?—закричалъ запорожецъ.—Въ послѣдній разъ: скажешь ли ты мнѣ или нѣтъ, гдѣ теперь Тимоѳей Ѳедоровичъ?

— Не гнѣвайся, кормилецъ, не гнѣвайся, все скажу! Онъ теперь живетъ верстъ семьдесятъ отсюда, въ Муромскомъ лѣсу.

— Въ Муромскомъ лѣсу?

— У него тамъ много пустошей, а живетъ онъ на хуторѣ, который выстроилъ еще покойный его батюшка; одни говорятъ для того, чтобъ охотиться и бить медвѣдей, другіе баютъ, для того, чтобъ держать пристань и грабить обозы. Этотъ хуторъ прозывается Теплымъ Станомъ, и какъ слышно, въ такомъ захолустьи построенъ, что и въ полдни солнышка не видно. Сказываютъ также, что когда-то была на томъ мѣстѣ пустынь, отъ которой осталась одна каменная ограда, да подземные склепы, и что будто съ тѣхъ поръ, какъ ее раззорили татары и погубили всѣхъ старцевъ, никто не смѣлъ и близко къ ней подходить; что каждую ночь перерѣзанные монахи встаютъ изъ могилъ и сходятся служить сами по себѣ панихиду; что частенько, когда дѣлывали около этого мѣста порубки, мужики слыхали въ сумерки благовѣстъ. Одинъ старикъ, котораго сынъ *и теперь* еще живъ, разсказывалъ, что однажды зимою,

отыскивая медвѣжій слѣдъ, онъ заплутался и въ самую полночь забрелъ на пустынь; онъ божился, что своими глазами видѣлъ, какъ цѣлый рядъ монаховъ, въ черныхъ рясахъ, со свѣчами въ рукахъ, тянулся вдоль ограды и, обойдя кругомъ всей пустыни, пропалъ надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ и до сихъ поръ видны могилы. Старикъ замѣтилъ, что всѣ они были изувѣчены: у одного перерѣзано горло, у другого разрублена голова, а третій шелъ вовсе безъ головы...

— И этотъ старикъ отъ страху не умеръ!—спросилъ робкимъ голосомъ Кирша, который въ первый разъ отроду почувствовалъ, что можетъ и самъ подчасъ струсить.

— Нѣтъ, не умеръ,—отвѣчалъ Кудимычъ,—а такъ испугался, что тутъ же рехнулся и, какъ говорятъ, до самой смерти не приходилъ въ память.

— Какъ же отецъ вашего боярина рѣшился на этомъ мѣстѣ построить хуторъ?

— Онъ былъ, не тѣмъ помянуто, какой-то еретикъ: ничему не вѣрилъ, въ церковь не заглядывалъ, въ баню не ходилъ—не лучше былъ татарина. Правда, баютъ, при немъ мертвецы наружу не показывались, а только по ночамъ холопи его слыхали, что подъ землею кто-то охаетъ и стонетъ. Былъ слухъ, что это живые люди, заточенные въ подземелья; а я такъ мѣкаю, да и всѣ такъ мыслятъ, что это души усопшихъ; а не показывались они потому, что старый бояринъ былъ ничѣмъ не лучше тѣхъ некрещеныхъ бусурманъ, которые раззорили пустынь. Однакожъ, наконецъ, и онъ унялся ѣздить на хуторъ; послѣ-жъ его смерти, годовъ двадцать, никто туда не заглядывалъ и только въ прошломъ лѣтѣ, по приказанію Тимоѳея Ѳедоровича, починили боярскій домъ и поисправили всѣ службы.

— Ну, теперь скажи мнѣ: этакъ мѣсяца четыре на-

задъ, не слыхалъ ли ты, что изъ Нижняго привезли сюда насильно одного молодаго боярина?...

— Мѣсяца четыре?... Кажись, нѣтъ!...

— Точно ли такъ?

— Постой-ка!... Вѣдь это никакъ придется близко Святой?... Ну, такъ и есть! .. Мнѣ сказывала мамушка Власьевна, что въ субботу на Ѳомино воскресенье ей что-то ночью не поспалось; вотъ она передъ свѣтомъ слышитъ, что вдругъ прискакали на боярскій дворъ, подошла къ окну, глядь: сидитъ кто-то въ телѣгѣ, руки скручены назадъ, ротъ завязанъ; прошло такъ около часу, вышелъ изъ хоромъ боярскій стремянный, Омляшъ, сѣлъ на телѣгу, подлѣ этого горемыки, да и по всѣмъ по тремъ.

— Такъ точно, это онъ!—вскричалъ Кирша.—Можетъ быть, я найду его на хуторѣ... Послушай, Кудимычъ, ты долженъ проводить меня до Теплаго Стана.

— Что ты, родимый! я сродясь тамъ не бывалъ.

— Полно, такъ ли?

— Видитъ Богъ, нѣтъ!

— Такъ не достанешь ли ты мнѣ проводника.

— Наврядъ. Дворовыхъ въ селѣ ни души не осталось; а изъ мужичковъ, чай, также, какъ я, никто туда не ѣзжалъ.

— Но не можешь ли хоть растолковать, по какой дорогѣ надо ѣхать?

— Кажись, по муромской. Кабы знато да вѣдано, такъ я межъ словъ повыспросилъ бы у боярскихъ холопей: они часто ко мнѣ наѣзжаютъ. Вотъ дней пять тому назадъ ночевалъ у меня Омляшъ; его посылали тайкомъ къ боярину Лесутѣ-Храпунову; отъ него бы я добился, какъ проѣхать на Теплый Станъ; хотя онъ смотритъ медвѣдемъ, а подъ хмѣлькомъ все выболтаетъ. Въ прошлый разъ, какъ онъ вытянулъ цѣлый жбанъ

браги, такъ и принялся мнѣ разсказывать, что у нихъ на хуторѣ...

Тутъ вдругъ Кудимычъ поблѣднѣлъ, затрясся и слова замерли на языкѣ его.

— Ну, чтожъ у нихъ на хуторѣ?—сказалъ запорожецъ.—Да, кой прахъ! что съ тобою сдѣлалось?

Вмѣсто отвѣта, Кудимычъ показалъ на окно, въ которое съ надворья выглядывала отвратительная рожа, съ прищуренными глазами и рыжей бородою.

— Омляшъ! — вскричалъ Кирша, выхвативъ свою саблю;—но въ ту же минуту нѣсколько человѣкъ бросились на него сзади, обезоружили и повалили на полъ.

— Скрутите его хорошенько!—закричалъ въ окно Омляшъ,—а я сейчасъ перевѣдаюсь съ хозяиномъ. Ну-ка, Архипъ Кудимовичъ,—сказалъ онъ, входя въ избу, — я все слышалъ: посмотримъ твоего досужества, какъ-то ты теперь отворожишься!

— Виноватъ, батюшка!—завопилъ Кудимычъ, упавъ на колѣни.—Не губи моей души!... Дай покаяться!

— Ахъ, ты проклятый колдунъ! такъ ты всякому прохожему разсказываешь, гдѣ живетъ нашъ бояринъ?

— Батюшка, отецъ родимый! въ первый и послѣднiй разъ проболтался! вѣкъ никому не скажу!...

— И не скажешь! я за это порукою...

Омляшъ махнулъ кистенемъ и Кудимычъ съ раздробленной головой повалился на полъ.

— Ай да Омляшъ! — сказалъ небольшаго роста человѣкъ, къ которомъ Кирша узналъ тотчасъ земскаго ярыжку. Исполать тебѣ! смотри-ка... не пикнулъ.

— Я не люблю томить, — отвѣчалъ хладнокровно Омляшъ;—мой обычай, далъ раза и дѣло съ концомъ! А ты что за птица? продолжалъ онъ, обращаясь къ Киршѣ. Ба, ба, ба! старый прiятель! милости просимъ! Чтожъ ты молчишь? иль не узналъ своего крестника?

— Да это тотъ самый колдунъ,—сказалъ одинъ изъ товарищей Омляша, — что пользовалъ нашу боярышню.

— Ой ли? Ну, братъ! не знаю, каково ты ворожишь, а нагайкою лихо дерешься. Ребята! поищите-ка веревки, да подлиннѣе, чтобъ повыше его вздернуть; а вонъ, кстати, у самыхъ воротъ знатная сосна.

— Знаете-ль, молодцы,—сказалъ земскій,—что повѣсить и одного колдуна благоугодное дѣло, а мы за одинъ пріемъ двоихъ отправимъ къ чорту... эко счастье привалило!

— А скажи-ка, крестный батюшка, — спросилъ Омляшъ,—зачѣмъ ты сюда зашелъ? Ужъ не прислали ли тебя нарочно повывѣдать, гдѣ нашъ бояринъ?... Чтожъ ты молчишь?—продолжалъ Омляшъ.—Заговорилъ бы ты у меня, да некогда съ тобой растабаривать... Ну, что стали, ребята? Удалой! тащи его къ соснѣ, да втяните на самую макушку: пусть онъ оттуда караулитъ пчельникъ!

Киршу вывели за ворота. Удалой влѣзъ на сосну, перекинулъ черезъ толстый сукъ веревку, а Омляшъ, сдѣлавъ на одномъ концѣ петлю, надѣлъ ее на шею запорожцу.

— Послушайте, молодцы!—сказалъ Кирша,—что вамъ прибыли губить меня? Отпустите живого, такъ каяться не будете.

— Ага, братъ, заговорилъ; да нѣтъ, любезный, насъ не убаюкаешь. Подымайте его!

— Постойте, я дамъ за себя выкупъ!

— Выкупъ?... Погодите, ребята.

— Что ты его слушаешь, Омляшъ,—сказалъ земскій;—я его кругомъ обшарилъ:—теперь у него и полденьги нѣтъ за душой.

— Здѣсь въ лѣсу есть кладъ.

— *Кладъ*!—вскричалъ Омляшъ.—А что вы думаете,

ребята? Вѣдь онъ колдунъ, такъ не диво, если знаетъ... Да не обманываешь ли ты!

— Что мнѣ прибыли обманывать? вѣдь я у васъ въ рукахъ.

— Ну, добро, добро! покажи намъ, гдѣ кладъ?—сказалъ земскій.

— Да, покажи вамъ, а послѣ вы меня все-таки уходите. Нѣтъ, побожитесь прежде, что вы отпустите меня живого.

— Такъ ты еще вздумалъ съ нами торговаться!—вскричалъ Омляшъ.—Покажи намъ кладъ, а тамъ посмотримъ, что съ тобой дѣлать.

— Какъ бы не такъ! Обѣщайтесь отпустить меня съ честью, такъ покажу, а безъ этого, прибавилъ твердымъ голосомъ Кирша, хотя въ куски меня рѣжьте, ни слова не вымолвлю.

— Ну, ну,—сказалъ земскій, мигнувъ Омляшу,—такъ и быть! Вотъ-те Христосъ, мы тебя отпустимъ на всѣ четыре стороны, и ничѣмъ не обидимъ, только покажи кладъ.

— Точно ли такъ, ребята?...

— Да, да,—повторилъ Омляшъ и его товарищи,—мы ничѣмъ тебя не обидимъ и отпустимъ съ честію.

— Смотрите же, молодцы! Вѣдь вамъ грѣшно будетъ, если вы меня обманете,—сказалъ Кирша.

— Не обмани только ты, а мы не обманемъ,—отвѣчалъ Омляшъ.—Удалой, возьми-ка его подъ руку, я пойду передомъ, а вы, ребята, идите по сторонамъ; да смотрите, чтобъ онъ не юркнулъ въ лѣсъ. Я его знаю: онъ хватъ-дѣтина! Томила, захвати веревку-то съ собой: не равно онъ насъ морочитъ, такъ было бы на чемъ его повѣсить.

— А вотъ кстати и заступъ,—сказалъ земскій.—Вѣдь мы не руками же станемъ раскапывать землю.

Кирша повелъ ихъ по тропинкѣ, которая шла къ

селенію. Желая продлить время, онъ безпрестанно останавливался и шелъ весьма медленно, отвѣчая на угрозы и понужденія своихъ провожатыхъ, что долженъ удостовѣриться по разнымъ примѣтамъ, туда ли онъ ихъ ведетъ. Поровнявшись съ часовнею, онъ остановился, окинулъ быстрымъ взоромъ всѣ окружности и удостовѣрился, что его казаки не прибыли еще на сборное мѣсто. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ, что не можетъ исполнить своего обѣщанія до тѣхъ поръ, пока не развяжутъ ему рукъ.

— Не хлопочи, братъ,—отвѣчалъ мляшъ;—покажи намъ только мѣсто, а ужъ копать будешь не ты.

— Да, много выкопаете! — сказалъ запорожецъ; — вѣдь кладъ не всѣмъ дается: за это надо взяться умѣючи.

— Что правда, то правда,—промолвилъ земскій.— Я много разъ слыхалъ, что безъ досужаго человѣка кладъ никому въ руки не дается; какъ не успѣешь сказать: «аминь, аминь, разсыпься!» такъ и ступай искать его въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, ну, хорошо! развяжите его, — сказалъ Омляшъ,—да чуръ не дремать, ребята, а ужъ я его не смигну!

Когда Киршѣ развязали руки, онъ спросилъ заступъ, очертилъ имъ большой кругъ подлѣ часовни и сталъ посрединѣ; потомъ, пробормотавъ нѣсколько невнятныхъ словъ и объявя, что долженъ послушать, выходитъ ли кладъ наружу, или опускается внизъ, прилегъ ухомъ къ землѣ. Сначала онъ не слышалъ ничего: все было тихо кругомъ; наконецъ ему послышался отдаленный конскій топотъ.

— Ну, что, чуешь ли что-нибудь?--спросилъ съ нетерпѣніемъ Омляшъ.

— Да, да,—отвѣчалъ запорожецъ,—дѣло идетъ порядкомъ, только торопиться не надобно. Я примусь теперь копать землю, а вы стойте вокругъ за чертою; да

смотрите, не шевелитесь! Къ этому кладу большой караулъ приставленъ: не легко онъ достанется.

— А что,—спросилъ робкимъ голосомъ земскій,—ужъ не будетъ ли какого демонскаго навожденія?

— Не безъ того-то, любезный,—отвѣчалъ Кирша важнымъ голосомъ. — Лукавый хитеръ, напуститъ на васъ страхъ! Смотрите, ребята, чуръ не робѣть! Чтобъ вамъ не померещилось, стойте смирно, а пуще всего не оглядывайтесь назадъ.

— Что за вздоръ!—сказалъ Омляшъ, взглянувъ подозрительно на Киршу.—Я никогда не слыхивалъ, чтобъ—наше мѣсто свято—показывался по утрамъ, когда ужъ пѣтухи давнымъ-давно пропѣли!

— Не слыхалъ, такъ другіе отъ тебя услышатъ. Становитесь же въ кружокъ, не говорите ни слова, смотрите внизъ, а если покажется изъ земли огонекъ, тотчасъ зачурайтесь.

Наблюдая глубокое молчаніе, всѣ стали кругомъ Кирши, который, пошептавъ нѣсколько минутъ, принялся копать съ большими разстановками.

— Чу,—шепнулъ Омляшъ земскому, — слышишь ли?... конскій топотъ!...

— Ради Бога, молчи!—отвѣчалъ земскій дрожащимъ голосомъ.

— Тсъ!... что вы? Ни гугу!—сказалъ запорожецъ, погрозивъ пальцемъ.

Шумъ часъ-отъ-часу приближался и становился внятнѣе.

— Я слышу голоса!—промолвилъ Омляшъ, посматривая съ безпокойнымъ видомъ вокругъ себя.—Эй ты, колдунъ!...

— Тсъ!...

— Если ты завелъ насъ въ какую-нибудь засаду, то...

— Тсъ...

— Уймешься ли ты? — сказалъ Томила, толкнувъ его локтемъ.

— Къ намъ точно подъѣзжаютъ! — вскричалъ Омляшъ, вынувъ изъ-за пояса большой ножъ.

— Эхъ, братецъ, перестань! — шепнулъ Удалой, — это намъ мерещится...

Земскій не говорилъ ни слова; онъ не смѣлъ пошевелить губами и стоялъ какъ вкопаный.

— Слушайте, ребята, — сказалъ Кирша, переставъ копать, если вы не уйметесь говорить, то быть бѣдѣ! То ли еще будетъ, да не бойтесь, стойте только смирно и не оглядывайтесь назадъ, а я уже знаю, когда зачурать

Омляшъ замолчалъ и, устремивъ проницательный взоръ на запорожца, слѣдилъ глазами каждое его движеніе. Между тѣмъ изъ-за кустовъ показался казакъ, за нимъ другой... тамъ третій...

— Ну, ребята! — сказалъ запорожецъ, дѣло идетъ къ концу: стойте крѣпко!... Малышъ, сюда!...

— Измѣна!... — вскричалъ Омляшъ, схвативъ за воротъ Киршу. Онъ ударилъ его о-земь и, занеся надъ нимъ ножъ, сказалъ: «Если кто-нибудь изъ нихъ тронется съ мѣста...»

Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ... Омляшъ вскрикнулъ, хотѣлъ опустить ножъ, направленный прямо въ сердце запорожца, но Кирша рванулся назадъ, и разбойникъ, захрипѣвъ, упалъ мертвый на землю. Удалой и Томила выхватили сабли, но въ одно мгновеніе проколотые дротиками казаковъ, отправились вслѣдъ за Омляшемъ.

Впродолженіи этой минутной суматохи земскій не смѣлъ пошевелиться и, считая все это дьявольскимъ навожденіемъ, творилъ про себя, заикаясь отъ страха, молитву. Когдажъ, по знаку запорожца, двое казаковъ *принялись* вязать ему руки, онъ не вытерпѣлъ и за-

кричалъ, какъ сумасшедшій: «чуръ меня! чуръ! наше мѣсто свято!...»

— Что ты горло-то дерешь?—сказалъ Кирша;—отъ этихъ чертей ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься.

— Чтожъ это такое?...—спросилъ земскій, поглядывая вокругъ себя, какъ помѣшанный. — Омляшъ!... Удалой!... Томила!...

— Полно орать, никого не докличешься; мы съ ними раздѣлались, теперь очередь за тобою...

— Ахъ, батюшки-свѣты! Такъ мы попались въ засаду?...

— Не погнѣвайся! Ребята, веревку ему на шею, да на первую осину!

— Помилуй!—закричалъ земскій,—что я тебѣ сдѣлалъ?

— А развѣ вы не хотѣли меня повѣсить? долгъ платежемъ красенъ.

— Не я, видитъ Богъ, не я: это все Омляшъ! Я ни слова не говорилъ!...

— Добро, добро, тебя не переслушаешь. Проворнѣй, ребята!

— Взмилуйся!—заревѣлъ земскій, растянувшисъ въ ногахъ запорожца. Таскай меня, бей... вели отодрать плетями, дѣлай со мной, что хочешь... только будь отецъ родной: отпусти живого.

Уродливая фигура земскаго, его отчаянный видъ, всклокоченная рыжая борода, растрепанные волосы, однимъ словомъ, вся наружность его казалась столь забавною казакамъ, что они, умирая со смѣху, не слишкомъ торопились исполнять приказаніе своего начальника. Одинъ добрый Алексѣй сжалился надъ несчастнымъ ярыжкою.—«Не губи его души,—сказалъ онъ Киршѣ,—Богъ съ нимъ!..»

— Пустое, братъ,—отвѣчалъ запорожецъ, мигнувъ Алексѣю;—тащите его!... иль нѣтъ!... постой!... Слу-

шай, рыжая собака! Если ты хочешь, чтобъ я тебя помиловалъ, то говори всю правду; но смотри, лишь только ты заикнешься, такъ и петлю на шею! Живъ ли Юрій Дмитричъ Милославскій?

— Живъ, батюшка! видитъ Богъ, живъ

— Неужто въ самомъ дѣлѣ? — вскричалъ Алексѣй.

— Гдѣ онъ теперь?—продолжалъ Кирша.

— Въ Муромскомъ лѣсу, на хуторѣ у боярина Тимоѳея Ѳедоровича.

— Доведешь ли ты насъ

— Доведу, кормилецъ! доведу!

— Поможешь ли намъ выручить Юрія Дмитрича

— Помогу, отецъ мой, помогу!

— А гдѣ теперь дочь боярина Шалонскаго, Анастасія Тимоѳеевна?

— Не знаю, батюшка!

— Не знаешь?

— Какъ Богъ святъ, не знаю; а слышалъ только, что батюшка отвезъ ее въ какой-то монастырь подъ Москву, въ которомъ игуменья приходится ей теткою.

— Много ли у боярина на хуторѣ холопей?

— Много батюшка, за сотню будетъ.

— За сотню?... Правду ли ты говоришь?

— Сущую правду, кормилецъ! Всѣхъ по пальцамъ перечту: Гаврила, Антонъ, Федотъ, Кондратій...

— Вѣрю, вѣрю... Ахъ, чортъ возьми! такъ дѣло-то трудновато!... тутъ на силу не возьмешь...

— Ужъ я вамъ помогу,—прервалъ земскій,—только отпустите меня живого; я всѣ тропинки въ лѣсу знаю, и доведу васъ ночью до самаго хутора, такъ что ни одна душа не услышитъ.

— Хорошо, господинъ ярыжка!—сказалъ Кирша; если мы выручимъ Юрія Дмитрича, то я отпущу тебя безъ всякой обиды; а если ты плохо станешь намъ помогать, то закопаю живого въ землю. Малышъ, дай

ему коня, да приставь къ нему двухъ казаковъ, и если они только замѣтятъ, что онъ хочетъ дать тягу, или, чего Боже сохрани, завести насъ не туда, куда надо, такъ тутъ же ему и карачунъ! А я между тѣмъ сбѣгаю за моимъ Вихремъ: онъ недалеко отсюда, и какъ разъ васъ догоню.

— На коня, добрые молодцы!—закричалъ Малышъ. Эй ты, рыжая борода, впередъ!... показывай дорогу!.. Ягайло, ступай возлѣ него по правую сторону, а ты, Павша, держись лѣвой руки. Ну, ребята съ Богомъ!..

III.

Знаменитые въ народныхъ сказкахъ и древнихъ преданіяхъ дремучіе лѣса Муромскіе и донынѣ пользуются неоспоримымъ правомъ—воспламенять воображеніе русскихъ поэтовъ. Тотъ, кому не случалось проѣзжать ими, съ ужасомъ представляетъ себѣ непроницаемую глубину этихъ дикихъ пустынь, сыпучіе пески, поросшія мхомъ и частымъ ельникомъ непроходимыя болота, мрачныя поляны, устланныя цѣлыми поколѣніями исполинскихъ сосенъ, которыя породились, взросли и истлѣвали на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда возвышались ихъ прежніе, современные вѣкамъ, прародители; однимъ словомъ, и въ наше время многіе воображаютъ Муромскіе лѣса

Жилищемъ вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

Но, къ сожалѣнію юныхъ поэтовъ нашихъ и къ счастію всѣхъ путешественниковъ, они давно уже потеряли свою піитическую физіономію. Напрасно бы стали мы искать окруженную топкими болотами долину, гдѣ нѣкогда, по древнимъ сказаніямъ, возвышалось на

семи дубахъ неприступное жилище Соловья-Разбойника; никто въ селѣ Карачаровѣ не покажетъ любопытному путешественнику того мѣста, гдѣ была хижина, въ которой родился и *сиднемъ* сидѣлъ тридцать лѣтъ могучій богатырь, Илья Муромецъ. О вѣдьмахъ не говорятъ уже и въ самомъ Кіевѣ; злые духи остались въ однѣхъ операхъ, а романтическіе разбойники, по милости классическихъ капитанъ-исправниковъ, вовсе перевелись на святой Русси; и бѣдный путешественникъ, мечтавшій насладиться всѣми ужасами ночнаго нападенія, пріѣхавъ домой, со вздохомъ разряжаетъ свои пистолеты, и развѣ иногда можетъ похвастаться мужественнымъ своимъ нападеніемъ на станціоннаго смотрителя, который, *Богъ знаетъ почему*, не давалъ ему до самой полуночи лошадей, или побѣдою надъ упрямымъ извощикомъ, у котораго *вѣрно было что-нибудь на умѣ*, потому что онъ ѣхалъ шагомъ по тяжелой песчаной дорогѣ, и, подъѣзжая къ одному оврагу, насвистывалъ пѣсню. Но что всего несноснѣе: этотъ дремучій лѣсъ, который въ старину представлялся воображенію чѣмъ-то таинственнымъ, неопредѣленнымъ, безконечнымъ—весь вымѣренъ, раздѣленъ на десятины, и сочинитель романа не найдетъ въ немъ ни одного уголка, котораго бы уѣздный землемѣръ не показалъ ему на общемъ планѣ всей губерніи. Правда, говорятъ, будто бы и въ наше время голодные волки бродятъ по лѣсу и кой-гдѣ въ дуплахъ завываютъ филины и сычи; но эти мелкіе второклассные ужасы такъ уже износились во всѣхъ страшныхъ романахъ, что намъ придется скоро отыскивать дѣвственную природу, со всѣми дикими ея красотами, въ пустыняхъ Барабинскихъ, или въ безконечныхъ лѣсахъ южной Сибири.

Слишкомъ за двѣсти лѣтъ до этого, то есть во времена междуцарствія, хотя мы и не можемъ сказать утвердительно, живали ли въ Муромскихъ лѣсахъ вѣдьмы,

лѣшіе и злые духи, но по крайней мѣрѣ это народное повѣрье существовало тогда еще во всей своей силѣ; что жъ касается до разбойниковъ, то не смотря на старанія губныхъ старостъ, огнищанъ и всей земской полиціи тогдашняго времени, дорога Муромскимъ лѣсомъ вовсе была не безопасна. Купецъ изъ какого нибудь низоваго города, отправляясь во Владиміръ, прощался со всѣми своими родными и, доѣхавъ благополучно до Мурома, полагалъ необходимою обязанностію отслужить благодарственный молебенъ муромскимъ чудотворцамъ, святымъ и благовѣрнымъ князю Петру и княгинѣ Ѳевроніи.

Мы попросимъ теперь читателей перенестись вмѣстѣ съ нами въ самую глубину Муромскаго лѣса, на Теплый Станъ, хуторъ боярина Шалонскаго. Чтобъ дать сколь возможно болѣе понятія о его мѣстоположеніи, мы скажемъ только, что онъ находился верстахъ въ двадцати отъ большой дороги, и почти столько же отъ береговъ Оки, которая перерѣзываетъ, или, лучше сказать, оканчиваетъ большой Муромскій лѣсъ. Не доѣзжая верстъ пяти до хутора, должно было переправиться черезъ обширное болото, въ коемъ терялась небольшая рѣчка, которая, прокрадываясь потомъ между мховъ и поросшихъ тростникомъ небольшихъ озеръ, впадала въ Оку. Узкая, едва замѣтная тропинка извивалась по болоту; по обѣимъ сторонамъ ея разстилались, повидимому, зеленѣющіе луга; но горе проѣзжему, который, плѣнясь ихъ наружностію, рѣшился бы съѣхать въ сторону съ грязной и безпокойной дороги: подъ этой обманчивой зеленой оболочкою скрывалась смерть, и одинъ неосторожный шагъ на эту бездонную трясину подвергалъ проѣзжаго неминуемой гибели; увязнувъ разъ, онъ не могъ бы уже, безъ помощи другихъ, выбраться на твердое мѣсто, съ каждымъ новымъ усиліемъ погружался бы все глубже, и, продолжая тонуть поне-

многу, испыталъ бы на себѣ всѣ мученія медленныхъ казней, придуманныхъ безчеловѣчіемъ и жестокостію людей. По другой сторонѣ топи начиналась прямая просѣка, ведущая на окруженную со всѣхъ сторонъ болотами и дремучимъ лѣсомъ обширную поляну, во всю ширину ея простирались стѣны древней обители, на развалинахъ которой былъ выстроенъ хуторъ боярина Кручины. Небольшая рѣчка, о которой мы уже говорили, обтекая кругомъ всей стѣны, составляла, передъ самымъ въѣздомъ на поляну, продолговатый и довольно широкій прудъ; длинная и узкая гать служила плотиною, по которой подъѣзжали къ самымъ стѣнамъ хутора. По всѣмъ угламъ четырехсторонней ограды построены были круглыя башни, изъ которыхъ двѣ, казалось, готовы были ежеминутно разрушиться; но остальныя, не смотря на всѣ признаки ветхости, могли еще быть обитаемы. Надъ главными воротами, на которыхъ замѣтны были остатки живописи, изображавшей, вѣроятно, святыхъ угодниковъ, возвышалась до половины разрушенная сторожевая башня. Внутри ограды, вдоль всей восточной стѣны, выстроены были бревенчатыя хоромы боярина Шалонскаго, а остальная часть хутора занята службами и огромною конюшнею. На самой серединѣ двора видны были остатки довольно обширной, но низкой церкви; узкія, похожія на трещины, окна совершенно заглохли травою, а вся поверхность сводовъ поросла кустами жимолости, изъ средины которыхъ подымались двѣ или три молодыя ели.

Глухая полночь давно уже наступила; вѣтеръ завывалъ между деревьями, и ни одна звѣздочка не блистала на черныхъ, густыми тучами покрытыхъ, небесахъ. Почти всѣ жители Теплаго Стана покоились крѣпкимъ сномъ, и только караульный, поставленный на сторожевой башнѣ, изрѣдка перекликался съ своимъ товарищемъ, стоявшимъ у противоположныхъ воротъ.

[redacted]

Кой-гдѣ мелькалъ сквозь окна слабый свѣтъ лампадъ, висящихъ передъ иконами, и одна только часть хоромъ боярина Кручины казалась ярко освѣщенною. Въ обширномъ покоѣ, за дубовымъ столомъ, покрытымъ остатками ужина, сидѣлъ Кручина Шалонской, съ задушевнымъ своимъ другомъ, бояриномъ Истомою-Туренинымъ; у дверей комнаты дремали, прислонясь къ стѣнѣ, двое слугъ; при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра, отъ котораго стучали ставни и раздавался по лѣсу глухой гулъ, они, вздрогнувъ, посматривали робко другъ на друга, и казалось, не смѣли взглянуть на окна, изъ коихъ можно было различить, не смотря на темноту, часть западной стѣны и сторожевую башню, на которыхъ отражались лучи ярко освѣщеннаго покоя.

— Выпей-ка еще этотъ кубокъ,—сказалъ Кручина, наливая Туренину огромную серебряную кружку.—Я давно уже замѣтилъ, что ты мыслишь тогда только за одно со мною, когда у тебя зашумитъ порядкомъ въ головѣ. Воля твоя, а ты ужъ черезъ-чуръ всего опасаешься. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, Андрей Никитичъ, а робкаго одинъ лѣнивый не бьетъ.

— Благоразуміе не робость, Тимоѳей Ѳедоровичъ,— отвѣчалъ Туренинъ.—И ради чего Господь одарилъ насъ умомъ и мыслію, если мы и съ сѣдыми волосами будемъ поступать какъ малыя дѣти? Дозволь тебѣ сказать: ты ужъ не въ мѣру малоопасенъ; да вотъ хоть напримѣръ: для какой потребы эти два пострѣла торчатъ у дверей? Развѣ для того, чтобъ подслушивать наши рѣчи.

— Подслушивать? да смѣютъ ли они имѣть уши, когда стоятъ въ моемъ покоѣ?

— Смѣютъ ли!... Чего не смѣетъ подъ-часъ это Хамово отродье. Послушай, Тимоѳей Ѳедоровичъ, коли ты желаешь продолжать со мною начатый разговоръ, то вышли вонъ своихъ челядинцевъ.

— Ну если хочешь, пожалуй! Эй вы, дурачье!... ступайте вонъ.

Слуги, молча, поклонились и вышли въ другую комнату.

— Вотъ этакъ-то лучше!—сказалъ Туренинъ, притворяя дверь.—И такъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ, продолжалъ онъ, садясь на прежнее мѣсто, ты рѣшился оставить Теплый Станъ?

— Да, дѣлать нечего. Гетманъ Хоткѣвичъ долженъ быть уже подъ Москвою, и если нижегородскіе разбойники съ атаманомъ своимъ, Пожарскимъ, и есауломъ его, мясникомъ Сухоруковымъ, и подоспѣютъ на помощь къ князю Трубецкому, то все ему не сдобровать; Заруцкой съ своими казаками и рукъ не отведутъ, такъ разсуди самъ, какой я добьюсь чести, если во все это время просижу здѣсь на хуторѣ, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ?

— Оно такъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ; не худо бы намъ добраться до войска пана Хоткѣвича: если онъ будетъ побѣдителемъ, тѣмъ лучше для насъ—и мы тамъ были на лицо, еслижъ на бѣду его поколотятъ...

— Что ты?... можетъ ли это статься?

— Богъ вѣсть! не узнаешь, любезный. Иногда удается и теляти волка поймати; а Пожарской не изъ простыхъ воеводъ: хитеръ и на руки охулки не положитъ. Ну, если какимъ ни есть случаемъ да посчастливится нижегородцамъ устоять противъ поляковъ и очистить Москву, что тогда съ нами будетъ? Тебя они величаютъ измѣнникомъ, да и я, чай, записанъ у Пожарскаго въ *нетѣхъ* *): такъ намъ обоимъ жутко придется. А какъ будемъ при Хоткѣвичѣ, то, какова ни

---

*) Такъ назывались тѣ, которые по требованію правительства не являлись на службу.

[redacted]

мѣра, плохо пришло—въ Польшу уѣдемъ, и если не здѣсь, такъ тамъ будемъ въ чести.

— Вотъ то-то же; ты видишь самъ, что намъ мѣшкать не должно.

— Видѣть-то я вижу, да какъ мы доберемся до польскаго войска?... Ѣхать однимъ... того и гляди попадешься въ руки къ разбойникамъ шишамъ, отъ которыхъ, говорятъ, около Москвы проѣзду нѣтъ. Взять съ собой человѣкъ тридцать холопей... съ такой оравой тайкомъ не прокрадешься; а Пожарской давно уже изъ Ярославля, со всѣмъ войскомъ, къ Москвѣ выступилъ.

— Не выходить бы ему изъ Ярославля,—вскричалъ Кручина,—еслибъ этотъ дуракъ, Сенька Ждановъ, не промахнулся! И что съ нимъ сдѣлалось?... Я его, какъ самаго удалого изъ моихъ слугъ, послалъ къ Заруцкому; а тотъ отправилъ его съ двумя казаками въ Ярославль зарѣзать Пожарскаго — и этого-то собачій сынъ, не умѣлъ сдѣлать! Какъ подумаешь, такъ не изъ чего этихъ хамовъ и хлѣбомъ кормить!

— Какъ бы то ни было, Тимоѳей Ѳедоровичъ, а дѣлать нечего, надобно пуститься на удалую. Но, такъ какъ по мнѣ все лучше попасться въ руки къ Пожарскому, чѣмъ къ этимъ проклятымъ шишамъ, то мой совѣтъ—однимъ намъ въ дорогу не ѣздить.

— И я тоже думаю. И такъ если завтра погода будетъ получше... Тьфу, батюшки! что за вѣтеръ! экой гулъ идетъ по лѣсу!

— Да, погодка разыгралась. И то сказать, въ лѣсу не такъ, какъ въ чистомъ полѣ: и небольшой вѣтерокъ подыметъ такой шумъ, что подумаешь свѣту представленіе... Чу! слышишь ли? и свиститъ и воетъ... Ахъ, батюшки-свѣты! что это?... словно человѣческіе голоса!

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Кручина, вставая съ своего мѣста,—и мнѣ что то послышалось... прибавилъ онъ, глядя изъ окна на сторожевую башню.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Туренинъ, покачавъ сомнительно головою,—это не такъ близко отсюда, а развѣ за плотиною въ просѣкѣ.

— Ужъ не ѣдетъ ли назадъ Омляшъ съ товарищами?—сказалъ Кручина.

— Можетъ статься,—отвѣчалъ Туренинъ;—однакожъ не худо, еслибъ ты велѣлъ разбудить человѣкъ десять холопей.

— На что?

— Да такъ, чтобъ, знаешь ли, врасплохъ не пожаловали въ гости.

— Помилуй, любезный! кому?... Кто, кромѣ нашихъ, въ такую темнять проѣдетъ болотомъ?

— Все такъ; а право, не мѣшало бы...

— Э, да я вижу, ты еще не допилъ своего кубка! Ну-ка, братъ, выкушай на здоровье! авось храбрости въ тебѣ прибудетъ. Помилуй, чего ты опасаешься? Въ нашей сторонѣ никакого войска нѣтъ; а еслибъ и было, такъ кого нелегкая понесетъ? Вѣрнѣе всего, что намъ послышалось. Омляшъ всѣ тропинки въ лѣсу знаетъ, да и онъ наврядъ пустится теперь черезъ болото.

— А куда ты его отправилъ?

— Къ Замятнѣ - Опалеву. Сегодня или завтра, чѣмъ-свѣтъ, ему назадъ вернуться должно. И такъ, Андрей Никитичъ, дѣло кончено: мы завтра отправимся въ дорогу. Знаешь ли, что намъ придется ѣхать мимо Троицкой лавры?

— Для чего?

— Да надо завернуть въ Хотьковскую обитель, за Настенькой: она ужъ четвертый мѣсяцъ живетъ тамъ у своей тетки, сестры моей, игуменьи Ирины. Не вѣкъ ей оставаться невѣстою, пора ужъ быть женою пана Гонсѣвскаго; а къ тому-жъ, если намъ придется уѣхать въ Польшу, то какъ ее послѣ выручить? Хоть, правду

сказать, я не въ тебя, Андрей Никитичъ, и вѣрить не хочу, чтобъ этотъ нижегородскій сбродъ устоялъ противъ обученаго войска польскаго и такого знаменитаго воеводы, каковъ гетманъ Хоткѣвичъ.

— Не говори, Тимоѳей Ѳедоровичъ; мало ли что случиться можетъ; не подумаешь впередъ, такъ чтобъ послѣ локтей не кусать. Ну, а скажи мнѣ, если завтра мы отсюда отправимся, что ты сдѣлаешь съ Милославскимъ? Неужли-то потащишь съ собою?

— Да, мнѣ хотѣлось бы этого предателя руками выдать пану Гонсѣвскому.

— Нѣтъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ, неравно попадемся сами, такъ бѣдовое дѣло; вѣдь онъ живая улика.

— Что правда, то правда; придется оставить его здѣсь.

— Вотъ то-то же! Ну, къ чему навязалъ себѣ на шею эту заботу? Кабы твой Омляшъ меня послушался, то давнобъ объ этомъ Милославскомъ и слуху не было! такъ нѣтъ!... «мнѣ-дескать наказано отъ боярина живьемъ его схватить!» Живьемъ!... Вотъ теперь и возись съ нимъ!

— Да знаешь ли, что этотъ мальчишка обидѣлъ меня за столомъ, при панѣ Тишкевичѣ и всѣхъ моихъ гостяхъ? Вспомнить не могу!...—продолжалъ Кручина, засверкавъ глазами...—Этотъ щенокъ осмѣлился угрожать мнѣ... и ты хочешь, чтобъ я удовольствовался его смертью... Нѣтъ, чортъ возьми! я хотѣлъ, и теперь еще хочу, уморить его въ кандалахъ: пусть онъ таетъ какъ свѣча, пусть, умирая понемногу, узнаетъ, каково оскорбить боярина Шалонскаго!

— Оно такъ,—прервалъ хладнокровно Туренинъ,—конечно, весело потѣшиться надъ своимъ злодѣемъ, да чтобъ оглядокъ не было. Ты оставишь его здѣсь... ну, а коли, чего Боже сохрани! безъ тебя онъ, какъ ни е сть, вырвется на волю?... Эхъ, Тимофей Ѳедоровичъ послушайся моего совѣта... мертвые не болтаютъ.

— Такъ ты думаешь?...

— Ну, да, хватилъ ножемъ, да и концы въ воду!

Бояринъ Кручина, помолчавъ нѣсколько минутъ, повторилъ въ полголоса: — «Ножемъ!... но неужели я долженъ самъ?...»

— Кто тебѣ говоритъ? Что, у тебя мало что-ль молодцовъ?... Стоитъ только намекнуть...

— Омляшъ и Удалой въ дорогѣ, а на другихъ я небольно надѣюсь.

— Вели позвать моего дворецкаго; у него рука не дрогнетъ.

— Такъ ты думаешь, что мы должны?... что для безопасности нашей?...

— Какъ же! вѣдь онъ насъ за руки держитъ; одинъ конецъ—такъ намъ и ему легче будетъ.

— Ну, инъ быть по твоему, — сказалъ Кручина, вставая медленно изъ-за стола. Онъ наполнилъ огромную кружку виномъ и, выпивъ ее однимъ духомъ, подошелъ къ дверямъ, взялся за скобку, но вдругъ остановился; казалось, нѣсколько минутъ онъ боролся съ самимъ собою, и наконецъ прошепталъ глухимъ голосомъ: «Нѣтъ! не могу!... никакъ не могу!...»

— Чуденъ ты мнѣ! — сказалъ, покачавъ головою, Туренинъ. Вѣдь ты хотѣлъ же его уморить въ кандалахъ?

— Да, и какъ вспомню, что этотъ молокососъ осмѣлился ругаться надо мною, то вся кровь закипитъ!

— Такъ что-жъ?

— Такъ что-жъ!... Эхъ, Андрей Никитичъ! въ сердцахъ я готовъ на все: самъ зарѣжу того, кто осмѣлится мнѣ поперечить... а вѣдь онъ въ моихъ рукахъ!...

— Тѣмъ лучше.

— Въ цѣпяхъ... истомленный голодомъ, едва живой... Когда подумаю, что онъ, не вымолвивъ ни слова,

[redacted]

какъ мученикъ протянетъ свою шею... Нѣтъ, Андрей Никитичъ, не могу! видитъ Богъ, не могу!..

— Кто говоритъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ, конечно жаль: дѣтина молодой, здоровый, дожилъ бы до сѣдыхъ волосъ... да чтожъ дѣлать, своя рубашка къ тѣлу ближе.

Шалонской бросился на скамью и, закрывъ обѣими руками лицо, не отвѣчалъ ни слова.

— Послушай, любезный,—продолжалъ Туренинъ, что сдѣлано, то сдѣлано: назадъ не воротишься, и о чемъ тутъ думать? Не при мнѣ ли Милославской говорилъ нижегородцамъ, чтобъ не покорялись Владиславу? Не по его ли совѣту они пошли подъ Москву? Не онъ ли ободрялъ ихъ, разсказывая о безсиліи поляковъ и готовности гражданъ московскихъ возстать противъ Гонсѣвскаго? не клялся ли онъ въ вѣрности Владиславу? Не измѣнилъ ли своей присягѣ, и не заслуживаетъ ли этотъ предатель смертной казни? Ну, что-жъ ты молчишь? Отвѣчай, Тимоѳей Ѳедоровичъ!

— Бояринъ Туренинъ,—сказалъ Кручина, бросивъ на него угрюмый взглядъ: не намъ съ тобою осуждать Милославскаго... Но ты правъ, назадъ вернуться не можно. Дѣлай, что хочешь... и пусть эта кровь падетъ на твою голову!

— Аминь!—сказалъ Туренинъ, подходя къ дверямъ.

— Постой! — вскричалъ Шалонской, — слышишь ли?... это ужъ не вѣтеръ...

— Да,—отвѣчалъ Туренинъ, отворяя окно.—Точно!.. Конскій топотъ!

— Неужели Омляшъ? Скоро-жъ онъ назадъ воротился... Чшни!... караульный съ кѣмъ-то разговариваетъ... Кажется... точно такъ! это голосъ Прокофьича.

— Земскаго ярыжки, который у тебя живетъ?

— Да; я отправилъ его вмѣстѣ съ Омляшемъ.

— Ну, такъ и есть; это должны быть они... вотъ

и караульный сошелъ съ башни... отворяетъ ворота... Кой чортъ!... а сколько ты людей отправилъ съ Омляшемъ?

— Ихъ было всего четверо.

— Четверо?... Полно, такъ ли?... Кажется, ихъ гораздо больше... Постой-ка... тьфу, батюшки, какая темнять!

Тутъ на дворѣ раздался болѣзненный крикъ, похожій на удушливое и слабое восклицаніе умирающаго человѣка.

— Что это значитъ?—спросилъ торопливо Туренинъ.

— Дурачье! — сказалъ Кручина, ужъ не задавили ли кого-нибудь въ потемкахъ?

— Тимоѳей Ѳедоровичъ! — вскричалъ Туренинъ,— посмотри-ка!... Мнѣ кажется, что отъ воротъ идетъ что-то много пѣшихъ людей...

— Право?... Ну, спасибо Замятнѣ! Я просилъ его прислать ко мнѣ десятка два своихъ холопей. У меня здѣсь больныхъ на половину, а какъ возьмемъ съ собой человѣкъ тридцать, такъ было бы кому хуторъ покараулить. Пожалуй, заберутся въ гости и разбойники.

— А что, у тебя заведено чтоль, держать по ночамъ ворота настежъ?

— Какъ настежъ?

— Да развѣ не видишь? Караульный и не думаетъ запирать.

— Въ самомъ дѣлѣ... Можетъ быть, не всѣ еще въѣхали.

— Не всѣ?... Кажется и такъ порядочная кучка прошла дворомъ.

Вдругъ въ сѣняхъ послышались шаги многихъ людей, поспѣшно идущихъ.

— Тимоѳей Ѳедоровичъ! — вскричалъ испуганнымъ голосомъ Туренинъ,—сюда идутъ!...

[redacted]

— Что это значитъ?...—спросилъ Кручина, подойдя къ дверямъ.

Въ сосѣднемъ покоѣ раздался громкій крикъ, и Кирша, въ провожаніи пяти казаковъ и Алексѣя, вбѣжалъ въ комнату.

— Измѣна!—вскричалъ Шалонской...

— Молчать!...—сказалъ Кирша, и прицѣлился въ него пистолетомъ. — Слушайте, бояре! Если изъ васъ кто-нибудь пикнетъ, то тутъ вамъ и конецъ! Тимоѳей Ѳедоровичъ, веди насъ сейчасъ туда, гдѣ запрятанъ у тебя Юрій Дмитричъ Милославскій.

Шалонской протянулъ руку, чтобъ схватить со стола ножъ, но Туренинъ, удержавъ его, закричалъ: «Бога ради, бояринъ, не губи насъ обоихъ! Добрый человѣкъ!» продолжалъ онъ, обращаясь къ Киршѣ...

— Тсс! ни слова!—прервалъ запорожецъ. Гдѣ чи отъ его темницы?

Кручина молча показалъ на стѣну.

— Хорошо,—сказалъ Кирша, снявъ ихъ со стѣны;— возьмите каждый по свѣчѣ и показывайте, куда идти... Да Боже васъ сохрани, сдѣлать тревогу!... Ребята! подъ руки ихъ! ножи къ горлу... вотъ такъ... ступай!

Въ сосѣднемъ покоѣ къ нимъ присоединилось пятеро другихъ казаковъ; двое по рукамъ и ногамъ связанныхъ слугъ лежали на полу. Сойдя съ лѣстницы, они пошли вслѣдъ за Шалонскимъ къ развалинамъ церкви. Когда они проходили мимо службъ, то, несмотря на глубокую тишину, ими наблюдаемую, шумъ отъ ихъ шаговъ пробудилъ нѣсколькихъ слугъ; въ двухъ или трехъ мѣстахъ народъ зашевелился и творились окна.

— Тимоѳей Ѳедоровичъ!—сказалъ Кирша, если всѣ эти рожи сей же часъ не спрячутся, то...—Онъ приставилъ дуло пистолета къ его виску... — Слышишь ли, бояринъ?

Шалонской не отвѣчалъ ни слова, но Туренинъ закричалъ прерывающимся отъ страха голосомъ:

— Что вы глазѣете, дурачье? иль хотите подсматривать за вашими боярами?... Вотъ я васъ, бездѣльники!...

Окна затворились и снова настала совершенная тишина. Подойдя къ развалинамъ, казаки вошли, вслѣдъ за бояриномъ Кручиною, во внутренность разоренной церкви. Въ трапезѣ, противъ того мѣста, гдѣ замѣтны еще были остатки каменнаго амвона, Шалонской показалъ на чугунную широкую плиту, съ толстымъ кольцомъ. Когда ее подняли, открылась узкая и крутая лѣстница, ведущая внизъ.—«Тимоѳей Ѳедоровичъ, —сказалъ Кирша,—потрудись идти впередъ; а ты бояринъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Туренину, — ступай-ка подлѣ меня; неравно у васъ есть какая-нибудь лазейка, и если онъ отъ насъ ускользнетъ, то хоть ваша милость не вывернется». Сойдя ступеней двадцать, они очутились въ обширномъ подземельѣ; покрытыя надписями чугунныя доски и каменныя плиты, съ высѣченными словами, доказывали, что это подземелье служило склепомъ, въ которомъ хоронили нѣкогда усопшихъ иноковъ. Въ одномъ углубленіи, окованная желѣзомъ низкая дверь была заперта огромнымъ висячимъ замкомъ. Кручина, не говоря ни слова, остановился подлѣ нея; въ одну минуту замокъ былъ отпертъ, дверь отворилась и Алексѣй, вмѣстѣ съ Киршею и двумя казаками, вошелъ, или лучше сказать, пролѣзъ, съ свѣчкою въ рукахъ, сквозь узкое отверстіе, въ небольшой четыреугольный погребъ. Въ немъ, прикованный толстой цѣпью къ стѣнѣ, лежалъ на соломѣ несчастный Милославской. Услышавъ необычный шумъ и увидя вошедшихъ людей, онъ молча перекрестился и закрылъ рукою глаза.

— Ахти, насъ обманули!—вскричалъ Алексѣй,—это не онъ!

Звуки знакомаго голоса пробудили отъ безчувствія полумертваго Юрія; онъ открылъ глаза, привсталъ и, протянувъ впередъ руки, промолвилъ слабымъ голосомъ: «Алексѣй, ты ли это?»

— Боже мой!.. это его голосъ!—вскричалъ вѣрный слуга, бросившись къ ногамъ своего господина.—Юрій Дмитричъ!—продолжалъ онъ всхлипывая,—батюшка!... отецъ ты мой!... Ахъ, злодѣи, богоотступники!... что это они сдѣлали съ тобою? Господи, Боже мой! краше въ гробъ кладутъ!... Варвары! кровопійцы!

Рыданія прерывали слова его; онъ покрывалъ поцѣлуями руки и ноги Юрія, который, казалось, не могъ еще образумиться отъ этого нечаяннаго появленія, и не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлалось.

— Добро, будетъ, Алексѣй!—сказалъ запорожецъ: успѣешь нарадоваться и нагореваться послѣ; теперь намъ не до того. Ребята! проворнѣй сбивайте съ него цѣпи... иль нѣтъ... постой... въ этой связкѣ должны быть отъ нихъ ключи.

Кирша не ошибся; ключи нашлись и черезъ нѣсколько минутъ, ведя подъ руки Юрія, который съ трудомъ переступалъ, они вышли вонъ изъ погреба. «Алексѣй»,—сказалъ запорожецъ,—«выведи поскорѣй своего господина на свѣжій воздухъ, а мы тотчасъ будемъ за вами. Ну, бояре,—продолжалъ онъ,—«милости просимъ на мѣсто Юрія Дмитрича; вамъ вдвоемъ скучно не будетъ, вы люди умные, чай есть о чемъ поговорить. Эй, молодцы! пособите имъ войти въ покой, въ которомъ они угощали боярина Милославскаго».

Туренинъ хотѣлъ что-то сказать, но казаки, не слушая его, втолкнули ихъ обоихъ въ погребъ, заперли дверь, и когда выбрались опять въ церковь, то принялись-было за плиту; но Кирша, не приказавъ имъ закрывать отверстія, вышелъ на паперть. Казалось, чистый воздухъ укрѣпилъ нѣсколько изнуренныя силы

— Не то чтобъ жаль; но вѣдь, по правдѣ сказать, бояринъ Шалонской мнѣ никакого зла не сдѣлалъ; я ѣлъ его хлѣбъ и соль. Вотъ дѣло другое, Юрій Дмитричъ, конечно, безъ грѣха могъ бы уходить Шалонскаго, да на бѣду у него есть дочка, такъ и ему нельзя... Эхъ, чортъ возьми! кабы можно было, вернулся бы назадъ!... Ну, дѣлать нечего... Эй, вы, передовые!... ступай! да пусть рыжій-то ѣдетъ болотомъ первый, и если вздумаетъ дать стречка, такъ посадите ему въ затылокъ пулю... Съ Богомъ!

Доѣхавъ до топи, всѣ казаки вытянулись въ одинъ рядъ. Земскій ѣхалъ впереди, а вслѣдъ за нимъ одинъ казакъ, державшій на готовѣ винтовку, чтобъ ссадить его съ коня, при первой попыткѣ къ побѣгу. Они проѣхали, хотя съ большимъ трудомъ и опасностію, но безъ всякаго приключенія, почти всю проложенную болотомъ дорожку; но шагахъ въ десяти отъ выѣзда на твердую дорогу, лошадь подъ земскимъ ярыжкою испугалась толстой колоды, лежащей поперегъ тропинки, поднялась на дыбы, опрокинулась на бокъ, и придавя его всѣмъ тѣломъ, до половины погрузилась вмѣстѣ съ нимъ въ трясину, которая, разступясь, обхватила кругомъ коня и всадника, и подобно удаву, всасывающему въ себя живую добычу, начала понемногу тянуть ихъ въ бездонную свою пучину.

— Батюшки, помогите!—завопилъ земскій.—Погибаю... помогите!...

Казаки остановились, но Кирша закричалъ: «Что вы его слушаете, ребята? Ступай мимо»!

— Отцы мои, помогите!—продолжалъ кричать земскій, меня тянетъ внизъ!... задыхаюсь!... помогите!...

— Эхъ, любезный!—сказалъ Алексѣй, тронутый жалобнымъ крикомъ земскаго,—вели его вытащить! вѣдь ты самъ же обѣщалъ...

— Да,—отвѣчалъ хладнокровно Кирша,—я обѣщалъ

[redacted]

отпустить его безъ всякой обиды, а вытаскивать изъ болота уговора не было.

— Послушай, Кирша Пахомычъ,—промолвилъ Малышъ,—чортъ съ нимъ! ну, что? ужь такъ и быть, прикажи его вытащить.

— Что ты, братъ! вѣдь мы дали слово отпустить его на всѣ четыре стороны, и если ему вздумалось проѣхаться по болоту, такъ намъ какое дѣло? Пускай себѣ разгуливаетъ!

— Бога ради,—вскричалъ Милославской,—спасите этого бѣдняка!

— И, бояринъ,—отвѣчалъ Кирша, есть когда намъ съ нимъ возиться; да и о чемъ тутъ толковать? Дурная трава изъ поля вонъ!

— Слышишь ли, какъ онъ кричитъ? Неужели въ тебѣ нѣтъ жалости?

— Нѣтъ, Юрій Дмитричъ!—отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ запорожецъ. — Долгъ платежемъ красенъ. Вчера этотъ бездѣльникъ прежде всѣхъ отыскалъ веревку, чтобъ меня повѣсить. Рысью, ребята! — закричалъ онъ, когда вся толпа выѣхала на твердую дорогу.

Долго еще долеталъ до нихъ по вѣтру отчаянный вопль земскаго; громкій отголосокъ разносилъ его по лѣсу—вдругъ все затихло. Алексѣй снялъ шапку, перекрестился и сказалъ въ полголоса: — «Успокой Господи его душу»!

— И дай ему царство небесное!—промолвилъ Кирша: я на томъ свѣтѣ ему зла не желаю.

Они не отъѣхали полуверсты отъ болота, какъ у передовыхъ казаковъ лошади шарахнулись и стали храпѣть; черезъ минуту изъ-за куста сверкнули, какъ уголь, блестящіе глаза, и вдругъ межъ деревьевъ, вдоль опушки, промчалась цѣлая стая волковъ.

— Экое чутье у этихъ звѣрей!—сказалъ Кирша,

глядя вслѣдъ за волками. Посмотрите-ка, вѣдь они пробираются къ болоту...

Никто не отвѣчалъ на это замѣчаніе, отъ котораго волосы стали дыбомъ и замерло сердце у добраго Алексѣя. Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ выбрались они наконецъ изъ лѣсу на большую дорогу и, проѣхавъ еще версты три, въѣхали въ деревню, отъ которой оставалось до Мурома не болѣе двадцати верстъ. Въ ту самую минуту, какъ путешественники, остановясь у постоялаго двора, слѣзли съ лошадей, показалась вдали довольно большая толпа всадниковъ, ѣдущихъ по нижегородской дорогѣ. Алексѣй, введя Юрія въ избу, началъ хлопотать объ обѣдѣ, и понукать хозяина, который обѣщался попотчивать ихъ отличной ухою. Всѣ казаки въѣхали на дворъ, а Кирша не приказавъ имъ разнуздывать лошадей, остался у воротъ, чтобъ посмотрѣть на проѣзжихъ, которыхъ передовой, поровнявшись съ постоялымъ дворомъ, слѣзъ съ лошади и, подойдя къ Киршѣ, сказалъ:—Добраго здоровья, господинъ честной! Ты я вижу, не здѣшній?

— Да, любезный, - отвѣчалъ запорожецъ.

— Такъ у тебя и спрашивать нечего.

— Почему знать? О чемъ спросишь.

— Да вотъ бояре не знаютъ, гдѣ проѣхать на хуторъ Теплый Станъ.

— Теплый Станъ? къ боярину Шалонскому?

— Такъ ты знаешь!

— Какъ не знать! Вы дорогу-то мимо проѣхали.

— Версты три отсюда?

— Ну, да, она осталась у васъ въ правой рукѣ.

— Вотъ что!... И мы, по сказкамъ, то же думали, да боялись заплутаться; вишь, здѣсь какая глушь; какъ сунешься не спросясь, такъ заѣдешь и Богъ вѣсть куда.

Впродолженіи этого разговора, проѣзжіе поровнялись съ постоялымъ дворомъ. Впереди ѣхалъ верховой

съ ручнымъ бубномъ, ударяя въ который, онъ подавалъ знакъ простолюдинамъ очищать дорогу; за нимъ рядомъ двое богато одѣтыхъ бояръ, шага два позади ѣхалъ краснощекій толстякъ съ предлинными усами, въ польскомъ платьѣ и огромной шапкѣ; а вслѣдъ за ними человѣкъ десять хорошо вооруженныхъ холопей.

— Степанъ Кондратьевичъ,—сказалъ передовой, подойдя къ одному изъ бояръ, который былъ дороднѣе и осанистѣе другого;—вотъ этотъ молодецъ говоритъ, что дорога на Теплый Станъ осталась у насъ позади.

— Ну, вотъ,—вскричалъ дородный бояринъ,—не говорилъ ли я, что намъ должно было ѣхать по той дорогѣ? А все ты, Ѳома Сергѣевичъ! Не даромъ вѣщаетъ премудрый Соломонъ: «неразуміе мужа погубляетъ пути его».

— Небольшая бѣда,—отвѣчалъ другой бояринъ, что мы версты двѣ, или три проѣхали лишняго; вѣдь хуже, еслибъ мы заплутались. Не спросясь броду, не суйся въ воду, говаривалъ всегда, блаженной памяти, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.

— Знаю, знаю! ужъ ты разъ десять мнѣ это разсказывалъ,—перервалъ дородный бояринъ.—Войдемъ-ка лучше въ избу, да перекусимъ чего-нибудь. Хоть и сказано: «отъ плодовъ устенъ твоихъ насытишь чрево свое», но отъ одного разглагольствованія сытъ не будешь. А вы, смотрите, съ коней не слѣзать; мы сейчасъ отправимся опять въ дорогу. Сказавъ сіи слова, оба боярина, въ которыхъ читатели, вѣроятно, узнали уже Лесуту-Храпунова и Замятню Опалева, слѣзли съ коней и пошли въ избу. Краснощекій толстякъ спустился также съ своей лошади, и когда подошелъ къ воротамъ, то Кирша, заступя ему дорогу, сказалъ улыбаясь: «Ба ба, ба! здравствуй, ясновельможный панъ Копычинскій! По добру ли, по здорову»?

Полякъ взглянулъ гордо на Киршу и хотѣлъ пройти мимо.

— Что такъ заспѣсивился, панъ?—продолжалъ запорожецъ, остановивъ его за руку.—Перемолви хоть словечко!

— Що то есть!—вскричалъ Копычинскій, стараясь вырваться.—Отцѣпись, москаль!

— А развѣ ты его знаешь?—спросилъ Киршу одинъ изъ служителей проѣзжихъ бояръ.

— Какъ же! мы давнишніе знакомцы. Не хочешь ли, панъ, покушать? У меня есть жареный гусь.

— Слушай, москаль!—завизжалъ Копычинскій, если ты не отстанешь, то дали букъ...

— И, полно буянить, ясновельможный! Что хорошаго? Вѣдь здѣсь грядокъ нѣтъ, спрятаться негдѣ...

Полякъ вырвался и, отступя шага два, ухватился съ грознымъ видомъ за рукоятку своей сабли.

— Небось, добрый человѣкъ!—сказалъ служитель, онъ только пугаетъ: вѣдь сабля-то у него деревянная.

— Ой ли! Эй, слушай-ка, панъ!—закричалъ Кирша вслѣдъ поляку, который спѣшилъ уйдти въ избу,—у какого москаля отбилъ ты свою саблю?... Ушелъ!... Какъ онъ къ вамъ попался?

— Онъ, изволишь видѣть,—отвѣчалъ служитель,—пріѣхалъ, мѣсяца четыре назадъ, изъ Москвы: да не поладилъ что-ль съ паномъ Тишкевичемъ, который на ту пору былъ въ нашихъ мѣстахъ съ своимъ региментомъ; только говорятъ, будто-бъ ему сказано, что если онъ назадъ вернется въ Москву, то его тотчасъ повѣсятъ; вотъ онъ и пріютился къ господину нашему, Степану Кондратьичу Опалеву. Вишь рожа-то у него какая дурацкая!..., Пошелъ къ боярину въ шуты; да такой задорный, что не приведи Господи!

Кирша вошелъ также въ избу. Оба боярина сидѣли *за столомъ* и трудились около большого пирога, не об-

ращая никакого вниманія на Милославскаго, который ѣлъ молча на другомъ концѣ стола уху, изготовленную хозяиномъ постоялаго двора.

— Ты что-ль, молодецъ, сказывалъ нашимъ людямъ,— спросилъ Лесута у запорожца,—что мы миновали дорогу на Теплый Станъ?

— Да, бояринъ. Я вчера самъ тамъ былъ.

— И видѣлъ Тимоѳея Ѳедоровича?

— Какъ же! и его и боярина Туренина.

— Такъ и Туренинъ на хуторѣ? Ну что, здоровы ли они?

— Слава Богу! Только больно испостились.

— Какъ такъ?

— Да развѣ ты не знаешь, бояринъ?... Они теперь оба живутъ затворниками.

— Затворниками?

— Какъ же! Если ты не найдешь ихъ въ хоромахъ, то ищи въ подземномъ склепѣ, подъ церковнымъ поломъ.

— Что-жъ они тамъ дѣлаютъ?

— Вѣстимо что: спасаются!

— Эко диво!—сказалъ Опалевъ;—и вина не пьютъ?

— Какое вино! Не пріѣзжайте вы къ нимъ, такъ они дня три или четыре куска бы въ ротъ не взяли, такіе стали постники.

— Что это имъ вздумалось?...—вскричалъ Лесута.— Да они этакъ вовсе себя уходятъ!

— Вотъ то-то и есть,—прибавилъ Опалевъ:—ученіе свѣтъ, а неученіе тьма. Что сказано въ Екклезіастѣ? «не буди правдивъ вельми, и не мудрися излишне, да нѣкогда изумишися».

— Видно, бояринъ, они этой книги не читывали.

Въ это время Копычинскій, который, сидя у дверей избы, посматривалъ пристально на Юрія, вдругъ вскочилъ, и подойдя къ Замятнѣ-Опалеву, сказалъ ему на

ухо: «Бояринъ! уѣдемъ скорѣе отсюда, здѣсь неловко»!

— Что ты врешь, дуракъ!—сказалъ Замятня.

— Нѣтъ, не вру,—продолжалъ полякъ;—посмотри-ка на этого блѣднаго и худаго дѣтину...

— Ну, что за диковинка?

— Ты видно его не знаешь... Онъ настоящій разбойникъ!

— Разбойникъ!... Постой-ка! лицо что-то знакомое... Ну, точно такъ... Позволь спросить, вѣдь ты, кажется, Юрій Дмитричь Милославскій?

Юрій отвѣтствовалъ однимъ наклоненіемъ головы.

— Въ самомъ дѣлѣ!—вскричалъ Лесута-Храпуновъ,—теперь и я признаю тебя. Ну, какъ ты похудѣлъ. Что это съ тобой сдѣлалось!

— Онъ четыре мѣсяца былъ при смерти боленъ,—отвѣчалъ Кирша.

— То-то тебя и не видно было,—продолжалъ Лесута-Храпуновъ.—Помнишь ли, Юрій Дмитричъ, какъ мы познакомились съ тобой у боярина Шалонскаго?

— Помню,—отвѣчалъ Юрій.

— Неправда ли, что онъ знатную намъ задалъ пирушку!... Помнится, вы съ нимъ что-то повздорили: да, кажется, помирились. Нечего сказать, онъ немного крутенекъ, не любитъ, чтобъ ему поперечили; а ужъ хлѣбосолъ! и какъ захочетъ, такъ умѣетъ приласкать!

— «Прещеніе его подобно рыканію львову, перервалъ Опалевъ,—и яко же роса злаку, тако тихость его».

— Эхъ, Юрій Дмитричъ!—продолжалъ Лесута,—много съ тѣхъ поръ воды утекло! Вовсе житья не стало нашему брату, родовому дворянину! Нижегородскіе крамольники все вверхъ дномъ поставили. Хотя бы, къ примѣру сказать, меня, стряпчаго съ ключемъ,—повѣришь ли, Юрій Дмитричъ?—въ грошъ не ставятъ; а *какой-ни*будь простой посадской

[redacted]

— Да, да,—промолвилъ Опалевъ,—чего мы не насмотрѣлись!

— Ты вѣрно, Юрій Дмитричъ, — сказалъ Лесута, помолчавъ нѣсколько времени,—пробираешься къ пану Хоткѣвичу?

— Я и самъ еще не знаю,—отвѣчалъ отрывисто Милославскій.

— Да другого-то дѣлать нечего,—продолжалъ Лесута,—въ Москву теперь не проѣдешь. Вокругъ ея идетъ такая каша, что упаси Господи! и Трубецкой, и Пожарской, и Заруцкой, и проклятые шиши, и словомъ, весь русскій сбродъ, ни дать ни взять, какъ саранча, загатилъ всѣ дороги около Москвы. Я слышалъ, что Гонсѣвскій перебрался въ станъ къ гетману Хоткѣвичу, а въ Москвѣ остался старшимъ панъ Струся. О, охъ, Юрій Дмитричъ! плохія времена, отецъ мой! Того и гляди, придется пенять отцу и матери, зачѣмъ на свѣтъ родили?

— Что ты, Степанъ Кондратьичъ,—вскричалъ Опалевъ.—Не моги говорить такихъ рѣчей: «злословящему отца и матерь угаснетъ свѣтильникъ, зѣницы же очесѣ его узрятъ тьму».

— Да мы и такъ уже давно ходимъ въ потемкахъ,—возразилъ Лесута.—Когда стряпчій съ ключемъ, какъ я, или думный дворянинъ, какъ ты, не знаютъ, куда головъ приклонить, такъ видно уже пришли послѣднія времена.

— Что и говорить, Степанъ Кондратьевичъ, мерзость запустѣнія!... По всему видно, что скоро наступитъ время, когда угаснетъ солнце, свергнутся звѣзды съ тверди небесной и настанетъ повсюду тьма кромѣшная! Не даромъ прозорливый Сирахъ глаголетъ...

— Однакожъ намъ пора въ путь,—перервалъ Лесута, вставая съ своего мѣста. — Прощенья просимъ,

Юрій Дмитричъ! Мы будемъ отъ тебя кланяться Тимоѳею Ѳедоровичу.

— Да не забудьте же, бояре,—примолвилъ Кирша,—если не найдете его въ хоромахъ, то ищите въ склепѣ подъ церковнымъ поломъ.

— А гдѣ мой дуракъ?—закричалъ Опалевъ.—Эй, ты, панъ! куда ты запропастился.

— Я здѣсь, ясновельможный,—отвѣчалъ Копычинскій, выглядывая изъ сѣней.—Прикажешь садиться на коня?

— Садись!... Да тише ты, польская чучела! куда торопишься?... Смотри пожалуй! съ ногъ было сшибъ Степана Кондратьевича:

Часа черезъ два и наши путешественники отправились также въ дорогу. Отдохнувъ цѣлыя сутки въ Муромѣ, они на третій день прибыли во Владиміръ; и когда Юрій объявилъ, что намѣренъ ѣхать прямо въ Сергіевскую лавру, то Кирша, несмотря на то, что долженъ былъ для этого сдѣлать довольно большой крюкъ, взялся проводить его съ своими казаками до самаго монастырскаго посада.

V.

Троицкая лавра Святаго Сергія, эта священная для всѣхъ русскихъ обитель, показавшая неслыханный примѣръ вѣрности, самоотверженія и любви къ отечеству, была во время междуцарствія первымъ, по богатству и великолѣпію своему, монастыремъ въ Россіи, ибо древнее достояніе князей русскихъ, первопрестольный градъ Кіевъ, съ своей знаменитой Печерской лаврою, принадлежалъ полякамъ. Обитель Троицкая, основанная около половины четырнадцатаго столѣтія Радонежскимъ

чудотворцемъ, преподобнымъ Сергіемъ, близъ протока, называемаго Кончурою, отстоитъ отъ Москвы не далѣе шестидесяти четырехъ верстъ. Хотя въ 1612 году великолѣпная церковь Святаго Сергія, высочайшая въ Россіи колокольня, двѣ башни прекрасной готической архитектуры и много другихъ зданій не существовали еще въ Троицкой лаврѣ, но высокія стѣны, восемь огромныхъ башенъ, соборы: Троицкій, съ позлащенною кровлею, и Успенскій, съ пятью главами, четыре другія церкви, обширныя монастырскія строенія, многолюдный посадъ, большіе сады, тѣнистыя рощи, свѣтлые пруды, гористое живописное мѣстоположеніе—всеплѣняло взоры путешественника, все поселяло въ душѣ его непреодолимое желаніе посвятить нѣсколько часовъ уединенной молитвѣ и поклониться смиренному гробу основателя этой святой и знаменитой обители.

Въ описываемую нами эпоху, Троицкая лавра походила болѣе на укрѣпленный замокъ, чѣмъ на тихое убѣжище миролюбивыхъ иноковъ. Разставленныя по стѣнамъ и башнямъ пушки, множество людей ратныхъ, вооруженные слуги монастырскіе, а болѣе всего поврежденныя ядрами стѣны и обширныя пепелища, покрытыя развалинами домовъ, находившихся внѣ ограды, напоминали каждому, что этотъ монастырь въ недавнемъ времени выдержалъ осаду, которая останется навсегда въ лѣтописяхъ нашего отечества непостижимой загадкою, или, лучше сказать, явнымъ доказательствомъ могущества и милосердія Божія. Тридцать тысячъ войска польскаго подъ предводительствомъ извѣстныхъ своей воинской доблестью и звѣрскимъ мужествомъ пановъ Сапѣги и Лисовскаго не успѣли взять приступомъ монастыря, защищаемаго горстью людей, изъ которыхъ большая часть въ первый разъ взялась за оружіе; въ теченіе шести недѣль болѣе шестидесяти осадныхъ орудій, гремя день и ночь, не могли разрушить про-

стыхъ кирпичныхъ стѣнъ монастырскихъ. Упованіе на Господа и любовь къ отечеству превозмогли всю силу многочисленнаго непріятеля: простые крестьяне стояли твердо, какъ посѣдѣвшіе въ бояхъ воины, бились съ ожесточеніемъ и гибли какъ герои. Никто не хотѣлъ окончить жизнь на своей постели; едва дышущіе отъ ранъ и болѣзней, не могущіе уже сражаться воины, иноки и слуги монастырскіе приползали умирать н стѣнахъ святой обители отъ вражескихъ пуль и ядеръ, которыя сыпались градомъ на беззащитныя ихъ головы. Начальники осажденнаго войска—князь Долгорукій и Голохвастовъ, готовясь, по словамъ лѣтописца, *на трапезѣ кровопролитной испить чашу смертную за отечество*, цѣловали крестъ надъ гробомъ Святаго Сергія: *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны*—и сдержали свое слово ([3]). Простоявъ болѣе шестнадцати мѣсяцевъ подъ стѣнами лавры, воеводы польскіе, покрытые стыдомъ, бѣжали отъ монастыря, который не даромъ называли въ рѣчахъ своихъ *каменнымъ гробомъ*, ибо обитель Святаго Сергія была дѣйствительно обширнымъ гробомъ для большей части войска и могилою ихъ собственной воинской славы.

Въ одно прекрасное утро, передъ раннею обѣднею, человѣкъ пять слугъ монастырскихъ, собравшись въ кружокъ, отдыхали на лугу, подлѣ святыхъ воротъ лавры. Одинъ изъ нихъ, который, судя по его усталому виду и запыленному платью, только-что пріѣхалъ изъ дороги, разсказывалъ что-то съ большимъ жаромъ; всѣ слушали его со вниманіемъ, кромѣ одного высокаго и молодцоватаго дѣтины. Не принимая, повидимому, никакого участія въ разговорѣ, онъ смотрѣлъ пристально вдоль ростовской дороги, которая, огибая Терентьевскую гору, терялась вдали между полей, густыхъ рощъ и разсыпанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ селеній.

— Полно, такъ ли, братъ Суета?—сказалъ одинъ изъ слугъ монастырскихъ, покачавъ головою, и тебя къ нему допустили?

— Какъ же, братецъ!—отвѣчалъ разскащикъ, напоминающій своимъ колосальнымъ видомъ преданія о могучихъ витязяхъ древней Россіи. Стану я лгать! Я своеручно отдалъ ему грамоту отъ нашего архимандрита; говорилъ съ нимъ лицомъ къ лицу, и онъ безъ малаго словъ десять изволилъ перемолвить со мною.

— А мнѣ такъ не удалось посмотрѣть на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго,—сказалъ тотъ же служитель; я былъ въ отлучкѣ, какъ онъ стоялъ у насъ въ лаврѣ. Что, братъ Суета, правда ли, что онъ молодецъ собою?

— Какъ бы тебѣ сказать?... Росту не очень большаго и въ плечахъ узенекъ, — отвѣчалъ Суета, кинувъ гордый взоръ на собственныя свои богатырскія плеча, но зато куда благообразенъ собою!... А что за взглядъ! Ахъ, ты Господи, Боже мой!... Повѣрите-ль, ребята? какъ я къ нему подходилъ, гляжу: кой прахъ! мужеченокъ небольшой—ну, вотъ не больше тебя,—прибавилъ Суета,—показывая на одного молодаго парня средняго роста; а какъ онъ выступилъ впередъ, да взглянулъ, такъ мнѣ показалось, что онъ цѣлой головой меня выше! Вы знаете, товарищи, я дѣтина не робкій и силка есть, а еслибъ пришлось мнѣ на ратномъ полѣ схватиться съ княземъ Пожарскимъ, такъ, что грѣха таить, не побожусь, статься можетъ, и я бы сбрендилъ.

— Что ты, Суета? помилуй!... Ты для почину цѣлый полкъ ляховъ одинъ остановилъ и человѣкъ двадцать супостатовъ перекрошилъ своимъ бердышемъ, такъ статочное ли дѣло, чтобъ ты сробѣлъ одного человѣка.

— Да слышишь ли ты, голова! онъ на другихъ-то людей вовсе не походитъ. Посмотрѣлъ бы ты, какъ

онъ сѣлъ на коня; какъ подлетѣлъ соколомъ къ войску, когда оно, войдя въ Москву, остановилось у Арбатскихъ воротъ; какъ показалъ на Кремль и соборные храмы!... и что тогда было въ его глазахъ и на лицѣ!... Такъ я тебѣ скажу, и взглянуть-то страшно! Подлѣ его стремени ѣхалъ Козьма Миничъ Сухорукой... Ну, братъ, и это молодецъ! Не такъ грозенъ, какъ князь Пожарской, а нашего поля ягода—за себя постоитъ!

— А что слышно о полякахъ?

— Вѣстимо что: одни сидятъ въ Кремлѣ, да выглядываютъ изъ-за стѣнъ, какъ сычи; а другіе съ гетманомъ Хоткѣвичемъ, какъ говорятъ, близехонько отъ Москвы.

— Такъ стало быть скоро большая схватка будетъ?

— Видно что такъ. Жаль только, что наша сила поубавилась: измѣнникъ Заруцкой ушелъ въ Коломну, да и князя Трубецкаго войско-то не больно надежно, такой сбродъ!... Они-жъ, говорятъ, осерчали за то, что нижегородцы не пошли къ нимъ въ таборы; а по мнѣ, такъ дѣло и сдѣлали, — что имъ якшаться съ этими разбойниками? Вся понизовская сила, что пришла съ княземъ Пожарскимъ, истинно христолюбивое войско!... не налюбуешься! А какъ посмотришь на дружины князя Трубецкаго, такъ бѣжалъ бы прочь, безъ оглядки: только и думаютъ, какъ бы гдѣ понажиться, да ограбить кого бы ни было, чужихъ или своихъ, все равно. Есть, правда, и у нихъ ребята знатные, да сволочи-то много.

— А не попадались ли тебѣ на московской дорогѣ шиши? Говорятъ, они вездѣ шатаются.

— Какъ же! они и меня останавливали верстахъ въ тридцати отсюда; но лишь только я вымолвилъ, что ѣду изъ Троицы, къ князю Пожарскому, тотчасъ отпустили, да еще на дорогу стаканчикъ вина поднесли.

— Вотъ что! Такъ они не вовсе разбойники?

[redacted]

— Какіе разбойники!... Правда, ихъ держитъ въ рукахъ какой-то приходскій священникъ села Кудинова, отецъ Еремѣй; безъ его благословенья они никого не тронутъ; а онъ, дай Богъ ему здоровье! стоитъ въ томъ: рѣжь, какъ хочешь поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, а православныхъ не трошь!... Да что тамъ, такое? Посмотрите-ка, что это Мартьяшъ уставился?... Глазъ не спускаетъ съ ростовской дороги.

— А кто его знаетъ!—отвѣчалъ одинъ изъ служителей. — Мы слушаемъ твои разсказы, а онъ вѣдь глухъ, такъ, можетъ статься, отъ бездѣлья по сторонамъ глазѣетъ.

— Нѣтъ, братъ, Данило,—сказалъ Суета,—не говори, онъ даромъ смотрѣть не станетъ; подлинно, Господь умудряетъ юродивыхъ! Мартьяшъ глухъ и нѣмъ, а кто лучше его справлялъ службу, когда мы бились съ поляками? Бывало, какъ онъ стоитъ сторожемъ, такъ и думушки не думаешь, спи себѣ вдоволь: муха не прокрадется.

Вдругъ Мартьяшъ вскочилъ, схватилъ за руку Суету и, заставивъ его встать, показалъ пальцемъ на ростовскую дорогу.

— Ну, такъ и есть!—вскричалъ Суета.—Видите ли ребята?...

— Да,—сказалъ Данило,—по большой дорогѣ ѣдутъ казаки. Пойдти, сказать старшинамъ.

— Постой, вотъ они никакъ всѣ выѣхали изъ-за рощи... Да ихъ наврядъ будетъ человѣкъ тридцать; изъ чего дѣлать тревогу?

— А если это только передовые?—сказалъ одинъ изъ служителей.

— И, нѣтъ!—продолжалъ Суета,—тамъ дальше никого не видно. Видите ли? Мартьяшъ усѣлся опять на прежнее мѣсто и вовсе на нихъ не смотритъ, такъ

вѣрно ужъ опасаться нечего, какіе-нибудь проѣзжіе, или богомольцы.

— Да такъ и должно быть,—сказалъ Данило.—Посмотрите, впереди казаковъ ѣдетъ какой-то бояринъ.. Вотъ сняли шапки и молятся на соборы... Видно, какой-нибудь понизовскій дворянинъ ѣдетъ къ намъ на богомолье.

Читатели наши безъ сомнѣнія уже догадались, что бояринъ, ѣдущій въ сопровожденіи казаковъ, былъ Юрій Дмитричъ Милославскій. Когда они доѣхали до святыхъ воротъ, то Кирша, спѣша возвратиться подъ Москву, попросилъ Юрія отслужить за него молебенъ преподобному Сергію и, подаря ему коня, отбитаго у польскаго наѣздника, и литовскую богатую саблю, отправился далѣе по московской дорогѣ. Милославскій, подойдя къ монастырскимъ служителямъ, спросилъ, можетъ ли онъ видѣть архимандрита?

— Врядъ ли, бояринъ,—отвѣчалъ Суета;—я сейчасъ былъ у него въ палатахъ, онъ что-то прихворнулъ и лежитъ въ постели; а если у тебя есть какое дѣло, то можешь переговорить съ отцемъ келаремъ.

— Аврааміемъ Палицынымъ?

— Да, бояринъ; онъ вчера пріѣхалъ изъ-подъ Москвы и нынче же, послѣ трапезы, опять туда ѣдетъ.

— Не можетъ ли кто-нибудь изъ васъ проводить меня въ его келью?

— Пожалуй, я провожу,—сказалъ Суета.—А ты, братъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю, — отведи коней въ гостинницу.

— А гдѣ бы достать чего-нибудь перекусить, любезный?—спросилъ Алексѣй.

— Ужъ тамъ тебя накормятъ; благодаря Бога, изъ Сергіевской лавры ни одинъ еще богомолецъ голодный не уходилъ.

Юрій, идя вслѣдъ за Суетою, замѣтилъ, что и

[redacted]

внутри монастыря большая часть строеній была повреждена, и хотя множество рабочихъ людей занято было поправкою оныхъ, но на каждомъ шагу встрѣчались слѣды опустошенія и долговременной осады, выдержанной обителью.

— Вотъ въ этихъ палатахъ живалъ прежде отецъ Авраамій,—сказалъ Суета, указавъ на небольшое двухъэтажное строеніе, прислоненное къ оградѣ.—Да видишь, какъ ихъ злодѣи ляхи отдѣлали: насквозь гляди! Теперь онъ живетъ вонъ въ той связи, что за соборами, не просторнѣе другихъ старцевъ; да онъ, Богъ съ нимъ, не привередливъ, была-бъ у него только келья въ сторонѣ, чтобъ не мѣшали ему молиться, да писать, такъ съ него и довольно.

— А что онъ такое пишетъ?

— Богъ вѣсть! Послушникъ его Ѳиногенъ мнѣ сказывалъ, что онъ пишетъ какое-то сказаніе объ осадѣ нашего монастыря, и будто бы въ немъ говорится что-то и обо мнѣ; да я плохо вѣрю: иная рѣчь о нашихъ воеводахъ, князѣ Долгоруковѣ и Голохвастовѣ—ихъ дѣло боярское; а мы люди малые, что о насъ писать?... Сюда, бояринъ, на это крылечко.

Пройдя длиннымъ корридоромъ до самаго конца зданія, они остановились, и Суета, постучавъ въ небольшую дверь, сказалъ въ полголоса: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго!

— Аминь!—отвѣчалъ кто-то пріятнымъ и звучнымъ голосомъ внутри кельи.

— Теперь ступай, бояринъ,—сказалъ Суета, отворяя дверь.

Юрій взошелъ въ небольшую келью, съ однимъ окномъ. Въ лѣвомъ углу стояла деревянная скамья съ такимъ же изголовьемъ; въ правомъ налой, надъ которымъ теплилась лампада передъ Распятіемъ и двумя образами; къ самому окну приставленъ былъ большой,

ничѣмъ не покрытый столъ; вдоль одной стѣны, на двухъ полкахъ, стояли книги въ толстыхъ переплетахъ и лежало нѣсколько свитковъ. Передъ столомъ, на скамьѣ, сидѣлъ старецъ въ простой черной ряскѣ и разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ толстую тетрадь, которая лежала передъ нимъ на столѣ. Приходъ Юрія не прервалъ его занятія; онъ взялъ перо, поправилъ нѣсколько словъ и прочелъ вслухъ: «Въ сей бо день гетманъ Сапѣга и Лисовскій, со всѣми полки своими, польскими и литовскими людьми, и съ русскими измѣнники, побѣгоша къ Дмитреву никѣмъ же гонимы, но десницею Божіей...» Тутъ онъ написалъ еще нѣсколько словъ, всталъ съ своего мѣста и, благословляя подошедшаго къ нему Юрія, спросилъ ласково: какую онъ имѣетъ до него надобность?

— Отецъ Авраамій,—отвѣчалъ съ смиреннымъ видомъ Юрій,—я имѣю до тебя немаловажную просьбу.

— Садись, молодецъ, и говори, чего ты отъ меня хочешь?

Кроткій и вмѣстѣ величественный видъ старца, его блестящіе умомъ и исполненные добросердечія взоры, пріятный, благозвучный голосъ, а болѣе всего извѣстныя всѣмъ русскимъ благочестіе и пламенная любовь къ отечеству, все возбуждало въ душѣ Юрія чувство глубочайшаго почтенія къ сему безсмертному сподвижнику добродѣтельнаго Діонисія. Помолчавъ нѣсколько времени, Милославскій сказалъ робкимъ голосомъ: «Отецъ Авраамій, я не смѣю надѣяться, что ты исполнишь мою просьбу».

— Говори смѣло, чадо мое, отвѣчалъ старецъ; намъ ли многогрѣшнымъ отвергать просьбы нашихъ братьевъ, когда мы сами ежечасно, какъ малыя дѣти, прибѣгаемъ съ суетными мольбами къ общему Отцу нашему!

— Я хочу,—продолжалъ Милославскій, ободренный *ласковою* рѣчью Авраамія,—умереть свѣту и, при по-

мощи твоей, изъ воина земнаго содѣлаться воиномъ Христовымъ.

Старецъ поглядѣлъ на Юрія и спросилъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: «Ты желаешь вступить въ обитель нашу послушникомъ?»

— Да, отецъ Авраамій, и если Господь Богъ сподобитъ, а вы, благочестивые наставники, удостоите меня принять образъ иноческій... то всѣ желанія мои исполнятся.

Авраамій покачалъ головою и, взглянувъ съ соболѣзнованіемъ на Юрія, сказалъ: «Въ столь юные годы!.. на утрѣ жизни твоей!... Но точно ли, мой сынъ, ты ощущаешь въ душѣ своей призваніе Божіе? Я вижу на твоемъ лицѣ слѣды глубокой скорби, и если ты, не вынося съ душевнымъ смиреніемъ тяготѣющей надъ главою твоей десницы Всевышняго, движимый единымъ отчаяніемъ противнымъ Господу, спѣшишь покинуть отца и матерь, а, можетъ быть, супругу и дѣтей, то жертва сія недостойна Господа: не горесть земная и отчаяніе ведутъ къ Нему, но чистое покаяніе и любовь».

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, — сказалъ Юрій: — я сирота!

— Но кто ты, юноша?

— Юрій Милославскій.

— Сынъ покойнаго боярина Милославскаго?

— Да, сынъ его.

Старецъ устремилъ испытующій взоръ на Юрія, и послѣ короткаго молчанія сказалъ, съ примѣтнымъ удивленіемъ: «И ты, сынъ Дмитрія Милославскаго, желаешь, наряду съ безсильными старцами, съ изувѣченными и немогущими сражаться воинами, посвятить себя единой молитвѣ, когда вся кровь твоя принадлежитъ отечеству? Ты, юноша, во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, желаешь, сложивъ спокойно руки, смотрѣть, какъ тысячи твоихъ братьевъ, умирая за вѣру отцевъ и святую Русь, утучняютъ своею кровію родныя поля московскія?»

— И такъ, отецъ Авраамій, ты отвергаешь мою просьбу?

— Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, не я!... Взгляни вокругъ себя, вопроси эти полуразрушенныя стѣны, позженные дома, могилы иноковъ, падшихъ въ кровавой битвѣ съ врагомъ вѣры православной, и если ихъ безмолвный отвѣтъ не напомнитъ тебѣ долга твоего, то ты не сынъ Димитрія! Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, не здѣсь твое мѣсто: оно въ рядахъ храбрыхъ дружинъ нижегородскихъ, подъ стѣнами оскверненнаго присутствіемъ злодѣевъ Кремля! Сынъ мой, свѣтла предъ Господомъ жизнь праведника, но вѣнецъ мученика есть верхъ его благости и милосердія! Иди стяжать сію нетлѣнную награду! Ступай, умри вѣрнымъ защитникомъ православной Греческой церкви и достойнымъ сыномъ добродѣтельнаго Димитрія!

Юрій, потупивъ глаза, стоялъ какъ преступникъ предъ своимъ судіею и не отвѣчалъ ни слова.

— Ты молчишь? — продолжалъ Авраамій, — колеблешься?... Да проститъ тебя Господь! ты наругался надъ моими сѣдинами, ты обманулъ меня. Юноша! ты не сынъ Милославскаго.

— Ахъ, отецъ Авраамій!...—промолвилъ едва слышнымъ голосомъ Юрій,—я не могу поднять меча на защиту моей родины?

— Не можешь?

— Я цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу...

— Несчастный!...

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; наконецъ Авраамій сказалъ, какъ будто бъ нехотя: «Юрій Дмитричъ, ты, можетъ быть, не знаешь, что святѣйшій Гермогенъ разрѣшилъ всѣхъ православныхъ отъ сей богопротивной присяги?»

— Но я цѣловалъ крестъ добровольно. Отецъ Авраамій, не вынужденная клятва тяготитъ мою душу; нѣтъ, никто

не понуждалъ меня присягать королевичу Польскому! и тайный, неотступный голосъ моей совѣсти твердитъ мнѣ ежечасно: горе клятвопреступнику! Такъ, отецъ мой! Юрій Милославскій долженъ остаться слугою Владислава; но инокъ, умершій для свѣта, служитъ единому Богу...

— И отечеству, бояринъ!—перервалъ съ жаромъ Авраамій.—Мы не иноки западной церкви и, благодаря Всевышняго, переставая быть мірянами, не перестаемъ быть русскими. Вспомни, Юрій Дмитричъ, гдѣ умерли благочестивые старцы, Пересвѣтъ и Ослябя!... Но я слышу благовѣстъ... Пойдемъ, сынъ мой, станемъ молить угодника Божія, да просіяетъ истина для очей нашихъ и да подастъ тебѣ Господь силу и крѣпость для исполненія святой Его воли!

По окончаніи литургіи и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ врагомъ, Авраамій, подведя Юрія ко гробу преподобнаго Сергія, сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Бояринъ Юрій Дмитричъ Милославскій, желаешь ли ты отречься отъ міра и всѣхъ прелестей его?»

— Желаю!—отвѣчалъ твердымъ голосомъ Юрій.

— Не ищешь ли ты укрыться въ обители нашей отъ заботъ, трудовъ и опасностей, тебѣ по рожденію и сану предстоящихъ? Не избираешь ли ты часть сію, дабы избѣжать заслуженнаго наказанія, или по всякому другому, единственно земному побужденію?

— Нѣтъ.

— Не обѣщался ли ты предъ Господомъ имѣть попеченіе о земномъ благѣ отца, матери, супруги и дѣтей?

— Я сирота... и не былъ никогда женатъ.

— И такъ, да будетъ по желанію твоему, бояринъ Милославскій! Я принимаю здѣсь, при гробѣ преподобнаго Сергія, твой обѣтъ: посвятить себя на всю жизнь покаянію, посту и молитвѣ. Преклони главу твою...

Рабъ Божій, Юрій, съ сего часа ты не принадлежишь уже міру, и я, именемъ Господа, разрѣшаю тебя отъ всѣхъ клятвъ и обѣщаній мірскихъ. Встань, послушникъ старца Авраама; отнынѣ ты долженъ слѣпо исполнять волю твоего пастыря и наставника. Ступай въ станъ князя Пожарскаго, ополчись оружіемъ земнымъ противъ общаго врага нашего и, если Господь не благоволитъ украсить чело твое вѣнцомъ мученика, то по окончаніи брани возвратись въ обитель нашу для принятія ангельскаго образа и служенія Господу не съ оружіемъ въ рукахъ, но въ духѣ кротости, смиренія и любви.

— И такъ, — воскликнулъ Юрій, обливаясь слезами,—я снова могу сражаться за мою родину! Ахъ, я чувствую, ничто не тяготитъ моей совѣсти!... Душа моя спокойна!... Отецъ Авраамій, ты возвратилъ мнѣ жизнь!

— Возблагодаримъ за сіе Господа и святыхъ угодниковъ Его,—сказалъ старецъ, преклоня колѣна вмѣстѣ съ Юріемъ.

Послѣ усердной и продолжительной молитвы, Авраамій Палицынъ, прощаясь съ Юріемъ, сказалъ: «Отдохни сегодня, Юрій Дмитричъ, въ нашей обители, а завтра чѣмъ-свѣтъ отправься къ Москвѣ. Стой крѣпко за правду. Не попускай нечестивыхъ осквернить святыню храмовъ православныхъ. Сражайся, какъ сынъ Милославскаго, но щади безоружнаго врага, не проливай напрасно крови человѣческой. Ступай, сынъ мой!—примолвилъ Авраамій, обнимая Юрія,—да предъидетъ предъ тобою Ангелъ Господень и да сопутствуетъ тебѣ благословеніе старика, который... Всевышній! да проститъ ему сіе прегрѣшеніе... любитъ свою земную родину почти также, какъ должны бы мы всѣ любить одно небесное отечество наше!

На другой день, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ,

[redacted]

Юрій, въ сопровожденіи Алексѣя, выѣхалъ изъ лавры и пустился по дорогѣ, ведущей къ Москвѣ.

VI.

Когда наши путешественники, миновавъ Хотьковскую обитель, отъѣхали верстъ тридцать отъ лавры, Юрій спросилъ Алексѣя, знаетъ ли онъ, куда они ѣдутъ?

— Вѣстимо куда!—отвѣчалъ съ примѣтной досадою Алексѣй,—въ Москву, къ пану Гонсѣвскому.

— Ты не отгадалъ, мы ѣдемъ въ станъ князя Пожарскаго.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобъ драться съ поляками.

— Съ поляками!... Да нѣтъ, ты шутишь, бояринъ!

— Видитъ Богъ, не шучу. Я ужъ больше не слуга Владислава.

— Слава тебѣ Господи!—вскричалъ Алексѣй.—Насилу ты за умъ хватился, бояринъ! Ну, отлегло отъ сердца! Знаешь ли что, Юрій Дмитричъ? Теперь я скажу всю правду; я не отсталъ бы отъ тебя, чтобъ со мной на томъ свѣтѣ ни было, еслибъ ты пошелъ служить не только полякамъ, но даже татарамъ; а какъ бы зналъ да вѣдалъ, что у меня было на совѣсти? Каждый день я клалъ по двадцати земныхъ поклоновъ, чтобъ Господь простилъ мое прегрѣшеніе и наставилъ тебя на путь истинный.

— Ну, вотъ видишь, Алексѣй, твоя молитва даромъ не пропала. Но я что-то очень усталъ. Какъ ты думаешь, не остаться ли намъ въ этомъ селѣ?

— Да и пора, Юрій Дмитричъ; мы, чай, слишкомъ верстъ двадцать отъѣхали. Вонъ, кажется, и постоялый дворъ... а видно по всему, здѣсь пировали незванные

гости. Смотри-ка, ни одной старой избы нѣтъ, всѣ съ иголочки! Охъ, эти проклятые ляхи! накутили они на нашей матушкѣ святой Руси!

Путешественники въѣхали на постоялый дворъ. Юрій легъ отдохнуть, а Алексѣй, убравъ лошадей, подсѣлъ къ хозяйкѣ, которая въ одномъ углу избы трудилась за пряжею и спросилъ ее: «Не слышно ли чего-нибудь о полякахъ?»

— И, родимый! наше дѣло крестьянское,—отвѣчала хозяйка, поправивъ подъ собою донце,—мы ничего не вѣдаемъ.

— А что, развѣ поляки никогда не бывали въ вашемъ селѣ?

— Какъ не бывать!

— Ну что, голубушка, чай, они вамъ памятны?

— Вѣстимо, кормилецъ.

— Ужъ нечего сказать, знатные ребята! не такъ ли? Хозяйка взглянула недовѣрчиво на Алексѣя и—не отвѣчала ни слова.

— Куда, чай, съ ними весело хлѣбъ-соль водить! продолжалъ Алексѣй;—не правда ли?

— Вѣстимо, батюшка, — примолвила вполголоса хозяйка.—Дай Богъ имъ здоровья—люди добрые.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ же! такіе привѣтливые.

— Что ты, шутишь что-ли?

— И, родимый, до шутокъ ли намъ!

— Неужели въ самомъ дѣлѣ?... Кого-жъ ты больше любишь: своихъ иль поляковъ?... Ну, что-жъ ты молчишь, лебедка? или языкъ отнялся?.. Ну, сказывай, кого?

— Кого прикажешь, батюшка.

— Не о приказѣ рѣчь; я толкомъ тебѣ говорю: кого больше любишь, насъ иль поляковъ?

— Васъ, батюшка, васъ! А вы за кого стоите, господа честные?

— Чего тутъ спрашивать: за матушку святую Русь
— Полно, такъ ли, родимый?
— Видитъ Богъ, такъ! Мы ѣдемъ подъ Москву, биться съ поляками не на животъ, а на смерть.
— Ой ли? Помоги вамъ, Господи!... Разбойники!... Въ раззоръ насъ раззорили! Прошлой зимой такъ всю и одеженку-то у насъ обобрали. Чтобъ имъ самимъ ни дна, ни покрышки! Передохнуть бы всѣмъ, какъ въ чадной избѣ тараканамъ... Еретики, душегубцы!... нехристь проклятая!
— Ба, ба, ба! что ты, молодица? Кого ты это изволишь честить?
— Кого?... какъ кого?... вѣстимо кого!... Кого ты, родимый, того и я.
— Да что ты переминаешься?... Чего ты боишься? иль не видишь, что мы православные?
— О, охъ, батюшка! не равны православные! Этакъ съ часъ-мѣста останавливались у насъ двое проѣзжихъ бояръ и съ ними человѣкъ сорокъ холопей; вотъ и стали меня также, какъ твоя милость, изъ ума выводить, а я съ дуру-то и выболтай все, что на душенькѣ было; и лишь только вымолвила, что мы денно и нощно молимъ Бога, чтобъ вся эта иноземная сволочь убралась во-свояси, вдругъ одинъ изъ бояръ, мужичина такой ражій, Богъ съ нимъ! какъ заоретъ въ источный голосъ, да ну меня изъ своихъ ручекъ плетью! Ужъ онъ каталъ, каталъ меня! Кабы не молодая боярыня-дочка чтоль его, не знаю, такъ онъ бы запоролъ меня до смерти! Дай Богъ ей доброе здоровье и жениха по сердцу! вступилась за меня горемычную и, какъ господа стали съѣзжать со двора, потихоньку сунула мнѣ въ руку серебряную копѣечку. То-то добрая душа! Изъ себя не такъ чтобъ очень красива, не дородна, взглянуть не на что... Ахти, я дура! — примолвила хозяйка, вскочивъ торопливо со скамьи, — заболталась

съ тобой, кормилецъ!... Чай, у меня хлѣбы-то пере сидѣли.

Юрій, который отъ сильнаго волненія души, произведеннаго внезапною перемѣною его положенія, не смыкалъ глазъ во всю прошедшую ночь, теперь отдохнулъ нѣсколько часовъ сряду; и когда они, отправясь опять въ путь, отъѣхали еще верстъ двадцать пять, то солнце начало уже садиться. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога, проложенная сквозь мелкій кустарникъ, шла по самому краю глубокаго оврага, поросшаго частымъ лѣсомъ, имъ послышался отдаленный шумъ, вслѣдъ за которымъ раздался громкій выстрѣлъ. Юрій пріостановилъ своего коня. «Что это, бояринъ?—вскричалъ Алексѣй.—Слышишь! другой... третій... четвертый... Ахти-батюшки! считать не поспѣешь!... Ой, ой, ой! какатамъ идетъ жарня!»

— Чтобъ это такое было?—сказалъ Юрій, прислушиваясь къ стрѣльбѣ, которая часъ-отъ-часу становилась сильнѣе.—Мы, кажется, еще не близко отъ Москвы.

— Сердце мое чуетъ, — перервалъ Алексѣй, — это разбойники шиши проказятъ! Не воротиться ли намъ, бояринъ?

— Если это шиши, такъ намъ бояться нечего. Поѣдемъ поближе, Алексѣй.

Они не успѣли отъѣхать пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ изъ-за куста заревѣлъ грубый голосъ: «кто ѣдетъ? стой»!... и человѣкъ двадцать, вооруженныхъ кистенями, рогатинами и винтовками, разночинцевъ, высыпали изъ оврага и заслонили дорогу нашимъ путешественникамъ. Съ перваго взгляда можно было принять всю толпу за шайку разбойниковъ: большая часть изъ нихъ была одѣта въ крестьянскіе кафтаны, но кой-гдѣ мелькали остроконечныя шапки стрѣльцовъ, и человѣка три походили на казаковъ; а тотъ, который вышелъ впередъ, и, повидимому, былъ начальникомъ всей толпы,

отличался отъ другихъ богатой дворянской шубою, надѣтою сверхъ простого сѣраго зипуна; онъ подошелъ къ Юрію и спросилъ его не слишкомъ ласково: «кто вы таковы»?

— Проѣзжіе,—отвѣчалъ Милославскій.

— Куда ѣдете?

— Подъ Москву.

— Не вмѣстѣ ли вонъ съ тѣми боярами, что ѣдутъ впереди!

— Нѣтъ, мы ѣдемъ сами по себѣ.

— Полно, такъ ли?

— Видитъ Богъ—такъ, господа шиши!—закричалъ Алексѣй.

— Ты врешь!... Мы православное земское войско, а не шиши. Постой-ка, братъ, насъ этакъ прозвали зубоскалы поляки, такъ видно ты, голубчикъ, съ ними знаешься?

— Да, да! они измѣнники! заревѣла вся толпа. Долой ихъ съ лошадей!

— Что вы, ребята? перекрестись! — вскричалъ Алексѣй; мы ѣдемъ съ бояриномъ изъ Троицы къ князю Пожарскому биться съ поляками.

— Не вѣрь имъ, Бычура!—сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ: они точно измѣнники.

— Постойте, ребята! — прервалъ Бычура, чтобъ маху не дать!... Какъ тебя зовутъ, молодецъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію.

— Юрій Милославскій.

— Сынъ покойнаго воеводы нижегородскаго?

— Да, сынъ его.

— Коли такъ,—сказалъ Бычура, снимая почтительно свою шапку, то мы просимъ прощенія, бояринъ, что тебя остановили; и если ты точно Юрій Дмитричъ Милославскій и ѣдешь изъ Троицы, то не изволь ничего бояться.

— Я ничего и не боюсь, добрые люди! Только не задерживайте меня: я тороплюсь къ Москвѣ.

— Не погнѣвайся,—ты слышишь, какая жареха идетъ на большой дорогѣ?..- такъ воля твоя, а изволь пообождать.

— Но что значитъ эта стрѣльба?

— Да такъ, бояринъ! наши молодцы справляются тамъ съ русскими измѣнниками.

— А почему вы знаете, что они измѣнники?

— Какъ не знать! они было и проводника ужъ нашли, который взялся довести ихъ до войска пана Хоткѣвича; да не на того напали: онъ изъ нашихъ; повелъ ихъ проселкомъ, водилъ, водилъ, да вывелъ куда надо. Теперь не отвертятся.

— Нельзя ли намъ хоть стороной объѣхать?

— Оно бы можно,—сказалъ Бычура, почесывая голову, да не погнѣвайся, господинъ честной: тебѣ надо прежде заѣхать въ село Кудиново.

— Зачѣмъ?

— А вотъ изволишь видѣть, мы наслышались о батюшкѣ твоемъ отъ нашего старшины, отца Еремѣя, священника села Кудинова, такъ онъ лучше нашего узнаетъ, точно ли ты Юрій Дмитричъ Милославскій.

— Какъ!—вскричалъ съ досадою Юрій, вы не вѣрите?!..

— Не то чтобъ не вѣрили, бояринъ, да сбруя-то на конѣ твоемъ польская.

— Такъ что-жъ!

— Оно конечно ничего, не велика бѣда, что и сабля-то у тебя литовская; статься можетъ, она досталась тебѣ съ бою; да все лучше, когда ты повидаешься съ отцемъ Еремѣемъ. Вѣдь иной какъ попадется къ намъ въ руки, такъ со страстей, не въ обиду твоей чести будь сказано, не только Милославскимъ, а пожалуй княземъ Пожарскимъ назовется.

Тутъ кто-то подбѣжалъ, запыхавшись, къ толпѣ и закричалъ:—«Что вы здѣсь стоите, ребята?—Ступайте на подмогу!»

— А развѣ васъ тамъ мало?—сказалъ Бычура.

— Да порядкомъ поубавилось. Теперь дѣло пошло въ рукопашную: одного-то боярина, что поменьше ростомъ, съ первыхъ разовъ повалили; да за то другой такъ нашихъ варомъ и варитъ! а глядя на него и холопи какъ приняли насъ въ ножи, такъ мы свѣту Божьяго не взвидѣли. Бѣгите проворнѣй, ребята!

Бычура, приказавъ четверымъ шишамъ сѣсть на коней и проводить нашихъ путешественниковъ въ село Кудиново, побѣжалъ съ остальными товарищами впередъ. Юрій и Алексѣй должны были поневолѣ слѣдовать за своими провожатыми и, проскакавъ верстъ пять проселочной дорогой, въѣхали въ селеніе, окруженное почти со всѣхъ сторонъ болотами и частымъ березовымъ лѣсомъ. Посреди села, передъ небольшой деревянной церковью, на обширномъ лугу толпился народъ. Провожатые слѣзли съ лошадей; Юрій и Алексѣй сдѣлали то же и подошли, вслѣдъ за ними, къ двумъ большимъ липамъ, подъ которыми сидѣлъ на скамьѣ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ курчавой черной бородою и распущенными по плечамъ волосами. Онъ былъ одѣтъ отмѣнно богато для сельскаго священника: его длинный, ничѣмъ не подпоясанный, однорядокъ, съ петлицами, походилъ на боярскую ферязь, а желтые сапоги, съ длинными загнутыми кверху носками, напоминали также щеголеватую обувь знатныхъ особъ тогдашняго времени. Взглянувъ нечаянно на противуположную сторону, Алексѣй съ ужасомъ замѣтилъ два высокіе столба съ перекладиною, которые, вѣроятно, поставлены были не для украшенія площади и что-то вовсе не походили на качели. Присоединясь къ толпѣ, путешественники и ихъ провожатые остановились,

ожидая, когда дойдетъ до нихъ очередь явиться предъ лицемъ грознаго отца Еремѣя, къ которому подходили, одинъ послѣ другого, отрядные начальники со всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ Москвѣ.

— Спасибо, сынокъ!— сказалъ онъ, выслушавъ донесеніе о дѣйствіяхъ отряда по серпуховской дорогѣ. Знатно!—Десять поляковъ и шесть запорожцевъ положено на мѣстѣ, а нашихъ ни одного. Ай-да молодецъ!... Темрюкъ! ты хоть родомъ изъ татаръ, а стоишь за отечество не хуже коренного русскаго. Ну что, Матерой? говори, что у васъ по владимірской дорогѣ дѣлается?

— Да что отецъ Еремѣй, хоть вовсе не выходить на большую дорогу! Вотъ уже третій день ни одного ляха въ глаза не видимъ; измѣнники перевелись, и кого не остановишь—все православный, да православный. Кабы ты дозволилъ поплотнѣе допрашивать проѣзжихъ, такъ авось ли бы и отыскался какой-нибудь предатель; а то разсуди милостиво, кому охота взвоить добровольно на себя такую бѣду?

— Да, какъ-бы не такъ! Дай вамъ волю, такъ у васъ, пожалуй, и Козьма Миничъ Сухорукой измѣнникомъ будетъ. Нѣтъ, ребята, чуръ у меня своихъ не трогать! Ну, что ты скажешь, Звѣревъ?

— По ярославской дорогѣ все благополучно,—отвѣчалъ рыжеватый дѣтина съ разбойничьимъ лицемъ.— Сегодня, почитай никого проѣзжихъ не было.

— И ты никого не останавливалъ?

— Никого.

— Смотри, не лги: вѣдь скажешь же на исповѣди всю правду! Точно ли ты никого не останавливалъ?

— Какъ Богъ святъ, никого.

— Право!... Эй, вы! подойдите-ка сюда!

Тутъ вышли изъ толпы двое купцовъ и, поклонясь низко отцу Еремѣю, стали возлѣ него. «Ну,—продол-

жалъ онъ, взглянувъ грозно на Звѣрева, — знаешь ли ты этихъ гостей нижегородскихъ?... Что?... прикусилъ язычекъ!»

— Виноватъ! Отецъ Еремѣй, — сказалъ Звѣревъ, упавъ на колѣни, помилуй! Не я же одинъ отъ нихъ поживился!

— Кто поставленъ отъ меня старшимъ надъ другими, тотъ за всѣхъ одинъ и въ отвѣтѣ! Развѣ я благословлялъ тебя на разбой?... Зачѣмъ ты ихъ ограбилъ? а?... На висѣлицу его!

Глухой ропотъ пробѣжалъ по всей толпѣ. Передніе не смѣли ничего говорить, но задніе зашумѣли и мѣстахъ въ трехъ раздались голоса: «Какъ-ста не на висѣлицу!... Много будетъ!... Всѣхъ не перевѣшаешь!..»

— Что, что?... много будетъ?—сказалъ отецъ Еремѣй, приподнимаясь медленно съ своего мѣста.

— Посмотри-ка, бояринъ,—шепнулъ Алексѣй Юрію.
—Господи, Боже мой!... что это?... экой чудо-богатырь!... Да передъ нимъ и Омляшь показался бы малымъ ребенкомъ!

— Ахъ вы крамольники! — продолжалъ отецъ Еремѣй, халдейцы проклятые! ([2]) Да знаете ли, что вась къ церковному порогу не подпущу! что вы всѣ, какъ псы окаянные, передохнете безъ исповѣди!

Ропотъ утихъ, но никто не трогался съ мѣста, чтобъ выполнить приказаніе отца Еремѣя.

— Что вы дожидаетесь? закричалъ онъ громовымъ голосомъ: иль хотите чтобъ я повѣсилъ его своими руками?... Темрюкъ, Гаврило, Матерой, возьмите его!... Ну что-жъ вы стали? — промолвилъ онъ, выступя нѣсколько шаговъ впередъ.

Виновнаго схватили и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, потащили къ висѣлицѣ.

— Взмилуйся, батюшка!—сказалъ одинъ изъ куп-

цовъ, — не прикажи его вѣшать, а вели только намъ отдать то, что у насъ отняли.

— Ваше добро не пропадетъ, а не въ свое дѣло не мѣшайтесь, – отвѣчалъ хладнокровно отецъ Еремѣй.

— Переложи гнѣвъ на милость, батюшка! Богъ съ нимъ! мы ничего не ищемъ,—сказалъ купецъ.

— Нѣтъ, господа купцы! кто милуетъ разбойниковъ, того самъ Богъ не помилуетъ; да я ужъ давно замѣтилъ, что онъ нечистъ на руку... А развѣ и то только для васъ, дамъ ему время покаяться. Эй! постойте, ребята, отведите его въ мірскую избу. Матерой, приставь къ нему караулъ; да смотри, чтобъ онъ былъ чѣмъ-свѣтъ повѣшенъ, и если кто-нибудь хоть пикнетъ, то я завтра велю поставить другую висѣлицу. Ба, ба, ба! Кондратій... ты какъ здѣсь?...—продожалъ онъ, замѣтивъ одного изъ провожатыхъ Юрія, который, поклонясь почтительно, подошелъ къ нему вмѣстѣ съ своими товарищами подъ благословеніе. Ну что, дѣтушки, какъ вы справились съ этими измѣнниками?

— Авось Господь поможетъ!—отвѣчалъ Кондратій; — а шибко дерутся, собачьи дѣти! достанется и нашимъ на орѣхи.

— Какъ!—вскричалъ отецъ Еремѣй;—такъ у васъ на троицкой дорогѣ еще дерутся, а вы здѣсь?...

— Не гнѣвайся батюшка! насъ прислалъ къ тебѣ Бачура вотъ съ этимъ проѣзжимъ, который показался намъ подозрительнымъ, хоть онъ и называетъ себя Юріемъ Дмитричемъ Милославскимъ.

— Милославскимъ? повторилъ священникъ, подойдя къ Юрію; сыномъ Дмитрія Юрьевича!... Милости просимъ, бояринъ! Ахъ, ты мой соколъ ясный!... — промолвилъ онъ, благословляя Юрія; какъ ты схожъ съ покойнымъ твоимъ родителемъ: какъ двѣ капли воды!.. Дай Богъ ему царство небесное! онъ не оставлялъ меня своею милостію. Батюшка твой изволилъ часто

[redacted]

котиться около нашего села, и хоть я былъ тогда ростымъ дьячкомъ, но онъ не гнушался моего дома и эегда изволилъ останавливаться у меня. Просимъ поэрно, Юрій Дмитричъ, ко мнѣ въ мою избенку! да ѣмъ Богъ послалъ!

Юрій и Алексѣй вошли вслѣдъ за священникомъ ь большую и свѣтлую избу, построенную внутри церэвнаго погоста.

— Жена,—сказалъ отецъ Еремѣй, войдя въ избу, -накрывай столъ, подай стклянку вишневки, да смори, поворачивайся! что есть въ печи, все на столъ ечи!... Знаешь ли, кто нашъ гость?

— Не знаю, батюшка!—отвѣчала попадья съ низимъ поклономъ.

— Сынъ боярина Милославскаго!

— Ой-ли?... Охъ ты мой кормилецъ!... Подлинно, эрогой гость!... Пожалуй, батюшка, изволь садиться! илости просимъ! а я мигомъ все спроворю.

— Куда изволишь ѣхать, бояринъ?—спросилъ отецъ ремѣй.

— Къ князю Пожарскому, подъ Москву.

— Биться съ супостатами? Дѣло, Юрій Дмитричъ! а и какъ такому молодцу сидѣть поджавши руки, огда вся Русь святая двинулась грудью къ матушкѣ- Госквѣ! Ну что, бояринъ, ты ужъ, чай, давно жеатъ?... и дѣтки есть?

— Нѣтъ, батюшка,—отвѣчалъ со вздохомъ Юрій, не женатъ и вѣкъ останусь холостымъ.

— Что такъ?

— Да видно мнѣ ужъ такъ на роду написано.

— Не ручайся, Юрій Дмитричъ! придетъ часъ вои Божіей...

— Да, — прервалъ Милославскій, я надѣюсь, что асъ воли Божіей придетъ скоро; но только не такъ, акъ ты думаешь, отецъ Еремѣй!

— Что это бояринъ? Ужъ не о смертномъ ли часѣ ты говоришь? Оно правда, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, и ты ѣдешь не на свадебный пиръ; да Господь милостивъ, и если загадывать впередъ, такъ лучше думать, что не по тебѣ станутъ служить панихиду, а ты самъ отпоешь благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ; и вѣрно, когда по всему Кремлю подъ колокольный звонъ раздастся: «Тебе Бога хвалимъ», ты будешь смотрѣть веселѣе теперешняго... А!... Наливайко!—вскричалъ отецъ Еремѣй, увидя входящаго казака,—ты съ троицкой дороги? Ну, что?

— Слава Богу! справились съ злодѣями,—отвѣчалъ казакъ.—Я пріѣхалъ передовымъ.

— Много побито нашихъ?

— Да съ полсорока больше своихъ не дочтемся! Измѣнники дрались не на животъ, а на смерть: всѣ легли до единаго. Правда, было за что и постоять! сундуковъ-то съ добромъ... серебряной посуды возовъ съ пять, а казны на тройкѣ не увезешь! Наши молодцы нашли въ одной телѣгѣ боченокъ романеи, да такъ-то на радости натянулись, что насилу на коняхъ сидятъ. Бычура съ пятьюдесятью человѣками ѣдетъ за мной слѣдомъ, а другіе съ повозками поотстали.

— А гдѣ вашъ старшина?

— Кто? Ѳедоръ Хомякъ? И не спрашивай о немъ, батюшка... измѣнникъ!

— Что ты говоришь?

— Бычура изъ своихъ рукъ застрѣлилъ этого предателя. Вотъ какъ было все дѣло: ихъ оставалось всего человѣкъ двадцать, не больше; но съ ними былъ ихъ бояринъ, и нечего сказать—молодецъ! Стали поперекъ просѣки, которая идетъ направо въ лѣсъ, да, слышь ты, вотъ такъ нашихъ въ лоскъ и кладутъ. Мы глядь туда, сюда! гдѣ Ѳедька Хомякъ? Не тутъ-то было! Чѣмъ бы ему, какъ старшинѣ, ни пяди отъ насъ,

онъ вздумалъ спасать дочь измѣнника боярина, и ужъ совсѣмъ было выпроводилъ ее изъ лѣсу, да Богъ попуталъ. Бычура, который былъ позади въ засадѣ, и шелъ къ намъ на подмогу, повстрѣчался съ нимъ въ оврагѣ; его, какъ предателя, застрѣлилъ, а боярышню, вмѣстѣ съ ея сѣнной дѣвушкою, поворотилъ назадъ.

— Напрасно; пустили-бы ихъ на всѣ четыре стороны! На что вамъ онѣ?

— Какъ на что, отецъ Еремѣй? Вѣдь она дочь измѣнника.

— Да развѣ мы воюемъ съ бабами?

— Вѣстимо не съ бабами! да наши молодцы не то говорятъ... А вотъ никакъ они въѣхали въ село.

Юрій едва дышалъ въ продолженіе этого разговора: онъ не смѣлъ остановиться на мысли, отъ которой вся кровь застыла въ его жилахъ; но несмотря на то, сердце его невольно сжималось отъ ужаснаго предчувствія. Вдругъ пронесся по улицѣ громкій гулъ; конскій топотъ, пѣсни, дикія восклицанія, буйный свистъ оглашили окрестность; толпа пьяныхъ всадниковъ, при радостныхъ крикахъ всего селенія, промчалась вихремъ по улицѣ, спѣшилась у церковнаго погоста и окружила домъ священника. Черезъ минуту Бычура, въ провожаніи человѣкъ двадцати, окровавленныхъ и покрытыхъ пылью товарищей, вошелъ въ избу.

— Поздравляемъ, батька!—сказалъ онъ не слишкомъ почтительнымъ голосомъ:—знатная добыча! Нечего сказать, поработали мы сегодня на матушку святую Русь!

— Спасибо, дѣтушки!—отвѣчалъ отецъ Еремѣй;—жаль только, что и нашихъ легло довольно!

— Зато ужъ и мы натѣшили свои душеньки! и завтра можемъ позабавиться. Мы захватили дочь одного изъ измѣнниковъ-бояръ, такъ какъ прикажешь: сегодня что-ль ее на висѣлицу, иль завтра?... Да вотъ она налицо.

Два мужика внесли, закутанную съ ногъ до головы въ богатую фату, дѣвицу; за нею шла, заливаясь слезами, молодая сѣнная дѣвушка!

— Несчастная! она умерла отъ страха!—сказалъ Юрій.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Бычура,—она только въ-забытьи; дорогою ее разъ пять схватывало. Пройдетъ!

— Варвары! злодѣи! кровопійцы!—кричала всхлипывая сѣнная дѣвушка;—добьюсь ли я отъ васъ хоть каплю воды?

— На, голубушка!—сказала попадья, подавая ковшъ воды,—спрысни ее!—Бѣдная боярышня! примолвила она жалобнымъ голосомъ,—неужли-то вы надъ нею не взмилуетесь?

— Молчи, жена!—шепнулъ священникъ,—утро вечера мудренѣе... Хорошо, ребята! пусть она здѣсь переночуетъ, а завтра увидимъ.

Невольно повинуясь какому-то непреодолимому влеченію, Юрій подошелъ къ скамьѣ, на который лежала несчастная дѣвица; въ ту самую минуту, какъ горничная, стараясь привести ее въ чувство, распахнула фату, въ коей она была закутана. Милославскій бросилъ быстрый взглядъ на блѣдное лицо несчастной... обмеръ, зашатался, хотѣлъ что-то вымолвить, но вмѣсто словъ, невнятный, раздирающій сердце вопль, вырвался изъ груди его.

Незнакомая дѣвица открыла глаза и посмотрѣвъ вокругъ себя, устремила неподвижный и спокойный взоръ на Юрія.

— Ну, вотъ; вѣдь я говорилъ, что очнется!—сказалъ хладнокровно Бычура.

— Анастасья!...—вскричалъ наконецъ Милославскій.

— Опять онъ!...—шепнула Анастасья, закрывъ рукою глаза свои.—Ахъ! я все еще сплю!

— О, еслибъ это былъ сонъ!... Анастасья!...

— Боже мой! Боже мой!... такъ!... я не сплю!... это онъ!... Но зачѣмъ мы здѣсь... вмѣстѣ съ этими палачами?... Ахъ! я сейчасъ была въ Москвѣ... ты былъ одинъ со мною. . а теперь!...

— Ба, ба, ба!:.. такъ ты ее знаешь,—бояринъ? спросилъ Бычура.

— Да, добрые люди!—подхватилъ Юрій.—Вы ошибаетесь, она на дочь Шалонскаго.

— Какъ такъ?

— И я также думаю, ребята! — сказалъ священникъ.—Я видалъ боярина Шалонскаго: она вовсе на него не походитъ.

— Кой прахъ! — возразилъ одинъ изъ шишей; — что-жъ онъ, какъ я разрубилъ ему голову, примолвилъ умирая, своимъ холопямъ: «спасайте дочь мою»!

— Какъ?—вскричала Анастасья...—умирая?... Кто умеръ?

— Бояринъ Кручина Шалонской.

— Родитель мой?...

— Слышишь ли, батька, что она говоритъ?—сказалъ Бычура. Что-жъ это, бояринъ, никакъ ты вздумалъ насъ морочить?

— Но развѣ вы не видите? она не знаетъ сама, что говоритъ... она безъ памяти!

— Нѣтъ,—сказала твердымъ голосомъ Анастáсья,—я не отрекусь отъ отца моего. Да, злодѣи! я дочь боярина Шалонскаго, и если для васъ мало, что вы, какъ разбойники, погубили моего родителя, то умертвите и меня!... Что мнѣ радости на бѣломъ свѣтѣ, когда я вижу среди убійцъ отца моего... Ахъ! умертвите меня!

— Анастасья!—вскричалъ Юрій,—неужели ты можешь думать?..:

— Нѣтъ, боярышня!—сказалъ священникъ,—хоть и жаль, а надобно сказать правду: онъ не помогалъ нашимъ молодцамъ. Да что объ этомъ толковать!... До

завтра, ребята, съ Богомъ! Вамъ, чай, пора отдохнуть... Ну, что-жъ вы переминаетесь? ступайте!

— Да вотъ, батька,—сказалъ Бычура, почесывая голову,—товарищи говорятъ, что сегодня за одинъ бы ужъ пріемъ—повѣсить ее, такъ и дѣло въ шляпѣ.

— Ахъ, вы богоотступники!—вскричала сѣнная дѣвушка;—что вы затѣваете? иль вы думаете, что теперь ужъ не кому вступиться за боярышню? Такъ знайте же разбойники, что она помолвлена за гетмана Гонсѣвскаго, и если вы ее хоть волосомъ тронете, такъ онъ васъ всѣхъ живыхъ въ землю закопаетъ.

— Какъ!... она невѣста пана Гонсѣвскаго? — сказалъ Бычура.

— Что вы слушаете эту дуру!—перервалъ священникъ.

— Да, да, невѣста пана Гонсѣвскаго,—продолжала кричать горничная,—и Боже васъ сохрани...

— Невѣста Гонсѣвскаго!—повторила съ яростнымъ крикомъ вся толпа.—На висѣлицу ее!... На висѣлицу!

— Остановитесь!—сказалъ отецъ Еремѣй, заслонивъ собою Анастасью;—я приказываю вамъ... Но неистовые крики заглушали слова священника. Быстрѣе молніи роковая вѣсть облетѣла все селеніе, въ одну минуту изба наполнилась вооруженными людьми, весь церковный погостъ покрылся народомъ и тысяча голосовъ, осыпая кроклятіями Гонсѣвскаго, повторила: «на висѣлицу невѣсту еретика!»

—Да выслушайте меня, дѣтушки!—сказалъ священникъ,—успѣвъ наконецъ возстановить тишину вокругъ себя. Развѣ я стою за нее? Я только говорю, чтобъ вы подождали до завтра,

— Нѣтъ, батька! — возразилъ Бычура: — выдавай намъ ее сейчасъ, а то будетъ поздно: вишь она опять обмерла!... Гдѣ ей дожить до завтра!...

— Ребята,—вскричалъ Юрій,—не бероите на душу

этого грѣха! Она невинна: отецъ насильно выдавалъ ее замужъ.

— Все равно!—подхватилъ одинъ пьяный мужикъ съ всклокоченной бородою и сверкающими глазами.— Этотъ жидъ, Гонсѣвской, посадилъ на колъ моего брата... На висѣлицу ее!

— Онъ отрубилъ голову отцу моему! — вскричалъ другой.

— Разстрѣлялъ безъ суда пятерыхъ нашихъ товарищей!—примолвилъ третій.

— Тащите ее!—заревѣла вся толпа.

— Друзья мои!—продолжалъ Юрій, ломая въ отчаяніи свои руки,—ради Бога!... Если вы хотите кого-нибудь казнить, такъ умертвите меня.

— Что ты, бояринъ! развѣ мы разбойники?—сказалъ Бычура.—Ты православный и стоишь за нашихъ, а она дочь предателя, еретика и невѣста злодѣя нашего Гонсѣвскаго.

— Такъ попытайтесь же взять ее!—вскричалъ Юрій, вынимая свою саблю.

— Безумный!—сказалъ священникъ, схвативъ его за руку,—иль ты о двухъ головахъ?... Слушайте, ребята, продолжалъ онъ, я присудилъ повѣсить за разбой Сеньку Звѣрева; вамъ всѣмъ его жаль—ну, такъ и быть! не троньте эту дѣвчонку, которая и такъ чуть жива и я прощу вашего товарища.

— Нѣтъ, батька!—сказалъ Бычура.—Если Звѣревъ виноватъ, то мы не стоимъ за него: дѣлай съ нимъ, что тебѣ угодно, а намъ давай невѣсту пана Гонсѣвскаго.

— Да, да! — вскричала вся толпа, — мы изъ твоей воли не выступаемъ, Еремѣй Аѳанасьевичъ; казни, кого хочешь, а еретичку намъ выдавай.

Юрій съ ужасомъ замѣтилъ, что твердость священника поколебалась: въ его смущенныхъ взорахъ ясно

изображались нерѣшимость и боязнь. Онъ видѣлъ, что распаленная виномъ и мщеніемъ буйная толпа начинала уже забывать все повиновеніе, и одинъ грозный видъ и всѣмъ извѣстная исполинская его сила удерживали въ нѣкоторыхъ границахъ главныхъ зачинщиковъ, которые, понукая другъ друга, не рѣшались еще употребить насилія; но этотъ страхъ не могъ продолжаться долго. Снаружи крикъ бѣшеннаго народа умножался ежеминутно, и нѣсколько уже разъ имя священника произносилось съ ругательствомъ и угрозами. Взоры его становились часъ-отъ-часу мрачнѣе, онъ поглядывалъ съ состраданіемъ то на Юрія, то на безчувственную Анастасью, но вдругъ лицо его прояснилось, онъ схватилъ за руку Милославскаго и сказалъ въ полголоса: «Готовъ ли ты пуститься на все, чтобъ спасти эту несчастную»?

— На все, отецъ Еремѣй!

— Если такъ—она спасена! Ну, дѣтушки, продолжалъ онъ, обращаясь къ толпѣ, видно васъ не переспорить—быть по вашему! Только не забудьте, ребята, что она такая же крещеная, какъ и мы, такъ намъ грѣшно будетъ погубить ея душу. Возьмите ее бережненько, да отнесите за мною въ церковь, тамъ она скорѣе очнется! дайте мнѣ только время исповѣдать ее, приготовить къ смерти, а тамъ дѣлайте, что хотите.

— Ну вотъ, что дѣло, то дѣло, батька, — сказалъ Бычура,—въ этомъ съ тобою никто спорить не станетъ. Ну-ка, ребята, пособите мнѣ отнести ее въ церковь... Да выходите же вонъ изъ избы!. . Экъ они набились — не продерешься!... Ступай-ка, отецъ Еремѣй, передомъ: ты скорѣй ихъ поразодвинешь.

Минуты черезъ двѣ въ избѣ не осталось никого, кромѣ Юрія, Алексѣя и сѣнной дѣвушки, которая, заливаясь горькими слезами и вычитая всѣ добродѣтели своей боярышни, вопила голосомъ. Милославскій, не

смотря на обѣщаніе отца Еремѣя, былъ также въ ужасномъ положеніи; онъ ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, какъ человѣкъ, лишенный разсудка, попеременно то хватался за свою саблю, то, закрывъ руками глаза, бросался въ совершенномъ отчаяніи на скамью и плакалъ какъ ребенокъ. Алексѣй не смѣлъ утѣшать его и, наблюдая глубокое молчаніе, стоялъ неподвижно, на одномъ мѣстѣ. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ двери вполовину отворились и небольшаго роста старичекъ, въ которомъ, по заглаженнымъ назадъ волосамъ и длинной косѣ, не трудно было узнать приходскаго дьячка, махнулъ рукою Милославскому, и когда Алексѣй хотѣлъ идти за своимъ господиномъ, то шепнулъ ему, чтобъ онъ остался въ избѣ. Юрій вышелъ съ своимъ проводникомъ на церковный погостъ и, пробираясь осторожно вдоль забора, подошелъ къ паперти. Входя на лѣстницу, онъ оглянулся назадъ: вокругъ всей ограды, подлѣ пылающихъ костровъ, сидѣли кучами вооруженные люди; ихъ неистовыя восклицанія, буйные разговоры, звѣрскій хохотъ, съ коимъ они указывали по временамъ на висѣлицу, вокругъ которой разведены были также огни и толпился народъ, все это вмѣстѣ составляло картину столь отвратительную, что Юрій невольно содрогнулся и поспѣшилъ, вслѣдъ за дьячкомъ, войдти во внутренность церкви. Передъ иконостасомъ теплилась одна лампада, а въ трапезѣ, подлѣ налоя, во всемъ облаченіи, стоялъ отецъ Еремѣй и трепещущая Анастасія.

— Скорѣй, Юрій Дмитричъ, скорѣй!—сказалъ священникъ, идя къ нему навстрѣчу: становись подлѣ твоей невѣсты!

— Моей невѣсты?—повторилъ съ ужасомъ Юрій.

— Да, это одинъ способъ спасти ее!—Слышишь ли, какъ бѣснуются эти буйныя головы? Малѣйшее промедленіе будетъ стоитъ ея жизни. Еще разъ спрашиваю тебя, хочешь ли спасти ее?

— Хочу! — сказалъ рѣшительно Юрій, и отецъ Еремѣй, снявъ съ руки Анастасіи два золотыхъ перстня, началъ обрядъ вѣнчанья. Юрій отвѣчалъ твердымъ голосомъ на вопросы священника, но смертная блѣдность покрывала лицо его: крупныя слезы сверкали сквозь длинныхъ рѣсницъ потупленныхъ глазъ Анастасіи; голосъ дрожалъ, но живой румянецъ пылалъ на щекахъ ея и горячая рука трепетала въ ледяной и, какъ мраморъ, безчувственной рукѣ Милославскаго.

Между тѣмъ нетерпѣніе палачей несчастной Анастасіи дошло до высочайшей степени.

— Что-жъ это? батька издѣвается, чтоль надъ нами? —вскричалъ наконецъ Бычура. Гдѣ видано держать два часа на исповѣди? Кабы насъ, такъ онъ успѣлъ бы уже давно десятка два отправить. Послушайте, ребята, войдемте въ церковь; при людяхъ исповѣдывать нельзя, такъ ему придется нехотя кончить.

— А что ты думаешь?... И впрямь!... Въ церковь!... такъ въ церковь!... Пойдемте, ребята!—закричали товарищи Бычуры, и вслѣдъ за нимъ хлынули всей толпой на паперть.

— Вотъ-те разъ! сказалъ Бычура, остановясь въ недоумѣніи: вѣдь двери-то заперты...

— Такъ что-жъ? Ну-ка, товарищи, понапремъ!— вскричалъ Матерой, авось съ петлей соскочитъ.

Вдругъ, двери церковныя съ шумомъ отворились и отецъ Еремѣй, въ полномъ облаченіи, устремивъ сверкающій взглядъ на буйную толпу, предсталъ предъ нее, какъ грозный ангелъ Господень.

— Богоотступники!—воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ,—какъ дерзнули вы силою врываться въ храмъ Господа нашего?... Чего хотите вы отъ служителя алтарей, нечестивые святотатцы?

— Отецъ Еремѣй! отвѣчалъ Бычура робкимъ голосомъ, посматривая на присмирѣвшихъ своихъ товари-

щей, вѣдь ты самъ обѣщалъ выдать намъ невѣсту Гонсѣвскаго?

— И сдержалъ бы мое обѣщаніе, еслибъ могъ выдать вамъ невѣсту нашего злодѣя.

— А почему-жъ ты не можешь?

— Ея здѣсь нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?!.. Ребята, что-жъ это?...

— Да! здѣсь нѣтъ никого, кромѣ Юрія Дмитріевича Милославскаго и законной его супруги, боярыни Милославской! Вотъ они! прибавилъ священникъ, показывая на новобрачныхъ, которые въ вѣнцахъ, и держа другъ друга за руку, вышли на паперть и стали возлѣ своего защитника.

— Православные!—продолжалъ отецъ Еремѣй, не давая образумиться удивленной толпѣ, вы видите, они обвѣнчаны, а кого Господь сочеталъ на небеси, тѣхъ на землѣ человѣкъ разлучить не можетъ!

— Да,—вскричалъ Юрій, ничто не разлучитъ меня съ моею супругою, и если вы жаждете упиться ея неповинной кровью, то умертвите и меня вмѣстѣ съ нею!

— Слышитель, православные? Вы не можете погубить жены, не умертвя вмѣстѣ съ нею мужа, а я посмотрю, кто изъ васъ осмѣлится поднять руку на друга моего, сподвижника князя Пожарскаго и сына знаменитаго боярина Дмитрія Юрьевича Милославскаго?

Глубокое молчаніе распространилось по всей толпѣ, которая безпрестанно увеличивалась отъ прибѣгающаго со всѣхъ сторонъ народа. Какъ вы думаете, товарищи?... —промолвилъ наконецъ Бычура.

— Не знаемъ-ста, какъ ты?...—отвѣчалъ Наливайко.

— Вишь, батька-то стоитъ за нихъ грудью,—прибавилъ Матерой.

На всѣхъ лицахъ замѣтно было какое-то сомнѣніе и недовѣрчивость. Всѣ молча поглядывали другъ на друга, и въ эту рѣшительную минуту одно удачное

слово могло усмирить всѣ умы точно также, какъ одно буйное восклицаніе превратить снова весь народъ въ безжалостныхъ палачей. Уже нѣсколько пьяныхъ мужиковъ, съ звѣрскими рожами, готовы были подать первый знакъ къ убійству, но отецъ Еремѣй предупредилъ ихъ намѣреніе.—«Ну, что-жъ вы задумались, православные!—воскликнулъ онъ, принимая изъ рукъ дьячка кружку съ виномъ. За мной, дѣтушки!... Да здравствуютъ новобрачные!».

Два или три голоса повторили поздравленіе, но вся толпа молчала.

— А чтобъ было чѣмъ выпить за ихъ здоровье, продолжалъ отецъ Еремѣй, бояринъ жалуетъ вамъ бочку вина, ребята.

— Да здравствуютъ новобрачные!—закричали сотни голосовъ.

— А я,—прибавилъ священникъ, на радости прощаю Звѣрева, и выдаю изъ собственной моей казны по пяти алтынъ на человѣка.

— Ура!—заревѣлъ весь народъ. Многія лѣта боярынѣ Милославской!... Да здравствуютъ молодые!

— Спасибо, ребята! Сейчасъ велю вамъ выкатить бочку вина, а завтра приходите за деньгами. Пойдемъ, бояринъ, — примолвилъ отецъ Еремѣй вполголоса: пока они будутъ пить и веселиться, намъ зѣвать не должно... Я велѣлъ осѣдлать коней вашихъ и приготовить лошадей для твоей супруги и ея служительницы. Васъ провожать будетъ Темрюкъ: онъ парень добрый и вѣрно теперь во всемъ селѣ одинъ,-одинехонекъ не пьянъ; хоть онъ и крестился въ нашу вѣру, а все еще придерживается своего басурманскаго обычая, вина не пьетъ.

Когда они вошли въ избу, сѣнная дѣвушка узнала, что ея госпожа не должна уже ничего опасаться, то совсѣмъ бы обезумѣла отъ радости, еслибъ ей не объ-

[redacted]

явили, что боярышня ея вышла замужъ за Милославскаго. Это извѣстіе тотчасъ расхолодило ея восторгъ.— «Какъ!—вскричала она, Анастасья Тимоѳеевна обвѣнчалась?... Ну, хороша свадебка!... Безъ помолвки, безъ дѣвишника!... Ахъ, Боже мой!... Что, еслибъ Власьевна это узнала!... Ахъ, ты, моя родимая! сиротка ты безталанная! некому было тебя, горемычную, и повеличать, передъ свадьбою!..»

— И, голубушка!—сказалъ священникъ, до величанья ли имъ было! Ты, чай, слышала, какія ей на площади попѣвали свадебныя пѣсенки? Ну, бояринъ,— продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію, куда-жъ ты теперь поѣдешь со своею супругою?... Чай, въ станѣ у князя Пожарскаго жить боярынямъ не пристало?... Не худо, еслибъ ты отвезъ на время свою супругу въ Хотьковскій монастырь; онъ близехонько отсюда, и вѣрно игуменья не откажетъ дать пріютъ боярынѣ Милославской.

— Она родная моя тетка,—сказала Анастасья.

— Такъ и думать нечего! въ добрый часъ, бояринъ! У меня на душѣ будетъ легче, какъ вы уѣдете!... Не то, чтобъ я боялся... однакожъ все лучше... лукавый силенъ!... Поѣзжайте съ Богомъ!

— Отецъ Еремѣй!—сказалъ Юрій, чѣмъ могу я возблагодарить тебя?...

— Не за что, Юрій Дмитричъ! Я взысканъ былъ милостію твоего покойнаго родителя, и служа его сыну, только что выплачиваю старый долгъ. Но вотъ, кажется, и Темрюкъ готовъ! Онъ проведетъ васъ задами; хоть васъ никто не посмѣетъ остановить, однакожъ лучше не ѣхать мимо церкви. Дай вамъ Господи совѣтъ и любовь, во всемъ благое поспѣшеніе, несчетные годы и всякаго счастія! Прощайте!

Молодые и служители ихъ, проѣхавъ задними воротами на огороды, въ провожаніи Темрюка, добрались потихоньку до околицы и выѣхали изъ села Кудинова.

VII.

Въ этотъ самый день, въ который, по необычайному стеченію обстоятельствъ, Милославскій нарушилъ обѣтъ, данный имъ наканунѣ: посвятить остатокъ дней своихъ безбрачной жизни, часу въ десятомъ ночи, какой-то бѣдный прохожій, въ изорванномъ сѣромъ кафтанѣ, шелъ скорыми шагами вдоль большой московской дороги, проложенной въ этомъ мѣстѣ по скату глубокаго оврага, поросшаго густымъ лѣсомъ. Миновавъ длинный и узкій мостъ, перекинутый чрезъ топкую пойму, прохожій вышелъ на большую поляну, пересѣкаемую поперечною дорогой. Ночь была лунная, и, несмотря на густую тѣнь отъ деревьевъ, можно было безъ труда различать всѣ предметы. Прохожій, достигнувъ перекрестка, остановился, вздрогнулъ и съ ужасомъ отступилъ назадъ: освѣщенная полнымъ мѣсяцемъ, вся правая сторона поляны была покрыта кучами мертвыхъ тѣлъ. Пораженный этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, прохожій стоялъ уже нѣсколько минутъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ вдругъ слабый, едва слышный стонъ долетѣлъ до его слуха, и въ то же время ему показалось, что среди большой груды тѣлъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ поперечная дорога выходила на поляну, кто-то приподнялъ съ усиліемъ голову и, вздохнувъ тяжело, опустилъ ее опять на землю. Подойдя поближе, прохожій увидѣлъ, что этотъ несчастный, покрытый глубокими язвами, одинъ изъ всѣхъ сохранилъ еще признаки жизни. Въ то время, какъ человѣколюбивый незнакомецъ, желая, повидимому, подать какую-нибудь помощь раненому, заботливо надъ нимъ наклонился, онъ снова сдѣлалъ движеніе и повернулся лицомъ къ сторонѣ, освѣщенной луною.—«Пра-

[redacted]

восудный Боже! вскричалъ прохожій, отступивъ назадъ и сложа крестообразно свои руки; это онъ, это тотъ надменный и сильный бояринъ!... И такъ, исполнилась мѣра долготерпѣнія Твоего, Господи!... Но онъ дышетъ.... живъ еще онъ.... Ахъ! еслибъ этотъ несчастный успѣлъ примириться съ Тобою! Но какъ привести его въ чувство?... прибавилъ прохожій, посмотрѣвъ вокругъ себя. Изба полѣсовщика недалеко отсюда.... попытаюсь».... Онъ приподнялъ раненаго, въ которомъ читатели, вѣроятно, узнали уже боярина Кручину-Шалонскаго, положилъ его на плеча, и сгибаясь подъ этой ношею, пошелъ вдоль поперечной дорогѣ, въ концѣ которой мелькалъ сквозь чащу деревьевъ едва замѣтный тусклый огонекъ.

Почти въ то же самое время Милославскій и его супруга выѣхали изъ села Кудинова; впереди ѣхалъ провожатый ихъ татаринъ Темрюкъ, а позади Алексѣй и сѣнная дѣвушка. Во все время, пока до ихъ слуха долетали еще громкіе крики и веселыя пѣсни, Анастасья наблюдала глубокое молчаніе и вздрагивая при каждомъ новомъ радостномъ восклицаніи, которое доносилъ до нихъ отголосокъ, съ трепетомъ прижималась къ Милославскому. Но когда вокругъ ихъ все утихло и, мало-по-малу, стало потухать блѣдное зарево отъ пылающихъ костровъ, вокругъ которыхъ пировала толпа ея палачей, она, казалось, стала дышать свободнѣе, и наконецъ сказала робкимъ, исполненнымъ прелести голосомъ: «Ты молчишь, Юрій Дмитричъ!... Промолви хотя словечко.... Ахъ! одно твое слово ласковое, одинъ твой привѣтъ могутъ уменьшить скорбь несчастной сироты».

— Анастасья! отвѣчалъ тихимъ голосомъ Юрій, я самъ сирота, и мнѣ ли горькому, безталанному утѣшать тебя въ несчастіи, когда для самого меня нѣтъ утѣшенья на бѣломъ свѣтѣ?... Ахъ! не на радость соединилъ тебя Господь со мною!

— Не на радость!... Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, я не

хочу гнѣвить Бога: съ тобою и горе мнѣ будетъ радостью. Ты не знаешь и не узналъ бы никогда, еслибъ не былъ моимъ супругомъ, что я давнымъ-давно люблю тебя. Во снѣ и на яву, никогда и нигдѣ я не разставалась съ тобою...., ты былъ всегда моимъ суженымъ. Когда злодѣйка кручина томила мое сердце, я вспоминала о тебѣ, и твой образъ, какъ ангелъ-утѣшитель, проливалъ отраду въ мою душу. Теперь ты мой, и если ты также меня любишь....

— Люблю ли я тебя!... вскричалъ Милославскій. Тебя!... Ахъ, Анастасья, помнишь ли, въ Москвѣ, у Спаса на Бору?... Я не зналъ, кто ты, когда въ первый разъ тебя увидѣлъ, но сердце мое забилось отъ радости... Мнѣ казалось, что я встрѣтился съ тобою послѣ долгой разлуки, что я давно тебя знаю.... что я не могъ не знать тебя! Несчастный, я забылъ все.... забылъ, что стою въ храмѣ Божіемъ.... Недоконченная молитва замерла на устахъ моихъ.... Нѣтъ! я согрѣшилъ еще болѣе: въ безуміи моемъ я молился—не на лики святыхъ угодниковъ.... Анастасья!... я видѣлъ одну тебя! Такъ я прогнѣвилъ Господа и долженъ сносить безъ ропота горькую мою участь; но ты молилась, Анастасья! въ глазахъ твоихъ, устремленныхъ на святыя иконы, сіяла благодать Божія.... я видѣлъ ясно— никакіе земные помыслы не омрачали души твоей.... тебя не тяготитъ ужасный грѣхъ поруганной святыни!... За что-жъ Господь наказалъ насъ обоихъ?

— Не грѣши, Юрій Дмитричъ! Къ чему этотъ безразсудный ропотъ? Всевышній посѣтилъ насъ скорбію, мы оба сироты; но развѣ Онъ до конца насъ покинулъ? И должны ли мы искушать Его милосердіе въ ту самую минуту, когда Онъ, сжалясь надъ нами, соединилъ насъ на вѣки?

— На вѣки! повторилъ вполголоса Юрій. Ахъ, Анастасья!...

— Да, мой милый, мой сердечный другъ! одна смерть можетъ разлучить насъ.... Дай мнѣ свою руку, радость дней моихъ, ненаглядный мой!... Не правда ли, ты никогда не покинешь твоей Анастасьи.... никогда?... Чувствуешь ли ты, продолжала она голосомъ, исполненнымъ неизъяснимой нѣжности, прижимая руку Юрія къ груди своей, чувствуешь ли, какъ бьется мое сердце?... Оно живетъ тобою! И если когда-нибудь ты перестанешь любить меня....

— Никогда, никогда! прошепталъ Юрій, покрывая плем·нными поцѣлуямими ея трепещущую руку.

— Безцѣнный мой!... избавитель мой!... О, какъ снова мнѣ жизнь становится мила!... Она твой даръ, мой возлюбленный! она вся принадлежитъ тебѣ!... Ахъ! повтори еще разъ, что ты меня любишь!

— Болѣе всего на свѣтѣ! вскричалъ Милославскій, забывъ на минуту весь ужасъ своего положенія.

— И ты можешь роптать на Промыслъ Божій?... и я смѣю называть себя сиротою, когда ты супругъ мой....

Какъ пробужденный отъ глубокаго сна, Юрій вздрогнулъ. — «Твой супругъ»!... повторилъ онъ, отдернувъ съ ужасомъ свою руку.

— Что съ тобою, мой милый другъ? спросила робкимъ голосомъ Анастасья.

Юрій не отвѣчалъ ни слова.

— Ты молчишь?... продолжала она. Ахъ! говори, Юрій Дмитричъ, скажи, чѣмъ могла я прогнѣвить тебя?

— Анастасья, отвѣчалъ наконецъ Милославскій, я не ропщу.... я покоряюсь волѣ Всевышняго; но мы несчастливы, мой другъ, очень несчастливы!

— Нѣтъ, пока ты называешь меня своей супругою.... пока я принадлежу тебѣ....

— Но знаешь ли ты, сирота злополучная?... Такъ! къ чему откладывать!... для чего томить тебя медленною смертью!... Анастасья!... я не супругъ твой!

— Ты не супругъ мой?... Но не ты ли сейчасъ обошелъ со мною налой церковный?... Не съ тобою ли я помѣнялась этимъ перстнемъ?...

— Чтобъ спасти тебя, я долженъ былъ это сдѣлать; но я не могу быть ничьимъ супругомъ.

— Не можешь?

— Да, Анастасья! Вчера, надъ гробомъ преподобнаго Сергія, я клялся оставить свѣтъ и произнесъ обѣтъ: по окончаніи брани, возложить на себя одежду инока.

— Милосердый Боже.... Такъ для чего-же, жестокій, ты не далъ мнѣ умереть?

— Выслушай меня, Анастасья, и не осуждай меня!

Юрій сталъ разсказывать, какъ онъ любилъ ее, не зная, кто она, какъ несчастный случай открылъ ему, что его незнакомка—дочь боярина Кручины; какъ онъ, потерявъ всю надежду быть ея супругомъ и связанный присягою, которая препятствовала ему возстать противу враговъ отечества, рѣшился отказаться отъ свѣта; какъ произнесъ обѣтъ иночества и, повинуясь волѣ своего наставника, Авраамія Палицына, отправился изъ Троицкой лавры сражаться подъ стѣнами Москвы, за вѣру православную; наконецъ, какимъ образомъ онъ попалъ въ село Кудиново и для чего долженъ былъ назвать ее своею супругою. Анастасья съ необыкновенной твердостью выслушала весь разсказъ его; но когда онъ кончилъ, она завернулась въ фату, зарыдала, и горькія слезы рѣкой полились изъ глазъ ея. Юрій молча продолжалъ ѣхать подлѣ нея; нѣсколько разъ онъ хотѣлъ возобновить разговоръ, но слова замирали на устахъ его; и что могъ бы онъ сказать въ утѣшеніе несчастной, горькой сиротѣ?

Вдали мелькнулъ огонекъ; Темрюкъ остановилъ свою лошади и, обращаясь къ Юрію, сказалъ: «Видишь, бояринъ?... вонъ тамъ, за этими деревьями?... Это Хотьковъ монастырь. Чай теперь вы и безъ проводника

[redacted]

доѣдете: дорога прямая; а мнѣ пора и отдохнуть. Вотъ другія сутки, какъ я глазъ не сводилъ».

Юрій отпустилъ своего провожатаго, и черезъ четверть часа наши путешественники доѣхали до монастырскихъ воротъ. Не скоро достучались они привратника; наконецъ калитка отворилась и монастырскій слуга, протирая заспанные глаза, спросилъ сердитымъ голосомъ: «кто тутъ?... что за полуночники такіе»?... но узнавъ Анастасью, вскрикнулъ отъ радости и побѣжалъ доложить о ней игуменьѣ. Путешественники сошли съ лошадей. Анастасья молчала, Юрій также; но когда черезъ нѣсколько минутъ ворота отворились и надобно было разставаться, вся твердость ихъ исчезла. Анастасья, рыдая, упала на грудь Милославскаго.

— «Прости, мой избавитель! говорила она всхлипывая; прости навсегда«!

— Навсегда!... Нѣтъ, Анастасья! вскрикнулъ Юрій, заключивъ ее въ свои объятія; когда мы оба проснемся отъ тяжкаго земного сна для жизни безконечной, тогда мы увидимся опять съ тобою!... И тамъ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій, тамъ—о милый другъ! я снова назову тебя моей супругою!

Анастасья вырвалась изъ его объятій. Тяжелыя ворота заскрипѣли, застучалъ желѣзный запоръ, привратникъ захлопнулъ калитку, и Юрій, вскочивъ на коня, помчался вихремъ отъ стѣнъ обители, въ которой, какъ въ безмолвной могилѣ, онъ похоронилъ навсегда все земное свое счастье.

Оставимъ на нѣсколько времени Юрія, который спѣшилъ, въ крови враговъ, или въ своей собственной, утопить мучительную тоску свою, и перенесемся въ хижину, гдѣ, осыпанный проклятіями, заклейменный позорнымъ именемъ предателя, нѣкогда сильный и знаменитый бояринъ, но теперь покинутый цѣлымъ міромъ, безпріютный страдалецъ боролся со смертію. До поло-

вины вросшая въ землю, освѣщенная однимъ восковымъ огаркомъ, который теплился передъ иконами, лачужка полѣсовщика была въ эту минуту послѣднимъ земнымъ жилищемъ богатаго боярина Кручины, привыкшаго жить съ царскою пышностью. Нѣсколько сноповъ соломы, брошенныхъ на скамью, замѣняли роскошное ложе, а вмѣсто толпы покорныхъ рабовъ, одинъ бѣдный, покрытый изорваннымъ рубищемъ, нищій сидѣлъ у его изголовья. Испустя тяжелый вздохъ, умирающій очнулся отъ своего безпамятства и открылъ глаза; нѣсколько минутъ его тусклые, безжизненные взоры оставались неподвижными; наконецъ мало-по-малу онъ сталъ различать окружающіе его предметы. Съ большимъ усиліемъ онъ поднялъ руку и, молча, поднесъ ее къ запекшимся кровію устамъ своимъ. Нищій подалъ ему ковшъ съ водою, и бояринъ, утоливъ свою жажду, примолвилъ невнятнымъ голосомъ: «гдѣ я»?

— Въ избѣ, у добраго человѣка, отвѣчалъ нищій.

— Кто говоритъ со мною?

— Это я, Ѳедорычъ: Митя.

— Гдѣ мои слуги?

— Твои слуги!... Бѣдняжка!... Ты всѣхъ ихъ отпустилъ на волю, Ѳедорычъ!

— Гдѣ дочь моя?

— Какъ?... такъ и она, сердечная, была съ тобою?... Голубушка моя!... Ну, Ѳедорычъ, пришла бѣда—растворяй ворота!

— Ахъ! я начинаю вспоминать.... убійцы!... кровь!... Такъ.... они умертвили ее!... злодѣи! А я живъ еще!... Зачѣмъ?.. для чего?

— Какъ зачѣмъ, Ѳедорычъ?... Подумай-ка хорошенько. Вѣдь благочестивую дочь твою врасплохъ бы не застали: она всегда, какъ чистая голубица, готова была принять жениха своего. А чтобъ ты сталъ дѣлать, горемычный, если бы Господь не умилосердился надъ

тобою и не далъ тебѣ времени принарядиться, да раззнакомиться съ твоими пріятелями? Оглянись-ка, Ѳедорычъ!... посмотри, сколько ихъ стоитъ за тобою! гордость, и злость, и неправда, и убійство, и всякое нечестіе.... Эй, Ѳедорычъ! не губи себя, голубчикъ! отрекись отъ этихъ друзей, не бери ихъ съ собою! Вѣдь двери-то на небеса небольшія — съ такой оравой туда не пролѣзешь!

Блѣдныя щеки Шалонскаго вспыхнули; казалось, всѣ силы его возвратились: онъ приподнялся до половины, и устремивъ дикій взоръ на Митю, сказалъ твердымъ голосомъ: «О чемъ ты говоришь, юродивый? чего ты отъ меня хочешь?... Покаянія? .. Нѣтъ!... поздно... Если все правда, чему я вѣрилъ въ ребячествѣ, то приговоръ мой давно уже произнесенъ»!

— И, Ѳедорычъ, Ѳедорычъ! Кто это тебѣ сказалъ!

— Да, если изъ двухъ дорогъ я выбралъ одну и шелъ по ней всю жизнь мою, то могу ли передъ смертью возвратиться опять на перепутье?

— Можешь ли? перервалъ Митя—и глаза его заблистали необыкновеннымъ огнемъ, и кроткое величіе праведника изобразилось на челѣ его, выражавшемъ до того одно простодушіе и смиреніе. Можешь ли? повторилъ онъ вдохновеннымь голосомъ. Ничтожное, бренное созданіе! Тебѣ ли полагать предѣлы милосердію Божію? Тебѣ ли измѣрять неизмѣримую любовь Творца къ Его созданію?... Такъ! съ юности твоей преданный лукавству и нечестію, упитанный неповинной кровію, ты шелъ путемъ беззаконія, дѣла твои вопіютъ на небеса; но хуже ли ты разбойника, который, умирая, сказалъ: «помяни мя, Господи! егда пріидеши во царствіи Твоемъ!» И едва слова сіи излетѣли изъ устъ убійцы—и уже имя его было начертано на небеси! Едва, омытая кровію Спасителя, душа его воспарила въ горнія селенія — и уже навстрѣчу ей спѣшилъ самъ Искупитель! О, боя-

ринъ! возведи скорбящій взоръ къ Отцу нашему, пожелай только быть вмѣстѣ съ Нимъ, и Онъ уже съ тобою, и Онъ уже въ душѣ твоей!...

Какъ истомленный жаждою въ знойный день усталый путникъ глотаетъ съ жадностію каждую каплю пролившаго на главу его благотворнаго дождя, такъ слушалъ умирающій исполненныя христіанской любви слова своего утѣшителя. Закоснѣлое въ преступленіяхъ сердце боярина Кручины забилось раскаяніемъ; съ каждымъ новымъ словомъ юродиваго измѣнялся видъ его, и наконецъ на блѣдномъ, полумертвомъ лицѣ изобразилась послѣдняя ужасная борьба порока, ожесточенія и сильныхъ страстей—съ душою, проникнутою первымъ лучемъ небесной благодати.

— Какъ! сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, ты, котораго я выгналъ съ позоромъ изъ дома своего.... надъ кѣмъ ругался, кого осыпалъ проклятіями... кто долженъ меня ненавидить.... желать моей вѣчной погибели....

— Твоей погибели!... Ахъ! ты не знаешь.... ты не вкусилъ еще всей сладости любви христіанской, бояринъ.... Твоей погибели!... Пусть Господь возьметъ остатокъ дней моихъ за одно мгновеніе твоего душевнаго покаянія! Но что я говорю.... безсмысленный! Нужна ли эта ничтожная жертва, дабы подвигнуть къ милосердію Того, кто есть безпредѣльная любовь.... которая наполняетъ уже твою душу, бояринъ?... Такъ, я вижу благодать Всевышняго въ твоихъ потухающихъ взорахъ!... Ты плачешь?... Плачь, бояринъ, плачь! Эти слезы.... о! привѣтствуй сихъ посланниковъ небесныхъ!....

Кто можетъ описать чувство умирающаго грѣшника, когда перстъ Божій коснулся души его? Онъ видѣлъ всю мерзость прошедшихъ дѣлъ своихъ, возгнушался самимъ собою, ненавидѣлъ себя: но не отчаяніе, а надежда и любовь наполняли его душу.

[redacted]

— Милосердый Боже! воскликнулъ онъ, проливая источники слезъ, для чего я не могу продлить моей позорной жизни?... Для чего въ болѣзняхъ, страданіяхъ, покрытый язвами, отъ всѣхъ отверженный, всѣми презираемый, я не могу изгладить продолжительнымъ покаяніемъ хотя сотую часть моихъ тяжкихъ беззаконій!...

— Ихъ нѣтъ уже, бояринъ! сказалъ съ восторгомъ Митя; твои слезы смыли ихъ.... первыя слезы кающагося грѣшника.... О! какое веселіе, какое торжество готовится на небесахъ, когда я, окаянный, недостойный грѣшникъ, скрывающій гордость и тщету даже подъ симъ бѣднымъ рубищемъ, не нахожу словъ для изъясненія моей радости?

Ослабѣвши отъ сильнаго душевнаго потрясенія, бояринъ Кручина опустился на свое ложе; предвѣстница близкой смерти, лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ... Митя, Митя!—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ, конецъ мой близокъ .. я изнемогаю!... Если дочь моя не погибла, сыщи ее... отнеси ей мое грѣшное благословеніе... Я чувствую, свѣтильникъ жизни моей угасаетъ... Ахъ, еслибъ я могъ, какъ православный, умереть смертію христіанина!... еслибъ Господь сподобилъ меня... Нѣтъ, нѣтъ!... Достоенъ ли убійца и злодѣй прикоснуться нечистыми устами... О, ангелъ утѣшитель мой! Митя!... молись о кающемся грѣшникѣ».

Вдругъ кто-то постучался у окна. «Кто тутъ?» — спросилъ Митя.

— Священникъ изъ села Никольскаго,—отвѣчалъ незнакомый голосъ!

— Священникъ!—вскричалъ юродивый.

— Да, добрый человѣкъ! Я ѣду съ требою къ умирающему, да заплутался; не выведешь ли меня на большую дорогу?

— Слышишь ли, Тимоѳей Ѳедоровичъ? Сомнѣвайся

еще въ милосердіи Божіемъ! Войди, батюшка, здѣсь также есть умирающій.

— Митя,—вскричалъ Кручина, приподыми меня! пособи мнѣ встать... Нѣтъ!... оставь меня... я чувствую въ себѣ довольно силы...

Бояринъ приподнялся, лицо его покрылось живымъ румянцемъ, его жадные взоры, устремленные на дверь хижины, горѣли нетерпѣніемъ... Священникъ вошелъ и чрезъ нѣсколько минутъ на оживившемся лицѣ примиреннаго съ Небесами изобразилось кроткое веселіе и спокойствіе праведника: Господь допустилъ его произнести молитву: «днесь Сыне Божій, причастника мя пріими!» Онъ соединился съ своимъ Искупителемъ; и когда глаза его закрылись на вѣки, Митя, почтивъ прахъ его послѣднимъ цѣлованіемъ,—сказалъ тихимъ голосомъ: «Прости, Тимоѳей Ѳедоровичъ! веселись въ горнихъ селеніяхъ, избранный для прославленія неизреченнаго милосердія Божія! Ты жилъ, какъ злодѣй, и кончилъ жизнь, какъ праведникъ... Блаженна часть твоя: надъ тобою совершилась великая тайна искупленія! ..

VIII

Въ первый день рѣшительной битвы русскихъ съ гетманомъ Хоткѣвичемъ, то-есть 22 августа 1612 года, около полудня, въ бывшей Стрѣлецкой слободѣ, гдѣ нынѣ Замоскворѣчье, близъ самого Крымскаго брода, стояли дружины князя Трубецкаго, составленныя по большей части изъ буйныхъ казаковъ, пришедшихъ къ Москвѣ, не для защиты отечества, но для грабежа и добычи ([5]). Съ перваго взгляда на эти, разбросанныя *безъ всякаго* порядка по берегу Москвы-рѣки, толпы

[redacted]

пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, можно было догадаться, что духъ мятежа и своевольства царствовалъ въ рядахъ сего необузданнаго и едва знающаго подчиненность войска. Во многихъ мѣстахъ раздавались пѣсни и громкія восклицанія; и даже шагахъ въ двадцати отъ ставки главнаго своего воеводы, князя Трубецкаго, человѣкъ пятьдесятъ казаковъ, расположась покойно вокругъ пылающаго костра и попивая въ круговую, шумѣли и кричали во все горло, осыпая ругательствами нижегородское ополченіе, пришедшее съ княземъ Пожарскимъ. При появленіи старшинъ никто не трогался съ мѣста, ни одинъ казакъ не приподымалъ своей шапки, и даже нерѣдко грубыя насмѣшки и обидныя прозванія раздавались вслѣдъ за проходящими начальниками, которыхъ равнодушіе доказывало, что они давно уже привыкли къ такому своевольству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого войска стояли особо человѣкъ пятьсотъ всадниковъ, въ числѣ которыхъ замѣтны были также казаки, но порядокъ и тишина, ими наблюдаемая, и примѣтное уваженіе къ старшинамъ, которые находились при своихъ мѣстахъ въ безпрестанной готовности къ сраженію, все удостовѣряло, что этотъ небольшой отрядъ не принадлежалъ къ войску князя Трубецкаго. Впереди, на небольшомъ земляномъ возвышеніи, съ котораго можно было слѣдовать взоромъ за изгибами Москвы-рѣки, обтекающей Воробьевы горы, стоялъ начальникъ этой отдѣльной дружины. Казалось, все вниманіе его было обращено къ сторонѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, вокругъ котораго и по всему пространству Лужниковъ разсыпаны были палатки и шатры многочисленной рати польской. Шагахъ въ десяти позади его разговаривали вполголоса давнишніе знакомцы наши: Кирша и Алексѣй. Первый смотрѣлъ также съ большимъ вниманіемъ въ ту сторону, гдѣ расположено было непріятельское войско.

— Ну, что?—спросилъ Алексѣй: выходятъ ли они изъ лагеря?

— Кажется нѣтъ,—отвѣчалъ Кирша. Видно еще князь Пожарской не двинулся отъ Арбатскихъ воротъ.

— А скажи, пожалуйста, любезный! не знаешь ли, зачѣмъ онъ прислалъ васъ сюда съ моимъ господиномъ?

— Князь Трубецкой просилъ у него подмоги, чтобъ ударить въ поляковъ, когда начнется сраженіе.

— Да развѣ у него мало войска? Посмотри-ка, видимо не видимо! Однихъ казаковъ почитай столько же, сколько насъ всѣхъ у князя Пожарскаго—и пѣшихъ и конныхъ.

— Эхъ, братъ, Алексѣй! и много, да чортъ ли въ нихъ! Вишь какая вольница! Мы съ часу-на-часъ ждемъ драки, а они себѣ и въ усъ не дуютъ! Далъ бы этимъ озорникамъ въ воеводы пана Лисовскаго, такъ онъ бы ихъ повернулъ по своему; у него, бывало, расправа короткая: ладно, такъ ладно, а не такъ—пулю въ лобъ!... Эва! слышишь, какъ покрикиваютъ... подлѣ самаго шатра княжескаго—какъ будтобъ имъ чортъ не братъ! Небось у Лисовскаго не сталибъ этакъ горланить. Бывало, какъ закрутитъ усы, да гаркнетъ, такъ во всемъ лагерѣ услышишь, какъ муха пролетитъ... Постой-ка, братъ... постой! Никакъ поляки зашевелились... Чу! пушка... другая!... пошла потѣха!

Вся окрестность дрогнула. Со стороны Арбатскихъ воротъ, какъ отдаленный громъ, пронесся глухой рокотъ по воздуху: двинулись пѣхотныя дружины нижегородскія, промчалась конница, бой закипѣлъ и, черезъ нѣсколько минутъ, вся окружность Ново-Дѣвичьяго монастыря покрылась густыми облаками дыма.

— Эхъ! еслибъ поскорѣй дошла до насъ очередь!—вскричалъ Кирша; такъ руки и зудятъ!..,

— Эка трескотня!...—сказалъ Алексѣй. Ухъ! какъ *грянули* изъ пушекъ! Да это никакъ съ нашей стороны?

[redacted]

— Съ нашей, съ нашей!...—перервалъ Кирша. Вотъ такъ!... знатно, ребята, знатно! Катай ихъ еротиковъ!

Весь отрядъ, подъ начальствомъ Милославскаго, котораго, вѣроятно, читатели наши узнали уже въ начальникѣ отдѣльнаго отряда, горѣлъ нетерпѣніемъ вступить въ бой съ непріятелемъ; но въ дружинахъ князя Трубецкаго не замѣтно было никакого движенія. Онъ самъ не показывался изъ своей ставки; и хотя сраженіе на Дѣвичьемъ полѣ продолжалось уже болѣе двухъ часовъ и ежеминутно становилось жарче, но во всемъ войскѣ князя Трубецкаго не примѣтно было никакихъ приготовленій къ бою: все оставалось по прежнему: одни отдыхали, другіе веселились, и только нѣсколько сотъ казаковъ, взобравшись изъ одного любопытства на кровли домовъ, смотрѣли, какъ на потѣшное зрѣлище, на кровопролитный и отчаянный бой, отъ послѣдствій котораго зависѣла участь не только Москвы, но, можетъ быть, и всего царства Русскаго.

Едва скрывая свое негодованіе, Кирша подошелъ къ одной толпѣ, которая стояла далѣе другихъ отъ шатра главнаго воеводы.—«Что, товарищи,—сказалъ онъ, не пора ли и вамъ взнуздать коней?»

— Зачѣмъ?—спросилъ одинъ казакъ.

— Какъ зачѣмъ? Чай, нашимъ становится жутко вотъ ужъ часа три, какъ они бьются съ поляками.

— Такъ что-жъ?... На здоровье! Пусть себѣ забавляются!—перервалъ другой казакъ. Богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и сами отъ гетмана!

— Спѣсивы больно!—подхватилъ одинъ урядникъ, не пошли къ намъ въ таборы, такъ пусть теперь одни и справляются съ ляхами!

— Они не хотѣли съ нами знаться,—промолвилъ первый казакъ, такъ и мы ихъ знать не хотимъ. Ну-ка, Терешка, запѣвай плясовую!

Полупьяный казакъ затянулъ пѣсню и вся толпа гаркнула вслѣдъ за нимъ хоромъ.

Милославскій подошелъ къ ставкѣ князя Трубецкаго.—«Не пора ли намъ?»—сказалъ онъ казацкому старшинѣ, который стоялъ у дверей шатра.

— Какъ придетъ время, такъ вамъ прикажутъ, — отвѣчалъ хладнокровно старшина.

— Нельзя ли мнѣ поговорить съ княземъ Димитріемъ Тимоѳеичемъ?

— Нѣтъ, онъ никого не велѣлъ къ себѣ пускать.

Вдругъ подскакалъ къ шатру, покрытый пылью и окровавленный, всадникъ; спрыгнувъ съ коня, онъ спросилъ торопливо: «Гдѣ князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой?

— На что тебѣ?—спросилъ старшина.

— Я присланъ отъ князя Пожарскаго. Поляки начинаютъ насъ одолѣвать.

— Неужто въ самомъ дѣлѣ?—перервалъ съ насмѣшливой улыбкою старшина.

— Къ нимъ прибываетъ безпрестанно свѣжее войско, а мы все одни; и еслибъ князь Димитрій Михайловичъ не приказалъ всѣмъ коннымъ спѣшиться, то насъ давно бы сбили съ поля. Онъ проситъ подмоги.

— И, полно, братъ, одни отгрызетесь! Да, постой, куда ты?

— Къ вашему воеводѣ.

— Не велѣно пускать. Съ Богомъ убирайся-ка, откуда пріѣхалъ!

— Что-жъ мнѣ сказать князю Димитрію Михайловичу?

— Что мы желаемъ ему справиться съ поляками, а сами будемъ драться тогда, когда до насъ дойдетъ очередь.

— Нѣтъ!—вскричалъ Милославскій, это уже превосходитъ все терпѣніе! Если вы не боитесь Бога, и

[redacted]

хотите изъ личной вражды и злобы губить наше отечество, то я съ моей дружиной не останусь здѣсь.

— Потише, молодецъ, не горячись! Ты здѣсь не старшій воевода. И какъ бы ты смѣлъ безъ приказа князя Димитрія Тимоѳеевича идти на бой?

— А вотъ увидишь!—сказалъ Милославскій, подходя къ своему отряду.

— На коня, товарищи!

— Именемъ главнаго воеводы, князя Трубецкаго, приказываю тебѣ не трогаться съ мѣста!...—сказалъ старшина, подбѣжавъ къ Юрію, который садился на лошадь.

— Я служу не ему, а отечеству!—отвѣчалъ Юрій, выѣзжая впередъ.

— Стойте!—вскричалъ старшина, а не то я велю остановить васъ силою.

— Попытайся,—сказалъ Юрій, взглянувъ съ презрѣніемъ на старшину. Живѣй ребята!—продолжалъ онъ, сабли вонъ!... съ Богомъ!... впередъ!...

Въ полминуты отрядъ Милославскаго переправился черезъ Москву-рѣку и при громкихъ восклицаніяхъ:— «умремъ за вѣру православную и святую Русь!» — помчался на мѣсто сраженія.

Изъ всей дружины Милославскаго остался на другой сторонѣ рѣки одинъ только казакъ, и читатели едвали отгадаютъ, что этотъ предатель былъ—нашъ старинный знакомецъ Кирша. Но честный и храбрый запорожецъ не для измѣны отсталъ отъ своихъ. Онъ замѣтилъ, что рѣшительный поступокъ Милославскаго сильно подѣйствовалъ на многихъ казаковъ изъ войска князя Трубецкаго; нѣкоторые даже вслухъ кричали, что стыдно предъ людьми и грѣшно передъ Богомъ выдавать своихъ единовѣрцевъ. Четверо атамановъ казацкихъ: Ѳилатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ, казалось, болѣе другихъ

досадовали на свое бездѣйствіе, и когда Кирша подошелъ къ нимъ, то Аѳанасій Коломна сказалъ ему съ негодованіемъ: «Не совѣстно ли тебѣ отставать отъ своихъ?»

— Нѣтъ, господа старшины!—отвѣчалъ Кирша, мнѣ совѣстно, да только не за себя, а за васъ.

— Ну тебѣ ли говорить?—вскричалъ Козловъ. Бѣглецъ!... покинулъ своихъ товарищей!...

— Да я и другихъ казаковъ уговаривалъ здѣсь остаться. Какъ намъ глаза показать передъ войскомъ князя Пожарскаго? Вѣдь мы такіе же казаки, какъ вы, такъ не радостно будетъ слушать, какъ православные станутъ при насъ всѣхъ казаковъ называть измѣнниками.

— Измѣнниками!—вскричалъ Дружина Романовъ.

— А какъ же?—продолжалъ Кирша, развѣ мы не измѣнники? Наши братья, такіе же русскіе какъ мы, льютъ кровь свою, а мы здѣсь стоимъ, поджавши руки... По мнѣ ужъ честнѣе быть за одно съ ляхами! а то что мы? ни то ни се—хуже бабъ! Тѣ хоть Бога молятъ за своихъ, а мы что? Эхъ, товарищи, видитъ Богъ, мы этого сраму вѣкъ не переживемъ!

— А что вы думаете? вѣдь онъ правду говоритъ, ребята! — сказалъ Межаковъ: гдѣ слыхано выдавать своихъ!

— Вся бѣда оттого, что наши воеводы повздорили между собою,—прибавилъ Дружина Романовъ.

— Да пусть ихъ ссорятся!—закричалъ Марко Козловъ;—вамъ какое до этого дѣло?—кто какъ хочетъ, а я съ моимъ полкомъ иду.—Гей, батуринскіе, на коня!

— И мы также идемъ! — вскричали Коломна, Межаковъ и Романовъ.

Казаки столпились вокругъ своихъ начальниковъ; но большая часть изъ нихъ явно показывала свою ненависть къ нижегородцамъ, и многіе рѣшительно объя-

[redacted]

вили, что не станутъ драться съ гетманомъ. Атаманы, готовые идти на помощь къ князю Пожарскому, начинали уже колебаться, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ, который съ кровли высокой избы смотрѣлъ на сраженіе, закричалъ: «Ай-да нижегородцы!... попятили ляховъ!... Глядите-ка! поляки бѣгутъ».

— Бѣгутъ!...—вскричалъ Кирша, такъ вамъ и дѣлать нечего.—Прощайте, ребята! я одинъ пойду. Ну, знатная же будетъ пожива нижегородцамъ! Говорятъ, въ польскомъ станѣ золота и серебра хоть возами вози!

— Что-жъ мы зѣваемъ, ребята?—заговорили межъ собой казаки!—На коней!...—«На коней»!—повторили тысячи голосовъ.—«Живѣй, добрые молодцы!—живѣй, садись»!—закричали атаманы. Изъ ставки начальника прибѣжалъ было съ приказаніями завоеводчикъ (*); но атаманы отвѣчали въ одинъ голосъ: — «не слушаемся! идемъ помогать нижегородцамъ!—Ради нелюбви вашей Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится»,—и не слушая угрозъ присланнаго чиновника, переправились съ своими казаками за Москву-рѣку и поскакали, въ провожаніи Кирши, на Дѣвичье поле, гдѣ нѣсколько уже минутъ кровопролитный бой кипѣлъ сильнѣе прежняго.

Между тѣмъ отрядъ Юрія, проѣхавъ берегомъ Москвы-рѣки, ударилъ сбоку на непріятеля, который начиналъ уже быстро подвигаться впередъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе князя Пожарскаго. Какъ ангелъ-истребитель, летѣлъ передъ своимъ отрядомъ Юрій Милославскій; въ нѣсколько минутъ онъ смялъ, втопталъ въ рѣку, разсѣялъ совершенно первый конный полкъ, который встрѣтилъ его дружину позади Ново-Дѣвичьяго монастыря: пролить всю кровь за отечество, не выдти живому изъ сраженія—вотъ все, чего

(*) Званіе, равное нынѣшнему генералъ-адъютанту.

желалъ этотъ несчастный юноша. Врываясь, какъ бурный потокъ, въ самыя густыя толпы польскихъ гусаръ, онъ бросался на ихъ мечи, устилалъ свой путь мертвыми тѣлами и, невидимо хранимый десницею Всевышняго, оставался невредимъ. Отборная его дружина, почти вся составленная изъ стрѣльцовъ московскихъ, не уступала ему въ мужествѣ. Опрокинувъ еще нѣсколько пѣхотныхъ регментовъ, они врѣзались въ самую середину сторожевыхъ полковъ непріятельскихъ. Отъ орлинаго взора князя Пожарскаго не укрылось замѣшательство, въ какое приведены были поляки отъ этого неожиданнаго нападенія; онъ двинулъ впередъ все войско... Поляки дрогнули, побѣжали; но, соединясь со сторожевыми полками своими, возобновили снова сраженіе на самомъ берегу Москвы-рѣки. Положеніе отряда Милославскаго, изъ котораго не осталось уже и третьей доли становилось часъ-отъ-часу опаснѣе; окруженный со всѣхъ сторонъ, стиснутый между многочисленныхъ полковъ непріятельскихъ, онъ продолжалъ биться съ ожесточеніемъ; нѣсколько разъ пробивался грудью впередъ; наконецъ, свѣжая, еще не бывшая въ дѣлѣ непріятельская конница втѣснилась въ сжатые ряды этой горсти безстрашныхъ воиновъ, разорвала ихъ—и каждый стрѣлецъ долженъ былъ драться поодиночкѣ съ непріятелемъ, въ десять разъ его сильнѣйшимъ. Этотъ неравный бой не могъ продолжаться долго. Въ ту самую минуту, какъ Милославскій, подлѣ котораго бились съ отчаяніемъ Алексѣй и человѣкъ пять стрѣльцовъ, упалъ безъ чувствъ отъ сильнаго сабельнаго удара, раздался дикій крикъ казаковъ, которые, подъ командою атамановъ, подоспѣли наконецъ на помощь къ Пожарскому. Въ одно мгновеніе опрокинутые поляки разсыпались по полю, и Кирша, съ сотнею удалыхъ наѣздниковъ, гоня передъ собой бѣгущаго непріятеля, очутился подлѣ того мѣста, гдѣ, плавая въ своей крови и

[redacted]

окруженный трупами враговъ, лежалъ безъ чувствъ Юрій Милославскій. Запорожецъ соскочилъ съ коня, при помощи Алексѣя положилъ Юрія на лошадь, вывезъ изъ тѣсноты и, доѣхавъ до Арбатскахъ воротъ, внесъ въ одинъ мѣщанскій домъ, который менѣе другихъ показался ему раззореннымъ. Оставивъ съ нимъ Алексѣя, Кирша возвратился на поле сраженія, но оно было уже совсѣмъ очищено отъ непріятеля. Пришедшіе на помощь казаки князя Трубецкаго рѣшили участь этого дня: ихъ неожиданное нападеніе разстроило поляковъ, и гетманъ Хоткѣвичъ, отступая въ безпорядкѣ за Москву-рѣку, остановился у Поклонной горы.

Не смотря на претерпѣнное непріятелемъ пораженіе, онъ успѣлъ ночью на 23 число, при помощи измѣнника, Григорія Орлова, провести въ Кремль шестьсотъ человѣкъ гайдуковъ. Усиленный этимъ отрядомъ, крѣпостной гарнизонъ сдѣлалъ чѣмъ-свѣтъ вылазку и взялъ за Москвой-рѣкой небольшой окопъ, близъ церкви Св. Георгія. Желая воспользоваться этой удачею, гетманъ Хоткѣвичъ, зайдя со стороны Донскаго монастыря, напалъ на конницу князя Трубецкаго, которая, не выдержавъ перваго натиска, дала хребетъ и смѣшала въ бѣгствѣ своемъ конные полки князя Пожарскаго. Пѣхотныя дружины нижегородскія остановили однако же стремленіе непріятеля: упорный бой продолжался до шестого часа пополудни. Тщетно Пожарской требовалъ помощи отъ князя Трубецкаго: онъ отступилъ въ свои укрѣпленные таборы, близъ Крымскаго брода, не принималъ никакого участія въ сраженіи, и нижегородское ополченіе должно было выдерживать одно весь натискъ многочисленнаго непріятеля. Наконецъ, непреодолимое мужество этихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи восторжествовало надъ множествомъ враговъ: гетманъ принужденъ былъ отступить. Казаки Трубецкаго, увидя бѣгущаго непріятеля, присоединились было сначала къ ополченію

князя Пожарскаго; но въ то самое время, когда рѣшительная побѣда готова была уже увѣнчать усилія русскаго войска, казаки снова отступили и, осыпая ругательствами нижегородцевъ, побѣжали назадъ въ свой укрѣпленный лагерь. Это предательство измѣнило совершенно видъ сраженія; поляки ободрились, русскіе дрогнули, и князь Пожарской, гнавшій уже непріятеля, увидѣлъ съ ужасомъ, что войско его, утомленное безпрерывнымъ боемъ и разстроенное измѣною казаковъ, едва удерживало за собою поле сраженія. Предвѣстники побѣды, радостные крики раздавались въ рядахъ вражескихъ, отчаяніе и робость изображались на усталыхъ лицахъ воиновъ нижегородскихъ... Гибель войска русскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и паденіе Россіи, казались уже вмѣстѣ съ симъ неизбѣжными. Въ эту рѣшительную минуту, вдохновенный свыше, знаменитый Авраамій Палицынъ прибѣжалъ въ станъ казаковъ князя Трубецкаго, умоляя ихъ со слезами подать помощь погибающимъ братьямъ. Исполненныя пламенной любви къ отечеству слова его потрясли, наконецъ, закоснѣлыя въ буйствѣ и нечестіи сердца этихъ грубыхъ воиновъ. Обѣщая однимъ нетлѣнную награду на небесахъ, предлагая другимъ всю казну монастырскую, онъ заклиналъ всѣхъ именемъ Божіимъ не выдавать отечества и спѣшить на помощь къ князю Пожарскому. Увлеченные сильнымъ чувствомъ и неизъяснимымъ краснорѣчіемъ этого безсмертнаго старца, всѣ казаки возстали, двинулись впередъ и, повторяя имя Святаго Сергія, грудью ударили на поляковъ. Въ то же время гражданинъ Мининъ, съ тремя отборными дворянскими дружинами, обойдя въ тылъ сильному непріятельскому отряду, расположенному за Москвой-рѣкою, истребилъ его совершенно. Смятеніе и, наконецъ, бѣгство непріятеля сдѣлалось всеобщимъ. Укрѣпленный лагерь, артиллерія, весь обозъ достались побѣдителямъ, и гетманъ Хоткѣвичъ, потерявъ почти

[redacted]

половину своего войска, на другой день поутру, то есть 25 числа августа, бѣжалъ со стыдомъ отъ Москвы.

Оставшіеся поляки заперлись въ Кремлѣ и, вскорѣ по взятіи нашими войсками Китай-города, окруженные со всѣхъ сторонъ, должны были сдаться, еслибъ несогласія между главными начальниками и явная нелюбовь одного войска къ другому не мѣшали осаждающимъ дѣйствовать общими силами. Уже близко двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада Кремля; наконецъ поляки, изнуренные голодомъ и доведенные, по словамъ лѣтописцевъ, до ужасной необходимости, пожирать другъ друга, рѣшились сдаться военноплѣнными.

Но намъ пора уже возвратиться къ герою нашей повѣсти. По взятіи Китай-города и окружающихъ его предмѣстій, раненый Милославскій переѣхалъ, по приглашенію князя Пожарскаго, въ собственный домъ его, на Лубянку (*). Юрій начиналъ уже оправляться, но онъ чувствовалъ себя столь слабымъ, что не смѣлъ еще выходить изъ дому. Въ пылу сраженія и потомъ во время тяжкой болѣзни, онъ, казалось, забылъ о своемъ положеніи; но когда тѣлесная болѣзнь его миновалась, то сердечный недугъ съ новой силой овладѣлъ его душою. Иногда посѣщалъ его князь Пожарской, изрѣдка Авраамій Палицынъ и князь Черкасской; но безотлучно находились при немъ добрый его служитель и вѣрный Кирша, которому удавалось иногда, веселыми своими разсказами, разсѣять на нѣсколько минутъ мрачныя мысли и глубокое уныніе, овладѣвшія душею несчастнаго юноши.

Однимъ вечеромъ Кирша, войдя поспѣшно въ комнату больного, закричалъ: — «Добрыя вѣсти, Юрій Дмитричъ, добрыя вѣсти!»

(*) Домъ князя Пожарскаго находился противъ церкви Введенія Божіей Матери, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ 3-й гимназіи.

— Какія вѣсти? спросилъ Милославскій.

— Завтра мы будемъ пѣть благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ.

— Поэтому поляки сдаются?

— Видно что такъ. А надобно имъ честь отдать: постояли за себя! Кабы имъ было что перекусить, не стали бы просить милости, да голодомъ-то мы ихъ доѣхали!

— И ты точно знаешь, что мы завтра входимъ въ Кремль?

— Говорятъ такъ; поляки, какъ слышно, просятъ только о томъ, чтобъ имъ сдаться нашему воеводѣ, князю Пожарскому, а не другому кому. Видно и они ужъ знаютъ, каковы казаки Трубецкаго. Посмотрѣлъ бы ты, Юрій Дмитричъ, когда выпустили изъ Кремля на нашу сторону боярскихъ женъ, которыя были въ полону у поляковъ, какой бунтъ подняли эти разбойники! И какъ ты думаешь, за что?... За то, что имъ не дали грабить русскихъ боярынь!... Хороши защитники отечества! Но вотъ никакъ отецъ Авраамій идетъ тебя навѣстить.... Такъ и есть. Онъ лучше тебѣ разскажетъ обо всемъ, бояринъ.

Авраамій Палицынъ вошелъ къ Юрію и, благословя его, спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Все также—отвѣчалъ Милославскій.

— Все также?—сказалъ старецъ, покачавъ съ неудовольствіемъ головою. Кажется, давно бы пора тебѣ оправиться. Жаль, Юрій Дмитричъ, если ты еще такъ слабъ, что не можешь сидѣть на конѣ: мы завтра входимъ въ Кремль.

— Я ужъ слышалъ объ этомъ, отецъ Авраамій, и рѣшился, во чтобъ ни стало, войдти въ Кремль съ вами.

— Но если твое здоровье требуетъ....

— Нѣтъ! эта радостная вѣсть оживила меня, и я начинаю чувствовать въ себѣ довольно силы....

[redacted]

— И такъ, завтра чѣмъ-свѣтъ....

— Ты увидишь меня на конѣ, передъ моимъ отрядомъ, отецъ Авраамій.

— Прощай, Юрій Дмитричъ! Я зашелъ только провѣдать тебя и не могу долго съ тобой оставаться. Завтрашній день мнѣ бы надобно ѣхать верстъ за пятьдесятъ для исполненія одной священной обязанности; но такъ какъ мы входимъ въ Кремль, то мнѣ нельзя отлучиться изъ Москвы, и я хочу послать сейчасъ гонца для увѣдомленія, что обрядъ, при которомъ присутствіе мое необходимо, не можетъ быть совершенъ завтра. Послѣ-завтра я буду свободенъ и успѣю еще исполнить то, чего отъ меня требуютъ, примолвилъ Авраамій, вздохнувъ отъ глубины души. Прощай, сынъ мой! продолжалъ онъ, да укрѣпитъ Господь твои силы и да снидетъ на главу твою Его животворящая благодать!

IX.

Наконецъ, наступило 22-е число октября 1612 года, день достопамятный и незабвенный въ лѣтописяхъ нашего отечества. Вмѣстѣ съ восходомъ солнечнымъ, поляки вышли двумя толпами изъ Кремля. Эти несчастные, изнуренные голодомъ, походили болѣе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей. Одна половина гарнизона, находившаяся подъ командою пана Будилы, вышла на сторону князя Пожарскаго, и встрѣчена была не ожесточеннымъ непріятелемъ, но человѣколюбивымъ войскомъ, которое поспѣшило накормить и успокоить, какъ братьевъ, тѣхъ самыхъ людей, коихъ наканунѣ называло своими врагами. Совсѣмъ другая участь постигла остальную часть гарнизона, вышедшую подъ началь

ствомъ пана Струса, на сторону князя Трубецкаго; буйные казаки, для которыхъ не было ничего святаго, перерѣзали большую часть плѣнныхъ поляковъ и ограбили остальныхъ. Это нарушеніе всѣхъ правъ народныхъ было, такъ сказать, предвѣстникомъ тѣхъ грабежей, убійствъ и пожаровъ, которыми, по окончаніи брани, ознаменовали слѣдъ свой неистовые казаки, разсѣясь, какъ стая хищныхъ звѣрей, по всей Россіи.

По выходѣ непріятеля изъ Кремля, войско князя Пожарскаго, предшествуемое архимандритомъ Діонисіемъ, Авраамiемъ Палицынымъ и многочисленнымъ духовенствомъ, вступило Спасскими воротами во внутренность этого древняго жилища православныхъ Царей Русскихъ. Впереди всей рати понизовской ѣхалъ верховный вождь князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской; на величественномъ и вмѣстѣ кроткомъ челѣ сего знаменитаго мужа и въ его небесно-голубыхъ очахъ, устремленныхъ на святые соборные храмы, сіяла неизъяснимая радость; по правую его руку, на лихомъ закубанскомъ конѣ, гарцовалъ удалой князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасской; съ лѣвой стороны ѣхали: князь Дмитрій Петровичъ Пожарской-Лопата, бояринъ Мансуровъ, Образцовъ, гражданинъ Мининъ, Милославскій и прочіе начальники. Арсеній, епископъ Галасунской, съ иконою Владимірской Божіей Матери, встрѣтилъ побѣдителя у самыхъ Спасскихъ воротъ. Вслѣдъ за войскомъ хлынули въ Кремль безчисленныя толпы народа; раздался громкій благовѣстъ; нижегородское ополченіе построилось вокругъ царскихъ чертоговъ; духовенство, начальники, именитые граждане взошли въ Успенской соборъ и *русское* «Тебѣ Бога хвалимъ»! оглася своды церковные, раздалось наконецъ въ стѣнахъ священнаго Кремля, столь долго служившаго вертепомъ разбойничьимъ для враговъ иноплеменныхъ и для предателей собственной своей родины.

[redacted]

Выходя изъ Успенскаго собора, Милославскій повстрѣчался съ Мининымъ. «Ну, вотъ видишь, бояринъ,— сказалъ знаменитый гражданинъ нижегородскій,—я не пророкъ, а предсказаніе мое сбылось. Сердце въ насъ вѣщунъ, Юрій Дмитричъ! Прощаясь съ тобою въ Нижнемъ, я головой бы моей поручился, что увижу тебя опять на полѣ ратномъ, противъ общаго врага нашего, и не въ монашеской рясѣ, а съ мечемъ въ рукахъ. Когда ты прибылъ къ намъ въ станъ, то я напоминалъ тебѣ объ этомъ, да ты что-то мнѣ отвѣчалъ такъ чудно, бояринъ, что я вовсе не понялъ твоихъ рѣчей».

— Что-жъ я отвѣчалъ тебѣ, Козьма Миничъ?

— Какъ теперь помню, ты сказалъ мнѣ, что мое пророчество сбылось только въ половину.

— И говорилъ истинную правду.

— Какъ такъ, бояринъ? Я что-то въ толкъ не беру? Ты, кажется, одѣтъ не чернецомъ; а что твой мечъ въ ножнахъ не оставался, такъ этому я самъ былъ свидѣтелемъ. Правда, ты и теперь съ виду походишь на затворника.... Да будь повеселѣе, бояринъ! Кажется, есть чему порадоваться: злодѣевъ не стало. Много пролито крови христіанской; да и то слава Богу, что наконецъ правда взяла свое! Грустно только видѣть, какъ поруганы и осквернены храмы Господни, да это также дѣло поправное; а вотъ что худо, Юрій Дмитричъ, съ одними супостатами мы справились, какъ-то справимся съ другими?

— Съ другими?...

— Ну, да! Посмотри, продолжалъ Мининъ, указывая на безпорядочныя толпы казаковъ князя Трубецкаго, которыя не входили, а врывались какъ непріятели, Троицкими и Боровицкаго воротами въ Кремль. Видишь ли, Юрій Дмитричъ, какъ бѣснуются эти разбойники? Ну, походитъ ли эта сволочь на православное и христолюбивое войско? Еслибъ они не боялись насъ,

то давно бы бросились грабить чертоги царскіе. Посмотри-ка, словно волки рыщутъ вокругъ Грановитой палаты.

Въ самомъ дѣлѣ, своевольные казаки разсыпались по всему Кремлю, ломились толпами въ домы боярскіе и, казалось, выжидали только удобной минуты, чтобъ ворваться въ царскія палаты и разграбить казну, оставленную поляками.

Между тѣмъ Юрій и гражданинъ Мининъ, продолжая разговаривать другъ съ другомъ, подошли нечувствительно къ церкви святаго Спаса на Бору. Въ ту самую минуту, какъ Милославскій поровнялся противъ церковныхъ дверей, густыя тучи заслонили восходящее солнце, раздался дикій крикъ казаковъ, которые, пользуясь тѣснотой и безпорядкомъ, ворвались наконецъ въ чертоги царскіе, и въ то же самое время многочисленныя толпы покрытыхъ рубищемъ гражданъ московскихъ, испуганныхъ буйствомъ этихъ грабителей, бѣжали укрыться по домамъ своимъ. Юрій невольно содрогнулся: въ его глазахъ на яву повторялось то, что онъ видѣлъ нѣкогда во снѣ, будучи гостемъ въ домѣ боярина Кручины. Мининъ поспѣшилъ назадъ на соборную площадь, приглашая Милославскаго идти съ нимъ вмѣстѣ; но онъ не слышалъ словъ его: какая-то непреодолимая сила влекла его ко храму Спаса на Бору. Въ растерзанной душѣ его стали пробуждаться, одно за другимъ, тысячи грустныхъ воспоминаній. Нѣсколько минутъ онъ колебался; наконецъ съ трепетомъ переступилъ церковный порогъ. Все было тихо внутри; дневной свѣтъ, проникая съ трудомъ сквозь узкія, едва замѣтныя окна, боролся съ вѣчнымъ сумракомъ, который царствовалъ подъ низкими и тяжелыми сводами этого древняго храма, пережившаго многія столѣтія. Ни одна свѣча не горѣла передъ иконами; и только налѣво, за низкой аркою, отражался вдоль стѣны туск-

лый свѣтъ лампады, которая теплилась надъ гробомъ святителя Стефана Пермскаго.

Кто опишетъ горестныя чувства Милославскаго, когда онъ вступилъ во внутренность храма, гдѣ въ первый разъ прелестная и невинная Анастасія, какъ ангелъ небесный, представилась его обвороженному взору? Ахъ! все прошедшее оживилось въ его воображеніи: онъ видѣлъ ее предъ собою, онъ слышалъ ея голосъ... Несчастный юноша не устоялъ противъ сего жестокаго испытанія: онъ забылъ всю покорность волѣ Всевышняго, неизъяснимая тоска, безумное отчаяніе овладѣли его душею.

— Злополучный! вскричалъ онъ, для чего ты спѣшилъ погубить самого себя! Она твоя супруга, и ты не можешь, не долженъ называть ее своею.... О, Анастасія, Анастасія!...

— Что ты, Юрій Дмитричъ? сказалъ позади Милославскаго знакомый голосъ. Онъ обернулся и увидѣлъ подходящаго Авраамія. Что съ тобою? продолжалъ Палицынъ. Ахъ, сынъ мой! ты не для молитвы взошелъ въ сей храмъ: эти блуждающіе взоры, это отчаяніе на обезображенномъ челѣ твоемъ.... Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, не такъ молятся христіане!

— Отецъ мой! вскричалъ Юрій, отецъ мой! спаси меня!... Въ душѣ моей весь адъ.... всѣ мученія погибающаго грѣшника!

— Что ты говоришь, сынъ мой? какое преступленіе тяготитъ твою совѣсть?...

— Одна ужасная тайна!

— Тайна?... Для чегожъ ты скрывалъ ее отъ меня? Развѣ я не пастырь, не наставникъ, не другъ твой?

— Отецъ Авраамій! я... женатъ.

— Женатъ!—вскричалъ Палицынъ. Онъ посмотрѣлъ молча на Юрія и повторилъ съ негодованіемъ: женатъ? Для чего же ты обманулъ меня, несчастный? И ты

дерзнулъ въ храмѣ Божіемъ, предъ лицомъ Господа твоего, осквернить свои уста лукавствомъ и неправдою!.. Ахъ, Юрій Дмитричъ, что ты сдѣлалъ!

— Нѣтъ, отецъ мой! я не обманулъ тебя, я не былъ женатъ, когда клялся посвятить себя безбрачной жизни; не помышлялъ нарушить этотъ обѣтъ, данный предъ гробомъ святаго угодника Божія—и могъ ли я думать, что на другой же день назову моей супругою дочь злѣйшаго врага моего, боярина Кручины-Шалонскаго?

Удивленіе оковало уста Авраамія Палицына, но вдругъ на лицѣ его изобразилось живое состраданіе; онъ взялъ Милославскаго за руку и сказалъ тихимъ голосомъ: «Успокойся, Юрій Дмитричъ! Я вижу, ты не совсѣмъ еще выздоровѣлъ».

— Ахъ, еслибъ это была правда, отецъ мой... еслибъ это былъ одинъ бредъ!... Такъ я открою тебѣ мою душу, выслушай меня!

Юрій разсказалъ все отцу Авраамію, и когда онъ кончилъ, то этотъ добродѣтельный старецъ, заключа его въ свои объятія, сказалъ сквозь слезы: «Нѣтъ, Юрій Дмитричъ! ты не нарушилъ свой обѣтъ! Ты неклятвопреступникъ, точно также, какъ не самоубійца тотъ, кто гибнетъ, спасая своего ближняго».

— Но что же я?...

— Супругъ Анастасіи. Ты обѣщался быть инокомъ, но обрядъ постриженія не былъ совершенъ надъ тобою; и, простой бѣлецъ, ты можешь, не оскорбляя церкви, возвратиться снова въ міръ. Ты не свободенъ болѣе располагать собою; вся жизнь твоя принадлежитъ Анастасіи, этой несчастной сиротѣ, соединенной съ тобою неразрывными узами, освященными однимъ изъ великихъ таинствъ нашей православной церкви.

Не смѣя предаваться радости, не вѣря самому себѣ, *Юрій* сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Какъ, отецъ

Авраамій, могу еще я надѣяться, что послѣ даннаго мною обѣта?...»

— Московскіе святители разрѣшать тебя отъ онаго, перервалъ Палицынъ. Такъ, Юрій Дмитричъ, я вижу ясно перстъ Божій, указующій тебѣ путь, по коему ты долженъ слѣдовать. Всевышній помогъ намъ очистить Москву, но, побѣдивъ внѣшнихъ враговъ, мы не спасли еще отъ гибели наше отечество. Честолюбивые бояре, крамольники, буйные казаки, всѣ соединенные теперь общимъ бѣдствіемъ, скоро возстанутъ другъ противъ друга и, какъ стая голодныхъ псовъ, начнутъ терзать собственную свою родину. Никогда еще благочестивые и твердые въ любви своей къ отечеству бояре не были столь нужны для сиротствующей земли Русской. Ты пойдешь по стопамъ покойнаго твоего родителя, Юрій Дмитричъ! Ты будешь твердѣйшимъ оплотомъ отечества противъ ухищренія и злобы домашнихъ враговъ нашихъ; а что бы ты былъ, произнеся обѣтъ иночества? Отрекаясь міра, ты заключалъ еще въ душѣ своей любовь мірскую. Что сталось бы съ тобою, еслибъ ты поколебался въ своей вѣрѣ? Еслибъ, искушаемый земными помыслами, ты предался отчаянію, и твой преступный языкъ произнесъ бы хулу на самого себя, сталъ бы проклинать!... О, Юрій Дмитричъ, отъ одной мысли застываетъ кровь въ моихъ жилахъ... Благодари Господа, что ты не произнесъ еще обѣта, котораго разрѣшить не въ силахъ вся власть человѣческая!

Съ безмолвнымъ восторгомъ слушалъ Милославскій утѣшительныя слова своего наставника. «Безумный!— вскричалъ онъ наконецъ,—и я смѣлъ роптать на Промыслъ Божій... Я могу назвать Анастасію моей супругою; могу, не отягчая преступленіемъ моей совѣсти, прижать ее къ своему сердцу...»

— Да, бояринъ! Пусть добродѣтельная супруга бу-

детъ наградою за труды, понесенные тобою для отечества. Но гдѣ она теперь?...

— Въ Хотьковскомъ монастырѣ, въ которомъ игуменья родная ея тетка.

— Въ Хотьковскомъ монастырѣ?... Племянница игуменьи?... Ахъ, Юрій Дмитричъ! для чего ты молчалъ? Еслибъ ты зналъ?... Но войдемъ, поклонимся гробу преподобнаго Стефана Пермскаго.

Юрій вошелъ въ сѣверный предѣлъ, а Палицынъ пріостановился, чтобъ взглянуть, какія должно было сдѣлать поправки въ главномъ иконостасѣ, съ котораго были содраны всѣ серебряныя украшенія. Милославскій подошелъ ко гробницѣ святителя и тутъ только замѣтилъ, что онъ и прежде былъ не одинъ въ церкви. Какой-то нищій стоялъ передъ гробницею; длинные и густые волосы, опускаясь въ безпорядкѣ съ поникшаго чела его, покрывали изможденное и блѣдное лицо, на коемъ ясно изображались всѣ признаки потухающей жизни. Услышавъ близкій шумъ, онъ повернулся лицомъ къ Милославскому, ласково протянулъ къ нему изсохшую свою руку и произнесъ слабымъ голосомъ: «Здравствуй, Дмитричъ! Ужъ я ждалъ, ждалъ тебя!... Насилу ты пришелъ!»

— Это ты, Митя!—сказалъ Юрій. Ахъ, Боже мой! что съ тобой сдѣлалось? Бѣдняжка! какъ ты похудѣлъ!

— Домой собираюсь, Дмитричъ!... Да и пора, голубчикъ, видитъ Богъ, пора! Помаялся, пошатался лѣтъ пятьдесятъ на чужой сторонѣ, будетъ съ меня!

— А гдѣ твоя родина! — спросилъ Юрій, не понимая истиннаго смысла словъ юродиваго.

— Гдѣ моя родина? Чай, тамъ же, гдѣ и твоя.

— Такъ поэтому близко отсюда?

— И близко и далеко, какъ пойдешь, голубчикъ.

— А! теперь я понимаю, — сказалъ Милославскій! ты говоришь не о земномъ своемъ отечествѣ и хочешь

[redacted]

сказать, что смерть твоя близка. Почему ты это думаешь?

— И радъ бы не думать, Дмитричъ, да думается!... Вотъ бояринъ Шалонской и гадать не гадалъ, а вдругъ отправился, и какъ же?... прямехонько туда, куда дай Богъ попасть и мнѣ, и тебѣ, и всякому доброму человѣку.

— Что ты говоришь, Митя?

Кроткое небесное веселіе изобразилось на лицѣ юродиваго, глаза его наполнились слезами.

— Да, Юрій Дмитричъ! сказалъ онъ прерывающимся отъ сильнаго чувства голосомъ. Тамъ, въ горныхъ селеніяхъ, не скорбятъ уже о заблудшемъ сынѣ: онъ возвратился въ домъ Отца своего!

— Такъ онъ покаялся передъ смертію?...

— И Господь отверзъ ему свои объятія. Я былъ свидѣтелемъ сего торжества милосердія и благости Божіей, я, презрѣнный, окаянный грѣшникъ, удостоился отнести дочери не тщетное, но святое благословеніе умирающаго родителя.

Митя замолчалъ и, сложа крестообразно руки, устремилъ къ небесамъ взоръ, исполненный любви, надежды и душевнаго умиленія. Помолчавъ нѣсколько времени, Юрій спросилъ робкимъ голосомъ: «Ты видѣлъ ее»?

— Да, Дмитричъ, видѣлъ. Я третьягодня былъ въ Хотьковѣ.

— Ну, что?... говори, Митя! здорова ли она?

— Слава Богу! Она мнѣ все разсказала.... Бѣдная, горемычная сиротинка! Постой-ка! у меня есть отъ нея посылочка.... На, возьми.

— Что я вижу! мой обручальный перстень!

— Да, Дмитричъ! Сегодня утромъ она обручится съ женихомъ получше насъ съ тобою.

— Милосердый Боже!... И такъ она....

— Успокойся, Юрій Дмитричъ! сказалъ Палицынъ,

который, подойдя къ Юрію, засталъ окончаніе этого разговора, Анастасья не произнесетъ обѣта разстаться навсегда съ тобою. Я долженъ былъ сегодня постричь ее, и завтра поѣду въ Хотьковскую обитель, но не для того, чтобъ разлучить тебя съ супругою, а чтобъ привезти ее сюда и соединить васъ навѣки.

Юрій почти безъ чувствъ упалъ на грудь отца Авраамія, а Митя, утирая рукавомъ текущія изъ глазъ слезы, тихо склонился надъ гробомъ угодника Божія, и черезъ нѣсколько минутъ, когда Милославскій, уходя вмѣстѣ съ Палицынымъ изъ храма, подошли съ нимъ проститься — Мити уже не было: онъ возвратился на свою родину!

Спустя недѣли три послѣ описаннаго нами приключенія, Кирша, прощаясь съ Алексѣемъ, который провожалъ его до городскихъ воротъ, сказалъ: «Поклонись, братъ, еще отъ меня твоему боярину. Вѣкъ не забуду его благодѣяній! По милости его я могу теперь завестись своимъ домикомъ и жить не хуже всякаго атамана».

— А на что тебѣ свой домъ? Вѣдь вы запорожцы живете всѣ вмѣстѣ, какъ старцы въ общинѣ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что я поѣду жить въ Запорожскую Сѣчь? Нѣтъ, любезный! какъ я посмотрѣлъ на твоего боярина и его супругу, такъ у меня прошла охота оставаться вѣкъ холостымъ запорожскимъ казакомъ. Я ѣду въ Батуринъ, заведусь также женою, и дай Богъ, чтобъ я хоть въ половину былъ такъ счастливъ, какъ твой бояринъ! Нечего сказать, помаялся онъ, сердечный, да и наградилъ же его Господь за потерпѣнье! Прощай, Алексѣй! авось Богъ приведетъ намъ еще когда-нибудь увидѣться!

[redacted]

Мы полагаемъ достаточнымъ упомянуть только слегка о послѣдствіяхъ народной войны 1612 года, ибо увѣрены, что большей части нашихъ читателей извѣстны всѣ историческія подробности этой любопытной эпохи *возрожденія* Россіи. Вскорѣ, по взятіи Кремля, король Польскій пытался снова завладѣть Москвою; но осада и отчаянная защита Волоколамска доказали ему, что онъ вторично не успѣетъ обольстить русскихъ. Простоявъ безъ всякой пользы подъ этимъ небольшимъ городомъ, онъ рѣшился не ходить далѣе и побѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ назадъ въ Польшу. По совершенномъ освобожденіи отъ внѣшнихъ враговъ, Россія долго еще бѣдствовала отъ внутреннихъ мятежей и безпокойствъ; наконецъ Господь умилосердился надъ несчастнымъ отечествомъ нашимъ: всѣ несогласія прекратились, общій гласъ народа наименовалъ Царемъ Русскимъ сына добродѣтельнаго Филарета, Михаила Ѳеодоровича Романова, и въ 1613 году, 11 числа іюля, этотъ юный Царь, дѣдъ Великаго Петра, возложилъ на главу свою вѣнецъ Мономаховъ. Утвердивъ князя Пожарскаго въ званіи думнаго боярина, онъ осыпалъ милостями и наградами всѣхъ, бравшихъ участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи. Старинные наши знакомцы: Замятня-Опалевъ и Лесута-Храпуновъ явились также ко двору; первый хотѣлъ было объявить свои права на засѣданіе въ царской думѣ; но узнавъ, что простой мясникъ, Козьма Сухорукой, наименованъ такимъ же, какъ онъ, думнымъ дворяниномъ, ускакалъ назадъ въ свои отчины, повторяя съ важностію любимое свое изреченіе: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ». Лесута-Храпуновъ, какъ человѣкъ придворный, снесъ терпѣливо эту обиду, нанесенную родовымъ дворянамъ; но когда, не смотря на всѣ его просьбы, ему, по званію стряпчаго съ ключемъ, не дозволили нести царскій платокъ и рукавицы, при

брядѣ коронованія, то онъ, забывъ все благоразуміе и осторожность, приличныя старому царедворцу, убѣжалъ изъ царскихъ палатъ, заперся одинъ въ своей комнатѣ, и наговоря шопотомъ много обидныхъ рѣчей насчетъ новаго правительства, уѣхалъ на другой день восвояси, разсказывать своимъ сосѣдямъ о блаженной памяти, Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, и о томъ, какъ онъ изволилъ жаловать своею царскою милостію ближняго своего стряпчаго съ ключемъ, Лесуту-Храпунова.

Наступилъ тридцатый годъ царствованія Михаила Ѳеодоровича Романова. Подъ кроткимъ и мудрымъ его правленіемъ Россія отдохнула отъ протекшихъ бѣдствій, и, гордящіеся своимъ просвѣщеніемъ, народы западной Европы начинали уже съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривать на этого сѣвернаго исполина, которому недоставало только Великаго Петра, чтобъ удивить вселенную своимъ могуществомъ и славою.

Въ одно весеннее утро, наканунѣ Троицына дня по ростовской дорогѣ тянулись многочисленныя толпы богомольцевъ. Граждане московскіе, жители низовыхъ провинцій и даже обитатели благословенной Украйны, всѣ спѣшили на храмовой праздникъ знаменитой Троицкой лавры. Внутри ограды монастырской, посреди толпящагося народа, мелькали высокія шапки бояръ русскихъ; именитые гости московскіе, съ женами и дѣтьми своими, переходили изъ храма въ храмъ, служили молебны, сыпали золотомъ и многоцѣнными вкладами умножали богатую казну монастырскую. Среди множества этихъ усердныхъ богомольцевъ отличались отъ всѣхъ, не столько одеждою, сколько бодрымъ и воинственнымъ видомъ, украинскіе казаки, присланные съ богатыми дарами отъ гетмана Малороссійскаго. Ихъ

старшина, человѣкъ средняго роста, но повидимому еще въ полной силѣ, обращалъ на себя болѣе другихъ общее вниманіе. Онъ осматривалъ съ большимъ любопытствомъ всѣ ближайшія окрестности монастырскія и показывалъ толпѣ, которая всюду за нимъ слѣдовала, тѣ мѣста, на которыхъ стояли нѣкогда войска пановъ Сапѣги и Лисовскаго.

— «Здѣсь,—говорилъ онъ, дѣлали поляки подкопъ; вонъ тамъ, въ этомъ оврагѣ, Лисовскій совсѣмъ было попался въ руки удалымъ служителямъ монастырскимъ. А здѣсь, противъ этой башни, молодецъ Селява, обрекши себя неминуемой смерти, перекрошилъ одинъ около десятка супостатовъ, и умеръ, выкупая своею кровію погибшую душу родного брата, который передался полякамъ».

Въ числѣ любопытныхъ, которые окружали старшину, одинъ молодой бояринъ, видный и прекрасный собою, казалось, внимательнѣе всѣхъ слушалъ разсказы стараго воина. Онъ осыпалъ его вопросами, и когда старшина, увлеченный воспоминаніями прошедшихъ своихъ подвиговъ, отъ осады Троицкаго монастыря перешелъ къ знаменитой побѣдѣ князя Пожарскаго, одержанной подъ Москвою надъ войскомъ гетмана Хоткѣвича, то вниманіе молодого боярина удвоилось, лицо его пылало, а въ голубыхъ, кипящихъ мужествомъ и исполненныхъ жизни, глазахъ изобразились досада и нетерпѣніе безстрашнаго воина, когда онъ слушаетъ разсказъ о знаменитомъ боѣ, въ которомъ къ несчастію не могъ участвовать.

Служитель молодого боярина, сѣдой какъ лунь старикъ, не спускалъ также глазъ съ разскащика, который, обойдя кругомъ монастыря, вошелъ, наконецъ, въ ограду и сталъ разсматривать надгробные камни.

— Надъ кѣмъ поставленъ этотъ деревянный голубецъ?—спросилъ онъ у одного проходящаго старца.

— Тутъ похороненъ Борисъ Годуновъ,—отвѣчалъ хладнокровно инокъ.

— Годуновъ!...—повторилъ старшина, покачавъ головою.—Думалъ ли онъ, когда подъ Серпуховымъ осматривалъ свое безчисленное войско, что надъ нимъ поставятъ эту убогую, деревянную часовню!... Облокотясь на одинъ высокій камень, казацкій старшина продолжалъ смотрѣть задумчиво на этотъ краснорѣчивый памятникъ ничтожества величія земного, не замѣчая, что сѣдой служитель молодого боярина стоялъ попрежнему подлѣ него и, казалось, пожиралъ его глазами... «Такъ! вскричалъ, наконецъ, этотъ неотвязчивый старикъ, это онъ!... Кирша!»

Старшина вздрогнулъ и, взглянувъ быстро на служителя, спросилъ, почему онъ его знаетъ?

— Ты ужъ не въ первый разъ не узнаешь меня,—отвѣчалъ старикъ.—И то сказать: вѣкъ пережить, не поле перейти!—Когда ты знавалъ меня, я былъ еще дѣтина молодой, а теперь насилу ноги волочу, и н годы, пріятель, а горе сокрушило меня грѣшнаго.

— Да кто же ты?

— Алексѣй Бурнашъ.

— Какъ! служитель боярина Милославскаго?

— Что, братъ, не вѣрится?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я начинаю узнавать тебя. Здравствуй, пріятель,—продолжалъ Кирша, обнимая съ радостію Алексѣя.

Между тѣмъ одинъ пожилой купецъ и съ нимъ молодой человѣкъ, повидимому, сынъ его, подошли къ надгробному камню, возлѣ котораго стоялъ Кирша, и стали разбирать надпись.

— Ну что, старый товарищъ, — спросилъ Кирша, какъ поживаешь? -- Да скажи, пожалуйста, кто этотъ молодой бояринъ, вонъ тотъ, съ которымъ ты ходилъ и который меня такъ обо всемъ разспрашивалъ?

— Владиміръ Юрьичъ Милославскій.

— Сынъ Юрія Дмитрича?

— Да, сынъ его.

— Ну, молодецъ! Вотъ таковъ-то былъ съ молоду его батюшка—кровь съ молокомъ! А что онъ подѣлываетъ? гдѣ онъ? здоровъ ли?—Чай, устарѣлъ также, какъ и ты?

Алексѣй взглянулъ печально на Киршу и не отвѣчалъ ни слова.

— Посмотри-ка, Ванюша! — сказалъ пожилой купецъ своему сыну—оба въ одинъ день... видно,—любили другъ друга.

— Да что-жъ ты молчишь?—вскричалъ запорожецъ, — иль не слышалъ? Я спрашиваю тебя, гдѣ теперь Юрій Дмитричъ?

Въ эту самую минуту молодой купецъ наклонился и прочелъ тихимъ голосомъ: «*Лѣта 7130-го, октября въ десятый день, представися рабъ Божій бояринъ Юрій Милославскій и супруга его Анастасія...*»

КОНЕЦЪ.

[redacted]

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(1) Вотъ что говоритъ очевидецъ, полякъ Маскевичъ: „Моей ротѣ досталось на часть два города: Суздаль и Кострома, въ 70-ти миляхъ отъ столицы. Мы тотчасъ разослали товарищей съ лагерною челядью, для собранія живности; но наши такъ были неумѣренны, что, не довольствуясь хорошимъ обхожденіемъ русскихъ, брали безъ разбора все, что имъ нравилось, такъ что у самаго знатнаго боярина отнимали насильно жену, или дочь...“

(2) *Гостиную сотню* составляли богатѣйшіе купцы. Въ Новѣ-городѣ они назывались именитыми людьми. Ихъ можно сравнить съ нынѣшними купцами первой гильдіи.

(3) Московскіе жители цѣловали крестъ царевичу Владиславу въ 1610 году; слѣдовательно въ 1611 году знали уже объ этомъ не только близъ Нижняго Нова-города, да и въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ царства Русскаго. Тушинскій воръ также убитъ въ 1610 году. Сочинитель винится въ сихъ анахронизмахъ.

(4) Большая часть запорожскихъ казаковъ, получившихъ сіе названіе отъ днѣпровскихъ *пороговъ*, за которыми они поселились, была составлена изъ холостыхъ людей всѣхъ состояній. Женатые казаки имѣли въ разныхъ мѣстахъ и въ довольномъ разстояніи отъ главнаго ихъ мѣстопребыванія, извѣстнаго подъ именемъ *Сѣчи*, особые дома, называемые *зимовками*, въ которыхъ жили ихъ жены съ семействами, а въ самой Сѣчи не дозволялось жить ни одной женщинѣ.

(5) Золотая монета иностранной чеканки, почти вдвое больше червонца. Сочинитель розысканія о древности русскихъ монетъ полагаетъ, что *кораблениками* назывались у насъ бывшіе въ обращеніи англійскіе *нобели*.

(6) За самое величайшее преступленіе почиталось у запорожскихъ казаковъ умышленное убійство своего товарища. Убійцу закапывали живаго съ убитымъ. Рѣдко случалось, чтобъ сей законъ не исполнялся; одна отличная храбрость и любовь всѣхъ казаковъ могли иногда спасти отъ сей казни преступника. Воровъ наказывали также весьма строго; разумѣется, что воромъ считался только тотъ, кто укралъ что-нибудь у своего товарища, запорожскаго казака. Виновнаго привязывали на площади къ столбу, и въ теченіе трехъ дней, а иногда долѣе, онъ долженъ былъ сносить побои и ругательства всѣхъ проходящихъ. Уличеннаго вторично въ семъ преступленіи привязывали на нѣсколько времени къ столбу, а потомъ вѣшали.

(7) *Стряпчіе* служили при дворѣ; они смотрѣли за царскою *стряпнею*. Подъ именемъ *стряпни* разумѣли тогда мелкія принадлежности къ царскому одѣянію, какъ-то: шапку, рукавицы, платокъ, посохъ и проч. *Стряпчіе съ ключемъ* хотя исправляли при Царѣ ту же должность, но званіемъ своимъ равнялись съ думными дворянами и стояли выше комнатныхъ стольниковъ.

Степень *дѣтей боярскихъ*, по мнѣнію Миллера, была первою степенью дворянъ россійскихъ, въ чины еще не опредѣленныхъ. Имъ раздавались помѣстья и вмѣнялось въ обязанность: въ военное время быть готовыми на службу царскую, съ извѣстнымъ числомъ, на ихъ собственное иждивеніе вооруженныхъ всадниковъ. Они состояли въ 8-й, т.-е. въ послѣдней степени дворянъ тогдашняго времени.

Жильцы считались въ 7-й степени старинныхъ русскихъ чиновъ. По первоначальному своему назначенію они должны были составлять охранное войско московское; но впослѣдствіи употреблялись и въ дальніе походы; главною же обязанностію было развозить царскія грамоты. Ихъ жаловали также помѣстьями, а за отличіе опредѣляли иногда воеводами въ небольшіе города.

Думные дворяне были членами царской думы, въ которой они засѣдали вмѣстѣ съ думными боярами и окольничими.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(1) Въ старину всѣ русскіе безъ исключенія спали послѣ обѣда. Московскіе жители, поносяя Лже-Димитрія, говорили между прочимъ, что онъ, какъ еретикъ, не ходитъ въ баню и не отдыхаетъ послѣ обѣда.

[redacted]

(2) Земледѣльцевъ и всѣхъ вообще, занимавшихся черной работою, называли въ старину *Смердами*. *Бобыль*, по толкованію Татищева, есть слово татарское, означающее то же самое, что слово: неимущій. Бобылями называли крестьянъ, не имѣющихъ своей пашни, но многіе изъ нихъ, подъ симъ названіемъ, производили не маловажную торговлю. Прежде они не платили никакихъ податей и составляли самый низшій классъ народа русскаго.

(3) «Мятежники, мордва, черемисы и Лже-Димитріевы шайки, ляхи, россіяне, съ воеводею княземъ Вяземскимъ, осаждали Нижній Новгородъ; вѣрные жители обрекли себя на смерть, простились съ женами и дѣтьми и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на голову; взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили, какъ измѣнника».

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго. Томъ 12-й.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1) Олеарій говоритъ въ своемъ путешествіи въ Россію, при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, что боярыни русскія ѣздили верхами и въ телѣгахъ, покрытыхъ алымъ сукномъ. И хотя Успенскій, въ своемъ опытѣ повѣствованій о древностяхъ русскихъ, полагаетъ, что *колымаги* (экипажъ, похожій на нынѣшнія кареты, но только безъ рессоръ) употреблялись при одномъ дворѣ, но вѣроятно ли, чтобъ русскія боярыни пускались въ дальнія дороги верхомъ, или въ открытой телѣгѣ? И почему не предполагать, что крытыя телѣги съ гардинками, о коихъ въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ Олеарій, не были ихъ дорожнымъ экипажемъ, и назывались также колымагами, отъ которыхъ онѣ отличались одною только простотою отдѣлки?

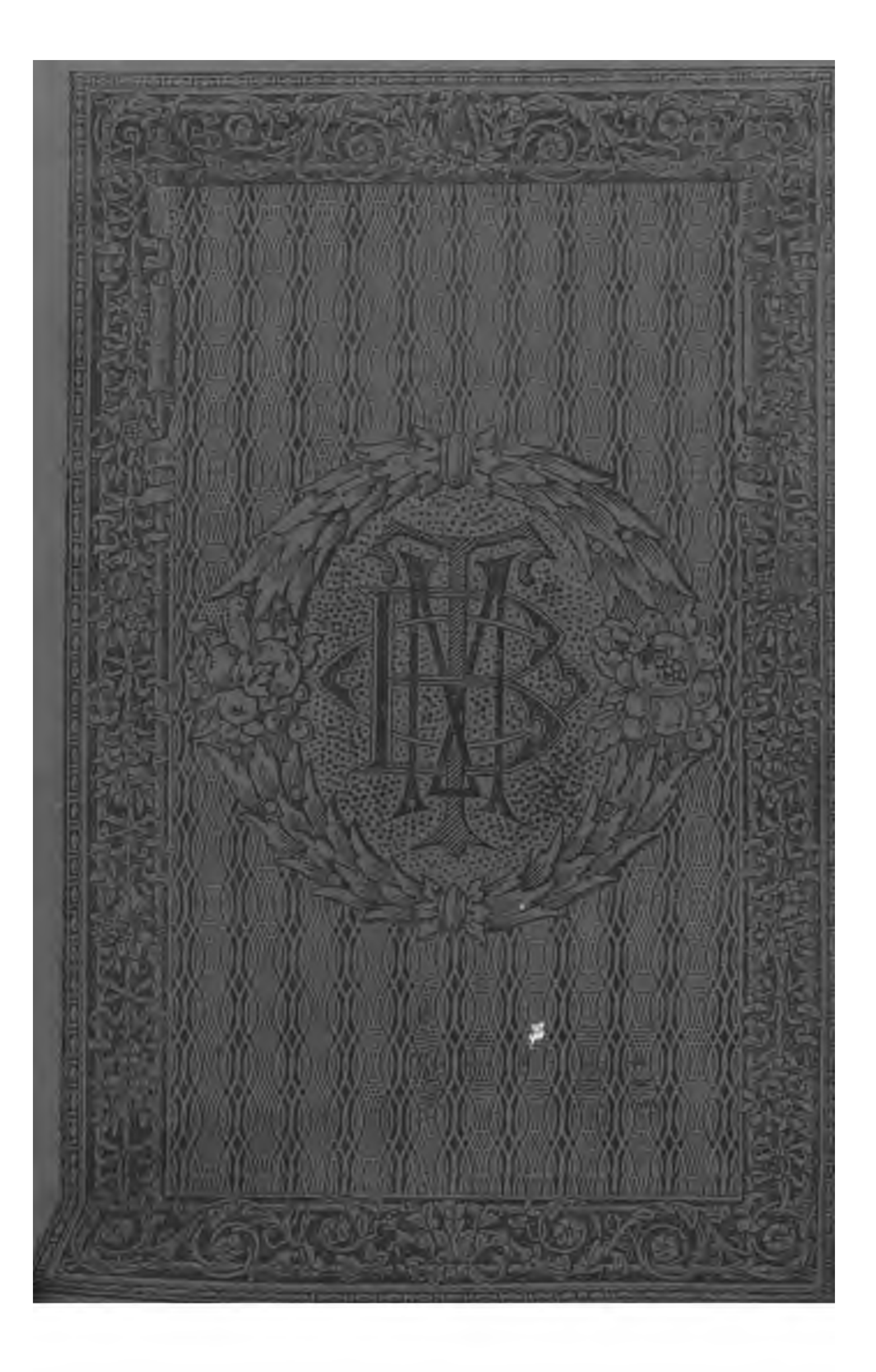
(2) Священникъ села Кудинова, отецъ Еремѣй, лицо не вымышленное, хотя о немъ и не упоминается въ лѣтописяхъ времени междуцарствія. Онъ точно былъ начальникомъ русскихъ *гверилласовъ* и замѣчателенъ потому уже, что священствовалъ 97 лѣтъ сряду. Бывъ рукоположенъ въ іерея въ 1600 году, въ царствованіе Бориса Θеодоровича Годунова, сдалъ свой приходъ сыну своему Никитѣ Еремѣеву, въ 1697 году, въ царствованіе Императора Петра I-го.

(3) Хотя Голохвастовъ былъ впослѣдствіи подозрѣваемъ въ измѣнѣ и единомысліи съ уличеннымъ предателемъ, казначеемъ монастырскимъ Іосифомъ Дѣвочкинымъ, но изъ лѣтописи Авраама Палицына

видно, что онъ до конца осады оставался воеводою и раздѣлялъ попрежнему съ княземъ Долгоруковымъ начальство надъ войскомъ лавры; слѣдовательно, можно полагать, что подозрѣніе сіе оказалось неосновательнымъ.

(4) По словамъ Олеарія, халдейцами назывались люди изъ самаго низкаго состоянія, кои, получивъ дозволеніе отъ патріарха наряжаться во время святокъ, бѣгали по улицамъ замаскированные и съ факелами въ рукахъ, дѣлали различные буйства и безпорядки, останавливали проходящихъ и жгли бороды у тѣхъ, кои не хотѣли откупаться деньгами. Эти гаеры были у всѣхъ въ величайшемъ презрѣніи, и Олеарій увѣряетъ, что будто бы ихъ всякій разъ, по окончаніи святокъ, какъ вновь поступающихъ въ число православныхъ, крестили во Іорданѣ. Къ сему должно присовокупить, что и въ наше время въ нѣкоторыхъ провинціяхъ крестьяне считаютъ должнымъ окунывать во Іорданѣ тѣхъ, кои о святкахъ наряжались

(5) Вотъ что говоритъ лѣтопись о казакахъ, бывшихъ въ войскѣ князя Трубецкаго... „Многое раззореніе христіаномъ творяху, и грабежи и убійства вездѣ содѣваху, и кто можетъ изрещи злое то насиліе ихъ, и сія бѣда послѣдняя бысть горше первыя (т.-е. нашествія поляковъ), а смирити и унять ихъ невозможно, собралося бо казаковъ сихъ множество, и бысть мятежъ сей и насиліе по всей земли".



БИБЛІОТЕКА
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ